

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
В ЛИЦАХ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЯ
2020

УДК 330.8(47)
ББК 65.02(2)
И 712

Редакционная коллегия:

*Е. Б. Ленцук, д.э.н.; М. И. Воейков, д.э.н.; М. Ю. Головнин, член-корреспондент РАН;
А. Е. Городецкий, д.э.н.; Р. С. Гринберг, член-корреспондент РАН;
В. Ю. Музычук, д.э.н.; А. Я. Рубинштейн, д.ф.н.*

И 712 Институт экономики Российской академии наук в лицах: сборник
/ отв. ред. М. И. Воейков. – СПб.: Алетейя, 2020 – 432 с.

ISBN 9978-5-00165-136-9

Книга посвящена выдающимся ученым Института экономики Российской академии наук, основанного в 1930 г. и прошедшего вместе со страной сложный путь социально-экономической трансформации. Этот юбилейный выпуск приурочен к 90-летию Института и включает в себя как ранее публиковавшиеся очерки, так и впервые подготовленные к печати материалы об известных личностях Института экономики Российской академии наук.

УДК 330.8(47)
ББК 65.02(2)

ISBN 978-5-00165-136-9

9 785001 651369

© Коллектив авторов, 2020
© Институт экономики РАН, 2020
© Издательство «Алетейя» (СПб), 2020

*К 90-летию
Института экономики
Российской академии наук*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	11
М.И. Воейков, Т.Е. Кузнецова АБАЛКИН Леонид Иванович	15
А.Г. Истягин АРЗУМАНЯН Анушаван Агафонович	33
А.Г. Суперфин БЛЮМИН Израиль Григорьевич	45
Б.А. Хейфец, Б.А. Шмелев БОГОМОЛОВ Олег Тимофеевич	50
Б.Е. Фрумкин БУЗДАЛОВ Иван Николаевич	58
А.Г. Истягин ВАРГА Евгений Самуилович	69
М.И. Воейков, Т.Е. Кузнецова ВЕНЖЕР Владимир Григорьевич	83
В.П. Логинов ГАТОВСКИЙ Лев Маркович	97
В.К. Сенчагов, А.А. Дерябин ДЬЯЧЕНКО Василий Петрович	102
А.М. Никулин ЗАСЛАВСКАЯ Татьяна Ивановна	111
И.С. Маслова КАПУСТИН Евгений Иванович	129

Н.К. Фигуровская КАФЕНГАУЗ Лев Борисович	153
С.В. Белова КВАША Яков Бенционович	161
В.П. Логинов КРАСОВСКИЙ Виктор Петрович	168
М.И. Воейков КРОНРОД Яков Абрамович	172
Н.К. Фигуровская КУБАНИН Михаил Ильич	185
М.Д. Ерзнкян (Львова), Б.А. Ерзнкян ЛЬВОВ Дмитрий Семенович	196
Н.К. Фигуровская МАСЛОВ Петр Павлович	209
М.А. Дерябина МИЛЬНЕР Борис Захарович	234
Т.Е. Кузнецова МИХАЛЕВСКИЙ Фаддей Ильич	246
Н.С. Шухов, Г.И. Белова НЕМЧИНОВ Василий Сергеевич	250
С.В. Белова НОТКИН Александр Ильич	256
Э.Д. Матвиевская ОСТРОВИТЯНОВ Константин Васильевич	266
Н.К. Фигуровская ПАЖИТНОВ Константин Алексеевич	293
Н.К. Фигуровская ПАШКОВ Анатолий Игнатьевич	301

И.К. Плотникова	
ПЛОТНИКОВ Кирилл Никонорович	315
М.И. Воейков	
РОЗЕНБЕРГ Давид Иохелевич	319
Е.А. Иванов, И.А. Колпакова	
СЕНЧАГОВ Вячеслав Константинович	337
В.П. Оболенский	
СИТАРЯН Степан Арамаисович	349
И.С. Маслова	
СОНИН Михаил Яковлевич	359
Е.М. Бухвальд, В.А. Погребинская	
СОРОКИН Геннадий Михайлович	365
И.С. Шухов, Г.И. Белова	
СТРУМИЛИН Станислав Густавович	380
И.С. Маслова	
УРЛАНИС Борис Цезаревич	385
Н.А. Новицкий, А.Т. Хачатурова	
ХАЧАТУРОВ Тигран Сергеевич	393
В.П. Логинов	
ХЕЙНМАН Соломон Аронович	399
С.С. Дзарасов	
ЦАГОЛОВ Николай Александрович	403
Т.Е. Кузнецова	
ШЕПИЛОВ Дмитрий Трофимович	420
С.К. Орловская	
ШМЕЛЕВ Гелий Иванович	426

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга посвящена выдающимся ученым Института экономики Российской академии наук, существующего с 1930 г. и прошедшего за это время вместе со страной сложный путь. Этот сводный выпуск ранее издававшихся сборников очерков о людях Института экономики РАН приходится на юбилейный год института. Из 90 лет юбилейного срока три четверти времени приходится на советскую эпоху. Долгое время у Института экономики РАН, почти монопольного научного учреждения страны по проблемам советской экономики и ее теоретического обоснования, поле деятельности вовсе не ограничивалось поддержкой и пропагандой официальной советско-коммунистической идеологии. Была, конечно, и пропаганда, но были глубокие научные исследования прорывного характера, за которые институт и отдельные ученые подвергались жесткой критике, и даже физическим репрессиям. Самый последний пример этому 1971 год, когда институт был полностью реорганизован постановлением ЦК КПСС за то, что некоторые его сотрудники отстаивали необходимость развития рыночных отношений в стране.

Институт экономики РАН за 90 лет существования зарабатывал широкий круг экономических проблем, имея по каждому из направлений крупных ученых и высококвалифицированных сотрудников. Многие из них обладали разносторонними знаниями и творчески подходили к исследованию разных сторон социально-экономического развития

страны. Достаточно назвать академика Л.И. Абалкина, который много лет был директором Института. Среди крупных ученых-экономистов, работавших в Институте экономики в его первый период (1930–1940-е гг.), были такие как: Е. Грановский, А. Кафенгауз, Э. Квириг, М. Кривицкий, М. Кубанин, В. Милютин, М. Смит-Фалькнер, Е. Хмельницкая и др.

Институт экономики РАН был призван разрабатывать прежде всего экономическую теорию, в том числе и политическую экономию. Задача в советские времена – наиболее сложная. И все-таки ученые института не скатились в болото апологетики, предельно упрощенных взглядов на социализм. Уже к 1940-м гг. стало складываться понимание существовавшего строя как очень сложной системы, которая требовала сочетания плановых и рыночных отношений и систем управления разного рода. В рамках этой проблематики работали И.Г. Блюмин, В.Г. Венжер, Л.М. Гатовский, Г.А. Козлов, М.А. Колганов, Я.А. Кронрод, Л.А. Леонтьев, К.В. Островитянов, А.И. Ноткин, А.И. Пашков, Д.И. Розенберг, Д.Т. Шепилов и др.

В разные периоды велись в институте научные исследования, связанные с тематикой мировой экономики (А.А. Арзуманян, О.Т. Богомолов, Е.С. Варга, А.А. Громыко, В.А. Жамин, Р.Н. Евстигнеев, А.С. Мендельсон, И.А. Трахтенберг и др.)

Одно из центральных мест занимало исследование закономерностей воспроизводства и динамики структуры народного хозяйства. Прежде всего этой проблематике были посвящены работы Л.Я. Берри, М.З. Бора, А.А. Барсова, Я.Б. Кваши, Я.А. Кронрода, А.Д. Курского, А.И. Ноткина, Т.В. Рябушкина, Б.М. Смехова, Г.М. Сорокина, С.Г. Струмилина, Я.Г. Фейгина, С.А. Хеймана и др. Проблемы финансовых отношений и цен разрабатывались Д.А. Аллахвердяном, З.В. Атласом, В.М. Батыревым, А.А. Дерябиным, В.П. Дьяченко, В.В. Ивантер, Н.С. Лисициан, Ф.И. Михалевским, К.Н. Плотниковым, В.К. Сенчаговым и др.

В единстве с проблематикой воспроизводства исследовались вопросы научно-технического прогресса, экономической эффективности, хозяйственного механизма, хозрасчета, управления экономикой (Г.Д. Анисимов, А.А. Аракелян, В.Н. Богачев,

М.А. Виленский, Л.М. Гатовский, Ю.А. Зыков, А.И. Кац, В.П. Красовский, К.Б. Лейкина, Д.С. Львов, В.С. Немчинов, В.И. Павлюченко, Д.М. Полтерович, А.А. Сигиневич, Ю.В. Сухотин, Н.Г. Фейтельман, В.Г. Фельзенбаум, Г.С. Хачатуров и др.). Важную роль играло направление, связанное с разработкой проблем трудовых отношений, народного благосостояния (И.А. Анчишкин, Е.И. Капустин, Е.Л. Маневич, А.Л. Максимов, Б.П. Маркус, И.С. Маслова, В.М. Москович, И.Я. Обломская, Л.В. Опацкий, А.С. Сбытова, М.Я. Сонин, Б.Ц. Урланис и др.).

Долгое время большую роль играли в институте исследования аграрной проблематики, в которых сложились принципиально разные подходы: государственно-централистский (Н.В. Васильев, Е.С. Карнаухова, И.Д. Лаптев, С.И. Семин и др.), относительно либеральный, рыночный (В.Г. Венжер, Т.И. Заславская, Л.Н. Кассиров, Л.В. Никифоров, М.И. Сидорова, Г.И. Шмелев и др.). Исследовались также проблемы преимущественно текущей аграрной проблематики: М.И. Козлов, Н.Г. Коротаам, Г.Г. Котов, А.П. Теряева и др. Упомянуть об этом надо, в том числе и потому, что несмотря на партийно-идеологическую поддержку первого направления и постоянную критику второго, его так и не удалось раздавить.

Важным направлением было изучение истории экономической мысли и истории народного хозяйства России: Ю.П. Бокарев, Ю.Ф. Воробьев, И.А. Гладков, П.И. Лященко, И.В. Маевский, В.Е. Маневич, В.В. Орешкин, К.А. Пажитнов, А.И. Пашков, С.Г. Струмилин, Н.К. Фигуровская, П.А. Хромов, Н.А. Цаголов и др.

Активно велись исследования проблем размещения производства: В.В. Варанкин, К.И. Клименко, Д.Д. Москвин, О.С. Пчелинцев, М.Л. Розенфельд, Н.А. Руденко, В.Г. Удовенко, Я.Г. Фейгин, Н.А. Шокин и др.

В трудах ученых Института экономики РАН акцент делался на развитие прежде всего рыночных отношений, большего многообразия форм собственности, разгосударствления, развития кооперативных и самоуправленческих начал, аренды и т. д. Линия на развитие рыночных отно-

шений и экономического плюрализма достаточно отчетливо прослеживается в работах Института экономики РАН с 1965 г. до начала 1990-х гг. включительно. Это одна и та же линия все большего приближения к реальности, более полного отражения ее в конкретных предложениях по реформированию хозяйственного механизма и преобразования общества.

Внимательное рассмотрение исторических вех в исследовательской деятельности Института экономики РАН показывает наличие ряда характерных свойств, сопровождавших все важнейшие работы института. В сущности, именно эти свойства доказывают творческий подход его сотрудников к поиску реальных экономических закономерностей и вытекающих отсюда практических рекомендаций во все времена, несмотря на занесенный над руководством и сотрудниками дамоклов меч нештучных санкций, а подчас и репрессий.

Исследование реальных экономических проблем страны в значительной мере определяло лицо института даже в самые жестокие годы сталинской диктатуры. Нередко это требовало от его сотрудников большого мужества. В общем, судьба ученых Института экономики РАН, как и судьба всей страны при коммунистическом режиме, оказалась страшно противоречивой. Грандиозные достижения сочетались здесь с не менее грандиозными злодеяниями и провалами в практической политике.

И в наше время сотрудники Института экономики РАН также сталкиваются со многими внешними проблемами. Конечно, сегодня уже не диктуют сверху императивы научного поиска. Однако нависает другая угроза сверху: недофинансирование, бюрократизация, административирование. Но 90 лет существования Института экономики РАН вселяет уверенность, что сотрудники института выдержат и текущие напасти. Ученые института всегда работали и продолжают работать в интересах своей страны, для благополучия и процветания России.

*Е.Б. Ленчук, д.э.н.,
директор Института экономики РАН*

М.И. Воейков

д.э.н.

Т.Е. Кузнецова

д.э.н.

**АБАЛКИН
ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ
(1930–2011)**

Леонид Иванович Абалкин родился 5 мая 1930 г. в семье московских интеллигентов. Отец — Иван Александрович Абалкин (1894–1966) — бухгалтер-ревизор, мать — Зоя Ивановна (1896–1976) — бухгалтерский работник. Под влиянием семьи молодой Абалкин пошел по стопам родителей: в 1948 г. поступил в московский Институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова на учетно-экономический факультет, ко-

торый с отличием окончил в 1952 г.

Трудовая жизнь Л.И. Абалкина началась в г. Гусев Калининградской обл., где он преподавал финансы, статистику и политэкономия в Калининградском сельскохозяйственном техникуме. Здесь он осознал свой главный жизненный интерес — экономическую науку и выбрал судьбу ученого. В 1958 г. поступил в аспирантуру Московского государственного экономического института и в 1961 г. стал ассистентом кафедры политэкономии московского Института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, где проработал 15 лет, пройдя все ступени педагогической карьеры — от старшего преподавателя до заведующего кафедрой.

В 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Действие закона планомерного пропорционального развития в мировой социалистической системе хозяйства», в 1970 г. — докторскую, на тему «Роль социалистического государства в планомерном регулировании общественного производства». В 1976 г. Л.И. Абалкин был приглашен на должность заместителя заведующего кафедрой проблем управления в Академию общественных наук (АОН) при ЦК КПСС. После объединения АОН с Высшей партийной школой в 1978 г. он стал заведующим объединенной кафедрой политической экономии. В АОН Л.И. Абалкин проработал 10 лет, и в 1986 г. был назначен директором Института экономики АН СССР (впоследствии — РАН). Он трижды избирался на пост директора ИЭ РАН на новый срок. В 1984 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1987 г. — академиком АН СССР.

С июля 1989 г. по декабрь 1990 г. — особый период в жизни Л.И. Абалкина. Оставаясь директором Института экономики, он работал в правительстве, где являлся заместителем Председателя Совета Министров СССР — Председателем Государственной комиссии Совета Министров СССР по экономической реформе. Многих удивило решение Леонида Ивановича работать в правительстве. Однако сам он руководствовался возможностью реализовать возникший шанс, который, по его мнению, тогда был, внедрить в практику разумное понимание экономических процессов. Сам он впоследствии писал, что «правительство за полтора года должно остановить нарастание негативных процессов и оздоровить экономику. Если оно не сможет этого сделать — должно уйти в отставку. Срок деятельности правительства был предсказан с поразительной точностью. Но остается вопрос, была ли реальная возможность решить эту задачу. Осмысливая пройденный путь, я подтверждаю, что такой шанс действительно был»¹.

1. Абалкин Л.И. Неиспользованный шанс. Полтора года в правительстве. М.: Политиздат, 1991. С. 5–6.

У Леонида Ивановича имелся 15-летний опыт разработки серьезных экономических проблем, когда он привлекался к работе для правительства во времена А.Н. Косыгина. Он знал, как работает правительственный аппарат, был достаточно осведомлен о состоянии экономического положения страны.

Большую часть своей жизни Л.И. Абалкин занимался преподавательской работой, и делал он это блестяще. У него был несомненный талант преподавателя и лектора. Внимания слушателей он добивался развитым чувством понимания аудитории, хорошим русским языком, содержательным и убедительным изложением предмета лекции или доклада, серьезными аргументами и доказательствами. Свои доклады и выступления он никогда не читал по бумажке, каждый раз выделяя новые грани, аспекты, подходы даже по уже известным и не раз обсуждавшимся проблемам.

Л.И. Абалкину было присуще чувство солидарности, которое особенно остро проявлялось в периоды усиления идеологического давления на экономическую науку. В 1970 г. Отдел науки ЦК КПСС устроил погром в Институте экономики АН СССР, резко выступив против школы Я.А. Кронрода, и инициировал ряд публикаций в центральной печати с разгромными публикациями в адрес некоторых сотрудников института. В частности, в газете «Социалистическая индустрия» появилась рецензия под названием «Ошибочные позиции» на книгу тогдашнего сотрудника Института экономики АН СССР Б.В. Ракитского «Формы хозяйственного руководства», ответственным редактором которой был Я.А. Кронрод. Л.И. Абалкин, еще будучи заведующим кафедрой политэкономии МИНХа им. Г.В. Плеханова, принципиально поддержал Б.В. Ракитского, подчеркнув, что только солидарность в отстаивании рыночных позиций позволит защитить это направление в экономике. Также можно вспомнить эпизод тех лет, когда Г.С. Лисичкину не давали возможности защитить докторскую диссертацию в Москве, и он перенес защиту в Вильнюс, Абалкин мужественно согласился выступить официальным оппонентом у Лисичкина. Правда, защиту диссертации запретили вовсе.

Имя Л.И. Абалкина стало известно, что называется в народе, в 1987 г. после выступления на XIX Всесоюзной конференции КПСС. Он впервые на всю страну с официальной трибуны произнес памятные российскому народу слова: «В состоянии ли мы, сохраняя советскую организацию общества и однопартийную систему, обеспечить демократическую организацию общественной жизни?»² Вспоминая ту конференцию, Л.И. Абалкин писал: «Мое выступление на XIX партийной конференции понравилось далеко не всем. И это вполне естественно. В нем была дана достаточно жесткая оценка ситуации и со всей определенностью сказано, что радикального перелома в экономике не произошло и из состояния застоя она не вышла. Говорил я и о том, что принятая на двенадцатую пятилетку концепция одновременного обеспечения количественного роста и качественных преобразований предусматривает решение несовместимых задач»³. Это выступление было одним из самых ярких и мужественных. После него имя Л.И. Абалкина стало широко известно, и его стали связывать с грядущими, как надеялись, прогрессивными переменами.

Леонид Иванович в вопросах этики занимал жесткую принципиальную позицию. Работая в правительстве и оставаясь директором Института экономики РАН, он не получал директорской заработной платы. Никаких материальных благ и привилегий от своей должности в правительстве он не имел, за исключением, пожалуй, московского телефона, который ему провели на его небольшую дачу в поселке Ильинском Раменского района Подмосковья, построенной еще в те времена, когда он был профессором в Плехановке. Но ведь тогда еще не было мобильных телефонов, а он все же был заместителем Председателя Совета Министров СССР. Не используя привилегии для себя лично, он не создавал их и для Института экономики и его сотрудников, хотя, понятно, что такие возможности у него были.

-
2. XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 г. Стеногр. отчет. В 2-х т. М.: Политиздат, 1988. Т. 1. С. 114–119.
 3. *Абалкин Л.И.* Указ. соч. С. 9–10.

Л.И. Абалкин был социально активным человеком. С молодых лет занимался общественной, а до работы в правительстве — и общественно-политической деятельностью: избирался депутатом Московецкого районного Совета г. Москвы (1965 г.), секретарем парткома Московского Института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова (1966—1969 гг.), депутатом Верховного Совета СССР (1989 г.), членом ЦК КПСС. Однако после пребывания в правительстве свою общественную деятельность ограничил сугубо научной сферой.

Л.И. Абалкин вел большую общественно-научную и просветительскую деятельность. Он являлся президентом Международного фонда им. Н.Д. Кондратьева, вице-президентом Вольного экономического общества (ВЭО) России. Причем и в Фонде, и в Обществе он выступал не в качестве свадебного генерала, как это часто водится с людьми его ранга, а плодотворно и много работал, выступал с докладами, вел заседания, писал книги и статьи. Все мероприятия Кондратьевского фонда осуществлялись не только под руководством Л.И. Абалкина, но обязательно с его докладами, выступлениями, статьями, пропагандирующими и продолжающими идеи Н.Д. Кондратьева.

До самых последних дней Л.И. Абалкин активно выступал на научных конференциях, семинарах и ученых советах в родном ИЭ РАН. В частности, он был очень аккуратным и активным участником институтского семинара «Экономическая теория марксизма и современность». Так, за последний год на этом семинаре он выступил по следующим темам: «Всесторонне осмысливать традиции и новые реалии нынешней эпохи», «Мыльные пузыри должны были лопнуть», «Труд как таковой не является объектом продажи», «Марксизм не библия, а живое учение», «Развитие политической экономии и требования современного анализа»⁴. Эти выступления еще не учтены ни в каких библиографиях

4. См.: Экономическая теория марксизма и современность. Труды научного семинара. Вып. 2 / Под ред. В.А. Медведева. М.: ИЭ РАН, 2011.

Л.И. Абалкина и сборниках его работ. Научное наследие Л.И. Абалкина настолько огромно и рассеяно, что его изучению и овладению должна предшествовать работа собирания, классификации и каталогизации.

Первые публикации Леонида Ивановича относятся к началу 1960-х гг. Судя по широкому набору проблем, которые его в то время интересовали, представляется, что он решал для себя, по меньшей мере, две задачи.

Во-первых, расширял свой теоретический кругозор. Отсюда его интерес к обширному кругу проблем — воспроизводства, действия экономических законов, закономерностей мировых экономических процессов, хозяйственных систем и т.п.

Во-вторых, Леонид Иванович определял свой главный научный интерес на тот период. Им оказалось исследование экономики мировой социалистической системы. В кандидатской диссертации и в вышедшей затем книге «Планомерное развитие и пропорции мирового социалистического хозяйства», наряду с анализом актуальных проблем развития мировой системы социализма (интернационализация хозяйственных процессов, совершенствование общественного разделения труда, координация хозяйственной деятельности и т.п.), Леонидом Ивановичем сделан принципиальный для того времени вывод о том, что действие закона планомерного, пропорционального развития не заменяет и не может заменить закона стоимости.

Занимаясь в тот период своего научного творчества, казалось бы, тупиковой темой, он вышел на реальные основы хозяйственного механизма, которые состояли в объективной необходимости товарного производства и рыночных отношений в «социалистическом» хозяйстве. Более того, он доказывал, что пропорции мирового социалистического хозяйства невозможно рассчитывать и определять, абстрагируясь от товарно-денежных отношений, т.е. от рыночной экономики. В результате своих исследований Л.И. Абалкин по сути стал, как тогда говорили, «товарником», правда, не акцентируя на этом специального внимания.

В дальнейшем Л.И. Абалкин продолжал разрабатывать основные методологические проблемы на основе своих рыночных представлений. Так, в книге, вышедшей в 1967 г. под его редакцией, он писал, обосновывая рыночный механизм ценообразования «при социализме»: «Закон стоимости и при социализме проявляется лишь как средняя величина, как результат количественного несовпадения цены и стоимости. Причем происходит это не из-за недостатков ценообразования, а в силу действия многих причин: колебания спроса и предложения, дефицитности отдельных товаров, стимулирования производства, ограничения потребления тех или иных товаров». И в другом месте: «Окончательное общественное признание общественного характера труда происходит в обмене, в процессе реализации. Таким образом, именно обращение к реальной практике все ставит на свои места»⁵.

В 1970 г. в издательстве «Мысль» вышла книга Л.И. Абалкина «Политическая экономия и экономическая политика». В книге были проанализированы проблемы соотношения экономики и государства, экономической политики и экономической теории. Автор исходил из того, что перед экономической наукой и хозяйственной практикой встал целый ряд недостаточно исследованных или постоянно возникающих новых явлений и, соответственно, проблем в связи с проведением хозяйственной реформы: характер государства как экономического центра страны, роль экономической политики в регулировании общественного производства, система экономических интересов; соотношение двух взаимосвязанных и относительно самостоятельных уровней хозяйствования — народного хозяйства и его первичного звена — производственного предприятия. Например, относительно последнего он писал: «Социалистическое производственное предприятие самостоятельно распоряжается выделенными ему средствами, организует производство и сбыт продукции, решает вопросы найма, увольнения и использо-

5. «Капитал» К. Маркса и политическая экономия социализма. М.: Мысль, 1967. С. 41, 54.

вания рабочей силы. Его средства совершают экономически обособленный кругооборот. Оно покрывает все расходы за счет собственных доходов и обеспечивает безубыточность производства. Относительное экономическое обособление проявляется в существовании специфических экономических интересов предприятия»⁶. Что тут социалистического? Ничего. Это сугубо рыночная концепция предприятия, которую он пытался реализовать в Программе радикальной экономической реформы 1989 г.⁷

В этой работе Л.И. Абалкин достаточно подробно раскрыл суть организационно-экономических отношений, которые в российской науке по существу явились основой того, что впоследствии было названо институциональными отношениями. По существу в этой книге было поднято большинство вопросов, каждый из которых Л.И. Абалкин впоследствии исследовал (экономическая наука и ее взаимосвязи, проблемы методологии, экономическая роль государства, хозяйственный механизм и принципы хозяйствования, экономические интересы и т.д.) уже в новых условиях.

Более того, в этой работе Л.И. Абалкин достаточно четко поставил вопрос о связи политической экономии с экономической политикой. Он писал: «Исключать из политической экономии всю целиком экономическую политику неправомерно... Она включается в объективную экономическую связь и является элементом самого экономического базиса. В этом качестве она и входит в предмет политической экономии социализма»⁸. Это очень серьезная теоретическая постановка. Самый весомый аргумент в пользу своей концепции Л.И. Абалкин находит в экономической роли государства: «Включение экономической политики в предмет полити-

-
6. Абалкин Л.И. Политическая экономия и экономическая политика. М.: Мысль, 1970. С. 60.
 7. См.: Экономическая реформа: поиск решений. Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. по проблемам радикал. экон. реформы, 13–15 ноября 1989 г. / Под ред. Л.И. Абалкина, А.И. Милокова. М.: Политиздат, 1990; Перестройка и радикальная экономическая реформа 1989 года. Материалы «круглого стола». М.: ИЭ РАН, 2011.
 8. Абалкин Л.И. Политическая экономия и экономическая политика. С. 89.

ческой экономики базируется на понимании двух сторон в деятельности социалистического государства, на признании в нем функций, относящихся непосредственно к экономическому базису»⁹. В этой концепции Л.И. Абалкина в значительно более полном и глубоком смысле отражены самые современные тенденции мирового развития.

В монографии Л.И. Абалкина «Хозяйственный механизм развитого социалистического общества» (М., 1973) необходимость исследования политэкономических основ хозяйственного механизма объясняется тем, что только с его помощью можно совершенствовать хозяйственную практику, и впервые эта проблема рассматривается как комплексная.

Обосновывая свой главный тезис о необходимости единства теории и реальной жизни, Л.И. Абалкин показывает, что в области исследования хозяйственного механизма политическая экономия переводит свои теоретические формулы на язык экономической политики, где она реализует свои практически-созидательные функции. «Политическая экономия, — писал он в этой книге, — все более становится теорией рационального социалистического хозяйствования»¹⁰. Однако связь хозяйственного механизма с теорией — это только одна функция политической экономии. Вторая функция определяется конечными результатами, в которых отражается степень удовлетворения потребностей, степень реализации экономических интересов общества или социальных групп в нем.

В этой работе Л.И. Абалкин обосновывал параметры, собственно, рыночного механизма. Например, говоря об экономическом соревновании, он пишет: «Объектом соревнования является снижение стоимости продукции, экономия общественного труда и сырья, выявление дополнительных резервов производства, повышение качества продукции. Механизм этого соревнования основан на снижении индивидуальных

9. Там же. С. 135.

10. Абалкин Л.И. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. М.: Мысль, 1973. С. 5

затрат труда ниже общественно необходимых»¹¹. Это не что иное, как достаточно четко прописанный механизм конкуренции между предприятиями.

Новый этап в творчестве Л.И. Абалкина наступил с началом горбачевской перестройки и так называемой «Программой Абалкина». Эта Программа была объявлена и обсуждена на Всесоюзной научно-практической конференции по проблемам радикальной экономической реформы в ноябре 1989 г. в Колонном зале Дома союзов в Москве. Воспоминания о работе в правительстве — а с подготовки вышеупомянутой конференции и началась эта работа — Л.И. Абалкин начинает со слов, что «ничто не возникает на пустом месте, у всего есть своя предыстория. ...И без знания предыстории трудно понять последующие события...»¹². Осознание необходимости серьезного экономического реформирования сложилось у Л.И. Абалкина задолго до 1989 г.

Проблемы, которые Л.И. Абалкин рассматривал в связи с экономической реформой, перечислить трудно, поскольку диапазон их огромен, они разноплановы и требуют специальной классификации. Одним из основных являлся вопрос о характере формирующегося в России рынка и о том, каким этот рынок получился и каким он должен быть.

Становление рынка в России и характер его функционирования сопровождался целым спектром негативных последствий, связанных с серьезной угрозой потери страной экономической безопасности. Это выражается в криминализации экономики и усилении ее теневого характера; в бегстве капитала из России; в росте объемов неплатежей, в нестабильности национальной валюты; в долговом характере экономики, в ее зависимости от сырьевых отраслей; в состоянии социального кризиса, который длительное время существует как «вялотекущая форма, угнетающая экономическое развитие.

11. Там же. С. 171–172.

12. Абалкин Л.И. Неиспользованный шанс. Полтора года в правительстве. С. 8.

Но от этого не менее опасная»¹³. Все эти проблемы довольно обстоятельно и глубоко исследованы во многих публикациях Л.И. Абалкина.

Л.И. Абалкин предлагал стратегию перспективного развития, конкретные институты и механизмы достижения ее целей. Свои предложения он постоянно обновлял и обогащал. Конечно, Леонид Иванович большое внимание уделял анализу негативных последствий избранного курса реформ (деиндустриализация экономики, повышение ее сырьевого характера, разрушение технологического ядра, усиление обнищания населения при его серьезной дифференциации по уровню доходов, угроза продовольственной независимости страны, ухудшение экологической ситуации, деградация культуры и нравственности, рост преступности и т.п.). При этом Л.И. Абалкин в зависимости от ситуации предлагал соответствующие корректировки и конкретные рекомендации по выправлению негативного экономического положения.

Л.И. Абалкин со всей решительностью выступал против рыночного фундаментализма, за существенное повышение роли и значения государства в регулировании экономики. Речь идет, пишет Л.И. Абалкин, о попытках распространения рыночных регуляторов «на сферы, не поддающиеся рыночному воздействию – охрана окружающей среды, фундаментальная наука, культура в высших ее проявлениях, национальные заповедники, а также сфера прав человека и нравственности»¹⁴. Поэтому общий подход Л.И. Абалкина выражался в формуле: да – рыночной экономике, нет – рыночному обществу. Можно вполне утверждать, что это идейное кредо было свойственно Л.И. Абалкину всегда, и в советское время, и в постсоветское.

В 2010 г. он даже опубликовал статью с таким названием: «Страну спасет плановое хозяйство». В этой работе он доказывает, что стране «нужны сейчас элементы планового

13. Абалкин Л.И. Зигзаги судьбы. Разочарования и надежды. М.: ИЭ РАН, 1996. С. 93.

14. Абалкин Л.И. Вызовы нового века. М.: ИЭ РАН, 2001. С. 14.

хозяйства»¹⁵. И в другом месте: «Анализ исторических уроков преобразований дает основание сделать очень важный вывод. Он показывает, что только сочетание плановых начал с инструментами рынка и активизацией человеческого фактора способны принести успех. Единство этих факторов — необходимое и обязательное условие социально-экономического прогресса»¹⁶. И мы видим, что сегодня определенные шаги в этом направлении правительство вынуждено делать. Например, составление государственного бюджета на 3 года вперед должно вести с собой и некоторые элементы планирования. Составление так называемых национальных программ есть не что иное, как возвращение программно-целового планирования. Рано или поздно придется вернуться и к другим, зарекомендовавшим себя, формам планирования. В частности, пора восстановить индикативное планирование, которое в свое время у нас активно развивалось. В СССР в середине 1920-х гг. была разработана теория и практика индикативного планирования в виде так называемых «контрольных цифр Госплана». Эта уникальная работа была осуществлена под руководством В.Г. Громана в сотрудничестве с целой группой выдающихся российских экономистов. Кстати говоря, многие из них уже в 1930-е гг. стали преподавать в МИНХе им. Г.В. Плеханова, где была создана первая в СССР кафедра «Планирования народного хозяйства».

Таким образом, подчеркивает Л.И. Абалкин во многих своих работах, «отказ от понимания единства рыночных механизмов и государственного регулирования — типичный пример современных стереотипов массового сознания», а борьба «со стереотипами и мифами была и остается научным и гражданским долгом ученых...»¹⁷. Увы, в последние годы много и мучительно Л.И. Абалкин думал о судьбе России. Даже одну из своих книг он назвал «Спасти Россию»

15. Абалкин Л.И. Проблемы современной России. М.: ИЭ РАН, 2011. С. 49.

16. Там же. С. 49, 35.

17. Абалкин Л.И. Институт экономики: размышления о будущем. М.: ИЭ РАН, 2008. С. 44.

(М., 1999). Проникновенны строки Л.И. Абалкина, посвященные России: «Трудно и больно писать о России, о ее сегодняшнем дне и исторических судьбах. Трудно потому, что много знаешь, больно — поскольку речь идет о завтрашнем дне не только своих детей и внуков, но и месте державы в мировом сообществе. А писать все же приходится, потому что молчать нельзя». И дальше: «Россия сейчас стоит перед выбором: либо перестать быть Россией, либо возродиться как великая держава. Великая по своему политическому влиянию в мире, по уровню экономического развития, материального достатка и духовности, по гордости, вызываемой как у своих сограждан, так и у остальных народов». При этом важное значение Л.И. Абалкин придавал сохранению исторической преемственности государственного строя страны и отечественной экономической науки. «Не могу не сказать, — пишет он в этой же работе, — и о попытках очернить всю послереволюционную историю страны, жизнь и труд примерно трех поколений. Это не только безнравственно, но и противоречит историческим фактам»¹⁸. И в другом месте: «Память о великом прошлом, гордость за деяния своих предков не только формируют национально-государственный интерес, но и рождают могучую энергию созидания и прогресса. Сегодня под модным лозунгом деидеологизации делаются попытки уйти от этих вопросов, разорвать пуповину, связывающую современное российское общество с его историей. В связи с этим следует подчеркнуть, что исторически сложившиеся политико-идеологические ценности и установки — отнюдь не надуманные понятия и не особенности, присущие лишь нашей стране»¹⁹. В этой связи заслуживает внимания его постановка о национально-государственных интересах России. «Неясность в вопросе о национально-государственных интересах России, беспечное отношение к его решению или стремление отмахнуться

18. Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения. Очерки. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2005. С. 4, 7, 9.

19. Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения. Очерки. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2005. С. 83.

от самой проблемы — одна из причин социальных катаклизмов и зигзагов политического курса». И еще: «Важно понять, что национально-государственные интересы были и остаются сегодня главными движущими силами как внутренней, так и внешней политики. Меняются, становятся более цивилизованными лишь формы и методы их защиты и проведения в жизнь»²⁰. Таким образом, национально-государственные интересы должны находиться в центре экономической политики. Но чьи это интересы, на что должна быть направлена экономическая политика?

Итак, национально-государственные интересы. Под ними Л.И. Абалкин понимал: «Поддержка и защита отечественного предпринимательства, земледелия, промышленности и торговли независимо от форм и типов хозяйствования, а также от сословных, цеховых и иных групповых интересов была главной составляющей национально-государственных интересов». И дальше: «Оборона страны и охрана границ, защита ее суверенитета и безопасности, забота о гражданах, находящихся за рубежом, — все это лишь конкретные формы реализации национально-государственных интересов. И потому, насколько последовательно и эффективно будут осуществляться названные функции, можно судить о способности страны и ее народа к самосохранению и о соответствии политического курса определяющим его интересам»²¹. Так, в центре национально-государственных интересов лежит судьба страны и ее народа.

Важный и достаточно дискуссионный вопрос касается методологических оснований выделения национально-государственных интересов. Чьи это интересы? Какой группы, слоя или класса населения страны? Л.И. Абалкин выделяет «некие общие интересы». Акцент, пишет он, «должен быть сделан на внутреннем — на осознании реальности неких общих интересов, стоящих выше интересов различных клас-

20. Там же. С. 64, 70.

21. Там же. С. 69–70, 74–75.

сов, социальных слоев и групп»²². Но могут ли быть некие общие интересы, которые объединяли бы все группы, слои и классы в буржуазном обществе. А Россия сейчас почти классическое буржуазное общество, проходящее первые классы капитализма. Может ли быть какой-то общий интерес, который смог бы объединить буквально все слои общества? Вряд ли. Ведь разрушительные реформы 1990-х гг. делались в чьих-то интересах, кто-то от них выиграл. Но большинство трудящегося населения страны оказалось в плачевном состоянии. Эти реформы не соответствовали интересам подавляющих слоев и классов трудящихся. Поэтому и возник вопрос о судьбе России. Значит, национально-государственный интерес России не есть некий общий интерес, а есть интерес конкретных трудящихся классов страны.

И очень проникновенно звучат такие слова Л.И. Абалкина: «Поймите же: сейчас время самопознания — либо сильные, используя свои зрелость и умение, сделают жизнь сограждан более комфортной, либо страна растеряет значительную часть населения, территориальную целостность. У меня очень много наболело. Все, что будет дальше с нашими детьми, решается именно сейчас. Время полутонов прошло»²³. Думается, очень справедливые и мудрые слова.

Важным направлением научного творчества Л.И. Абалкина в последний период было выделение российской школы экономической мысли. Вопрос о научном определении специальной «русской школы экономической мысли» на первый взгляд кажется очень неопределенным. Действительно, никто никогда так не называл российских экономистов, сразу не очень ясны критерии такой идентификации. Некоторые скептики предлагают говорить не о специальной школе, а просто о русской экономической мысли. Конечно, так было бы проще. И в такой первозданной простоте наша отечественная политическая экономия пребывала довольно долго.

22. Там же. С. 65.

23. Абалкин Л.И. Проблемы современной России. С. 101.

Однако наука достигает некоторой степени зрелости, когда она в состоянии оценить свою собственную историю, когда у нее появляется собственное самоопределение. Наука свою собственную историю должна не просто помнить, но уже уметь группировать, классифицировать и оценивать. В этом отношении сама постановка проблемы является чрезвычайно важной. Л.И. Абалкин на основе обширного историографического материала, включающего десятки имен выдающихся русских экономистов, делает вывод о формировании особой, специфической школы российской экономической мысли, занимающей самостоятельное место в мировой науке.

2020 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы Л.И. Абалкина

1. Планомерное развитие и пропорции мирового социалистического хозяйства. М.: Мысль, 1965.
2. «Капитал» К. Маркса и политическая экономия социализма. М.: Мысль, 1967. (Ред.).
3. Политическая экономия и экономическая политика. М.: Мысль, 1970.
4. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. М.: Мысль, 1973.
5. Стратегия управления. М.: Политиздат, 1975.
6. Экономическая роль социалистического государства. М.: Мысль, 1976.
7. Что такое хозяйственный механизм? М.: Мысль, 1980.
8. Диалектика социалистической экономики. М.: Мысль, 1981.
9. Конечные народнохозяйственные результаты. Сущность, показатели, пути повышения. 2-е изд., доп. М.: Экономика, 1982.
10. Новый тип экономического мышления. М.: Экономика, 1987.
11. Перестройка: пути и проблемы. М.: Экономика, 1988.
12. Советское общество: революционное обновление. М.: Профиздат, 1989.

13. Панорама экономической перестройки. М.: Экономика, 1989. (Ред.).
14. Неиспользованный шанс. Полтора года в правительстве. М.: Политиздат, 1991.
15. К цели через кризис: спустя год. М.: Луч, 1992.
16. На перепутье. Размышления о судьбах России. М.: ИЭ РАН, 1993.
17. В тисках кризиса. М.: ИЭ РАН, 1994.
18. Заметки о российском предпринимательстве. М.: Прогресс-академия, 1994.
19. К самопознанию России. М.: ИЭ РАН, 1995.
20. Зигзаги судьбы. Разочарования и надежды. М.: ИЭ РАН, 1996.
21. Отложенные перемены или потерянный год. М.: ИЭ РАН, 1997.
22. Курс переходной экономики. [Учебник]. М.: Финстатинформ, 1997. (Ред.).
23. Выбор за Россией. М.: ИЭ РАН, 1998.
24. Спасти Россию. М.: ИЭ РАН, 1999.
25. Экономические воззрения и государственная деятельность С.Ю. Витте. М.: ИЭ РАН, 1999.
26. Россия—2015: оптимистический сценарий. М.: ММВБ, 1999. (Ред.)
27. Вызовы нового века. М.: ИЭ РАН, 2001.
28. Логика экономического роста. М.: ИЭ РАН, 2002.
29. Стратегия: выбор курса. М.: ИЭ РАН, 2002.
30. Судьба России: связь времен. М.: ИЭ РАН, 2004.
31. Стратегический ответ России на вызовы нового века. М.: Экзамен, 2004. (Ред.).
32. Взгляд в завтрашний день. М.: ИЭ РАН, 2005.
33. Россия: поиск самоопределения. Очерки. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2005.
34. Размышления о юбилеях. М.: ИЭ РАН, 2006.
35. Страницы исторической памяти. М.: ИЭ РАН, 2007.
36. Институт экономики: размышления о будущем. М.: ИЭ РАН, 2008.
37. Очерки по истории российской социально-экономической мысли. М.: ГОУ ВПО «РЭА им. Г.В. Плеханова», 2008.
38. Российская экономическая мысль. История и современность. М.: ИЭ РАН, 2008.
39. Размышления о будущем России. М.: ИЭ РАН, 2009.
40. Уроки истории и будущее России. М.: ИЭ РАН, 2010.
41. Проблемы современной России. М.: ИЭ РАН, 2011.

Литература о Л.И. Абалкине

1. Академик Леонид Иванович Абалкин, выдающийся отечественный ученый. Москва–Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012.
2. Бухвальд Е.М. Идеи Л.И. Абалкина о стратегии развития и концепция стратегического планирования в современной России // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, 2014, № 6(72). С. 44–49.
3. Воейков М.И. Л.И. Абалкин о национально-государственных интересах России // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. № 6(72). С. 35–43.
4. Кузнецова Т.Е. Экономист российской школы. М.: Наука, 2000.
5. Леонид Иванович Абалкин. (Материалы к библиографии ученых). 2-е изд., доп. М.: Наука, 2005.
6. Манохина Н.В. Посвящение Л.И. Абалкину – экономические законы новой эпохи // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. № 6(72). С. 50–56.
7. Ядгаров Я.С. Академик Л.И. Абалкин о достижениях российской социально-экономической мысли в период с XVIII по первую треть XX столетия // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2013. № 8(62). С. 21–28.

**АРЗУМАНЯН
АНУШАВАН АГАФОНОВИЧ
(1904–1965)**

Академику Анушавану Агафоновичу Арзуманяну принадлежит честь разработки и практического применения в исследовательском процессе концепции синтеза политэкономических подходов с конкретно-экономической, социологической и, частично, политологической аналитикой явлений и процессов в обширной сфере мировой экономики и международных отношений. Он был в числе тех, кто активно способствовал преодолению вредного антагонизма, возникшего в первые послевоенные годы, при деструктивном вмешательстве властных верхов, между теоретическими обобщениями и аналитическими методами, применявшимися исследователями-эмпириками при изучении зарубежной действительности, прежде всего западного капитализма. Деятельность А.А. Арзуманяна остается пока недостаточно исследованной вследствие не только закрытости некоторых архивных фондов, но и ввиду особенностей фиксации его политических позиций и квалификаций. В то же время значение его творчества и актуальный интерес к нему научной общественности в современных условиях определенно и закономерно возрастает.

А.А. Арзуманян родился 14 февраля 1904 года в селе Каварт Зангезурского уезда Елисаветпольской губернии

(Армения). Отец — рабочий на нефтепромыслах Баку, затем на Кафанских медных рудниках, где с 1911 г. он стал подрядчиком-десятником. После революции отец вернулся на закрывавшийся на несколько лет рудник, где вырос до заведующего предприятием, но в 1931 г. попал под обвал и получил увечье. Мать — домохозяйка, умерла в 1919 г. Высокий уровень грамотности в семье располагал к учению. Мальчик после двухгодичной начальной школы поступил в реальное училище и успешно закончил его полный курс в 1918 г., что дало ему по тому времени солидный багаж знаний и общей культуры с уклоном в сторону конкретно-хозяйственных интересов. На первых порах молодой выпускник реального училища предпочел общественную стезю и сразу же на ней продвинулся. В 1920 г. он вступил в комсомол и вслед за этим — в партию. А.А. Арзуманян становится одним из организаторов комсомола в своем родном уезде. Затем последовала череда руководящих комсомольских должностей — вплоть до поста заместителя секретаря ЦК АКСМ Армении в 1928 г. Но увлеченность кипучей бучей молодежного движения лишь на время отодвинула тягу к учебе, продолжению образования и в том же 1920 г. будущий академик оказывается в Институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова в Москве, успешно туда поступает и там учится, но только два года из четырех. Со 2-го курса следует его откомандирование в Курдукулинский район Армении, где он опять-таки отдается организационной (в основном, однако, хозяйственной) работе и позже с гордостью напишет в своей «Автобиографии», что район при нем оказался единственным районом сплошной коллективизации в республике (6).

В феврале 1933 г. А.А. Арзуманян делает удавшуюся попытку поступить на подготовительное отделение Института Красной профессуры в Самаре, но, сдав туда все требуемые экзамены, перемещается в Москву и здесь занимается своим образованием уже более фундаментально — поступает в Аграрный институт Красной профессуры, который и заканчивает в феврале 1936 года, побывав в течение учебы, по своему обыкновению, и на общественном посту — секретарем

партбюро. С тех пор аграрная проблематика в сочетании с иными хозяйственными вопросами, от отечественных до международных, навсегда становится важным объектом внимания Арзуманяна — ученого и политика, хотя к глубинной разработке ее он вернется фактически лишь после войны, опубликовав, однако, в 1934–1936 гг. ряд серьезных журнальных материалов по этой тематике (7).

Возобновление административно-партийной работы продолжилось и после учебы. Но вскоре последовало драматическое осложнение в его жизни. После учебы Арзуманян был избран первым секретарем райкома партии, носящего имя его друга и родственника, члена политбюро ЦК ВКП(б) А.И. Микояна, затем был избран на аналогичную должность в Ереване (февраль 1937 г.) Решив, наконец, сменить амплуа, он переходит на преподавательскую работу, становится ректором Ереванского университета, и почти сразу же (в ноябре 1937 г.) был арестован. В каземате в соответствующих условиях пришлось провести долгих 17 месяцев и только в начале 1939 г. на волне тогда наступивших временных послаблений А.А. Арзуманян выходит на свободу. Ежовский узник, хотя и не был судим, фактически остался под неким полуподозрением. Путь к очередному витку общественной карьеры оказался для него закрытым, отчего Арзуманян — ученый и педагог только выиграл. Он становится преподавателем того же университета, где недавно ректорствовал, и начинает систематические штудии по истории классической политэкономии, завершив их накануне войны написанием своего первого небольшого труда (точное название «К вопросу о классовой сущности, методе и теории стоимости английской классической политэкономии»), предназначавшегося, по-видимому, для использования в качестве методического пособия.

В июне 1941 г. А.А. Арзуманян добровольцем уходит на фронт, служит в политорганах ряда формирований, побывав в течение войны в Иране, Польше, Чехословакии и Германии. Его боевые награды: ордена Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды, медали.

Демобилизовавшись в 1946 г., А.Арзуманян возвращается к педагогической и научной работе. Он занимает посты декана и проректора Азербайджанского госуниверситета имени В.М. Молотова в Баку. В индивидуальном порядке разрабатывает проблему аграрного кризиса в России в 80–90 гг. XIX в. и успешно защищает по этой теме диссертацию на степень кандидата экономических наук (аттестация ВАКА — 14.01.1948). Хотя резонанс работы был относительно скромным, она имела и сохраняет определенное научное значение. В этом труде, как подчеркивает известный экономист-аграрник академик РАН В.А. Мартынов, подверглись основательному анализу мало изученные аспекты переходных стадий аграрного строя, включая вопросы мобилизации земельной собственности, тенденции к аграрному перепроизводству и развитию кризисных процессов (9, с. 195).

Знаменитая дискуссия по поводу учебника политэкономии 1951–1952 г. побудила А.А. Арзуманяна к более активному включению в научные споры по большому спектру экономической теории и практики; он сумел обратить на себя внимание содержательностью и основательностью своих суждений. Именно тогда у него созрел план перебраться в Москву. Тесные отношения, установленные с руководством Института экономики АН СССР, увенчались осенью 1952 г. переводом (при возможном содействии А.И. Микояна) в штаты института. Приказом директора ИЭ академика К.В. Островитянова от 1 сентября 1952 г. Арзуманян был назначен и.о. зав. сектором империализма и общего кризиса капитализма. Вскоре произошло организационное изменение: существовавшие в институте секторы Стран Востока и Империализма и общего кризиса капитализма были объединены в один — Сектор проблем империализма и национально-колониальных проблем, а заведующим объединенной структуры был назначен А.А. Арзуманян (6). Кто бы ни был инициатором такой мини-реформы в рамках Института экономики АН СССР, она вполне благоприятствовала перспективным видам ученого, который от своих разра-

боток аграрного вопроса мог теперь переходить к связанному с ними и чрезвычайно тогда актуальному пласту колониальных (и неоколониальных) сюжетов, включая соответствующие интересы советской большой политики.

Понятно, что, пока был жив И.В. Сталин, конкретные проекты исследований в основном лишь взвешивались, учитывался печальный опыт недавно закрытого за «ревизионистские ошибки» Института мирового хозяйства и мировой политики (ИМХМП). А.А. Арзуманян оказался в числе первых ученых экономистов, кто попытался рискнуть хотя бы намеками выйти за пределы осторожных наблюдений. В написанной им еще до смерти Сталина и вышедшей в свет сразу же после похорон (подписание в печать 28.03.1953 г.) небольшой по объему работе, которой специально была придана непритязательная форма популярной брошюры, о характере экономических законов при социализме (1), автор, совершив все положенные реверансы перед «гениальными» формулами вождя, делает, однако, акцент на обязательность политэкономических законов также и для социалистической системы, поскольку такие законы суть «законы социологические», имеющие отношение ко всем фазам общества», что и требовало рассмотрения «системы экономических законов и категорий в их диалектическом единстве». Автором ясно подсказывался вывод, что «в диалектическом единстве» следует воспринимать и взаимоотношения экономических субъектов в аспекте мировой экономики и политики. Подчеркивание автором работы тезиса о «максимальном удовлетворении» потребностей трудящихся, соседствовавшее с рекомендацией поворота к повышению производства товаров массового спроса (специально упоминались легкая и пищевая отрасли промышленности) было равнозначно косвенному указанию на необходимость разгрузки народного хозяйства страны от непосильного бремени непроизводительных расходов, включения в мировое разделение труда. Если к тому же учесть, что брошюра вышла огромным, 500-тысячным, тиражом, то станет оче-

видным и дополнительный замысел автора — попытаться повлиять на общественное сознание в том же направлении.

Более обстоятельно ученый развернул систему своих новых взглядов по международной проблематике в работе следующего года «Что такое империализм?» (2), также имевшей нарочито неприятное популярное преподнесение (разгрузка научного аппарата, облегченная подача, стиль, язык и т.п.). Наряду с резко критическими квалификациями в адрес мирового империализма, в большинстве заслуженными, но не являвшимися новыми, в этой книге обращал на себя внимание — и это было принципиально важно — опять-таки перенос акцента на общие для капитализма и социализма уже не только «законы» и «закономерности», но и на подлежавшие решению проблемы, хотя вина за их возникновение упрощенно возлагалась только на одну, капиталистическую, сторону. К таким проблемам в первую очередь автором были отнесены войны и конфликты; милитаризация; разорение и обнищание широких социальных слоев; кризисные явления в сельском хозяйстве; отставание и деградация периферийных стран, в том числе и недавно освободившихся от прямого колониального гнета; подрыв демократии, ограничение прав и свобод граждан, полицейский произвол (2. С. 78–79).

Сделанная в этих работах заявка на принципиально новый подход к изучению мировой проблематики не была только инициативой автора; она опиралась на определенные ориентации, и даже структурные меры, Института экономики АН СССР, заместителем директора которого по научной части А.А. Арзуманян становится с сентября 1953 г. (временное исполнение — с апреля 1953 г.). В августе 1954 г. Президиум АН утвердил решение дирекции ИЭ о назначении «академика Варга Е.С. и кандидата экономических наук А.А. Арзуманяна» руководителями проблемного направления «Воспроизводство и кризисы в эпоху империализма и общего кризиса капитализма». Речь, таким образом, велась о восстановлении проблемного ядра закрытого ИМХМП, причем естественным главой

этой структуры определенно рассматривался Арзумян ввиду преклонного возраста Е.С. Варги (тому шел 75 год). XX съезд партии (1956 г.) придал новый стимул этому процессу, но вызвал и необходимость в более широких структурных, тематических и междисциплинарных решениях.

В апреле 1956 г. А.А. Арзумян назначается директором вновь созданного, в том числе и по его инициативе, Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) и с жаром отдается чрезвычайно кропотливой работе по развертыванию нового суперцентра экономических и политических исследований. Талант и опыт организатора, обаятельные свойства натуры помогли решить множество нередко очень щепетильных вопросов по трудоустройству и рациональному использованию нескольких сотен ученых с разными предшествующими судьбами и порой осложнениями в личной и творческой жизни. Основной костяк (около 90 человек) составили выходцы из Института экономики АН СССР, но вдвое больший контингент поступил из различных источников – из МГУ, МГИМО, педвузов, из журналистики, дипломатического, военного и иных ведомств. Всего по штатному расписанию в первоначальный состав института набиралось 300 человек (11. С. 108–109, 116–117).

А.А. Арзумян со своими ближайшими подвижниками образовал 12 секторов-подразделений, сочетавших страновой и проблемный профили. В большинстве своем эти подразделения возглавили высококомпетентные исследователи, что полностью подтвердилось в дальнейшем. Директором была решена весьма важная и очень тогда трудная проблема информационного обеспечения исследовательского процесса. Были установлены и стали интенсивно практиковаться контакты с исследовательскими организациями сходного типа в социалистических странах и в капиталистическом зарубежье. А.А. Арзумян принял непосредственное участие в создании и определении тематической программы печатного органа института журнала «Мировая экономика и международные отношения» («МЭиМО»), вошел в состав его ред-

коллегии (с 1953 по 1957 г. он являлся членом редколлегии и заместителем главного редактора журнала Института экономики АН СССР «Вопросы экономики»).

Главное внимание, особенно на стартовом этапе организации института в течение примерно 2–3 лет, А.А. Арзуманян уделял определению тематических областей и векторов исследовательской деятельности. В серии своих статей и выступлений, начиная с программной статьи, опубликованной в «МЭиМО» в апреле 1957 г., А.А. Арзуманян в качестве приоритетных и первоочередных выделял, наряду с проблемами «неустойчивости капиталистической экономики» (смягченная формула по сравнению с предыдущими тезисами о безысходной кризисности), вопросы, связанные с достижениями и следствиями технического прогресса, (ранее чаще всего обходившегося); масштабами и социальным влиянием экономического милитаризма, характера пределов эффективности государственного регулирования; путями и средствами развития экономически слабых стран. Позднее, уже в начале 1960-х гг., к указанным проблемным сюжетам добавились вопросы западно-европейской интеграции – при решающем содействии А.А. Арзуманяна восторжествовала ее трактовка как «объективной тенденции»; социальных процессов в странах капитала, что в частности побудило к исследованию (оно велось под непосредственным контролем, участием и руководством директора) проблем городских средних слоев, мелкой буржуазии, своеобразия положения и политической роли интеллигенции, ее различных групп и слоев. Понадобилось, с учетом актуальной исследовательской потребности, создать – и опять-таки впервые в российской науке – специальное подразделение по изучению социальных проблем (9. С. 200).

Как раз с ориентацией по этим и связанным с ними проблемным комплексам директором ИМЭМО осуществлялось и кадровое оснащение. Были открыты шлюзы для творческого приобщения к деятельности основного центра через многочисленные дискуссии, которые до тех пор гасились либо заформализовывались, с привлечением максимального коли-

чества свежих сил, особенно из среды молодых ученых, которых директор умел расположить к сотрудничеству с основным коллективом, а по возможности и к включению в него.

Непосредственно на себя Арзуманян взял руководство разработкой двух взаимосвязанных тем: «Экономические циклы в условиях общего кризиса капитализма» и «Мирное сосуществование двух систем». Тем самым А.А. Арзуманян в известной мере последовательно продолжил и поднял на новый уровень проблемное направление, которое он и Е.С. Варга вели с 1953 г. в Институте экономики АН СССР. Крайняя перегруженность организаторскими функциями и катастрофически ухудшавшееся здоровье вынуждали к осмотрительному выбору собственных рамок исследования. Арзуманян предпочел для себя жанр своеобразных микромонографий, позволявших ему выделять ключевые сюжеты, а заодно и ориентировать коллег-экспертов в специфике возникающих или меняющихся феноменов.

Особенно большое значение Арзуманян придавал тогда «третьему миру», где в это время шел бурный процесс обретения независимости и крайне сложный и противоречивый поиск путей дальнейшей ориентации.

В своем подлинно новаторском по постановке проблем докладе, сделанном на Конференции солидарности народов Азии и Африки в декабре 1957 г. в Каире, А. Арзуманян, полностью отклонив циркулировавшие в международной общественности идеи экспорта социалистических революций как средство решения проблем развития, сосредоточил внимание на таких реальных проблемах, как индустриализация, поиск и обеспечение рынка; инвестиции, вскрытие и использование внутренних ресурсов; принципы и практика оказания помощи слаборазвитым странам со стороны индустриальных держав и системы международных организаций (3. С. 419—452). Именно под углом зрения такой «реальной политики», с четким учетом предшествующих политэкономических наработок вел свои исследования в данной области созданный в ИМЭМО Отдел развивающихся стран, который

возглавил один из талантливейших учеников Арзуманяна, член-корреспондент АН В.Л. Тягуненко.

Специфическую сложность составляла проблематика международных отношений. Ни в ИМХе, ни в Институте экономики соответствующих специальных структур не существовало. Опереться на прецедент не представлялось возможным. Арзуманян, не считая себя вполне компетентным в этой области, предпочел в данном случае целиком положиться, также типичный для него прием, на ученого, которому он безусловно доверял, молодого одаренного исследователя и организатора, кандидата исторических наук Н.Н. Иноземцева. Выбор полностью себя оправдал. Н.Н. Иноземцев вместе со своей командой (сначала сектор потом отдел), в которую вошли Д.Г. Томашевский, В.И. Гантман, А.Д. Никонов, О.Н. Быков и другие исследователи, в короткие сроки добились существенных результатов в изучении проблематики, внедрив и освоив в этой сфере тот же арзуманяновский метод синтетического междисциплинарного анализа, комплексного, полифакторного подхода к теории международных отношений и к реалиям текущей политической действительности.

По понятным причинам А.А. Арзуманян и его коллеги в открытых публикациях могли лишь обиняком касаться хорошо им известных недостатков экономики социалистических стран, как и социальной и политической жизни в целом. Поэтому особое значение приобретали закрытые записки, посылавшиеся в инстанции с рекомендациями использования различных сторон зарубежного опыта. Таковы были, в частности, материалы о производстве на Западе потребительских товаров, о происходящем там снижении фондоемкости выпускаемой продукции; о повышении эффективности аграрной экономики и т.п. (9. С. 205–206). Став в 1962 г. действительным членом АН (чл.-кор. он был избран в 1959 г.), Арзуманян сразу же избирается секретарем Отделения экономики и членом Президиума АН. А.А. Арзуманян отдает много сил (которые у него буквально с каждым месяцем таяли) содействию отечественной экономике со стороны академи-

ческих организаций. По инициативе либо при самой активной поддержке Арзуманяна была проведена реорганизация исследований Института экономики АН СССР, были созданы Институт экономико-математических исследований во главе с член-корреспондентом АН Н.П. Федоренко и Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН (директор А.Г. Аганбегян); развернута широкая кампания по внедрению экономико-математических методов в исследования по большому спектру экономических, социальных, и даже политологических, дисциплин (9. С. 205–206).

К сожалению, лишь некоторые из практических рекомендаций, выработанных руководимыми А.А. Арзуманяном коллективами, нашли, да и то обычно лишь частичное, одобрение в верхах, и тем более применение на практике. В целом эффективность социалистической экономики продолжала неудержимо и нарастающими темпами снижаться, что и явилось в конце концов причиной последовавшего коллапса и краха. Ныне многие положения исследований тогдашних творческих центров, координировавшихся А.А. Арзуманяном, обнаруживали свою недостаточность, неполноту, неадекватность. Тут нет ничего удивительного. За годы, истекшие со дня смерти А.А. Арзуманяна (18.07.1965), жизнь продемонстрировала целый ряд грандиозных, в том числе никем не ожидавшихся, метаморфоз. Удивительно другое: очень многие из заключений тогдашних наук – от политэкономии до конкретной аналитики, причем даже тех, что казались идеологически перегруженными, приобретают в условиях глобализации новые грани убедительности. Это касается многих аспектов того самого кризиса капитализма, который многим представлялся (выяснилось преждевременно) окончательно преодоленным. И уж во всяком случае полностью сохраняет свое научное значение выношенная и практиковавшаяся А.А. Арзуманяном методология комплексной междисциплинарной мультисистемной аналитики.

2009 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы А.А. Арзуманяна

1. И.В. Сталин о характере экономических законов при социализме. М.: Знание, 1953.
2. Что такое империализм. М.: Госполитиздат, 1954.
3. Проблемы современного капитализма. Сб. статей к 80-летию академика Е.С. Варга / Под ред. и с предисл. А.А. Арзуманяна. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
4. Борьба двух систем и мировое развитие. М.: «Наука», 1964.
5. Экономические проблемы общественного развития. Избр. труды. М.: «Наука», 1968.

Литература о А.А. Арзуманяне

1. Архив ИМЭМО РАН. Фонд 1978, опись 3А, ед. хр. «Личное дело Арзуманяна А.А.».
2. Архив ИМЭМО РАН. Фонд 1978, Опись 3, ед. хр. «Материалы В.Г. Солодовникова»
3. *Иноземцев Н.Н.* Научная деятельность А.А. Арзуманяна и актуальные задачи исследования мировой экономики и международных отношений // МЭМО, 1975, № 5.
4. *Мартынов В.А.* Академик Арзуманян А.А. (1904–1965) // Ученые-экономисты России. М.: Институт экономики РАН. 1999. С. 193–210.
5. *Федоренко Н.П.* Вспоминая прошлое, заглядываю в будущее. М.: Наука, 1999.
6. *Черкасов П.П.* ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М.: Весь мир, 2004.

**БЛЮМИН
ИЗРАИЛЬ ГРИГОРЬЕВИЧ
(1897—1959)**

Выдающийся советский ученый, специалист в области истории экономической мысли, Израиль Григорьевич Блюмин, родился 5 июня 1897 г., с 1919 по 1921 г. служил в Красной Армии. Окончил МГУ в 1924 г., Коммунистическую академию — в 1930 г. В Институте экономики АН СССР работал в 1930—1956 гг.,

затем в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР до 1959 г.

В 1928 г. вышел уникальный по своему размаху и глубине фундаментальный труд Блюмина «Субъективная школа в политической экономии (второе издание — в 1931 г.), в которой была развернута широкая панорама немарксистской экономической мысли конца XIX — первых десятилетий XX в. с концентрацией на австрийской, англо-американской и математической школах. Блюмин тщательно и тонко проанализировал весь спектр проблем, рассматриваемых представителями данных направлений, вскрыл внутреннюю логику представленных здесь идей, показал процесс их развития, осуществлявшийся в постоянной борьбе и взаимодействии различных точек зрения, исходя из общеметодологических принципов марксизма (альтернативы в те времена в СССР быть не могло).

При этом Блюмин стремился избежать крена в политико-идеологическую риторику и следовать максимально серьезному и аналитическому подходу к западной политэкономии. Ученый отмечал: «В своей критике я исходил из следующего принципа — я пытался встать на точку зрения критикуемого автора, выяснить его основную аргументацию, выделить в последней рациональное ядро и затем показать, как и почему возникает ошибочность критикуемых положений» («Проблемы экономики». 1931. № 3. С. 175). Подобный подход не имел ничего общего с выдергиванием отдельных цитат для доказательства заранее сконструированной примитивной идеологизированной схемы, что получило вскоре широкое распространение в советской литературе, посвященной подобной тематике. Благодаря талантливой монографии И.Г. Блюмина целые поколения экономистов могли приобщиться к современной экономической мысли в ее высококвалифицированной и добросовестной подаче. Примечательно, что до сих пор глава, посвященная В.К. Дмитриеву как выдающемуся представителю российской математической школы, не только не потеряла своей научной значимости, но до последнего времени являлась наиболее развернутым рассмотрением его идей.

Непредвзятому читателю было ясно, что сформировался исследователь европейского масштаба, и казалось, что неординарный дебют молодого автора должен был стать началом блистательной научной карьеры, однако на деле он явился ее вершиной, и не по вине ученого, судьба которого сложилась весьма драматично (хотя и не самым трагичным по тем временам образом). В стране утвердился тоталитарный режим, требовавший единомыслия, в том числе жестко идеологизированного, однозначно-негативного отношения к любым направлениям пострикардианской немарксистской экономической мысли, критика которой рассматривалась как одна из форм непримиримой классовой борьбы.

В русле этой тенденции в начале 1930-х гг. на страницах периодических экономических изданий развернулась антиблюминская кампания, по характеру и тональности

более напоминая судилище, нежели научные дискуссии. Агрессивно-невежественным проработкам подверглись как «Субъективная школа», так и монография Блюмина «Очерки современной буржуазной теоретической экономики» (1930 г.), где был дан содержательный анализ концепций социального направления, сложившегося в экономической мысли Запада конца XIX – первых десятилетий XX в. Блюмина обвиняли в том, что он «скатился в болото вульгарной политической экономики». Его работы были заклеены как «вредные» и «ревизирующие марксизм», и выдвигалось требование «положить этому предел». В результате в Институте экономики АН СССР, где в то время работал Блюмин, было принято решение перебросить ученого на другую тематику – на изучение конкретной экономики, результатом чего явилась вышедшая уже в 1934 г. монография «Капиталистическое комбинирование». Значительно восполнив пробел, существовавший в данной области в советской литературе, Блюмин обстоятельно проанализировал процесс комбинирования в условиях современного западного хозяйствования, показал его движущие силы, формы, роль в системе монополистического интегрирования. Блюмин не мог обойти вниманием и теории комбинирования, выдвигавшиеся буржуазными экономистами и социал-демократами.

Позднее исследования в области истории экономических учений Блюмину предложили продолжить на материалах отечественной литературы, и в 1940 г. вышла в свет его книга, посвященная малоизученной теме – экономическим идеям в России первой половины XIX века. В этой содержательной и оригинальной работе Блюмин показал, как представители различных течений русской общественной мысли стремились использовать политическую экономию для обоснования своих практических целей. Одной из основных задач Блюмина было показать, что российские авторы не ограничивались изложением тех или иных взглядов крупнейших западноевропейских экономистов, а творчески перерабатывали их применительно к специфическим условиям России.

В послевоенный период Блюмин содействовал изданию в 1948 г. на русском языке классической работы Дж.М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег», к которой он написал масштабную вводную статью. Эта статья, вкупе с предыдущими исследованиями ученого, была использована в качестве обвинительных материалов во время пресловутой кампании по борьбе с космополитизмом, не обошедшей ученого стороной.

В 1953 г. вышла монография Блюмина «Критика современной буржуазной политической экономии Англии». Пропущенная через жернова той леденящей эпохи, под сильнейшим прессом активного вмешательства редактора, самолично беспардонно «заострявшего» материал, она носила не свойственный природе ученого, чрезвычайно скромного и деликатного человека, резко выраженный агрессивный, предельно политизированный и идеологизированный характер. В то же время работа демонстрировала незаурядную эрудицию автора в области современной английской экономической литературы, знакомила читателя с комплексом поднимаемых в ней проблем и содержала целый ряд тонких наблюдений, касающихся в основном отдельных частных случаев. Значительно ниже возможностей Блюмина по тем же объективным причинам была и его монография 1956 г. — «Очерки критики современной буржуазной политической экономии США», из которой, однако, также можно было извлечь гораздо больше полезной информации, нежели из любой другой работы того времени по аналогичной теме.

В 1959 г. вышла последняя работа Блюмина «Кризис современной буржуазной политической экономии». В ней в традиционных идеологических рамках, придерживаясь ритуальной словесной атрибутики, Блюмин на основе обширного материала сумел показать глубокую теоретическо-методологическую, а в значительной степени и целевую, переориентацию западной экономической мысли, что по существу говорило о кризисе ее устаревших понятий и принципов, о ее стремлении преодолеть этот кризис и адаптироваться к новым историческим условиям.

В послевоенные годы Блюмин в качестве профессора преподавал курс по истории экономической мысли Запада на экономическом факультете МГУ, где снискал глубокую симпатию и уважение студентов, оценивших в большинстве своем его уникальность и значительность. Скончался И.Г. Блюмин 1 июня 1959 г. в Москве, после неудачной операции.

2005 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы И.Г. Блюмина

1. Субъективная школа в политической экономии. Т. 1–2. М.: Изд-во Ком. Академии. 1928 (2-е изд. 1931 г.).
2. О современной буржуазной политической экономии. М.: Соцэкгиз, 1958.
3. Очерки современной буржуазной теоретической экономии (К характеристике социального направления). М.: Изд-во Ком. Академии, 1930.
4. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
5. Критика современной буржуазной политической экономии Англии. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
6. Очерки современной буржуазной политической экономии США. М.: Госполитиздат, 1956.
7. Кризис современной буржуазной политической экономии. М.: Изд-во ИМО, 1959.
8. Критика буржуазной политической экономии. Т. 1–3. М.: Изд-во АН СССР. 1962.

Литература о И.Г. Блюмине

1. Аникин А.В. Израиль Григорьевич Блюмин // Люди науки. Встречи с выдающимися экономистами. М.: Дело Лтд. 1995. С. 50–56.
2. Блюмин И.Г. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 1. М., 1972. С. 166.
3. Суперфин Л.Г. Так утверждались стереотипы (к критике зарубежной буржуазной политической экономии (20–30-е годы) // Вопросы экономики. 1991. № 1. С. 144–155.

Б.А. Хейфец

д.э.н.

Б.А. Шмелев

д.и.н.

**БОГОМОЛОВ
ОЛЕГ ТИМОФЕЕВИЧ
(1927–2015)**

Нам посчастливилось более 40 лет работать и общаться с выдающимся русским ученым-экономистом, академиком Российской академии наук Олегом Тимофеевичем Богомолотовым.

Для каждого из нас существует свой Олег Тимофеевич. Многим из нас он открыл наш путь в науку. Для одних он был еще руководителем курсовых и дипломных работ, которые выполнялись на руководимой им

в 1967–1977 гг. кафедре «Экономической географии зарубежных социалистических стран» на географическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Или руководителем кандидатских диссертаций и консультантом докторских диссертаций, защищенных в институте О.Т. Богомоллова – Институте экономики мировой социалистической системы, в 1991 г. ставшем Институтом международных экономических и политических исследований Российской академии наук. Для других он был товарищем и коллегой по работе, мудрым советчиком и вдохновителем многих творческих начинаний.

О.Т. Богомоллов родился 20 августа 1927 г. в Москве. В 1949 г. окончил Институт внешней торговли Министерства внешней торговли СССР. Свою научную деятельность

О.Т. Богомолов начал в 1957 г. в НИЭИ Госплана под началом академика А.Н. Ефимова, сплотившего вокруг себя таких подающих надежды исследователей, как С. Шаталин, А. Анчишкин, Э. Ершов, и других незаурядных ребят. И далее в созданном Ю.В. Андроповым Отделе ЦК КПСС, где сотоварищами О.Т. Богомолова оказались А. Бовин, Ф. Бурлацкий, Г. Шахназаров. Эти имена говорят сами за себя. В таком творческом окружении формировалось мировоззрение и прогрессивные взгляды будущего академика.

Роль О.Т. Богомолова в российской экономической науке трудно переоценить. Он был человеком широких взглядов и интересов, интеллектуал из плеяды старой академической школы. Круг проблем, над которыми он работал, довольно широк. Олег Тимофеевич опубликовал более 500 работ в области сравнительного анализа экономики и политики переходного периода, а также международной экономики и внешнеполитических проблем, которые изданы в России (СССР) и во многих зарубежных странах. И находился в постоянном научном поиске новых направлений исследований. С этим связаны его актуальнейшие работы о взаимодействии и взаимовлиянии экономики и других сфер общественной жизни (идеологии, политики, административных отношений, культуры, нравственности, религии). Большое внимание он уделял преподавательской работе в Государственном университете управления. Олег Тимофеевич издал один из лучших в настоящее время учебников по мировой экономике – «Мировая экономика в век глобализации».

О.Т. Богомолов был гениальным организатором науки, сумев сплотить вокруг себя дружный коллектив единомышленников, учеников и коллег, создав практически с нуля знаменитый Институт экономики мировой социалистической системы, переименованный в период постсоветских реформ в Институт международных политических и экономических исследований. Поражает кадровое чутье О.Т. Богомолова. Сколько ярких исследователей обрели общероссийскую и международную известность, работая вместе с ним! Олег

Тимофеевич, невзирая на многие имевшиеся в СССР догматические нормы кадровой политики, привлекал на работу не только способную молодежь, но и опальных талантливых ученых, которые впоследствии стали составной частью высокого имиджа богомоловского института. А сам богомоловский институт стал ярчайшим явлением в научной и политической жизни — сначала СССР, а затем и России. Научные позиции Института так или иначе обеспечили ему признание среди научной общественности не только стран Центральной и Восточной Европы, Китая и Вьетнама, но и стран Запада.

Принадлежность к институту Богомолова многие годы считалось высоким знаком компетентности и профессионализма. Из его стен вышли многие выдающиеся ученые, публицисты, политики и общественные деятели. Золотой фонд богомоловского института составляли получившие известность ученые: Е.А. Амбарцумов, А.П. Бутенко, А.Н. Быков, Р.С. Гринберг, С.П. Глинкина, В.И. Дашичев, И.В. Дудинский, Р.М. Евстигнеев, И.М. Клямкин, Ю.Ф. Кормнов, О.Р. Лацис, Г.С. Лисичкин, К.И. Микульский, А.Д. Некипелов, И.И. Орлик, М.П. Павлова-Сильванская, Т.В. Рябушкин, Г.М. Сорокин, М.Е. Тригубенко, А.С. Ципко, В.М. Шаститко, Л.Ф. Шевцова, Ю.С. Ширяев, Н.П. Шмелев, Г.И. Шмелев, Б.А. Шмелев, Я.Б. Шмераль, А.С. Ягодовский. Из числа работавших в институте ученых трое стали действительными членами и пятеро — членами-корреспондентами Российской академии наук.

О.Т. Богомолов неоднозначно принял решение о слиянии института (тогда уже Института международных экономических и политических исследований) с Институтом экономики РАН. С одной стороны, он понимал, что подобные изменения необходимы в связи с со складывавшейся ситуацией с ограниченным финансированием науки в стране. С другой, он осознавал, что многие концептуальные позиции двух институтов сильно различаются. Да и направленность исследований Института экономики была сконцентрирована на внутренних проблемах страны без учета особенностей ее международного

экономического и политического положения. Однако и в объединенном Институте экономики, не занимая официальных должностей в руководстве института, он стремился проводить линию на комплексное изучение актуальных проблем развития России, на усиление практической направленности проводимых исследований. В своих работах последних лет О.Т. Богомолов часто обращался к международному опыту, в том числе историческому, пытаясь найти то, что полезного может быть использовано для выстраивания новой политической и социально-экономической системы в России. Он критически оценил осуществленную реформу РАН, считая ее шагом, обескровливающим российскую науку.

Он долгое время возглавлял Диссертационный совет Института экономики по специальности 08.00.14. «Мировая экономика», который отличался высокими и принципиальными требованиями к защищаемым кандидатским и докторским диссертациям.

Наряду с научной деятельностью велик вклад О.Т. Богомолова в развитие гражданского общества. Ему довелось быть соучастником ряда эпохальных событий в жизни нашей страны. Олег Тимофеевич избирался депутатом Съезда народных депутатов СССР и первой Государственной думы независимой России, в составе которой работал заместителем Председателя Комитета по международным делам, был членом Консультативного совета при Президенте России, где обсуждались самые острые проблемы развития страны.

В нашей непростой российской действительности О.Т. Богомолов на всех уровнях своей научной, преподавательской и общественной деятельности поддерживал высокую моральную и нравственную планку Человека и Гражданина. Он до конца своей жизни задавал такие высокие параметры для всех окружающих. К нему всегда можно было прийти за мудрым советом не только по научным, но и житейским вопросам.

Олег Тимофеевич Богомолов с самого начала жестко выступил против проведения реформ методами шоковой

терапии, всегда критиковал позицию Е.Т. Гайдара и его единомышленников, говоривших о всемогущей «руке» рынка и ненужности государственного вмешательства в экономику. О.Т. Богомолов не боялся оппонировать сильным мира сего, если был уверен в своей правоте. Об этом говорят его открытые письма, опубликованные в журнале «Огонек» в сентябре 1990 г., в связи с итогами XXVIII съезда КПСС. Чего также стоит его подпись под письмом Б.Н. Ельцину с резкой негативной оценкой проводимых правительством реформ в феврале 1992 г. Это письмо, составленное им и академиком Г.А. Арбатовым и подписанное рядом других членов Консультативного совета при Президенте России, фактически означало их добровольный выход из этого совета, что и случилось. Олег Тимофеевич активно работал в российско-американской Группе экономических преобразований, объединившей видных ученых, в том числе лауреатов Нобелевской премии, в желании предложить альтернативу радикально-либеральному реформированию в России. Члены группы в 1996 г. и 2000 г. предлагали в своих обращениях к Президенту России альтернативную повестку дня реформ. В 2010-е годы он вместе с другими видными экономистами встречался и с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, где особо подчеркивал необходимость выполнения нормы российской Конституции о социальном характере государства.

В последние годы жизни О.Т. Богомолов особое внимание уделял проблемам анализа и прогноза развития глобальной экономики и всего мироустройства в целом. Он считал губительным для России и мировой экономики бездумное следование постулатам либерального рынка, отраженным в Вашингтонском консенсусе, и выступал за усиление роли государства в регулировании экономики и жизни общества. Олег Тимофеевич возглавлял экономическое направление в рамках масштабного международного проекта Горбачев-Фонда, отдавая много сил изучению процесса глобализации, ее движущим силам, главным бенефициарам и проигравшим, позитивным и негативным последствиям этого процесса. Еще

одним новаторским направлением исследований академика, которому он много внимания стал уделять в 2010-е годы, стало взаимодействию экономики и общественной среды.

О.Т. Богомолов пользовался широкой международной признательностью и заслуженным авторитетом среди коллег-экономистов зарубежных стран. Он был членом Комитета «За европейское сотрудничество и безопасность», председателем Общества российско-венгерской дружбы; членом Исполкома Международной экономической ассоциации, избран ее Почетным президентом, состоял членом Исполкома по общественным наукам при ЮНЕСКО, председателем экономического комитета Парламентской ассамблеи ОБСЕ.

Многие идеи, высказанные О.Т. Богомоловым, находят свое подтверждение в нашей жизни. А многие еще ждут своего времени. Сам он разумно относился к своим научным исследованиям и рекомендациям. Его оптимистическое послание настоящим ученым и последователям прекрасно выражают такие слова: «Рано или поздно ошибочность господствующего общественного мышления и поведения обнаруживает себя, нередко через кризисы, катаклизмы, революционные взрывы, и научная истина, остававшаяся непризнанной, берет верх в сознании политической элиты и общественности. Поэтому я не прихожу в уныние оттого, что многое из высказанного мною в книгах и статьях как по вопросам международного экономического сотрудничества, так и нашей реформы общественно-экономического устройства не воплотилось в практику. Она, стало быть, пока не могла подтвердить правоту или ошибочность моих взглядов, но, думаю, и не опровергла их. А опыт других стран и обществ говорит о том, что многие из моих рассуждений не были уж столь абсурдны»¹.

О.Т. Богомолов был не только крупным ученым-экономистом, организатором науки, но и известным политологом, умевшим давать глубокий анализ политических процессов, разворачивающихся в мире, и в первую очередь в Советском

1. Глобальная экономика и жизнеустройство на пороге новой эпохи. М.: Анкил, 2012.

Союзе, в социалистических странах, а затем, после распада СССР, в России и постсоциалистических странах. Он горячо, всем сердцем принял политику перестройки и сделал немало для теоретического и идеологического обоснования предпринятых тогдашним советским руководством политических шагов по реформированию советской экономики, по пересмотру советской внешней политики. Не его вина, что проводимые преобразования привели к распаду советского государства, к краху социализма. Он искренне переживал за судьбу страны, народа, но изменить ход истории было, конечно, не в его силах. Несмотря на то, что социализм в СССР и восточноевропейских странах потерпел поражение, он до последних дней был убежден, что за ним будущее человечества.

В 1993 г. он был избран депутатом Государственной думы и назначен заместителем Председателя Комитета по международным делам ГД. Здесь в полной мере раскрылись его способности политика и дипломата. О.Т. Богомоллов в своей новой должности уделял особенно большое внимание установлению дружественных взаимовыгодных отношений сотрудничества с бывшими социалистическими странами Восточной Европы. Уже тогда наметился процесс отчуждения между Москвой и ее бывшими союзниками по Варшавскому договору и О.Т. Богомоллов в меру своих возможностей пытался если не остановить, то хотя бы затормозить его.

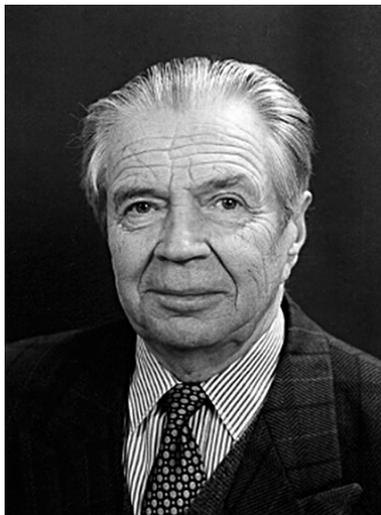
О.Т. Богомоллов оставил заметный след в судьбах многих людей, в истории нашей страны и нашей науки. И мы, его ученики, всегда с гордостью будем говорить, что мы работали вместе с О.Т. Богомолловым, под его руководством вносили свой посильный вклад в развитие и процветание России.

2020 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы О.Т. Богомолова

1. Теория и методология международного социалистического разделения труда. М., 1967.
2. Страны социализма в международном разделении труда. М., 1980 (2-е изд. 1986).
3. Реформы в зеркале международных сравнений. М.: Экономика, 1998.
4. Моя летопись переходного времени. М.: Экономика, 2000.
5. Анатомия глобальной экономики. М., 2003.
6. Размышления о насущном. М.: Экономика, 2003.
7. Мировая экономика в век глобализации / Учебник. М.: Экономика, 2007.

**БУЗДАЛОВ
ИВАН НИКОЛАЕВИЧ
(1928–2018)**

Академик РАН Иван Николаевич Буздалов — один из лидеров агроэкономических исследований в Институте экономики РАН, вошедший в число классиков российской агроэкономической науки второй половины XX — первой четверти XXI века. Основа и движущая сила его научных достижений — в реальном, а не «через буфет», знании сельского хозяйства и села, понимании устоев крестьянского труда и социальной психологии крестьянства.

Иван Николаевич родился в семье крестьянина из села Кириллово — одного из более чем двадцати сельских поселений с таким названием, разбросанных на просторах России от Архангельской до Сахалинской области. Это село и сейчас сохранилось в Сухиничском районе Калужской области — типичном для средней полосы России — с небогатыми почвами, неустойчивостью земледелия из-за частых весенних заморозков и чередования жаркого сухого и холодного влажного лета, преобладанием трудоемких (да и сейчас не полностью механизированных) производств — картофеля, овощей и молока. Сельская жизнь там была нелегка и давала мало возможностей для всестороннего развития «человече-

ского капитала». Образовательно-культурная инфраструктура была представлена обычной сельской школой и единственным памятником архитектуры — полуразрушенной церковью, построенной в 1799 г. и закрытой в 1937 г. Формально не слишком отдаленная (84 км до Калуги и 242 км до Москвы), практически это была типичная среднерусская глубинка. Вырваться из нее и стать ученым общероссийского уровня было под силу лишь личности талантливой, высоко работоспособной, упорной и амбициозной.

Такими качествами в полной мере обладал И.Н. Буздалов. Но крупным ученым его сделало еще одно, может быть, самое главное, качество — объективный, научный подход к формированию своих взглядов и принципов и их последовательное отстаивание, невзирая на общественно-политическую конъюнктуру. Конечно, мировоззрение И.Н. Буздалова существенно эволюционировало за его более чем 60-летнюю научную жизнь. Однако, если считать название кирилловского колхоза — «Наука Ленина» — символическим, то Иван Николаевич в своей работе всегда делал акцент именно на первой части этого названия.

И.Н. Буздалов родился в ноябре 1928 г. — ровно за год до провозглашения И.В. Сталиным «Великого перелома» в развитии сельского хозяйства и принятия курса на форсированную, преимущественно принудительную, коллективизацию, жертвами которой стали миллионы крестьян. Только голод начала 1930-х гг. унес, по разным оценкам, от 1 до 5 млн жизней селян. Детство Ивана Николаевича было омрачено катастрофическими последствиями «коллективизационного раскрестьянивания», юность — лишениями военных и первых послевоенных лет. Пережив эти трудности, получив «трудовую закалку» в личном подсобном хозяйстве и колхозе, на себе испытав «эффективность» этой последней формы хозяйствования (трудодни с оплатой в несколько копеек или 200 г ржи и 5 кг соломы), И.Н. Буздалов был психологически готов к научному поиску путей рыночно-демократической трансформации сельского хозяйства и села. Этому

помогла практическая работа – и.о. инженера Брянского областного управления сельского хозяйства (1947–1951). По окончании Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева И.Н. Буздалов впервые занялся научно-практической деятельностью: помимо основной работы зав. отделом экономики Пензенской государственной с.-х. опытной станции (1956–1957) самостоятельно исследовал проблемы экономического стимулирования труда в колхозах.

По-настоящему научная деятельность И.Н. Буздалова началась в аспирантуре Института экономики (ИЭ) АН СССР (1957–1962), с которым он был тесно связан всю дальнейшую жизнь: младший научный сотрудник (1962–1966), старший (1967–1979) и – после преобразования ИЭ АН СССР в Институт экономики РАН и объединения с Институтом международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН – главный (2005–2018) научный сотрудник. Иван Николаевич работал и в других научных центрах, прежде всего Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР, в 1990 г. преобразованном в ИМЭПИ РАН (ведущий, главный научный сотрудник – 1979–2005). Он активно участвовал в создании и развитии специализировавшегося на исследовании фундаментальных агроэкономических проблем и разработке современной аграрной теории Аграрного института (затем Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова – ВИАПИ) Всесоюзной (ВАСХНИЛ), потом Всероссийской (РАСХН) академии сельскохозяйственных наук – главный научный сотрудник, руководитель отдела (1991–2018). В системе АН СССР и РАН, а также ВАСХНИЛ и РАСХН И.Н. Буздалов прошел все ступени научной карьеры: кандидат (1962) и доктор (1973) экономических наук, профессор (1989). В 1995 г. он был избран академиком РАСХН, а в 2013 г. (после преобразования РАСХН в Отделение сельскохозяйственных наук РАН) – академиком РАН.

Иван Николаевич до конца жизни оставался активным и востребованным ученым. Он опубликовал около 700 науч-

ных и научно-публицистических работ, более половины которых включены в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Последние публикации вышли в свет в конце 2018 – начале 2019 г. уже после его скоропостижной кончины. И.Н. Буздалов недолюбливал наукометрические оценки своей исследовательской работы, однако они говорят сами за себя. К началу 2018 г. в рейтинге РИНЦ «Топ-100 самых продуктивных российских ученых» почти 90-летний И.Н. Буздалов уверенно опережал многих гораздо более молодых, «современных» научных работников. Он занимал 13 место в категории «Сельское и лесное хозяйство» и 14 – в категории «Экономика. Экономические науки». В аналогичном рейтинге самых цитируемых российских ученых он занимал соответственно 18 и 33 места¹.

Путь И.Н. Буздалова в науке был достаточно тернист, в большой мере из-за его принципиальности в отстаивании интересов российского крестьянства, поисках оптимальных путей его возрождения в новых технологически-производственных, социально-экономических, да и общественно-гуманитарных, условиях развития российского АПК. Конечно, он работал в то время, когда научная самостоятельность, и особенно инакомыслие, уже не угрожали свободе, тем более, жизни, как это было с классиками российской и мировой агро-экономической науки А.В. Чайновым и Н.Д. Кондратьевым. Тем не менее догматически настроенные партийно-бюрократические аппаратчики, причем не только в науке, которых он метко именовал «старьевщиками», активно мешали его исследованиям и научному росту. Их усилиями (включая давление и прямой подлог) была сорвана защита докторской диссертации И.Н. Буздалова в Институте экономики АН СССР в 1967 г. Она состоялась лишь через два года в Отделении общественных наук Эстонской АН, причем прохождение работы через ВАК СССР было затянuto еще на три года. С их подачи «из-за

1. dissertation-info.ru/index.php/-100-/237-100.html.

идеологически ошибочных положений» в 1967 г. был уничтожен тираж брошюры И.Н. Буздалова «Прибыль и материальная заинтересованность работников сельского хозяйства». В 1976 г. по тем же причинам издательство «Наука» отвергло его книгу «Эффективность и качество производства сельскохозяйственной продукции» (в соавт. с К.Х. Хатамовым), а в 1988 г. (и только благодаря настойчивой поддержке директора ИЭМСС академика О.Т. Богомолова) с двухлетним опозданием издало его монографию «Хозяйственный механизм в агропромышленной сфере стран СЭВ».

Несмотря на это противодействие, научная жизнь И.Н. Буздалова в целом сложилась удачно. Особенно плодотворными были ее начальный период, совпавший с «хрущевской оттепелью» и подготовкой в СССР экономических реформ, а также годы «перестройки» и начала строительства новой России. В первый период судьба свела его с т.н. «рыночниками» — учеными, повернувшими агроэкономическую науку к проблемам вывода аграрного сектора из глубокого кризиса и развития по модели современной мировой цивилизации — на основе рынка, личного интереса, укрепления крестьян, реальной кооперации. Это прежде всего В.Г. Венжер, ставший идейным наставником и научным руководителем аспиранта Буздалова, а также идейные единомышленники и коллеги по научной работе — Л.Н. Кассиров, М.Я. Лемешев, Г.С. Лисичкин, А.В. Никифоров, В.А. Тихонов и, конечно, старый друг и соратник — Г.И. Шмелев. За свои прогрессивные позиции многие из них подвергались нападкам со стороны научно-бюрократического «бетона». Так, в 1975 г. чл.-корр. ВАСХНИЛ К.П. Оболенский вполне в духе 1937 г. доносил помощнику Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева о «противодействии осуществлению решений Мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС со стороны тесно сплоченной и организованной группы экономистов, в состав которой входят Венжер, Лисичкин, Буздалов (курсив мой. — Б.Ф.), Кассиров, Лемешев, Никифоров, Шмелев, Карлюк и др. Эти экономисты в газетах, журналах, в отдель-

ных книгах выступали с критикой решений Мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС (денежные лимиты вместо планов; прибыль как единственный показатель эффективности и цель производства и т.п.). Хотя печатная продукция этих экономистов получила отрицательную оценку, но эта оценка не нашла должного резонанса. К тому же они не выступали с критикой своих порочных концепций. Аспиранты, преподаватели вузов продолжают ссылаться на эту литературу как на марксистско-ленинскую. Все это вносит большую путаницу в экономическую теорию и практику, вредит развитию экономической теории»².

В перестроечные и постперестроечные годы очень востребованными стали не только теоретические изыскания И.Н. Буздалова, но и его стремление и способность трансформировать их в практические предложения по направляемой и контролируемой государством рыночной перестройке аграрного сектора. В 1988 г. он был утвержден Постоянным советником Комиссии ЦК КПСС по аграрной политике и стал одним из авторов законов «О кооперации в СССР» (1988), «Основы законодательства СССР и союзных республик о земле» (1991), принимал участие в подготовке Указа Президента РФ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» (1991), Постановления Правительства СССР «О реорганизации колхозов и совхозов» (1991). Много лет он был членом Совета по вопросам агропромышленного комплекса при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, затем — Экспертного совета при Комитете Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию.

Оставаясь на принципиально рыночных позициях, И.Н. Буздалов в то же время критиковал государство за односторонний подход к аграрной реформе, ведущий к уклонению его от выполнения функций планомерного регулирования

2. Цит. по: Владимир Григорьевич Венжер: мыслитель, исследователь, учитель / Под ред. Т.Е. Кузнецовой, Л.В. Никифорова. М.: ИЭ РАН. 2015. С. 101–102.

рыночной эволюции сельского хозяйства, к стихийной либерализации и шоковой терапии, способствовавших деградации и спаду сельхозпроизводства, росту социальной напряженности, демографическому и морально-нравственному регрессу села. Автору этих строк, работавшему с И.Н. Буздаловым в ИЭМСС АН СССР, ИМЭПИ и ИЭ РАН около сорока лет, довелось участвовать в совместных с ним соответствующих разработках, начиная с подготовки специального доклада для Правительства РФ в 1992 г.³

Иван Николаевич был активен и в научно-организационной сфере, хотя и не имел склонности к командованию и сидению в президиумах. Вместе с А.А. Никоновым, Э.Н. Крылатых, Г.И. Шмелевым, В.Я. Узуном он участвовал в создании ВИАПИ, был редактором первой монографии этого института. В разные годы он был членом ряда научных и ученых советов, экспертом Российского гуманитарного научного фонда и до конца жизни членом редколлегии двух из ключевых научных изданий по аграрной тематике: «Международного сельскохозяйственного журнала» и журнала «Агропродовольственная политика России». Поддержка или научное руководство И.Н. Буздалова открыли путь в науку для многих экономистов-аграрников в России, других странах СНГ, ряде стран дальнего зарубежья. О его научной пунктуальности ходили легенды. В любом возрасте и при любом состоянии здоровья он точно в срок выполнял все плановые (да и внеплановые) задания. Возможно, это было связано с его крестьянским происхождением, с детства усвоенной простой истиной: не выполнишь работы в срок — не получишь хороший урожай.

Иван Николаевич был очень порядочным человеком (даже в самой жесткой борьбе с идейными противниками никогда не опускался до оскорблений, угроз, интриг), доброжелательным, с оригинальным — истинно народ-

3. Буздалов И.Н. Избранные труды. Т. 3. Кооперация. Проблемы современной аграрной реформы. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова: ЭРД, 2008. С. 8.

ным — чувством юмора. Так, написанная им в соавторстве с Г.И. Шмелёвым шуточная «Поэма о клопах» своим «социалистическим реализмом» покоряла не одно поколение обитателей старого здания Общежития аспирантов Академии наук.

В своем теоретико-методологическом подходе к исследованию комплекса аграрных отношений — от форм собственности, типов хозяйствования, межотраслевых связей сельского хозяйства до социального развития села и аграрной стратегии и политики государства — И.Н. Буздалов опирался на лучшие традиции академической научной школы Института экономики. Выяснение политэкономической сути явлений позволяло ему объективно-критически анализировать конкретные процессы и давать аргументированные рекомендации по совершенствованию аграрной политики.

В научных изысканиях И.Н. Буздалова условно можно выделить три основных тематических этапа. Первый начался с участия в дискуссии о земельной ренте (прежде всего показа несостоятельности концепции абсолютной земельной ренты), логически переросшей в «осмотрительное», по выражению И.Н. Буздалова, приближение к радикальным постановкам вопросов о рыночной природе и механизме рентных отношений, а затем — в содержательное исследование сущности и особенностей интенсификации сельскохозяйственного производства, ее экономической эффективности, изучение связи этих процессов с научно-техническим прогрессом и агропромышленной интеграцией.

Второй этап связан с разработкой методологических и прикладных вопросов рыночных аграрных преобразований, прежде всего роли прибыли и личной материальной заинтересованности, совершенствования ценового, налогового и иных инструментов хозяйственного механизма в АПК, всемерного развития кооперации как основы возрождения крестьянского хозяйства в новых условиях, с учетом опыта стран СЭВ. На этом этапе окончательно сформировались взгляды И.Н. Буздалова на содержание, основополагающие принципы, движущие силы и механизмы развития аграрных

отношений. Выход из застоя и кризиса аграрного сектора как ключевого элемента экономики он видел «в движении вперед по пути стратегического курса реформ, но в осуществлении их последовательно, поэтапно, ориентируясь на эволюционный характер перехода к новой, демократической системе социально-экономических отношений, где в основе всего — личность, личный интерес, право собственности каждого на средства производства и результаты своего труда при широкой добровольной кооперации и адекватных методах государственного регулирования»⁴.

Это кредо И.Н. Буздалов стремился реализовать на третьем этапе своих исследований, посвященных концепции, направлениям реализации и механизмам современной аграрной стратегии и политики России с учетом практики развитых мировых экономики и опыта аграрных рыночных реформ постсоциалистических стран Центрально-Восточной Европы и Китая. Выяснение политэкономической сути явлений позволяло ему объективно-критически анализировать конкретные процессы и давать аргументированные рекомендации по совершенствованию аграрной политики, несмотря на возможную негативную реакцию власть имущих. Он показывал несостоятельность концепции «особого русского пути» перехода к устойчивой производственно-структурной и социально-экономической модели современного АПК, выявлял декларативность мер государственного регулирования и поддержки крестьянства в условиях нового монопольного окружения и превращения российского села в «периферию периферии» экономического и социально-пространственного развития страны.

Иван Николаевич осознавал политическую ответственность ученых-аграрников — говорить правду крестьянству, да и обществу в целом, несмотря на возможную негативную реакцию власть имущих. В своей последней монографии он подчеркивал, что нынешняя аграрная политика «не преодо-

4. Там же. С. 10.

дела возникшего в начале реформ... провала», а затягивание адекватного обновления этой политики ведет в «стратегический тупик» с «гибельными последствиями и не только для будущего сельского хозяйства»⁵.

До конца своих дней Иван Николаевич Буздалов оставался настоящим ученым. Больше других своих наград он ценил Премию имени А.В. Чаянова, присуждаемую Российской академией наук за выдающиеся работы в области аграрной экономики. Он был удостоен этой премии в 1999 г. за монографию «Сельскохозяйственная кооперация: теория, мировой опыт, проблемы возрождения в России» (совместно с Г.И. Шмелёвым и В.Д. Мартыновым), став вторым лауреатом в истории ее присуждения.

2020 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные труды И.Н. Буздалова

Экономическая эффективность интенсификации сельскохозяйственного производ-водства. М.: Колос, 1966.

Возрождение кооперации. М.: Экономика, 1990.

Стратегия аграрной реформы в России / соавт.: Э.Н. Крылатых и др. М.: Ми-ровой банк, 1992.

Аграрные отношения: теория, историческая практика, перспективы развития / соавт.: Э.Н. Крылатых и др.; РАН. М.: Наука, 1993.

Сельскохозяйственная кооперация: теория, мировой опыт, проблемы возрожде-ния в России /соавт.: В.Д. Мартынов, Г.И. Шмелев. М.: Наука, 1997.

Земельный вопрос / соавт.: Е.С. Строев и др. М.: Колос, 1999.

Аграрная реформа в России: концепции, опыт, перспективы / соавт.: Н.И. Кресникова и др. М.: Энцикл. рос. деревень, 2000. — (Науч. тр. / Все-рос. ин-т аграр. пробл. и информатики; вып. 4).

Теоретическое наследие аграрников-экономистов 50–80-х гг. и аграр-ная реформа в России / соавт.: Г.И. Шмелев и др. М.: Академия, 2001.

5. Буздалов И.Н. Аграрные отношения и аграрная политика современной России. Екатеринбург: Уральское издательство, 2016. С. 22, 170, 177.

Социально-экономические проблемы аграрной политики и развитие / соавт.: Л.Ф. Арсенкина и др.; Всерос. ин-т аграр. пробл. и информатики им. А.А. Никонова. М.: Энцикл. рос. деревень, 2002.

АПК Российского Черноземья: состояние, опыт, стратегия развития / соавт.: И.Ф. Хицков и др.; НИИ экономики и орг. АПК ЦЧР РФ и др. Воронеж: Воронеж, 2003.

Аграрная теория: концептуальные основы, тенденции развития, современные представления / Всерос. ин-т аграр. пробл. и информатики им. А.А. Никонова. М.: Academia: ПИК ВИНТИ, 2005.

Избранные труды: в 3-х т. / Всерос. ин-т аграр. пробл. и информатики им. А.А. Никонова. М. 2008. Т. 1. Интенсификация, земельная рента, эффективность; Т. 2. На тернистом пути научной «реабилитации» рыночной системы аграрных отношений; Т. 3. Кооперация. Проблемы современной аграрной реформы.

Методы оценки территориального разделения труда и территориальной органи-зации сельского хозяйства / соавт.: В.Ф. Башмачников и др.; Всерос. ин-т аграр. пробл. и информатики им. А.А. Никонова. М., 2012.

Российское село и крестьянство в тисках монопольного окружения: моногр. М., 2013.

Состояние и перспективы развития потребительской кооперации в России: науч. изд. / соавт.: А.Е. Бусыгин и др. М.: Ярославль: Канцлер, 2016.

Аграрные отношения и аграрная политика современной России. Екатеринбург, Уральское издательство, 2016.

Литература о И.Н. Буздалове

Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. С. 336, 337.

Дрындин В.А. К вопросу историографии советских экономических реформ начала 1950-х – первой половины 1960-х годов // Вестник Оренбургского государственного университета (ОГУ). 2004. № 10. С. 87–93.

Куликов И.М., Пошкус Б.И. 50 лет на передовой научного аграрного фронта // Вестник Института экономики РАН. 2008. № 4.

Мазлоев М.З. Разомкнутся ли тиски монополизма для крестьянства // Экономическая наука современной России. 2015. №2(69). С. 154–155.

Алтухов А.А. О ключевых основах извечного в России «аграрного вопроса» // Вестник Института экономики РАН. 2017. № 2. С. 188–191.

А.Г. Истягин

д.и.н.

**ВАРГА
ЕВГЕНИЙ САМУИЛОВИЧ
(1879—1964)**

Евгений Самуилович Варга принадлежит к числу тех относительно немногих советских обществоведов, получивших при жизни самое широкое, в том числе и международное, признание. Его исключительно активная творческая деятельность продолжалась почти 60 лет. Ученым было опубликовано только лично свыше 800 книг, статей, брошюр, не говоря уже о не поддающемся прямому

учету количеству записок и экспертных заключений. Он был удостоен — случай нечастый даже среди очень именитых людей советской науки — трех орденов Ленина и ордена Трудового Красного Знамени, Ленинской премии (1963 г.) Варга занимал целый ряд ответственных постов в организационных структурах науки. Помимо бессменного (с 1927 г.) директорства в Институте мирового хозяйства и мировой политики (ИМХМП, чаще — просто ИМХ) и главного редакторства в его органе, журнале «Мировое хозяйство и мировая политика», он занимал еще и посты директора существовавшего в 1920—1930-х гг. Института Красной профессуры мирового хозяйства и мировой политики, был членом Президиума Академии наук СССР, академиком — секретарем Отделения

экономики АН СССР, членом бесчисленных редакционных коллегий и ученых советов.

В последние годы своей жизни он был знаковой, хотя и сугубо теневой, фигурой в общественных кругах, выдвигавших и обсуждавших проекты преобразований экономики, государственной и общественной системы в Советском Союзе и в других странах социалистического содружества. Ему особенно был близок венгерский опыт социально-экономических преобразований, в который он внес и свой конкретный вклад.

Далеко не все творческое наследие Е.С. Варги полноценно исследовано. В наибольшей мере к адекватности оценки всех сторон его деятельности приближается вышедший в 1981 г. по специальному решению Ученого совета ИМЭМО обобщающий коллективный труд (22). Выпущенная в 1991 г. книга воспоминаний В.И. Каплана (23) позволила прояснить некоторые моменты в жизни и деятельности ученого, но в целом носила незавершенный и несколько отрывочный, субъективно-схематичный характер. В середине 1990-х гг. основательное исследование творчества Е.С. Варги предпринял немецкий историк Г. Дуда, не только изучивший западные публикации, но и впервые привлечший ряд актов из советских архивов (28). В недавно вышедшем труде П.П. Черкасова об ИМЭМО сделана попытка во вводном разделе дополнительно осветить, в том числе на основе открывшихся архивных фондов, некоторые обстоятельства, связанные с закрытием ИМХ в 1947 г. (27. С. 43–61).

Е.С. Варга родился в 1879 г. в семье австро-венгерского еврея, сельского учителя, по-видимому, уже из отчего дома прихватил изрядный ресурс радикализма. В Будапештском университете, где после окончания родной школы очутился одаренный юноша, он быстро становится приверженцем левого социализма. Особенно близкими Варге оказались концепции люксембургского направления марксизма, сводившегося, в той или иной мере, к идее неизбежности коллапса капиталистической экономики вследствие цикли-

ческого кризиса. Абсолютизация кризисного катастрофизма была позднее ученым оставлена, но повышенное внимание к циклам и кризисам он сохранил на всю жизнь. В 1906 г. 27-летний Варга вступает в социал-демократическую партию Австро-Венгрии и благодаря своим необычайным способностям вскоре становится редактором центрального органа партии в Будапеште газеты «Непшава». Его репутация глубокого знатока экономики, особенно вопросов финансов, быстро укрепляется. В 1917 г. он публикует специальное исследование «Деньги: их власть в мирное время и крах во время войны» (18. С. 21–112), принесшее ему международную известность.

В 1919 г. Е.С. Варга оказался в числе активных сторонников и участников венгерской революции. Он вошел в состав Венгерского революционного правительства, причем занял в нем ключевой пост сначала народного комиссара финансов, а затем – председателя Высшего совета народного хозяйства. В 1920 г., после поражения революции на родине, Варга эмигрирует в Советскую Россию, где сразу же устанавливает тесные контакты с В. Лениным, Л. Троцким, Н. Бухариным, В. Осинским, К. Радеком и другими партийными и государственными деятелями, журналистами, учеными Советской России. Вскоре определяется его специфическое амплуа – консультирование структур Коминтерна по экономическим и финансовым вопросам. Варга берет на себя организацию и заведование информационно статистической службой Коминтерна, первоначально располагавшейся в Берлине. Как эрудированный знаток конкретики мировой экономики, к тому же прошедший одну из самых серьезных в европейской социал-демократии теоретическую школу «австромарксизма», Е.С. Варга первостепенное значение придает объективному анализу мировых экономических и социальных процессов. Эти методические принципы заняли приоритетное место и в творческих исканиях того ИМХа, который Варга после завершения своей берлинской миссии официально возглавил в декабре 1927 г.

В течение труднейших 20 лет, с 1927 по 1947 г., Е.С. Варга руководил ИМХом, который и был им превращен в главный центр советской мирохозяйственной аналитики, так что в этом смысле получившие и в стране, и за рубежом хождение термины «школа Варги» «институт Варги», были вполне оправданы. В позднейшей, особенно западной, литературе успех Е.С. Варги чаще всего объяснялся благоволением к нему лично И.В. Сталина, заинтересованного в экспертном обслуживании своего курса. Это соответствовало истине, но Варга и сам придавал первостепенное значение консультированию советского руководства, особенно по вопросам мировой хозяйственной конъюнктуры, и тут ему не приходилось делать особых усилий ни над собой, ни над сплоченным им коллективом. Что касается знаменитого тезиса о «победе социализма в одной отдельно взятой стране», вокруг которого шла тогда основная борьба, то Варга и его друзья вполне искренно в этом деле поддерживали аргументацию Бухарина и Сталина в противовес доводам Троцкого (последнего разочаровала именно позиция Варги, на поддержку которого он определенно рассчитывал).

В научную заслугу Е.С. Варге для периода конца 1920 — середины 1930-х гг. следует поставить само возбуждение в имховской и более широкой академической среде целого ряда тем и проблем по исследованию мировых процессов. В тогдашней крайне сложной и изобиловавшей рисками обстановке в Советском Союзе, где гражданская война не столько закончилась, сколько внедрилась в глубины самой социальной ткани, ответы в лоб на ставившиеся вопросы были иной раз невозможными по психологическим мотивам. Характерна в этом плане проведенная в конце 1920 — начале 1930-х гг. серия обсуждений концепции так называемого «организованного капитализма» Р. Гильфердинга. Е.С. Варга подверг эту концепцию «организованного капитализма» острой критике, апеллируя в особенности к реалиям развертывавшегося тогда кризиса перепроизводства. В то же время Варга, насколько это от него зависело, способ-

ствовал относительно свободному обсуждению возникшей темы, тщательному учету всех суждений по этой проблематике, высказывавшихся в нашей стране и за рубежом, в том числе в интеллектуальных кругах Коминтерна. В имховском обиходе тема регулируемой капиталистической экономики в итоге оказалась официально застолблена, и над ней и сам директор, и когорта наиболее видных его сотрудников стали отныне основательным образом размышлять, хотя в выходившей продукции это не сразу нашло свое отражение.

Е.С. Варга, безусловно, отрицательно относился к диктаторским методам Сталина и культу его личности, и тем более к репрессиям, жертвами которых оказалось очень большое число его ближайших друзей по ИМХу, по Коминтерну и Академии наук. Он не страшился идти на огромный личный риск, пытаясь, в том числе и посредством прямых обращений на «высочайшее имя», вызволять арестованных товарищей. Но Варга даже в предсмертных своих записях, делавшихся осенью 1964 г., когда о сталинских зверствах уже была опубликована масса ужасающих подробностей, твердо придерживался убеждения, что «ошибки Сталина», при всех их последствиях, «исторически исправимы» (21. № 3. С. 157). Впрочем, контекст не позволяет определенно ответить на вопрос, что собственно он понимал под «историческим преодолением» сталинизма. Во всяком случае — не реставрацию капитализма в тех формах, которые преподнесла постсоциалистическая российская действительность

Важнейшим достижением Е.С. Варги и всей его школы в довоенный период явилось всестороннее изучение экономических кризисов, а на этой основе самой кризисности как диалектического феномена в развитии мирового капитализма, мировой экономики и международных отношений, включая проблематику войны и мира, безопасности, антивоенной и антиимпериалистической борьбы, движений за колониальное и национальное освобождение. Как бы ни оценивать с позднейших позиций «эмпирический марксизм», которым, по словам Г. Дуды, последовательно руководствовался

Е.С. Варга и его коллектив (28, с. 28–30), остается фактом, что на основе этой научной методологии, с рядом действительно заидеологизированных категорий и понятий (см.: 26. С. 145–152), Варге удавалось получать весомые научные результаты. При этом, конечно, ученому приходилось прибегать к условным формулам, писать намеками, заслоняться цифирью от обвинений в «апологии капитализма», ибо начальствующие инстанции с трудом и не сразу, а только с подготовкой, могли воспринять выводы о происходящем прогрессе, росте производительных сил и при капитализме, о фактах и механизмах смягчения кризисов, модификации их функций.

Созданные по инициативе, под руководством и, как правило, при весьма конкретном личном участии Е.С. Варги работы – книги, статьи, доклады – получили широкое международное признание. Первая книга из задуманной серии о мировых кризисах вышла в свет в раскаленном 1937 г. и состояла – по отнюдь не лишним тактическим соображениям – почти из одних (десятки тысяч) цифр. Я.А. Певзнер позднее досадовал на то, что мысль о возросшей роли государства в экономическом процессе не была четко зафиксирована уже в обширном варговском предисловии к первой книге (7. С. 3–61). Варга в данном случае проявил понятную осторожность. Но в ряде параллельных высказываний он, начиная с фазы рассасывания «великой депрессии», предпринимал существенную коррекцию своих и своих друзей оценок, выдвигая тезис, согласно которому разрешение кризиса может быть обеспечено в рамках капитализма, без ожидавшегося до этого «революционного выхода».

Последовательно держась методологии творческого марксизма, Варга, насколько мог, старался снимать чрезмерную классовую редукцию с конкретных характеристик капиталистических экономик. Так, еще в 1929 г. на сессии исполкома Коминтерна он подверг сомнению догму об абсолютном обнищании пролетариата. Оказалось – преждевременно! Но в середине 1930-х гг. в этом плане произошел позитивный сдвиг. VII конгресс Коминтера (1935 г.), в подготовке

которого Е.С. Варга, лично близкий с Г. Димитровым, принял самое деятельное участие, сформулировал лозунг единого антифашистского фронта и в связи с этим убрал, наконец, абсурдный и крайне вредный для интересов социалистического и антивоенного движений тезис о социал-демократии как о «социал-фашизме». Это позволило Е.С. Варге в своем институте развернуть тематику защиты мира, разоружения, особенно в связи с намеченной Лигой Наций конференцией по разоружению, общественными акциями по обеспечению безопасности и противодействия актам агрессии. Позднее Варге досталось за одно из заключений по этой линии — об истощении германских ресурсов горючего для Вермахта (8). Прогноз объявили чуть ли не вредительским, а дело было просто в том, что Вермахт потерпел разгром до грозившего ему обострения бензинового голода.

В годы войны академик, помимо текущих дел по институту и журналу, интенсивно трудился над своим важнейшим фундаментальным произведением, призванным дать объективное отображение картины капиталистического мира и международных отношений. Новая работа Е.С. Варги, быстро ставшая событием в интеллектуальной жизни, вышла в свет летом 1946 г. Она носила хронологически ограничивающее название «Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны» (10). В действительности в ней производился анализ капитализма за длительный срок, в ряде аспектов за всю послереволюционную эпоху. Содержались в ней и весьма смелые суждения о тенденциях будущего развития. В центре весьма стройной логической структуры стоял, как и следовало ожидать, вопрос государства и его роли — всего того, что обозначилось вскоре категорией «государственно-монополистического капитализма».

Отказ от примитивной формулы «государство-слуга монополий», последовательно проведенный в монографии, снимал барьеры развитию исследовательской мысли в самых различных сферах капиталистического общества. Е.С. Варга и сам показал образцы освобождающего действия более гиб-

ких интерпретаций и подал сигнал для новых методологических постановок другим исследователям. В результате имховские исследователи во главе со своим лидером плодотворно вышли на темы, ранее остававшиеся, во всяком случае для публичного раскрытия, табуизированными, и прежде всего на сюжет государственного регулирования капиталистической экономики.

В момент своей публикации первая послевоенная крупная работа Е.С. Варги вызвала раздражение кремлевских сфер. Развертывалась холодная война, и сталинский режим начинал нервно реагировать на любые объективные оценки действительной силы своего системного противника. Варга и его институт к тому же дали и другие поводы для недовольства: в закрытых записках, а иной раз и в публикациях, ими проводились крамольные идеи о необходимости повышения жизненного уровня, о конверсионно-демилитаризационной переориентации производства, а с этой целью и о желательности сокращения военных расходов, отказа от гонки вооружений (23. С. 142–147). Этого, наряду с целым рядом частных, ведомственных и личных моментов, было достаточно, чтобы сначала открыть против Варги и института кампанию критических разосов, а затем перейти и к оргвыводам. Осенью 1947 г. ИМХ был слит с Институтом экономики АН СССР.

Сегодня по истечении почти шести десятилетий после тех событий приходится удивляться не столько разгрому школы Варги, сколько тому, как мало преуспели ее закрыватели из числа административного начальства и академических догматиков. В противоположность прошлым чисткам кадры имховцев, а это самое важное, пострадали относительно незначительно. Так или иначе, большинство исследователей удалось спасти, укрыв их, помимо Института экономики АН СССР, на педагогических кафедрах, в просветительских звеньях, в журналистских и издательских корпорациях. Исследовательские программы, конечно, были свернуты, но и то не полностью. Получилось так, что ИМХ и его руководство продолжил творческую, и даже общественную, жизнь

в традиционной для советской интеллигенции окукленной форме. И это была, в известной мере, победа, а не поражение.

Сам Е.С. Варга, зачисленный с осени 1947 г. в штат Института экономики АН СССР, встретил там в целом благожелательное к себе отношение. В течение двух первых лет он параллельно продолжал также руководить своим журналом (который закрыли в 1949 г.). Пришлось, правда, отдавать дань ритуальной самокритике, но ученый сумел и в этих условиях отстоять важнейшие из своих позиций. Особое внимание заслуживает его участие в проходившем в 1951–1952 гг., по указанию и при участии самого вождя, обсуждении в ЦК партии проекта учебника политэкономии. В одном из своих выступлений в «секции по вопросам капитализма», куда он был, несмотря на опалу, включен, Варга подверг сокрушительной критике идеологизированный тезис о непримиримости империалистических противоречий и в связи с этим о неизбежности внутримпериалистических войн (24. С. 145).

Конечно, некоторое время пришлось уменьшить количество публикуемой продукции. Но и работа в стол не пропала даром. Можно даже сказать, что разгрузка от оргфункций дала дополнительный стимул к творчеству. Наблюдения и изыскания этих лет Варга суммировал в очередном труде по экономике и политике империализма, вышедшем в свет после смерти И.В. Сталина в 1953 г. и сразу же переведенном на многие иностранные языки. Правда, эта работа еще носила на себе отпечаток предшествующей избыточной «самокритики», но после XX съезда КПСС автор переиздал эту работу в очищенном от наиболее одиозных наслоений виде (1957 г.). За этой работой с интервалом в два года последовала развернутая характеристика экономики и политики капитализма середины века, сначала в виде статьи в органе тем временем открытого при его самом активном содействии Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), а затем отдельной книгой (1961). Вышедшие в год смерти академика его очерки по политэкономии капитализма (17) оказались в центре внимания всей шестидесят-

нической общественности, а не только специалистов-исследователей.

В числе выдвинутых и детально обоснованных автором в последних трудах положений — выводы о неизбежности дальнейшей сверхмонополизации капитала, углублении научно-технической революции, росте массовой безработицы, обострении мировых (вскоре их назовут глобальными) проблем, о модификации экономических кризисов, включая сокращение циклов и конкретной наполняемости их фаз. В политической плоскости центральным был данный в ряде вариантов вывод о возможности в условиях противостояния двух мировых систем предотвращения Третьей мировой войны.

Некоторые тезисы формулировались теперь автором намеренно провокативно, с приглашением к развертыванию творческих обсуждений. Так, для многих оказалось неожиданной резкая критика Е.С. Варгой кейнсианства, хотя академик и признавал за этой моделью хозяйственной политики способность смягчать при определенных условиях проблему занятости и уменьшать иные социальные издержки. По всей очевидности, Варга видел будущее в самом регулировании капиталистической экономики не столько за манипуляциями с учетной ставкой, сколько за прямым, хотя и неизбежно частичным в капиталистических условиях, государственным планированием. Еще более высоко он оценивал перспективы планирования для развивающихся стран. К сожалению, конкретизировать, развить и обобщить эти свои идеи ученый уже не успел.

Через 25 лет после смерти Е.С. Варги, случившейся в октябре 1964 г., журнал «Полис» опубликовал его предсмертные записки, которые он оставил близким с надписью на запечатанном конверте «Вскрыть через 25 лет». Оказалось, что в последние месяцы своей жизни, освободившись от издания работ по вопросам капитализма, ученый нашел время для наблюдений и над тогдашней советской действительностью. В целом она внушала ему глубокую тревогу. Варга

хорошо понимал, что, несмотря на бравурные заявления Н.С. Хрущева, которого он, между прочим, не очень высоко ценил, дело идет к генеральному тупику всего реалсоциалистического эксперимента.

Варга последовательно подтверждал свои прежние негативные квалификации капитализма и империализма, указывал на необходимость решительной борьбы в мировом масштабе особенно против последнего. Ни малейших иллюзий в отношении капитализма как строя, и даже рыночных отношений, у него, в отличие от большой массы тогдашних советских интеллектуалов, не появилось. Тут уместно вспомнить, что основная его послевоенная книга «Основные вопросы экономики и политики империализма» с модификациями в других изданиях, жила в пору 1950–1960-х гг. несколько особой от автора жизнью. Если власти и догматики от науки осуждали ее за «ревизионизм», будто бы лишь прикрытый, как они находили, марксистскими оборотами, то часть общественности, тяготеющая к оппозиционности, ценила ее именно за встречающиеся в ней позитивные оценки капитализма, в сущности также отмечая как обязательку авторский марксизм. Теперь выяснилось, что автор не кривил душой и не маскировался. Он подвергал безжалостной критике позднесоветскую модель именно за то, что она дискредитировала социализм как строй, как цель, как идеал. Главную причину коллапса советской системы Варга усматривал в бюрократизации и в разложении, в большой мере на вполне рыночной основе, советской партийной и государственной верхушки. В пору его предсмертного текста в характеристике буржуазного перерождения партийной бюрократии автор выходил на известный прогноз Л.Д. Троцкого, с которым теперь без обиняков и солидаризировался.

Как революционер Е.С. Варга склонялся к выводу о близком исчерпании советской моделью ее авангардного в мировом революционном процессе потенциала. В связи с этим он обращал свои взоры к Китаю, полагая, что центр мирового революционного процесса перемещается туда. Как исследо-

ватель капитализма и империализма Варга видел основную перспективную силу противодействия экспансии монополистического капитала, прежде всего американского, в первую очередь в социалистическом Китае. Это не значит, что он уже тогда полностью ставил крест на самом Советском Союзе, других социалистических странах, национально-освободительных и иных социальных движениях (в тексте ощущтим косвенный учет набравшего тогда силу левого движения на Западе). Но главные свои надежды Е.С. Варга все же связывал с поднимавшимся азиатским социалистическим колоссом. Отсюда у него некоторый, как сегодня сказали бы, евразийский налет в рассуждениях, подчеркивания важности учета ментальных и цивилизационных отличий Востока от Запада.

В целом Е.С. Варга и в предсмертных заметках не ставил последней точки. Очевидно, он еще надеялся по обыкновению вернуться к своим предварительным соображениям для их развития и конкретизации. Автор, писавший о своей предстоящей «смерти в печали», все-таки жил планами на будущее. Теплилась, конечно, и надежда на то, что, может быть, его мысли, предположения и предупреждения пригодятся новым поколениям социалистов и ученых. Этого не случилось через 25 лет. Представляется, однако, что близится более благоприятное время для обращения не только к выводам, научным достижениям, но и к сомнениям и исканиям Е.С. Варги.

2005 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы Е.С. Варги

1. Мировое хозяйство (сборник статей). М.: РИО–ВСНХ, 1922.
2. Кризис мирового капиталистического хозяйства. М.: Госиздат, 1923.
3. План Дауэса и мировой кризис 1924 г. М.: Московский рабочий, 1925.
4. Новый этап в репарационном вопросе. М.: Изд-во Ком. Академии, 1929. [Совместно с В. Горфинкель и др.]
5. Между VI и VII конгрессами Коминтерна. Экономика и политика. 1928–1934 гг. М.: Партиздат, 1935.
6. Производительные силы бунтуют против капитализма. Плановое хозяйство у нас – «плановый» обман у них. М.: Партиздат, 1935.
7. Мировые экономические кризисы 1845–1935 гг. / Под ред. Е. Варги. Т. 1. Сравнительные материалы по истории кризисов в важнейших капиталистических странах. М.: Огиз, 1937.
8. Истощение хозяйственных ресурсов в Германии. М.: Воениздат, 1941.
9. Исторические корни особенностей германского империализма. Магадан: Советская Колыма, 1943.
10. Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны. М.: Госполитиздат, 1946.
11. Демократия нового типа. Вологда: Северный путь, 1947.
12. Основные вопросы экономики и политики империализма (после второй мировой войны). М.: Госполитиздат, 1953.
13. Основные вопросы экономики и политики империализма (после Второй мировой войны). 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1957.
14. Капитализм двадцатого века. М.: Госполитиздат, 1961.
15. Современный капитализм и экономические кризисы. Избранные труды. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1965..
16. Ослабление позиций США как мировой державы // Новое время. 1964. № 8.
17. Очерки по проблемам политического капитализма. М.: Политиздат, 1964.
18. Начало общего кризиса капитализма. Избр. произведения. М.: Наука, 1974.
19. Экономические кризисы. Избр. произведения. М.: Наука. 1974.
20. Капитализм после Второй мировой войны. Избр. произведения. М.: Наука, 1974.
21. Вскрыть через 25 лет // Полис. 1991. № 2, 3.

Литература о Е.С. Варге

22. Аникин А.В. Евгений Самуилович (Ене) Варга // Аникин А.В. Люди науки. Встречи с выдающимися экономистами. М.: Дело Лтд, 1995. С. 45–50.
23. Творческое наследие Е.С. Варги. М.: ИМЭМО АН СССР, 1981.
24. Каплан В.И. Важнейшие события международной жизни и деятельности Института мирового хозяйства и мировой политики. М.: ИМЭМО РАН, 1991.
25. Певзнер Я.А. Жизнь и труды Е.С. Варги в свете современности // МЭиМО. 1989. № 10.
26. Певзнер Я.А., Истягин Л.Г. Академик Варга Е.С. // Академики-экономисты России. М.: ИЭ РАН. 1999. С. 90–113.
27. Истягин Л.Г. В тисках идеологии, под гнетом власти // МЭиМО. 1995. № 9.
28. Черкасов П.П. Портрет на фоне эпохи. М.: Изд-во «Весь мир», 2004.
29. Duda G. Jeno Varga und die Geschichte des Instituts für Weltwirtschaft und Weltpolitik in Moskau. 1921–1970. Zu den Möglichkeiten und Grenzen wissenschaftlicher Ausladsanalyse in der Sowjetunion. Berlin: Akademie-Verlag, 1994.

М.И. Воейков

д.э.н.

Т.Е. Кузнецова

д.э.н.

**ВЕНЖЕР
ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ
(1899—1990)**

Владимир Григорьевич Венжер представляет одну из самых ярких фигур в истории советской экономической мысли, точнее, политической экономии социализма. Он был, пожалуй, самым крупным представителем социалистической мысли в аграрной экономической науке советского периода. Разных и хороших ученых-аграриев было достаточно, но только В. Венжеру удалось наиболее глубоко

и последовательно отразить кооперативные, а следовательно, социалистические, в его понимании, потребности крестьянства. По сути дела его можно считать последним представителем весьма популярной в России в конце XIX и в начале XX в. теории кооперативного социализма. И удивительно, как он смог выжить все годы, разделяя близкую к эсеровской концепцию социализма. Правда, на него всегда смотрели как на диссидента советской экономической науки, иногда жестко критиковали, иногда давали возможность печатать свои научные труды.

Может быть, ему помогла его неугомонная натура и вполне революционная биография. Родился В.Г. Венжер 28 января 1899 года в Крыму, где и закончил гимназию.

В 1916 году поступает на физико-математическое отделение Московского университета, в 1917 году — участник Октябрьской революции в Москве, в 1918 году вступает в РКП(б), затем Гражданская война. После демобилизации в 1921 г. из Красной Армии — на партийной работе (1921—1936 гг.). Одно время даже был секретарем семипалатенского обкома партии, но был снят с этой должности. Учился в Институте красной профессуры, по окончании которого стал начальником политотдела МТС (1933—1934 гг.), затем — директором зернового совхоза (1936—1938 гг.). Но выгнали и оттуда. С 1939 года до самой своей смерти — научный сотрудник Института экономики АН СССР. Когда спрашивали В.Г. Венжера, как ему удавалось выживать все годы сталинщины, находясь на партийных и хозяйственных постах, он отвечал, что «всегда имел свое собственное мнение, которое фиксировалось в протоколах». Этот нонконформистский характер Венжера позволил ему не только прожить длительную жизнь в сложнейшее время, но и составить заметный вклад в аграрные проблемы политической экономии социализма.

В.Г. Венжер получил всесоюзную известность после письма И.В. Сталина в его адрес: «Ответ товарищам Саниной А.В. и Венжеру В.Г.», которое вошло составной частью в книгу И. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Это слишком хорошо известная книга, предопределившая на долгие десятилетия состояние экономической теории в нашей стране. Для того, чтобы было понятнее как в эту эпохальную книгу умудрился попасть В. Венжер и что было потом, следует несколько пояснить историю появления этой книги.

В 1951 г. ЦК партии (а значит, Сталин) затеяли экономическую дискуссию по проекту учебника политической экономии. В Кремле собрали ведущих ученых-экономистов, которые обсуждали разные, относящиеся к предмету, вопросы, а также писали разные записки и письма лично Сталину. Последний сидел в Сочи и изучал доставляемые ему каждый

день самолетом материалы дискуссии. В целом было ощущение, что Сталин внимательно, хотя и таким своеобразным образом, следит за обсуждением. Причем указывалось, что можно писать Сталину «все что хочешь, и ничего не будет», как потом вспоминал сам В.Г. Венжер. Некоторые и постарались, например Л. Ярошенко, который написал такое, что его сразу же после дискуссии отправили в далекую ссылку.

В. Венжер поступил умнее. Они, вместе со своей женой и другом, доцентом МГУ А.В. Саниной, тщательно изучив работы И.В. Сталина, приводили в своем письме высказывания Сталина из его более ранних выступлений о необходимости продажи техники МТС колхозам. На что получили, наверно, самый благожелательный ответ от Сталина: «Я получил ваши письма, — пишет Сталин [было всего 6 писем]. Как видно, авторы этих писем глубоко и серьезно изучают проблемы экономики нашей страны»¹. Но это не спасло ни Венжера, ни Санину от проработок после знаменитой научной дискуссии. А.В. Санина вынуждена была уйти из МГУ, а В.Г. Венжер избежал обычной для того времени участи чудом. Его «ошибки» хотели обсудить на партийном собрании Института экономики АН СССР, но Венжер болел, а потом умер и сам Сталин.

В. Венжер в своих письмах исходил из того, что если колхозы являются действительно кооперативными предприятиями, как официально тогда считалось, то они должны быть собственниками средств производства и результатов своего труда. Во всяком случае, колхозы должны сами решать, что им брать в аренду, а что приобретать в собственность, в том числе, конечно, и сельскохозяйственную технику.

Иначе на это дело смотрел И.В. Сталин. Он писал, что, «предлагая продажу МТС в собственность колхозам, тт. Санина и Венжер делают шаг назад в сторону отсталости и пытаются повернуть назад колесо истории», «основная ошибка тт. Саниной и Венжера состоит в том, что они не понимают роли и значения товарного обращения при социа-

1. Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 84.

лизме, не понимают, что товарное обращение несовместимо с перспективой перехода от социализма к коммунизму»². Так Сталин не разрешил продавать технику колхозам.

Сегодня, конечно, этот спор кажется далеким и не очень существенным. Более того, в тех пределах, в которых тогда оказалась советская экономическая теория, он вообще не разрешим. Действительно, абстрактно-теоретически Сталин был прав, что с перспективой перехода к коммунизму товарное обращение должно было бы сужаться. В. Венжер же был прав практически. Во-первых, кооператив есть кооператив, и он сам должен решать свою хозяйственную судьбу, что покупать и что продавать. Во-вторых, полное владение сельскохозяйственной техникой колхозами или совхозами для тех экономических условий было практической необходимостью. Более того, можно даже сказать, что Венжер был более прав, ибо он имел в виду в первую очередь улучшение хозяйственной практики, а не чистоту теоретических догм. И. Сталин укладывал практику в короткое ложе догм. В.Г. Венжер же всецело исходил из потребностей практики и согласовывал ее с той теорией (теория кооперации), которая выдержала проверку в России на протяжении нескольких десятков лет. Тем более, что сегодня совершенно очевидно явное противоречие сталинской экономической теории классическим марксистским положениям социализма.

И с этой точки зрения следует рассматривать роль и значение не только В.Г. Венжера, но теоретические постановки и всех выдающихся деятелей общественной науки советского периода.

Как бы ни оценивать и ни относиться к советскому периоду нашей истории, но следует признать как непреложный факт существования в России с 1917 по 1991 г. особого социально-экономического строя, который можно называть советским строем, советской системой, советским типом экономической системы и т.д. Хотя эта система имела

2. Там же. С. 91, 92.

с социализмом в классическом его понимании некоторые внешние общие черты, и то лишь скорее фразеологические. Эта система имела и свою идеологию, и свою общественную науку, в том числе и политическую экономию социализма. В.Г. Венжер и являлся наиболее ярким представителем аграрной ветви этой науки.

Сегодня многие стараются забыть или перечеркнуть весь советский период, и в том числе советскую экономическую науку. Конечно, в этой науке было разное. Но, тем не менее, она пыталась решать и решала многие конкретные проблемы хозяйственного развития, позволила создать мощное государство с громадным экономическим потенциалом. Более того, многие политэкономические разработки были направлены на развитие общества в сторону все большего социализма, как тогда все это дело понимали. Все это можно объединить понятием политической экономии социализма.

Итак, признаем факт существования советской политической экономии социализма как непреложный. Даже несмотря на то, что, на наш взгляд, социализма в точном марксистском понимании у нас не было. Здесь могут нам возразить, что же это за наука того, чего, как вы сами считаете, не было.

Действительно, трудно представить науку, которая изучает то, чего нет в реальности. Но тут случай особый. Социалистическая мысль появилась задолго до того, как возникли какие-либо предпосылки социализма. Если оставить в стороне утопические сочинения, а взять период, начиная с марксистской разработки вопроса, то обнаружим, что имеется довольно обширная научная литература, где серьезно обсуждаются различные проблемы лучшего устройства будущего общества, то есть социализма. Значит, если самого социализма нет, то наука о нем уже существует много десятилетий и насчитывает многие сотни, если не тысячи, серьезных научных сочинений.

Более того, по многим представлениям, социализм не приходит в мир каким-либо стихийным образом, а созна-

тельно вырабатывается обществом. Это вытекает прежде всего из классического марксизма и из работ почти всех других социалистических мыслителей. Поэтому в данном случае можно говорить, что социальная наука социализма (и политэкономия социализма в том числе) — это наука о том, что будет, а не о том, что есть. Именно в этом смысле создавал свою теорию «конструктивного социализма» лидер эсеровской партии Виктор Чернов. И надо отметить, что многие мысли В. Венжера были весьма близки к положениям В. Чернова.

Это достаточно важный момент, он характеризует сложившуюся методологию отечественной экономической науки, которая полностью сохранилась и до сегодняшнего дня. Суть дела состоит в том, что почти все серьезные экономические сочинения советского периода были написаны в нормативном плане, т. е. содержали некие предложения по улучшению тех или иных сторон экономической системы. Просто описательные работы, выполненные, как сейчас говорят, в дескриптивном методе, не считались достаточно научными. Таким образом, в случае социализма можно говорить об общественной науке того, что на сегодняшний день еще не имеется.

С этой точки зрения и следует анализировать вклад В.Г. Венжера в развитие политической экономии социализма, то есть вклад в науку о лучшем устройстве общества. Политическая экономия социализма в нашей стране выполняла несколько функций.

Одной из них была конструктивная функция, когда пытались усовершенствовать различные стороны и формы социалистического общества. Причем многие наиболее дальновидные или умные ученые полагали, что то общество, которое реально существовало в советский период, можно было называть социалистическим только условно, с оговорками. И мыслили себе настоящее социалистическое общество где-то в будущем. Конечно, об этом четко и откровенно нельзя было сказать, но намеков в соответствующей литературе было

предостаточно. В последней своей книге (о которой мы подробно поговорим ниже), написанной в последний год жизни, В. Венжер писал более откровенно: «Наш социализм ни полным, ни даже развернутым пока что далеко не является. Раз так, то, следовательно, переходный период от капитализма к социализму все еще продолжается и будет продолжаться до тех пор, пока это строительство не завершится в полной мере или во всяком случае не достигнет состояния всеобщего достатка»³.

В этом конструктивном направлении политической экономии социализма было много легче развернуться в теоретических построениях, высказывать различные взгляды, разворачивать дискуссии. Почти все основные дискуссии в советской экономической науке как раз охватываются этой функцией. Собственно говоря, эта функция и соответствует основному предназначению политической экономии социализма.

Другая функция политической экономии социализма — это создание общей теории социализма. Такие попытки были у многих исследователей, но результат их чрезвычайно ничтожный. Главная причина состоит опять же в том, что советскую практику многие исследователи принимали за практику социалистического общества и никак не могли ее непротиворечиво увязать с классическим марксизмом или с какой-либо другой общей социалистической теорией.

В этом отношении В. Венжер составлял исключение. Но перед ним стояла другая трудность. Он не был ортодоксальным приверженцем классического (в каутскианской его трактовке) марксизма, он почти всю свою жизнь развивал и отстаивал теорию кооперативного социализма. В той же последней книге он писал: «Полный социализм есть строй кооперативный»⁴. Но все это он не мог откровенно писать в советский период, приходилось маневрировать. То есть конкретные разработки по развитию колхозной кооперации он

3. Венжер В.Г. Как было, как могло быть, как стало, как должно стать. Вопросы истории нашего строя. М., 1990. С. 50.

4. Там же. С. 87–88.

сделал почти в полной мере, что всегда вызывало оживленную дискуссию, и даже жесткую критику. Но вот общую теорию кооперативного социализма ему разработать не удалось, вернее, ему не позволили. Но даже то, что удалось сделать В. Венжеру, достойно изучения и переосмысления и сегодня.

Итак, В. Венжер был представителем кооперативного социализма, можно даже сказать, был теоретическим последователем лидера эсеровской партии Виктора Чернова. Хотя этот сюжет он нигде и никак не раскрывал. Но существо дела от этого не менялось. В. Чернов во многих своих работах отстаивал принцип социализации деревни через кооперацию, полагая, что в деревне социализм может утвердиться только как кооперативный. Правда, для города Чернов предполагал развитие синдикализма, который в союзе с деревенским кооперативизмом и создаст социалистическое общество. Венжер же принципы кооперации распространял на все общество, на все предприятия. «При наличии общественной формы собственности, — писал Венжер, — каждое отдельное предприятие лучше и надежнее всего превратить в предприятие кооперативное. В настоящее же время, поскольку по целому ряду объективного и субъективного характера причин наши промышленные предприятия являются государственными, превращать их в государственно-кооперативные следует путем сдачи по договору трудовым коллективам». «Самое главное и самое ответственное, — писал он о горбачевской перестройке, — это перевод, постепенный, но неукоснительно последовательный, всей и промышленной, и земледельческой деятельности на рельсы кооперативности... Конечная цель перестройки — перевод всей экономики страны на рельсы общественного самоуправления, следовательно, на рельсы всеобщей кооперативности»⁵.

Прав ли был В. Венжер? Действительно ли лучшее общество — это общество самоуправленческих кооперативов? При всей привлекательности именно такой схемы отметим, что

5. Венжер В.Г. Как было, как могло быть, как стало, как должно стать. Вопросы истории нашего строя. М., 1990. С. 93, 91.

пока еще общественная наука четкого ответа дать не может. Но развитие научных исследований в этом направлении было бы весьма полезным.

Таким образом, В. Венжер рассматривал кооперацию и кооперативные начала как общую форму социального прогресса, он выступал против отведения ей некой второстепенной роли, и то лишь на определенный срок. Непреходящее значение кооперации (и в этом ее универсальность) он видел в том, что она дает возможность вести хозяйство, не отделяя от собственности каждого, кто занят в этом хозяйстве. По мысли В. Венжера, кооперация разрешала противоречие между частным и общественным, не уничтожая одно из них, а гармонично интегрируя их воедино. Для земледелия такой синтез особенно важен.

Сегодня можно констатировать, что обычный марксистский подход, точнее, каутскианский, который вполне разделяли В.И. Ленин и другие большевики, что земледелие по мере развития капитализма превращается в фабрику и что здесь экономические и трудовые отношения ничем не будут отличаться от промышленности, не оправдался. До сих пор и, видимо, еще долго земледелие будет представлять особую отрасль производства с особыми хозяйственными и трудовыми отношениями. И единственный путь развития земледелия, а следовательно, социализации его — это кооперация. Вот это и доказывал В. Венжер всеми своими работами.

Он всегда оставался последовательным сторонником необходимости развития кооперации, не менял высоких оценок этой формы собственности и хозяйства в длительные периоды ее идеологической дискредитации и жесткого государственного давления. В своих работах В. Венжер доказывал, что к колхозам следует относиться как к предприятиям подлинно кооперативным, которые должны обладать реальными кооперативными чертами. Более того, ученый выступал против государственного диктата по отношению к внутреннему устройству колхозов и их внешним связям, будь то подмена рыночных контрактационных связей обяза-

тельными закупками, определение размеров и укрупнение колхозов, или прямое превращение их в государственные предприятия.

Кстати говоря, отметим, что известный диссидент П.М. Абовин-Егидес эти теории Венжера, конечно, не зная их автора, пытался проводить в своей колхозной практике, когда был одно время председателем колхоза в Пензенской области. И что из этого получилось, можно прочесть в очень интересной и поучительной книге П.М. Абовина-Егидеса «Философ в колхозе»⁶. В. Венжера за кооперативные теории лишь жестко критиковали, П.М. Абовина-Егидеса за практические действия, согласно этим теориям, в конце концов упекли в психушку. Это лишний раз показывает, что в советский период в политэкономических теориях хоть как-то и что-то можно было высказать. Критиковали, но не до смерти.

В. Венжер под формой кооперации, развития колхозного строя по сути дело боролся с государственным социализмом. Это и понятно: кооперативный социализм противоположен государственному.

Развивая теорию кооперативного социализма, Венжер естественным образом оказался сторонником более общей теории — рыночного социализма. Более того, он был ближайшим и многолетним сотрудником Я.А. Кронрода, который возглавлял целое направление рыночного социализма в Институте экономике АН СССР. Конечно, сегодня к этой теории можно относиться по-разному. Но в любом случае — это была определенная теория, которая позволяла в более конструктивном смысле обсуждать проблемы совершенствования экономической системы «реального социализма». Конечно, только обсуждать. Ведь, как уже отмечалось, политическая экономия социализма — это наука не столько о том, что есть, сколько о том, что должно быть. Поэтому и рыночный социализм — это комплекс представлений о лучшем устройстве ближайшего общественного будущего.

6. Абовин-Егидес П.М. Философ в колхозе. М., 1998.

В. Венжер много и плодотворно писал на эти темы, за что и был неоднократно критикуем. «Экономическое руководство колхозами предполагает, — писал он в середине 1960-х годов, — что вместо жесткого централизованного планирования, заключающего в себе много административного, используются исключительно стоимостные рычаги: цена, прибыль, кредит, льготы и другие стимулы для воздействия на развитие колхозов в желательном для народного хозяйства направлении». В другом месте он отмечал: «Природе колхозного производства наиболее соответствует порядок свободной реализации своей товарной продукции»⁷.

Вместе с тем в рассуждениях В. Венжера можно найти и определенные противоречия. На них важно обратить внимание, поскольку дискуссия о рыночном социализме продолжает быть интересной. Так, В. Венжер, с одной стороны, верно считал, что «хозяйственные отношения следует рассматривать как отношения стоимостные» и что «одним натуральным показателем нельзя еще составить себе исчерпывающего представления о состоянии хозяйства. Последнее достигается лишь на основе анализа стоимостных показателей». Однако, с другой стороны, в той же книге он писал, что в условиях социализма «отпадают такие стоимостные категории, как рыночная стоимость, цена производства, стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость, абсолютная рента и цена земли»⁸. Конечно, если иметь в виду сталинистскую трактовку социализма, которой был вынужден держаться В. Венжер, то действие стоимостных отношений в такой модели рыночного социализма должно было быть ограничено. Что, собственно, усиленно и делалось не только в практике сталинского социализма, но и в практике «реального социализма». Но если к вопросу подходить теоретически, то никак нельзя представить себе рыночную экономику без категории рыночной сто-

7. Венжер В.Г. Особенности колхозной экономики и проблемы ее развития // Производство, накопление, потребление. М., 1965. С. 271, 273.

8. Венжер В.Г. Использование закона стоимости в колхозном производстве. Изд. 2-е. М., 1965. С. 138, 137.

имости. Без последней все стоимостные показатели и цены приобретают формальный, необязательный характер.

Конечно, могут быть разные модели и схемы рыночного социализма, но в любом случае центральным, конституирующим его моментом должна быть и будет категория рыночной стоимости. Другое дело, что в данной схеме рыночного социализма общество не должно в каждом своем мероприятии неукоснительно следовать требованиям закона стоимости. Уже сегодня в некоторых европейских странах с высокоразвитой экономикой из сферы рыночного регулирования выведены целиком или в значительной части наука, образование, здравоохранение, культура и т. п.

В.Г. Венжер был убежденным коммунистом, не переродившимся в поборника тоталитарного режима и апологета всего, что творилось в стране, особенно в сталинский период. Он был оппозиционером и противником огосударственного, бюрократического строя, критиковавшим этот строй с позиций уверенности в творческие силы и способности народа образовать общественное устройство, в котором он, народ, был бы и творцом, и хозяином всего созданного им. Ученый всегда оставался защитником «рыночного социализма» вне зависимости от господствующей официальной антитоварной идеологии, последовательным сторонником кооперации в эпоху всеобщего огосударствления, защитником крестьянства «в условиях диктатуры пролетариата», экономистом, исповедующим принципы экономической демократии в условиях тоталитаризма.

Вместе с тем В.Г. Венжер не был согласен и с упрощенной критикой пути, пройденного нашей страной. Он считал, что «историков ждет воистину колоссальная работа по переосмыслению нашей не парадной истории, а всего того, что в ней было и хорошего и плохого, и верного и неверного, и победного или неудачного»⁹.

9. Венжер В.Г. Как было, как могло быть, как стало, как должно стать // Вопросы истории нашего строя. М., 1990. С. 71.

Понимание В. Венжером кооперации свидетельствует о том, что он не был лишь узким экономистом-аграрником. По широте взглядов и интересовавших его проблем он был ученым, исследовавшим процессы и механизм социально-экономического прогресса. И возможности для такого исследования В. Венжеру (особенно с учетом его отношения к кооперации) в какой-то мере давала аграрная сфера, в которой, пусть во многом формально, сохранялись негосударственные типы хозяйства. Применительно к аграрной сфере можно было сказать откровеннее то, что нельзя было говорить в те времена относительно общества в целом. Лишь в своей последней книге В. Венжер смог полнее раскрыть свое понимание объективных тенденций общественного развития и послереволюционной истории нашей страны.

Последняя книга В. Венжера посвящена не аграрным проблемам и отношениям, хотя анализ этих проблем в ней есть. В этой книге ученый пытается осмыслить и как очевидец, и как активный участник многие явления того времени, в котором он жил.

Свое кредо ученого, гражданина и социалиста В. Венжер выразил заключительными словами своей последней книги: «Мы против угнетения сильными слабого. Мы против эксплуатации человека человеком. Мы за социально справедливое и равное положение в обществе независимо от национальной принадлежности, вероисповедания и других особенностей каждого народа. Таково мое заключительное слово»¹⁰.

2020 г.

10. Там же. С. 108.

ИСТОЧНИКИ

Основные произведения В.Г. Венжера

1. Основные вопросы производственной деятельности МТС. М.: Сельхозгиз, 1949.
2. Вопросы комплексной механизации колхозного производства. М., 1955.
3. Использование закона стоимости в колхозном производстве. Изд. 2-е. М.: Наука, 1965.
4. Колхозный строй на современном этапе. М.: Экономика, 1966.
5. Социально-экономические перспективы развития колхозного строя. М.: Наука, 1979.
6. Как было, как могло быть, как стало, как должно стать // Вопросы истории нашего строя. М.: Наука, 1990.

Литература о В.Г. Венжере

1. Владимир Григорьевич Венжер: мыслитель, исследователь, учитель / Под ред. Т.Е. Кузнецовой, Л.В. Никифорова. М.: ИЭ РАН. 2015.
2. Воейков М., Кузнецова Т., Никифоров Л. В.Г. Венжер – теоретик русского кооперативного социализма // Альтернативы. 1999. № 1.
3. Кузнецова Т.Е. В.Г. Венжер (1899–1990) // Вопросы экономики. 1991. № 5.
4. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

**ГАТОВСКИЙ
ЛЕВ МАРКОВИЧ
(1903—1999)**

Лев Маркович Гатовский родился 26 июля 1903 года в городе Минск. Уже с молодых лет его трудовая и научно-просветительская деятельность определялась социальной активностью и была тесно связана с растущим интересом к общественным наукам. В 1920—1922 гг., еще до начала учебы в институте, Л.М. Гатовский преподает политическую экономию в Центральной пар-

тийной школе (г. Минск), являясь одновременно заведующим отделом ЦК комсомола Белоруссии.

В 1922 г. он поступает в Институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, с которым остается связанным в течение 16 лет своей жизни. В Институте им. Г.В. Плеханова Л.М. Гатовский проходит путь от студента до преподавателя, а затем получает звание профессора. Являясь профессором Института им. Г.В. Плеханова, он занимал также профессорскую должность в Институте красной профессуры, заведовал кафедрой в Плановой Академии. Дальнейшая его трудовая и научная деятельность была связана с Институтом экономики АН СССР (заведующий сектором), с Госпланом СССР (начальник отдела), с ЦСУ СССР (член комиссии).

В 1939 г. Л.М. Гатовский становится заместителем директора Института экономики АН СССР. Но с началом Великой Отечественной войны его научная деятельность прерывается — в 1941 году Лев Маркович уходит на фронт. С 1941 по 1947 г. Лев Маркович — в рядах Советской Армии: военный корреспондент газеты «Красная звезда» в действующей армии, начальник отдела и член редакционной коллегии «Красной звезды».

С 1957 г. Л.М. Гатовский целиком концентрируется на научной работе, являясь заместителем директора Института экономики АН СССР и одновременно главным редактором журнала «Советская экономика». В 1960 году Л.М. Гатовский избирается членом-корреспондентом АН СССР. В 1965 г. Лев Маркович возглавил Институт экономики АН СССР, одновременно заведя отделом института, и руководил им до 1971 г.

В мае 1970 г. Л.М. Гатовский становится председателем Научного совета АН СССР по экономическим проблемам научно-технической революции. По его инициативе Президиум АН СССР входит с предложением в правительство о целесообразности комплексного планирования научно-технического прогресса и социально-экономического развития страны на долгосрочную перспективу. Это предложение было поддержано и в 1970-х годах под эгидой ГКНТ и силами научных организаций АН СССР с участием министерств и ведомств СССР, а также правительств союзных республик, и с привлечением широкой научной общественности начинается разработка Комплексной программы научно-технического прогресса и его социальных последствий на 20-летнюю перспективу.

Обширное научное наследие члена-корреспондента АН СССР Л.М. Гатовского трудно обозримо даже для специалиста. С 1928 г. им опубликовано свыше 300 научных работ (более 600 печатных листов). К сфере его научных интересов относились общие проблемы политической экономии социализма, теория и методология планирования, экономика товарооборота, ценообразование, экономическая статистика, проблемы хозрасчета и стимулирование производства, теоретические и методологические вопросы научно-технического

прогресса, измерения эффективности общественного производства и управления социалистическим хозяйством. Научные труды Л.М. Гатовского получили широкое признание за рубежом, многие его труды переведены на иностранные языки.

Лев Маркович не ограничивался теоретическим анализом процессов разработки, освоения, внедрения и распространения новой техники. Не менее его занимали проблемы общехозяйственной эффективности научно-технического прогресса и связанные с ними социальные эффекты, а также реальная отдача и возможности улучшения системы экономического стимулирования и материальной заинтересованности в связи с внедрением новой техники.

Практические рекомендации Л.М. Гатовского, основанные на его теоретических разработках проблематики НТП, были доведены им от уровня народного хозяйства до уровня предприятий. И здесь достаточно упомянуть «Методику определения народнохозяйственного социально-экономического эффекта новой продукции» и предназначенную для предприятий «Методику определения социально-экономической эффективности новой техники» и «Типовые методические положения определения планового и фактического эффекта новой техники».

Вместе с тем разнообразные научные интересы ученого объединялись воедино глубокой, комплексной и системной разработкой проблематики научно-технического прогресса и практического применения полученных научных результатов в социально-экономическом развитии страны.

Особую научно-практическую значимость представляет собой Комплексная программа научно-технического и социально-экономического развития на долгосрочную 20-летнюю перспективу, где воплотились многие теоретико-методологические разработки коллектива Института экономики РАН, созданные под руководством Л.М. Гатовского. Были разработаны Методические рекомендации по определению социально-экономических последствий научно-технического прогресса. Ученые Института экономики РАН принимали активное

участие в разработке Концепции научно-технического и социально-экономического развития страны на период до 2000 года. В сводных документах КП НТП определялись приоритеты развития науки и технологий в отраслевом и территориальном разрезах, прогнозировались социальные результаты от комплексного развития науки, техники и экономики по союзным республикам СССР и по экономическим районам Российской Федерации. По мнению многих ученых РАН, опыт разработки КП НТП полезно возродить в современных условиях и разрабатывать на долгосрочную перспективу Комплексный прогноз научно-инновационного и социально-экономического развития России в условиях рыночных отношений.

Основные теоретические положения А.М. Гатовского, в частности по широкой проблематике научно-технического прогресса, остаются актуальными и по сей день и до сих пор ждут своего практического применения. Особенно ценным и актуальным является его принципиальный подход к инновационному процессу и его результатам: «...В использовании возможностей научно-технической революции интегрируются наука, техника, экономика и социальные результаты».

Многолетняя научная деятельность Льва Марковича и его участие в Великой Отечественной войне были отмечены 5 орденами и 7 медалями, в том числе двумя орденами Трудового Красного Знамени и орденом Красной Звезды.

Основные направления научной деятельности А.М. Гатовского, наиболее ценные теоретические и методологические разработки во многом актуальны и в наше время:

- единство науки, техники, экономики и социальных результатов;
- повышение роли социальной эффективности новой техники;
- ускорение эффективного обновления основных фондов.

Эти научные идеи, очевидно, требуют нового осмысления и поиска возможных путей их реализации в современных экономических условиях.

2005 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы Л.М. Гатовского

1. О природе советской торговли на современном этапе. М.—Л.: Снабкоопгиз, 1931.
2. О предмете и методе теории советского хозяйства. Л., 1932.
3. Экономические законы и строительство коммунизма. Очерки политической экономии. М.: Экономика, 1970.
4. Экономические проблемы научно-технического прогресса. М.: Наука, 1971.
5. Планирование и стимулирование НТП. М.: Экономика, 1972.
6. Типовые методологические положения по определению планового и фактического эффекта новой техники / Под науч. рук. Л.М. Гатовского. М.: ИЭ РАН, 1977.
7. Методика определения народнохозяйственного социально-экономического эффекта новой продукции / Под науч. рук. Л.М. Гатовского. М.: ИЭ РАН, 1978.
8. Эффективность НТП. М., 1978.
9. Основные методологические положения определения социально-экономической эффективности новой техники / Под науч. рук. Л.М. Гатовского. М.: ИЭ РАН, 1980.

Литература о Л.М. Гатовском

1. Гатовский Лев Маркович // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 1. М.: Изд-во «Советская энциклопедия». 1972. С. 306.

В.К. Сенчагов

д.э.н.

А.А. Дерябин

д.э.н.

**ДЬЯЧЕНКО
ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ
(1902—1971)**

В.П. Дьяченко — член-корреспондент АН СССР, выдающийся советский ученый-экономист внес огромный вклад в развитие теории финансов, кредита, денежного обращения и ценообразования. В.П. Дьяченко был ярчайшим представителем того целого поколения крестьянских детей, которое после революции пришло в советскую науку, и в культуру, и в политику. Как и положено было в крестьянской семье, он в нежном

возрасте не только учился в приходской школе, а затем в гимназии Кустаная, но и работал.

Революционные события и Гражданская война не обошли стороной В.П. Дьяченко. В 1918 г. при колчаковском режиме он — член нелегального «просветительского кружка» — попадает под негласный надзор охранки. После отступления белых В.П. Дьяченко вступает в местный партотряд, который действует в Петропавловском и смежных уездах. Затем два года (1919—1921 гг.) он в рядах V армии, из которой «демобилизован как недостигший призывного возраста». В 1921—1923 гг. В.П. Дьяченко — член бюро сельской комсомольской ячейки, секретарь укома и член губкома

комсомола. В 1923 г. командирован в Оренбург на рабфак, по окончании которого поступает на экономический факультет Ленинградского политехнического института (1924–1929 гг.). Молодого специалиста приглашают в Наркомат финансов СССР на должность научного сотрудника, и почти одновременно он становится зам. директора по научной работе Московского финансового института.

Вообще же в 1930-е годы даже трудно определить основную работу В.П. Дьяченко. В Наркомфине он зав. сектором, отделом, зав. научно-исследовательским бюро, главный редактор и управляющий Госфиниздатом и в то же время заведует кафедрами в Московском финансовом и Ленинградском финансово-экономическом институтах (в то время можно было совмещать работу даже в разных городах).

В эти же годы В.П. Дьяченко весьма активно работает и на научном поприще. Уже в 1933 г. были изданы два выпуска учебника «Финансы СССР» и стенограммы лекций, прочитанных в Московском финансовом институте, по курсу «Теория денег и кредита СССР». В 1934 г. выходит в свет книга «Финансовая политика СССР», а в 1938 г. и повторно в 1940 г. — «Финансы и кредит» и, конечно же, множество научных статей.

Основная идея всех этих научных работ, если предельно обобщать их, заключалась в преодолении распространенной, но ошибочной трактовки советских финансистов лишь как сферы деятельности специальных финансовых учреждений. В.П. Дьяченко настойчиво доказывал, что советские финансы — это система денежных отношений, теснейшим образом связанных с действием закона стоимости, с воспроизводством общественного продукта, с обеспечением единства материально-вещественных и стоимостных пропорций.

Значение публикаций В.П. Дьяченко можно понять, если учесть, что в то время было в сущности учебников, и даже учебных пособий. Все приходилось создавать на пустом месте. И не дай бог допустить при этом какие-то действительные или мелкие ошибки идеологического характера. Это уже

потом, когда в 1940-е и 1950-е годы появилась целая плеяда блестящих профессоров-финансистов, можно было познавать финансы, кредит и денежное обращение по разным учебникам. Но ведь именно эти профессора учились по работам В.П. Дьяченко. Поэтому с полнейшим основанием и без преувеличения можно назвать этого ученого основателем или, по меньшей мере, одним из основателей, целой важнейшей отрасли советской науки.

Огромное напряжение, связанное с работой в Наркомате, в преподавании и в науке, сказалось на здоровье В.П. Дьяченко. Внешне это выражалось в том, что он стал плохо слышать. И поэтому, когда грянула Великая Отечественная война, его не приняли на военную службу, хотя он этого желал. Пришлось остаться в Наркомфине. И он работал так, что в октябре 1942 г. был награжден орденом Знак Почета за выполнение правительственных заданий по финансированию обороны страны. Последующие награды В.П. Дьяченко были по своему статусу более высокими. Но весомость этой первой была без сомнения самой большой. Ее скромность не должна вводить в заблуждение. Вспомним, что это был самый тяжелый период войны — шла Сталинградская битва. Награды были еще редкостью, а награды тыловикам — и подавно. В марте 1943 г. В.П. Дьяченко были одновременно присвоены ВАКом СССР ученая степень доктора экономических наук и звание профессора.

Советские финансы выдержали испытание войной. Они не развалились. Дело было организовано так, что буквально каждая копейка была на счету. И хотя в первые годы войны была допущена избыточная эмиссия денег, уже во второй половине войны этого не было.

Разумеется, в годы войны была инфляция. Но, во-первых, рост цен был только по товарам народного потребления. Пайковые цены, т.е. цены, по которым продавались товары по карточкам, возросли в 1,5–2 раза. Рыночные цены или цены колхозного рынка, а также цены государственной «коммерческой торговли», где продажа шла без каких-либо количе-

ственных ограничений, стали выше в 5–10 и более раз. А вот цены на средства производства, цены и тарифы на все виды услуг, в том числе и для населения, остались почти без изменений. Более того, цены на военную технику, боеприпасы и т.д. даже снижались. Во-вторых, при оценке размеров инфляции нужно учесть величину потерь страны. Ведь погибли десятки миллионов мужчин и женщин самого продуктивного возраста, было уничтожено две трети национального имущества и т.д. В других странах с неизмеримо меньшими потерями инфляция была во много раз выше.

Еще до окончания войны исподволь и в строжайшем секрете шла подготовка к денежной послевоенной реформе. В.П. Дьяченко по своему служебному положению был самым непосредственным участником этой работы. Планировалось провести реформу с одновременной отменой карточной системы с 1 января 1947 г., т.е. меньше чем через 1,5 года после окончания Второй мировой войны. Но страшная засуха, поразившая страну в 1946 г., заставила перенести сроки проведения реформы на один год.

Сейчас можно встретить совершенно несправедливые оценки той, уже далекой от нас, денежной реформы. Ее даже называют иногда грабительской. На фоне того, что произошло в 1990-е годы, это звучит поистине кощунственно. Да, действительно, та реформа была по своему характеру конфискационной. Но направлена она была не против народа, а против спекулянтов, мошенников, жуликов и другого подобного люда, т. е. против тех, кто боялся держать деньги в сберкассах (ведь разоблачат!) и имел все в наличности. А вот у обычных людей в то время наличных денег в больших количествах просто не было, они ничего и не теряли. Да и у тех, у кого конфисковали, отбиралось не все, десять процентов им все-таки оставляли. А теперь спросим, сколько осталось у добропорядочных и законопослушных граждан России от вкладов в Сбербанке после 1991 г. Сколько осталось и от наличности, если только в 1992 г. цены возросли в 26 раз? Ответ ясен.

После окончания войны для подготовки кадров высшей квалификации для центральных органов, в первую очередь для Госплана, Госснаба, Минфина, других министерств, создан элитный Московский государственный экономический институт (МГЭИ). В.П. Дьяченко в 1945 г. приглашается туда заведующим кафедрой финансов и руководит ею до 1961 г., когда МГЭИ был объединен с Институтом народного хозяйства им. Г.В. Плеханова (ныне Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова).

В 1947 г. В.П. Дьяченко был переведен с должности начальника отдела Минфина СССР на должность зам. директора Института экономики АН СССР. Именно переведен, т.к., надо заметить, руководящие работники в то время не могли самостоятельно решать вопрос о месте своей работы, их перемещали. А вызвано было такое передвижение В.П. Дьяченко тем, что в этот момент Институт экономики и Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР были объединены в один институт – Институт экономики АН СССР, куда директором был назначен К.В. Островитянов. Вот к нему в заместители и пришел В.П. Дьяченко, призванный руководить исследованиями в области советской экономики.

К этому времени В.П. Дьяченко был автором уже 9 монографий, 4 брошюр и многих десятков научных статей. В 1947 г. В.П. Дьяченко издает монографию «Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства». Сам В.П. Дьяченко особенно ценил эту свою работу. И действительно, в ней получила новое теоретическое обобщение теория денежного обращения, кредитной политики и финансовой системы в 1920-е годы, т.е. в весьма сложный, но очень интересный период жизни нашей страны.

Получают дальнейшее углубление теоретические разработки В.П. Дьяченко по проблемам закономерностей развития советских финансов, их роли в народном хозяйстве и культурном строительстве, в контроле за производством, распределением и использованием общественного продукта. И глубоко ошибаются те, кто думает, что все эти работы если

и имели значение, то только для советского периода. Это далеко не так. Многие положения, выработанные в то время, сохраняют силу и по сие время.

В 1953 г. В.П. Дьяченко избирается членом-корреспондентом АН СССР и практически одновременно директором Института экономики АН СССР (акад. К.В. Островитянов становится вице-президентом АН СССР) и остается на этом посту до 1956 г., когда он избирается заместителем академика-секретаря Отделения экономики, философии и права АН СССР, продолжая работу и в Институте экономики в должностях зав. отделом и зав. сектором.

Продолжая работу по теории финансов, кредита и денежного обращения, В.П. Дьяченко обращает внимание на проблему хозрасчета. В это время выходят его работы: «Товарное производство и закон стоимости при социализме», «Хозрасчет как социалистический метод хозяйствования», «Объективные основы хозяйственного расчета», «Об экономической роли советского государства» и др. Всего же за период с 1947 г. по 1960 г. под его редакцией и при непосредственном участии вышло более десятка монографий. Во всех этих работах прослеживается та мысль, что важнейшими показателями должны быть: снижение затрат, повышение качества продукции и услуг, внедрение достижений научно-технического прогресса, улучшение использования основных и оборотных фондов и т. д.

Направленность научной деятельности В.П. Дьяченко резко меняется, когда он по распоряжению академика Л.Н. Несмеянова – Президента АН СССР – назначается руководителем проблемы «Система цен и ценообразования на предметы народного потребления». В то время это была с научной точки зрения совершенно неисследованная проблема. Все нужно было создавать вновь. И здесь В.П. Дьяченко проявил свой научный и организационный талант. Так, став председателем Научного совета по ценообразованию, В.П. Дьяченко сумел превратить его в единственный в стране и уникальный в этом смысле Междудементальный совет.

Этот совет стал ареной плодотворнейших дискуссий по острейшим проблемам ценообразования. В.П. Дьяченко был в центре этой работы. Один перечень работ показывает серьезность исследований: «Цены как инструмент развития социалистической экономики», «Система ценообразующих факторов и их классификация», «Пути совершенствования системы цен», «Учет потребительских свойств продукции в плановом ценообразовании», «Учет природного и географического факторов в ценообразовании», «Учет соотношения между спросом и предложением в плановом ценообразовании» и, наконец, «Теоретические основы и методика учета ценообразующих факторов при планировании цен». Все эти работы оказали огромное воздействие не только на процессы ценообразования, но и на другие смежные исследования и практику. Речь идет, например, о стимулировании научно-технического прогресса, размещении производительных сил и т.д. Но, конечно, они прежде всего отразились на практике определения цен.

В этой связи характерен один эпизод. В то время цены в промышленности, как, впрочем, и в других отраслях материального производства, пересматривались довольно редко и обычно к началу пятилетки. В подготовке к пересмотру цен привлекались все министерства, а их было несколько десятков, сотни научно-исследовательских институтов, десятки тысяч специалистов. Дело в общем очень дорогостоящее. Так было и с подготовкой новых цен, которые должны были быть введены с 1965 г. Были разосланы по всем предприятиям даже прејскуранты, тираж некоторых из них достигал десятков миллионов экземпляров. Но вся подготовка этих цен велась по старинке. Бралась среднеотраслевая себестоимость и плюсовалась нормативная прибыль, и сумма называлась ценой. Однако в свете работы Междудементственного совета по проблемам ценообразования, и особенно после публикации исследований В.П. Дьяченко, все это предстало как недопустимо примитивное и безнадежно устаревшее. Всем стало ясно, что цены нужно определять иначе. Было при-

нято мужественное решение — задуманный пересмотр цен 1965 г. признать ошибочным и всю подготовку начать заново на принципиально новой методологической и теоретической основе, в которых учет ценообразующих факторов был максимально возможным. Наиболее существенным был учет в ценах фондоемкости продукции.

В.П. Дьяченко лично был очень скромным человеком. Он никогда не подчеркивал свою роль в науке, хотя для этого имелись очень большие основания. Взять хотя бы те цены, которые были введены с 1967 г. Они же по существу были основой для проведения так называемой косыгинской реформы. И то, что она не была осуществлена, не вина ценовиков. Они-то во главе с В.П. Дьяченко сделали все зависящее от них.

Огромная работа, которую проводил В.П. Дьяченко, конечно же отражалась на его самочувствии. Да и характер был у него такой, что он все переживания сдерживал и внешне их не проявлял. Врачи же постоянно требовали, чтобы он не обращал внимания на неприятности. А чего-чего, а этого во все времена хватало и хватает для тех, кто находится в центре каких-либо событий. Взять хотя бы пустопорожние схоластические рассуждения некоторых «ученых», беспредметную критику, просто какие-то личные выпады и т.д., т.е. все такое, что у работающего активно человека вызывает раздражение или даже негодование — ведь отнимают время, которого так мало. Можно, разумеется, как-то избавляться от этого тем, что не читать «творений» отдельных лиц. Но как быть, если сидишь в президиуме или даже ведешь заседание, и выступает вот такой, прямо скажем, пустомеля? В.П. Дьяченко добрый, но остроумный человек, придумал решение. Он вмонтировал в свой слуховой аппарат, с которым никогда не расставался, радиоприемник. И когда выступал неприятный для него человек, или речь шла по пустякам, или раздавалась совершенно необоснованная критика, В.П. Дьяченко переключал свой аппарат на какую-нибудь музыкальную программу и наслаждался ею. Все, кто видел его в этот момент, не переставали удивляться — выступающий критикует В.П. Дья-

ченко с какими-то несусветными аргументами, а критикуемый спокойно и добродушнейше улыбается.

В.П. Дьяченко очень заботливо относился к подготовке кадров. Его руководству обязаны десятки докторов наук, многие из которых стали известнейшими учеными и уже сами подготовили докторов и кандидатов наук. Ушел из жизни В.П. Дьяченко в 1971 г.

2010 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы В.П. Дьяченко

1. Теория денег и кредита СССР. Стенограммы лекций. М.: Госфиниздат, 1933.
2. Бюджетная система Союза ССР (редактор и соавтор). М.: Изд-во «Власть Советов», 1937.
3. Финансы и кредит СССР. Учебное пособие. (руководитель и соавтор). М.-Л.: Госфиниздат, 1940.
4. Финансовая система СССР. Учебное пособие. М.: Изд-е НКФ СССР, 1945.
5. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. Ч. 1. 1917–1925 гг. М.: Госфиниздат, 1947.
6. О товарном производстве и законе стоимости при социализме. М.: Изд-во «Знание», 1953.
7. Товарно-денежные отношения и финансы при социализме. М.: Наука, 1974.
8. История финансов СССР. М.: Наука, 1978.

**ЗАСЛАВСКАЯ
ТАТЬЯНА ИВАНОВНА
(1927—2013)**

Заславская Татьяна Ивановна (1927, Киев — 2013, Москва) — экономист и социолог в области исследования политэкономических проблем трансформации российского общества, социально-экономических проблем трудовых ресурсов и аграрной социологии.

Т.И. Заславская родилась в Киеве 9 сентября 1927 года. Мать Т.И. Заславской — Татьяна Георгиевна

Де-Метц окончила филологический факультет Киевского университета. Отец — Иван Васильевич Карпов — окончил философско-педагогический факультет Киевского университета; с 1941 г. — профессор Московского педагогического института иностранных языков.

Когда Заславской исполнилось пять лет, ее семья из Киева переехала в Москву. В шесть лет Татьяну отдали в школу, которую она окончила экстерном в 16 лет. В 1943 г. поступила на физико-математический факультет Московского государственного университета, но, увлекшись политэкономией на семинарах и лекциях А.В. Саниной, перевелась с потерей курса на второй курс экономического факультета МГУ, окончив его с отличием в 1950 г.

С 1950 по 1963 гг. Т.И. Заславская работала в Институте экономики АН СССР над вопросами аграрного развития советского села под руководством таких крупных экономистов-аграрников как Г.Г. Котов, В.Г. Венжер, о которых всегда вспоминала с уважением и благодарностью как о своих дорогих учителях. В 1955 г. получила степень кандидата экономических наук. Тема диссертации: «Трудодень и принцип материальной заинтересованности в колхозах».

В 1963 г. Т.И. Заславская по приглашению А.Г. Аганбегяна переехала в Новосибирский Академгородок в Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП) Сибирского отделения Академии наук СССР. В 1965 г. защитила докторскую диссертацию «Экономические проблемы распределения по труду в колхозах». В 1967 г. возглавила отдел социальных проблем в ИЭиОПП, вскоре превратившийся в один из ведущих центров советской экономической социологии, получивший название Новосибирской экономико-социологической школы (НЭСШ).

В 1968 г. Т.И. Заславская была избрана членом-корреспондентом Академии наук СССР по Отделению экономики, а в 1981 г. — действительным членом (академиком) Академии наук СССР по Отделению экономики.

В 1983 г. Т.И. Заславская подготовила остро критический доклад «О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии», который распространялся под грифом ДСП (для служебного пользования). Нелегально попавший на Запад доклад там был опубликован под названием «Новосибирский манифест», вызвав пристальный интерес в советских и международных интеллектуальных кругах, сопровождаясь скандалом в Новосибирском обкоме КПСС, где коммунисту Заславской за этот доклад был вынесен строгий выговор.

В 1987 г. Заславская вернулась из Новосибирска в Москву, став первым директором-организатором Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), а также прези-

дентом советской социологической ассоциации (ССА). Также в период перестройки в 1989 г. Заславская была избрана народным депутатом СССР, где работала членом комиссии по труду, ценам и социальным вопросам. В 1991–1992 гг. Заславская являлась членом Высшего консультативно-координационного совета при Президенте России, но, неудовлетворенная его деятельностью, по собственному желанию вышла из состава членов совета.

С 1993 по 2004 г. Заславская – профессор, зав. кафедрой методологии общественных наук Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН), а также сопредседатель Междисциплинарного центра социальных и экономических наук (Интерцентр), организованного известным английским социологом Т. Шаниным. Здесь Заславская также являлась президентом (с 1993 по 2003 г.) ежегодного международного междисциплинарного симпозиума «Куда идет Россия?». Публиковавшиеся под редакцией Т.И. Заславской междисциплинарные научные сборники «Куда идет Россия?..» стали уникальной научной летописью вех развития российского общества.

В конце своей жизни Т.И. Заславская приступила к обоснованию структурной концепции посткоммунистических трансформационных процессов, направленной на выработку методологических средств познания закономерностей, движущих сил, механизмов и вероятных перспектив общественных преобразований, происходящих в России и других посткоммунистических странах. Научные заслуги Заславской отмечены многочисленными российскими и зарубежными наградами и премиями.

Татьяна Ивановна Заславская умерла 23 августа 2013 г. в Москве. Похоронена на Даниловском кладбище.

Так как основной и самый длительный период в научной деятельности Т.И. Заславской пришелся на изучение прежде всего аграрных проблем советского общества, охарактеризуем именно это направление ее научной деятельности особенно подробно.

Социальная экономика колхозного сектора

Монография «Распределение по труду в колхозах» (1966) вызвала широкий интерес у ученых и практиков советской аграрной экономики. Сама Заславская отмечала, что именно этой книге она обязана получением не только докторской степени, но и звания члена-корреспондента АН СССР. В монографии была успешно применена оригинальная методика, устранявшая влияние заниженных государственных цен на аграрную продукцию, определявшая общую сумму валового дохода, создаваемого советскими колхозниками, распределение этого дохода между государством и колхозами, между колхозной оплатой труда и колхозными накоплениями. Детальные статистические исчисления за несколько последних лет хрущевской эпохи были осуществлены по всем областям и краям Советского Союза с аналитическим выделением в них групп слабых, средних и сильных колхозов с соответствующим сопоставлением экономики колхозов и совхозов. Заславская специально исследовала вопросы дифференциации советских сельскохозяйственных предприятий, проанализировав достаточно глубоко и основные макроэкономические условия причин сельско-городской дифференциации народного хозяйства СССР. Ее исследование распределения национального дохода, фонда потребления, разницы в оплате труда между сельским хозяйством и другими отраслями советской экономики свидетельствовало о том, что сельское население было самой депривированной частью общества, и перераспределение национального богатства происходило не только не в пользу села, но во многом за его счет.

Расчеты Заславской показали, что из двух основных экономических аграрных форм (колхозов и совхозов) совхозы находились в более выгодном положении. Если в среднем государство забирало из совхоза 20% дохода, то из колхоза — 50%.

На «силу» и «слабость» колхозов и совхозов огромное влияние оказывала межрегиональная дифференцированность, которая только в оплате труда достигала максимальной

величины (в пять раз). Разница между хозяйствами Кубани и Северного Кавказа, с одной стороны, и Нечерноземья — с другой, бросалась в глаза. И хотя в те времена действовали специальные зональные цены, но их дифференцированность была несопоставима с затратами, которые усугублялись жесткой плановой экономикой, выразившейся в том, что хозяйства заставляли, например, сеять рис в Краснодарском крае, а кукурузу — на Севере.

Огромное значение имела дифференциация хозяйств и внутри самих регионов, в отдельных случаях она доходила почти до 20 раз. Но это был уже результат деятельности не столько экономических, сколько социальных механизмов. Сильное влияние на данный процесс оказывал фактор расстояний. Пригородные хозяйства относительно процветали, а глубинка едва сводила концы с концами. Проблемой было отсутствие дорог между областями из-за обезлюдения соседствующих между собой сельских областных окраин. Очень важным фактором, оказавшим огромное влияние на положение хозяйств, оказывалась личность руководителей. Часто под нее формировался особый план, выделялись и иные ресурсы. Вместе с тем внутри отдельного колхоза или совхоза социальная дифференциация была весьма умеренной.

Незадолго до смерти Заславская, несмотря на присущую ей скромность настоящего ученого, отмечала, что ее монография 1960-х гг. имеет ценность не только для историков позднехрущевского — раннебрежневского периодов, но и сохраняет свою актуальность в современной России. Она вновь привлекает внимание к политической проблеме взаимоотношений города и деревни, которая, как подчеркивала Заславская: «В современной России не решена, не решается и сколько-нибудь серьезно не ставится. Значительной части сельской России предоставлен нелегкий выбор: либо выживать без какой-либо надежды на помощь, по принципу “спасение утопающих — дело самих утопающих”; либо следовать не менее известному совету: “не трать, куме, силы, та иды на дно”. Многострадальное, но все еще многомил-

лионное крестьянство, на труде, крови и костях которого осуществлялись индустриализация и урбанизация советского общества, в наше время вновь брошено на произвол судьбы. Умирают или уходят с насиженных мест жители слабозаселенных сельских районов, замирает жизнь в относительно небольших поселениях, сжимается вся Российская ойкумена, границы которой искони поддерживались и расширялись крестьянами. Параллельно идет и другой процесс: наиболее плодородные, экологически чистые и пригородные земли переходят в руки крупного городского капитала» (14. С. 22). В связи с этим Заславская полагала возможным адаптировать отработанную в ее книге методику для применения в условиях постсоветской России научного анализа социально-экономической дифференциации аграрных предприятий и сельских регионов в связи со взаимоотношениями города и деревни, ибо даже несмотря на изменения в конкретных формах статистики общие методологические принципы данного исследования до сих пор не утратили свою научную ценность.

Миграция сельского населения

Начиная со второй половины 1960-х гг. и на протяжении почти полутора десятилетий в Новосибирске под руководством Заславской осуществлялись долговременные социологические исследования сельско-городской миграции. Данное исследование во многом было связано с решениями мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. На пленуме было отмечено, что сельское хозяйство во многих районах страны, в особенности в РСФСР, стало испытывать недостаток трудовых ресурсов. Например, в Западной Сибири нехватка сельских кадров составляла от 8–10 до 24–30%. Миграция, безусловно, способствовала и ухудшению качественного состава остающихся в деревне работников. Все тревожнее давал себя знать так называемый отрицательный демографический отбор, при котором на селе в основном оставались апатичные, часто пьющие люди, пожилые и старики.

Выяснение причин и факторов слабо контролируемой сельской миграции, поиск мер по стабилизации численности сельского населения на примере Западной Сибири стало первым шагом в исследовательской работе молодого научного коллектива Заславской. Она отмечала, что «общая степень изученности миграции населения... была в СССР к этому времени небольшой. Специальных исследований миграции населения между городом и селом тогда почти не было, она изучалась либо в качестве одного из аспектов общего миграционного движения населения, либо попутно с проблемами обеспечения сельского хозяйства рабочей силой. Не было выяснено соотношение миграции населения с другими демографическими и социальными процессами. Информационная база большинства исследований ограничивалась данными государственной статистики и была недостаточной... Социологические методы сбора и анализа информации о миграции населения до середины 60-х годов почти не применялись» (14. С. 183–184).

Заславская начала работу по сельской миграции с формирования общей социологической концепции миграции населения, с поиска «рациональных моделей» миграции населения из сел в города, далее разрабатывались методология и методика конкретного социолого-статистического изучения сельско-городской миграции (2, 1970). Первые выводы новосибирских исследователей были, конечно, и так очевидны: сельские жители бежали в города, прежде всего в результате значительного отставания уровня социального развития села. В последующих исследованиях миграции Заславской и ее коллег обосновывалась необходимость преодоления различий в социально-экономическом положении селян и горожан, создания качественно отличной, но равноценной и привлекательной по сравнению с городами сельской жизни населения. Решение этой важнейшей задачи должно было, по мнению исследователей, опираться на разработку и реализацию комплексной целевой программы социально-экономического развития села. Обоснование принципиальной струк-

туры и направлений такой программы требовало разработки теоретико-методологических проблем изучения села (или деревни) как целостного объекта управления. Решение этих проблем – содержание следующего этапа исследования.

Село как социально-экономическая система

В советское время тематика социальных исследований вольно или невольно часто встраивалась в текущие пятилетние планы развития народного хозяйства страны. Общие замысел и тема нового стратегического исследования коллектива Заславской «Село как социально-экономическая система» во многом коррелировался с косыгинскими реформами. Социально-экономическое развитие села по итогам VIII («косыгинской») пятилетки (1966–1970 гг.) казалось в целом позитивным. За эту пятилетку производительность сельского труда возросла на 30%, а валовая продукция сельского хозяйства – на 21%. Это было время замены административно-волюнтаристских методов опытами управления прогрессивными преобразованиями экономических и социальных процессов.

В это время и село стало развиваться более динамично. Государственные капиталовложения в сельское хозяйство резко увеличились, стимулировались поиски роста качества и квалификации сельских кадров. При этом социальная сфера села оставалась во многом ахиллесовой пятой «косыгинских» реформ. Исход молодежи в города увеличивался. Именно в это время миграционный отток сельского населения достиг своего рекордного уровня. В результате за этот период общая численность сельского населения снизилась еще на 3 млн человек (4. С. 167–172).

По мнению Заславской и ее коллег, ставивших тогда во главу угла вопросы системного видения развития советской деревни, «развитие взаимосвязанных элементов села как социально-экономической системы оказалось несбалансированным. Более того, меры по совершенствованию одних элементов системы стали неожиданно отзываться срывами в развитии других ее элементов. Например, ускоренное

развитие производственного строительства при отставании жилищного и культурно-бытового, несмотря на связанное с ним улучшение условий труда, не уменьшило общую неудовлетворенность сельского населения комплексом своих жизненных условий» (14. С. 186).

Именно поэтому в начале 1970-х гг. коллектив Заславской параллельно с исследованиями миграции сельского населения принялся за изучение деревни как целостной системы, на основе которой предлагалась разработка многовариантного и долгосрочного прогноза развития села в зависимости от политики государственного управления.

В 1970-е гг. системный подход в мире и в СССР был чрезвычайно моден и многообещающ, но, как отмечала Заславская, «практического опыта системного подхода в эмпирических исследованиях сложных социальных объектов в советской науке еще не было» (14. С. 187). Тем интереснее и важнее становилась задача разработки теоретической концепции села как целостной социально-экономической системы. Для этого был выбран ряд основных объектов для конкретных эмпирических исследований:

- механизм демографического воспроизводства сельского населения
- закономерности совершенствования материально-технической базы сельского хозяйства;
- развитие социально-бытовой инфраструктуры села;
- обмен опытом деятельности между сельскими функциональными подсистемами (см. (5. С. 98)).

Впрочем, вскоре данное исследование и на теоретическом, и на эмпирическом уровне столкнулось с нарастанием проблем, зачастую противоположных среди многообразных сельских территорий страны. Как отмечала Заславская, «в одних районах село испытывало недостаток рабочей силы и нуждалось в притоке кадров, а в других наблюдалась неполная занятость населения в течение года, не хватало мест работы для женщин. В одних зонах уровень рождаемости не обеспечивал простого воспроизводства населения, в других же

вел к чрезмерно быстрому росту последнего, опережающему развитие рабочих мест и социальной инфраструктуры. В одних районах уровень образования сельских кадров был недостаточен для эффективного использования техники, в других квалифицированные работники были вынуждены заниматься простым ручным трудом и т.д.» (14. С. 188).

Село как социально-экономическую систему невозможно было изучать в разреженно абстрактном пространстве, следовало учитывать и многоплановую реальность конкретных *территориальных* аспектов сельской жизни. Заславская и ее коллеги обращаются к изучению особенностей территориально дифференцированной социальной политики, без которой невозможно понять и эффективно согласовать социально-экономическое развитие всех системных элементов села. С середины 1970-х гг. новосибирские социологи концентрируют усилия на изучении социально-территориальной структуры села.

Социально-территориальная структура села

Итоги IX пятилетки (1971–1975 гг.) были «в целом удовлетворительными», то есть более скромными по сравнению с фактически завершившимся косыгинским периодом реформ. Валовая продукция колхозов и совхозов за данный период возросла на 17%, но при этом продукция личного подсобного хозяйства уменьшилась на 2%. Рост в целом сельскохозяйственной отрасли увеличился на 13%, но явно был меньше запланированных 20–22%. Производительность аграрного труда возрастала, но темпы роста оказывались также существенно ниже, чем в VIII пятилетке. А в результате достигнутый сельскохозяйственный рост едва был достаточен для обеспечения населения продовольствием, еле-еле компенсировал дополнительный спрос на продовольствие в связи со значительным ростом численности городского населения и его потребностей.

Отчетливо стала проявляться дифференциация территориальных различий сельского развития. Как отмечала

Заславская, уже в 1970 г. в группах областей и краев страны с наименее и наиболее освоенными территориями плотность сельского населения различалась в 500 раз, густота сети городов — более чем в 100 раз, среднее расстояние между соседними селами — в 4 раза, доля сельского населения между селами — в 4 раза, доля сельского населения, проживающего в зоне двухчасовой доступности областного центра, — в 7 раз (14. С. 189). Таким образом, в IX пятилетке территориальная дифференциация в развитии села неуклонно возрастала, проявляясь прежде всего в неравномерном размещении и развитии сельской социальной и культурной инфраструктуры.

Особенно драматично усиление территориальных различий обозначилось из-за популярной в то время социально-экономической политики разделения сел и деревень на категории — «перспективные», «ограниченного развития» и «неперспективные» — с концентрацией культурно-бытового развития исключительно в «перспективных» селах. Все это, конечно, сопровождалось добровольно-принудительным исходом населения прежде всего «неперспективных» деревень в города, что нанесло значительный ущерб не только сельскохозяйственному производству, но и сельскому образу жизни в целом¹.

Итак, для создания комплексной картины динамики сельских различий общую системную концепцию села необходимо было дополнить теоретическим видением его территориального устройства. Для этого и формировалась концепция социально-территориальной структуры села как обобщенного отражения особенностей социального положения сельских территориальных групп.

Результатом данного исследования стало выяснение того, что различия в уровне и характере структурных элементов внутри села оказались даже более резкими, чем различия между

1. В годы перестройки идеологическими противниками Заславской были инспирированы измышления о ее причастности к проектам сселения «неперспективных деревень» и чуть ли не в личном руководстве данными проектами (анализ истории политической борьбы вокруг концепции «неперспективных деревень» и борьбы за честное имя Заславской см. (17. С. 314–338).

селем и городом. При этом крупные элементы социально-территориальной структуры села также были качественно разнородными и требовали дифференцированных методов управления. В работах коллектива Заславской было обосновано разделение сельской территории СССР на зоны, различающиеся содержанием жизненно важных для них проблем; проанализированы специфически актуальные проблемы каждой из зон; определены устойчивые границы «проблемных зон» за 10–20-летний периоды, а для Западно-Сибирского региона такая работа была осуществлена даже на уровне сельских административных районов (4. С. 190–234).

В итоге это крупномасштабное исследование Заславской продемонстрировало, что «процесс социально-экономического развития села, его сближения с городом не является результатом «суммирования» прогрессивного развития всех типов территориальных общностей. На самом деле он представляет собой «равнодействующую» разнонаправленных и противоречивых тенденций, частично усиливающих и поддерживающих, а частично уравнивающих друг друга. Это относится к развитию как отдельных сторон жизнедеятельности сельского населения, так и различных зон страны, типов районов и поселений» (14. С. 192). Полученное таким образом знание социально-территориальной структуры села позволяло достаточно точно и объективно определять состав территориальных общностей (районов и поселений) для сбалансированного планирования сельского экономического и социального развития СССР.

В конце IX пятилетки общее снижение темпов роста эффективности АПК отрицательно сказалось и на социально-бытовом положении села в целом. В результате аграрно-экономических трудностей все менее актуальным становилось изучение рациональных способов распределения средств на социальное развитие села с учетом отраслевых и территориальных различий. Теперь во главу угла в советской политике и науке ставились проблемы повышения эффективности именно производственной сферы села, поиск путей

технико-экономического прогресса в сельской экономике. Для Заславской это знаменовало переход к новому этапу аграрно-социологических исследований, связанных с изучением особенностей мотиваций и поведения работников сельского хозяйства.

Экономическое поведение работников АПК

Конец 1970-х — начало 1980-х гг. в памяти многих сельских жителей остается чуть ли не «золотым веком». В этот позднебрежневский период прогресс в сельской жизни, как материальный, так и технический, достиг, пожалуй, максимального уровня, в особенности в сравнении со сталинскими и хрущевскими временами. Но именно в это время на селе стали наблюдаться и явные признаки социально-экономического застоя. Например, за последнюю брежневскую пятилетку валовая продукция сельского хозяйства увеличилась лишь на 9%, а производительность труда возросла только на 14% [5. С. 211, 301]. В итоге прирост фондовооруженности сельскохозяйственного труда через повышение его производительности в X пятилетке (1976–1980 гг.) снизился до 0,27% в сравнении с 0,6% в IX пятилетке. Это, безусловно, свидетельствовало об усилении аграрного застоя на рубеже 1970–1980-х гг. И тогда майский Пленум ЦК КПСС 1982 г. утвердил общегосударственную Продовольственную программу СССР на период до 1990 г., нацеленную на преодоление замедления темпов аграрного роста, выполнение планов сбалансированного производства сельскохозяйственной продукции, преодоление дефицита продуктов. Было признано, что развитие АПК, конечно, зависит от особенностей человеческого фактора в советской экономике. Конец 1970-х — начало 1980-х гг. в советской экономике — годы явного ослабления трудовой и плановой дисциплины, текучести кадров, частых поломок и простоев техники, бесхозяйственности в использовании сырья, материалов, энергии.

Как отмечала Заславская, именно тогда возросло внимание к социальным факторам производства, требовавшее

нового осмысления самих этих факторов, таких, например, как: типичные способы экономического поведения работников в разных социальных и производственных ситуациях или влияние интересов и поведения работников на результаты экономического аграрного развития. Для решения подобного рода задач открывалось новое поле исследований. Теперь целями команды Заславской стали «теоретический поиск, научное обоснование и практическая проверка путей повышения эффективности производства за счет мобилизации социальных ресурсов» (14. С. 196).

Ученые обнаружили, что банальная «просветительская» гипотеза, согласно которой более образованные, находящиеся в лучших условиях труда работники «автоматически» покажут лучшие результаты труда, далеко не очевидна. Заславская и ее коллеги принялись исследовать экономическое поведение сельских тружеников как опосредствующий фактор условий труда и его результативности. Работа в новом направлении началась с формирования концепции экономического поведения общественных групп в условиях социализма. Здесь определялось соотношение понятий «экономическое поведение» и «экономическая деятельность», выделялись виды поведения, оказывающие влияние на производство, анализировались объективные и субъективные факторы экономического поведения социальных групп, обнаруживалась взаимозависимость поведения и хозяйственного механизма управления экономикой, укорененного в самой социальной структуре общества. Кроме того, осуществлялись социально-экономические эксперименты в колхозах и совхозах, направленные на проверку разрабатываемых теоретических гипотез.

Результаты социологических исследований убедительно показали: значительная часть сельских работников, а также руководителей и главных специалистов агропредприятий работают далеко не в полную силу, что свидетельствовало о фатальном отставании методов управления хозяйством от уровня развития его производительных сил. Заславская и ее

коллеги поставили вопрос о фактическом отсутствии «обратной связи» между результатами работы советских тружеников и их социально-экономическим положением, а также отсутствию экономической ответственности работников за результаты собственного труда. Заславская предлагала в этих условиях дополнить Продовольственную программу СССР программой социальной, обеспечивающей эффективную интеграцию интересов социальных групп села.

Социальный механизм развития АПК

К середине 1980-х гг. неблагоприятные тенденции в развитии экономики еще более усугубились: упали темпы роста национального дохода, прекратился рост реальных доходов населения. И хотя, начиная с 1983 г., реализация Продовольственной программы СССР способствовала некоторому росту сельскохозяйственного производства, но такой прирост составлял около 1% в год и был сопоставим с темпами роста населения. С наступлением горбачевской перестройки значение человеческого фактора в управлении производством становится одним из основных идеологических постулатов демократических реформ, а село попадает в список главных приоритетов ускорения экономического развития.

К этому времени школой Заславской был поставлен вопрос о социальном механизме развития аграрной экономики применительно к регионам, сельским административным районам. Предложена система индикаторов и показателей, отражающих действие этого механизма с параллельной их апробацией в эмпирическом изучении алтайских сельских регионов. Как отмечала Заславская, «по широте постановки проблемы и способности синтезировать результаты частных исследований изучение социального механизма аграрного сектора было сравнимо только с системным изучением деревни» (14. С. 204).

В середине 1980-х гг. Заславская поняла, что пора от вопросов аграрной экономики переходить к анализу фундаментальных социально-экономических проблем всего

советского общества. С началом перестройки Заславская из Новосибирска переезжает в Москву, полностью концентрируясь на изучении социально-политических и социально-экономических альтернатив советских, а затем и постсоветских преобразований.

В конце 1990-х гг. я в личной беседе спросил Татьяну Ивановну, почему она прекратила свои сельские исследования, несмотря на ее громадный аграрный опыт. «Какого угодно аграрного опыта недостаточно, — последовал ответ, — если не имеешь возможности находиться в селе со своими исследованиями. Я, как видите, давно живу только в Москве. По-прежнему переживаю за русскую деревню, но без возможности проведения собственных полевых социологических исследований не берусь анализировать нынешнюю сельскую действительность». Но хотя Заславская с 1990-х гг. и не занималась непосредственно аграрной проблематикой, ее исследования предшествующего периода обладают не только исторической ценностью. Фундаментальные вопросы, заложенные в них, актуальны и в настоящее время.

* * *

В чем же заключается актуальность наследия Заславской для современных социальных исследований России? Прежде всего надо отметить высокие нравственные критерии, которыми всю жизнь она руководствовалась в своей научной работе. Ей было присуще обостренное чувство социальной справедливости. Это очень хорошо почувствовал и выразил В. Ядов: «Думаю, что Татьяну Ивановну отличало обостренное, мучительное даже, восприятие социальной несправедливости. Это находило свое проявление и в тематике ее исследований как социального экономиста, и в гражданской позиции. Почему она инициировала экономсоциологию? Да по той причине, что следовало понять, как экономические процессы воздействуют на повседневную жизнь людей и структурные изменения в обществе с тем, чтобы ослабить многообразные детерминанты социальной несправедливости. Не экономика

сельского хозяйства, но условия жизни людей в деревнях были в фокусе исследований школы Заславской...» (21. С. 7–8).

Действительно, начиная с ранних работ и до конца жизни Заславская предупреждала о том, что фактическая эксплуатация городом деревни, в конце концов, фатальным образом отразится на всем советском обществе (11. С. 19–27). Тревожные прогнозы и предчувствия Заславской сбылись – нерешенные сельско-городские противоречия стали одной из весомых причин распада СССР. Но и в наше время в постсоветской России уже не в административно-командных, но в рыночно-авторитарных условиях мы наблюдаем продолжение эксплуатации села городом, при котором доходы сельских жителей, их образ жизни, уровень культуры и образования остаются низкими в сравнении с положением горожан. Культурно-экономический разрыв между городом и селом в постсоветской России не уменьшается.

Надо, конечно, подчеркнуть и значение высоких научно-методологических критериев, которыми руководствовалась в своих исследованиях Заславская. Системность, комплексность, статистическая достоверность аграрных исследований новосибирской школы до сих пор остаются образцом и эталоном для современной аграрной науки России. (15. С. 155). Чрезвычайно важна для современных российских условий и такая традиция школы Заславской, как стремление употребить полученные знания для организации продуктивного диалога между обществом, наукой и властью.

2020 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы Т.И. Заславской

1. Распределение по труду в колхозах. М., 1966.
2. Миграция сельского населения (в соавт.). М., 1970.
3. Развитие сельских поселений: Лингвистический метод типологического анализа социальных объектов (в соавт.). Новосибирск, 1977.

4. Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ (в соавт.). М., 1980.
5. Методология и методика системного изучения советской деревни (в соавт.). М., 1980.
6. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Коммунист. 1986. № 13.
7. Социально-экономическое развитие западносибирского села (в соавт.). Новосибирск, 1987.
8. Социология экономической жизни: очерки теории (в соавт.). М., 1991.
9. Социальная справедливость: шесть лет спустя // Свободная мысль. 1992. № 1. С. 19–27.
10. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. М., 1997.
11. Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы (в соавт.). Новосибирск, 1999.
12. Избранное. В 3 т. Т. 1. Социальная экономика и экономическая социология. М., 2007.

Литература о Т.И. Заславской

13. Докторов Б.З. Памяти Татьяны Ивановны Заславской: размышления о ее жизни // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 149–165.
14. Кузнецова Т.Е. Письма Татьяны Ивановны Заславской (1963–1973 гг.) // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3.
15. Никулин А.М. Т.И. Заславская: «Догнать?! не отстать?! не исчезнуть?!» // Никулин А.М. Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему. М., 2014. С. 314–338.
16. Репринцева Г.И., Никулин А.М. «...У меня сейчас невероятный цейтнот» (Публикация писем Татьяны Ивановны Заславской 1972–1974 гг.) // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. №3. С. 78–139.
17. Троцук И.В. Сельско-городская миграция советского периода в работах Т.И. Заславской // Крестьяноведение: теория, история, современность. 2013. Вып. 8. М., 2013.
18. Ядов В.А. Нам одно остается: честно делать свое дело // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2014. № 2.

**КАПУСТИН
ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ
(1921—2005)**

Евгений Иванович Капустин был незаурядной, сильной личностью — человеком, олицетворявшим лучшие черты русского ученого, организатора науки, доблестного воина, преданного гражданина России. Без преувеличения можно сказать, что он был одним из крупнейших специалистов в области экономической теории распределительных отношений,

организации заработной платы и материального стимулирования, разработки критериев и обоснования путей повышения уровня жизни, экономики и научной организации труда, экономических аспектов образа жизни, прогнозов социально-экономического развития. Значимость и актуальность его научных исследований, выводов и рекомендаций трудно переоценить.

Понимание личности этого незаурядного человека неотделимо от эпохи, в которую он жил, формировался и творил. Многие черты характера Евгения Ивановича были заложены еще в довоенный период жизни и фронтовые годы юности, а позже патриотическим духом экономического факультета МГУ, где он учился, вернувшись с фронта, кончал аспирантуру

и преподавал, с которым был тесно связан в научной и педагогической деятельности все последующее годы жизни.

Е.И. Капустин родился 24 октября 1921 г. в с. Огороково Колязинского района Калининской области в рабочей семье. Его отец – Капустин Иван Сергеевич – всю жизнь проработал на разных должностях, начиная с рабочего, на красильно-аппретурной фабрике им. Менжинского в Москве, мама – Анна Алексеевна, сначала была рабочей, а потом домохозяйкой. Детство Жени прошло в Москве. Родители всячески поощряли стремление сына к знаниям, его любознательность, а бабушка с бабушкой (крестьяне), у которых он ежегодно проводил летние месяцы, сумели привить внуку любовь к земле и родной природе, к физической работе, интерес и сноровку мастерить своими руками, основательность и уважительное отношение к человеку труда.

Е.И. Капустин хорошо учился, много читал, интересовался литературой и живописью, любил спорт. В довоенные годы на Сухаревке было много книжных развалов, где можно было найти подборки периодических изданий по живописи и художественной литературе. Юноша любил эти развалы, покупал там книги и марки, тратя на это свои скромные ученические деньги, которые родители давали на завтраки. Часть приобретений тех лет хранится в семье до сих пор. Неподдельный интерес к духовному наследию своего народа способствовал формированию у молодого человека глубоких нравственных основ личности. Любовь к литературе, музыке, живописи он пронес через всю жизнь.

В Е.И. Капустине рано обнаружили черты лидера и твердость характера. Уже в школьные годы он увлекался общественной работой. Неслучайно по окончании московской средней школы он поступил в 1939 г. на экономический факультет Института философии, литературы, искусства (ИФЛИ), но уже в октябре учеба была прервана призывом в Красную армию и направлением в полковую школу зенитного полка. Во время войны с Финляндией Е.И. Капустина перевели в кавалерийское училище. Это была непростая

учеба. Необходимо было научиться джигитовке, овладеть карабином и пашкой. Командирами были казаки. Можно представить, как трудно было московскому юноше освоить навыки кавалериста. Но он справился. В первый год имел взыскания и дежурства на конюшне, на второй год стал получать благодарности. Эта наука не прошла бесследно. Она закалила характер Евгения Ивановича, научила его преодолевать трудности и препятствия на жизненном пути.

Еще до начала Великой Отечественной войны (в 1941 г.) кавалериста Капустина перевели в танковое училище в г. Борисов (Белоруссия). Здесь его и застала война. Вот что пишет он сам, вспоминая военные годы: «Мне пришлось пройти дорогами войны, начиная с Белоруссии, где вместе с Московской пролетарской дивизией наше танковое училище держало оборону на известной реке Березина и не пропустило фашистов. В память об этом в г. Борисове стоит памятник на месте погибших уже на четвертый день войны курсантов. Мы оказались в тылу наступающих фашистов. Выходя из окружения, встретили наши танки под Оршей, а позже занимали оборону под Смоленском». Затем их направили в Саратов. Там Е.И. Капустин получил звание лейтенанта.

В дальнейшем военная карьера Е.И. Капустина была связана и с танковыми частями, и с кавалерией. Поскольку танков для новых офицеров не было, то, согласно приказу, они из Саратова проследовали в Сибирь, где создавались кавалерийские корпуса. Лошади были дикие, из Монголии: 20-летнему командиру взвода пришлось объезжать лошадей и обучать солдат искусству конника. Затем фронт — вначале в кавалерии, а потом он был возвращен в танковую часть.

После Западного фронта Е.И. Капустин прошел тяжелые дороги Волховского фронта, воевал в печально известном у фронтовиков Мясном Бору и под Синявино, а потом под Новгородом участвовал в длительных боях за его освобождение и прорыве к Ленинграду. Служил он в офицерских должностях: командира взвода, первого помощника начальника штаба кавалерийского полка 77-й кавалерийской дивизии,

позже — заместителя командира (начальника штаба) 421-го отдельного танкового батальона 29-й танковой бригады. Командир батальона, полковник В.И. Ежаков, в своих воспоминаниях высоко оценивал штабную культуру молодого офицера Капустина. По его словам, такие личные качества Е.И. Капустина, как «активность, общительность, любовь к порядку, распорядительность, умение все рассчитывать и взвешивать», позволяли ему как командиру быстро воплощать свои замыслы в конкретные дела. Характеризуя своего начштаба, командир батальона отнес также к числу его отличительных личных качеств отвагу, поскольку в случаях необходимости тот лично водил танкистов в бой.

Рассказывая о военных годах Е.И. Капустина, нельзя не заострить внимания на том факте, что в сентябре 1941 года (т.е. в самые первые месяцы войны) он вступает кандидатом в члены КПСС, а затем в сентябре 1942 г. становится членом партии. Этот факт биографии очень многое объясняет в жизненном кредо Е.И. Капустина как человека. Он вошел в жизнь с четкими убеждениями и активной гражданской позицией, которым не изменял на протяжении всей последующей жизни. Высокая гражданственность, чувство долга, партийная ответственность и дисциплинированность, во многом определившие смолоду его характер, дают ключ к объяснению поведения Е.И. Капустина в последующем — в разных жизненных ситуациях и по отношению к разным людям, в том числе в период его работы на посту директора Института экономики АН СССР.

В 1942 г. Е.И. Капустин получил первое пулевое ранение, после которого вернулся в строй, но в 1944 г. в бою под Новгородом, как всегда, справившись с поставленной задачей, отважный начштаба получил тяжелое осколочное ранение в область сердца. Выжил он чудом и все же, несмотря на тяжелейшее ранение, не расставался с мыслью о возвращении на фронт. После того как комбриг, посетивший его в госпитале, сообщил, что бригада должна получать тяжелые танки, Капустин сумел уговорить врачей не комиссовать его и вер-

нулся в часть. С жаром взялся за дело, но спустя несколько дней во время обкатки нового танка потерял сознание и был повторно отправлен в госпиталь. Лечение продолжалось долго и кончилось тем, что молодого капитана все-таки комиссовали. Врачи были неумолимы. Это случилось в мае 1944 г., за год до победы. Так он и вошел в мирную жизнь с металлом в сердце, отказавшись однако от инвалидности.

Начинался новый этап жизни. Из фронтовой юности Е.И. Капустин вынес такие черты характера, как: преданность делу, ответственность, обязательность и надежность, принципиальность, прямота и бескомпромиссность в отстаивании своих убеждений, высокая требовательность к себе, исключительное трудолюбие, честность и гуманное отношение к людям. Эти качества сохранились в нем до конца дней. Но было бы лукавством идеализировать характер Евгения Ивановича. Справедливости ради надо сказать, что при массе достоинств и положительных качеств ему были свойственны и такие черты, как взрывчатость и нетерпимость при любых проявлениях недобросовестности и безответственности, что не всегда бывало приятно окружающим. Правда и то, что в силу внутренней честности и доброжелательности он был способен на признание своей неправоты в оценках отдельных людей и результатов их работы.

Как представитель поколения победителей, Е.И. Капустин получил максимально благоприятные условия для раскрытия и реализации сил и способностей на избранном жизненном поприще. Он верил в себя, умел добиваться того, к чему стремился, и в то же время рано научился брать на себя ответственность за очень серьезные участки работы, исполнять должностные обязанности с полной отдачей сил, нести огромные физические и психологические нагрузки.

В мирную жизнь Е.И. Капустин, еще молодой человек, вошел без законченного высшего образования и профессии. Институт (ИФЛИ), в который он поступил перед войной, уже не существовал. Случайно узнав, что факультет, на который он был принят, переведен в декабре 1941 г. в МГУ им. М.В. Ломо-

носова и на его базе там создан экономический факультет, фронтовик Капустин подал туда заявление и был принят на 1 курс. На экономическом факультете МГУ в эти годы царила атмосфера подъема. Руководство факультета высоко ценило фронтовиков и опиралось на них в работе со студентами-выпускниками школ, не получившими фронтовой закалки и жизненного опыта.

После войны общественные науки вызывали у молодежи большой интерес. На экономфаке МГУ лекции читали выдающиеся ученые-экономисты. Среди них хотелось бы назвать: вице-президента АН СССР академика К.В. Островитянова, заслуженного деятеля науки РСФСР Д.В. Савинского, создателя экономического факультета МГУ профессора И.Д. Удальцова, родоначальника направления «анализ хозяйственной деятельности предприятий» профессора С.К. Татура. Большой популярностью у студентов МГУ пользовались лекции профессоров И.Г. Блюмина, А.Я. Боярского, В.Е. Мотылева, Д.И. Розенберга, видного статистика-демографа Б.Ц. Урланиса и целого ряда других блистательных ученых. Творческие дискуссии на семинарах, активная общественная работа, выезды в колхозы в порядке шефской помощи, возможность занятия спортом и художественной самодеятельностью формировали в студенческой среде факультета дух коллективизма, высокой активности и гражданственности. Этому во многом способствовали бывшие фронтовики, многие из которых стали признанными лидерами. Одним из них был Е.И. Капустин. В 1948 г. его направляют на крайне ответственную работу освобожденного заместителя секретаря парткома Московского государственного университета. Хочу обратить внимание на то, что в это время Евгению Ивановичу всего 27 лет!

Окончив в 1949 г. экономический факультет МГУ с отличием, Е.И. Капустин сразу же поступил в аспирантуру, выбрав предметом своей научной специализации вопросы распределительных отношений. Этому направлению исследований он оставался верен на протяжении всей последующей жизни. Одновременно Капустин осваивает педагогическую работу —

ведет семинарские занятия по политической экономии со студентами первого курса экономического факультета.

В 1953 г. Е.И. Капустин защищает кандидатскую диссертацию на тему: «Распределение по труду — экономический закон социализма». После защиты он продолжает преподавать политическую экономию, руководит курсовыми и дипломными работами студентов экономического факультета, интересующихся вопросами оплаты труда и ее организации, и направляется на кафедру политической экономии естественных факультетов в качестве заместителя заведующего кафедрой. Блестящий старт, который во многом определит вектор последующего научного и карьерного роста молодого ученого, обусловит его неразрывную связь с МГУ и экономическим факультетом на всю последующую жизнь.

В эти годы шаг за шагом начала складываться университетская школа политической экономии благодаря усилиям педагогов и увлеченных наукой талантливых выпускников факультета, окончивших аспирантуру и защитивших диссертации. Е.И. Капустин стоял у истоков ее формирования. В 1964 г. он защищает диссертацию на степень доктора экономических наук на тему: «Качество труда и заработная плата» и в 1966 г. получает звание профессора. В центре его научных интересов на всех дальнейших этапах научной деятельности были и остались — человек, сфера труда, потребности и интересы, вопросы оплаты труда, уровень и качество жизни. Над этими проблемами работал он сам и его многочисленные ученики — студенты и аспиранты, а в дальнейшем — крупные научные коллективы, которыми он руководил.

Вся последующая трудовая деятельность Е.И. Капустина была так или иначе связана с МГУ и экономическим факультетом. В разные периоды в МГУ он работал: заместителем заведующего кафедрой политической экономии естественных факультетов, заведующим кафедрой политической экономии гуманитарных факультетов, заведующим кафедрой экономики труда, профессором кафедры политической экономии, позже — кафедры социально-экономических

проблем на экономическом факультете, где читал несколько спецкурсов. Неоднократно участвовал в подготовке учебников по экономике труда и политической экономии. Последний из них — «Курс переходной экономики» под редакцией академика Л.И. Абалкина.

Вся трудовая жизнь Е.И. Капустина как профессионала, помимо вузовской науки и преподавания в МГУ им. М.В. Ломоносова, куда он поступил в 1949 году, была связана еще с двумя организациями: Государственным комитетом СССР по труду и социальным вопросам, включая подведомственный ему НИИ труда (1955–1962 и 1965–1971 годы), и Институтом экономики в системе Академии наук СССР, где он проработал 34 года — с августа 1971 года до конца дней.

Примечательно, что какие бы посты и должности ни занимал Е.И. Капустин на протяжении жизни, он никогда не порывал с МГУ и лекторской работой. Понимание важности формирования у молодых людей восприятия глубинных основ процессов общественной жизни, роли экономики в развитии общества проходят красной нитью через всю его трудовую биографию. Лекторская работа, руководство курсовыми работами и дипломными проектами, подготовкой кандидатских диссертаций, работа в качестве организатора преподавательского процесса (заведующим кафедрой) и директора крупных научных коллективов (исследовательских институтов) — все это Е.И. Капустин делал увлеченно, с полной отдачей сил и способностей, оставляя добрую память у всех, с кем соприкасался по работе.

Е.И. Капустин был выдающимся педагогом. Самые зримые плоды его труда как профессора — молодые таланты, замеченные, выращенные и выдвинутые им из числа выпускников МГУ и защитившихся аспирантов. Под его научным руководством было защищено более 50 кандидатских и докторских диссертаций. До последних дней он на общественных началах руководил аспирантами, являя пример бескорыстного служения науке. Евгений Иванович был замечательным лектором — на его лекции по актуальной социальной про-

блематике собирались студенты с разных факультетов – так высока была его популярность. Он был бесценным оппонентом для соискателей кандидатских и докторских диссертаций, поскольку с неизменным интересом вдумчиво читал их работы, давая квалифицированную, доброжелательную и объективную оценку результатов научных исследований

Много сил Е.И. Капустин отдал государственной службе. С 1955 г. он работает в Государственном комитете СССР по труду и социальным вопросам в качестве заместителя начальника сводного отдела. Как специалист-теоретик, Капустин сумел внести существенный вклад в решение ряда кардинальных проблем практики. Он принимал активное участие в разработке принципов и механизма установления минимальной заработной платы (доклад по этому вопросу обсуждался у председателя Совета министров СССР), обосновал целесообразность перехода к пятидневной рабочей неделе (доказав, что производительность труда не падает, а растет, когда у людей больше времени для отдыха). Он способствовал переходу от массового механического пересмотра норм труда к установлению норм в увязке с внедрением новой техники. Им была доказана необходимость введения единой тарифной системы; обоснована важность применения коллективных форм организации и оплаты труда, на которых и сейчас могут базироваться коллективная заинтересованность и коллективная ответственность; разработал положения о соревновании и состязательности, составляющие базу трудовой конкуренции.

Е.И. Капустин сыграл выдающуюся роль как организатор науки, руководитель крупнейших в стране научно-исследовательских учреждений – Института труда Госкомтруда СССР и Института экономики АН СССР (позже РАН). В 1965 г., став директором НИИ труда, Евгений Иванович проявил недюжинные способности при формировании научного потенциала и привлечении высококвалифицированных специалистов. В результате малоизвестный до его прихода институт труда превратился в крупный авторитетный научный центр.

За годы руководства Институтом труда (1958–1962 гг. — в качестве заместителя директора, 1965–1971 гг. — директора) им были разработаны методологические основы исследования многих проблем экономики труда. Институт принимал участие в разработке материалов, связанных с подготовкой и проведением экономической реформы 1960-х годов, объективная необходимость которой уже ощущалась. Научный коллектив занимался исследованиями таких важных в условиях полного хозрасчета проблем, как материальная заинтересованность трудовых коллективов предприятий в конечных результатах производства, эффективное использование коллективных (бригадных) форм организации труда и материального стимулирования, участие работников в управлении производством. Многие направления разработок тех лет не потеряли своей актуальности и в современных условиях.

Немало ценных положений было разработано и в области научной организации труда. Например, большой эффект могли бы принести в случае оформления в виде закона, обязательного для исполнения, сформулированные институтом требования к разработке, проектированию производственных зданий и сооружений, внедрению новой техники и технологии с позиции условий труда, эргономики, здоровья работников.

По инициативе Е.И. Капустина были созданы филиалы НИИ труда на Украине, в Белоруссии, Казахстане, в восточных регионах Российской Федерации (Владивосток, Иркутск, Красноярск, Новосибирск). Во второй половине 1960-х гг. были заложены основы творческого сотрудничества Института труда с исследовательскими научными коллективами в странах-членах СЭВ, сохранявшиеся до начала 1990-х гг. За четверть века сотрудничества было проведено большое число совместных научных исследований по актуальным проблемам труда и социальной политики. В формировании системы совместных исследований Е.И. Капустин вложил много труда.

Активно велась подготовка научных кадров на базе аспирантуры, обучение в которой прошли многие ведущие

научные сотрудники НИИ труда и его филиалов. Это позволило создать собственный научный потенциал, обеспечивший работу на многие последующие годы. Для молодого поколения научных сотрудников Е.И. Капустин был настоящим руководителем, учителем и воспитателем. Не только высокие профессиональные знания, которыми он щедро делился со своими сотрудниками и учениками, но и внимание к людям и доброжелательность в сочетании с необходимой требовательностью к себе и коллегам помогали становлению вначале научных работников, а затем — и руководителей научных подразделений. Как научный руководитель, Евгений Иванович требовал от молодых ученых ответственного отношения к научной работе и анализу полученных результатов, прививал навыки самостоятельного обобщения собранной информации, формулирования выводов и предложений. Он всегда был готов поделиться своими соображениями по той или иной проблеме, подсказать методы ее исследования, вовремя направить мысль в нужное русло.

Большим событием в жизни Е.И. Капустина стал переход в августе 1971 г. из системы Госкомтруда и ведомственной науки в систему Академии наук — на работу в Институт экономики (вначале в качестве исполняющего обязанности, а с 1 марта 1972 г. — официально избранного директора, утвержденного Постановлением Общего собрания Отделения экономики АН СССР). Это событие совпало с 50-летием Е.И. Капустина. Он в расцвете сил, получил как профессионал заслуженное признание среди ученых и практиков, полон энергии. За его плечами — война, большой опыт педагогической, аппаратной и научно-организационной деятельности, работы с людьми разного возраста, положения, социального статуса. Словом, это — зрелый масштабный человек со сложившимся убеждениями и твердым характером. Не случайно, что именно на него пал выбор высших эшелонов руководства общественными науками при выборе кандидатуры на пост директора Института экономики АН СССР — авторитетнейшего, ведущего научного центра академической

науки, ответственного за разработку вопросов экономической теории.

Оборачиваясь назад и сравнивая путь в науке Е.И. Капустина до и после прихода в Институт экономики, не побоюсь сказать, что новый поворот карьеры стал своеобразным экзаменом, проверкой на прочность его личности. Е.И. Капустин попал в новый, малознакомый мир академической науки, который в те годы существенно отличался от мира вузовской и ведомственной науки (и тем более — от системы отношений в аппаратной среде), будучи неким островком демократии. В Институте экономики отсутствовала жесткая должностная субординация, он имел свои традиции и правила поведения, непривычными были организация научного процесса и режим труда (практика явочных дней). Институт в ту пору ютился в перестроенном четырехэтажном здании на Волхонке в центре Москвы, где делил площадь с Институтом философии АН СССР. Здесь царил особая творческая атмосфера научного поиска, был принят остро дискуссионный, публичный характер обсуждения итогов научных исследований, привлекавший массу заинтересованных слушателей. Допускалась независимость суждений, право на обоснование и отстаивание учеными собственных выводов и убеждений, порой отличных от положений и выводов официальной доктрины. Думаю, что все это было необычно для человека, привыкшего к преимуществам четкого трудового распорядка, строгой трудовой дисциплине, безоговорочному следованию указаниям вышестоящих директивных органов и утверждаемым на верху учебным программам преподаваемых курсов по общественным дисциплинам. К творческому духу Института экономики Евгению Ивановичу предстояло привыкнуть, понять его особенности, научиться уважать и полюбить его коллектив.

Надо сказать, что время, в которое Е.И. Капустин перешел на работу в ИЭ АН СССР, было в стране сложное. В экономической науке шел уже не один год активный поиск и обсуждение альтернативных вариантов проведе-

ния экономической реформы, необходимость которой была осознана еще в середине 1960-х годов. В этой работе принимали участие и ученые Института экономики, движимые жаждой осмысления реальных процессов, совершающихся в различных сферах экономики, и тех противоречий, которые стали тормозить экономический рост, желанием выявить несоответствия или отклонения существующего хозяйственного механизма и проводимой социально-экономической политики от теоретической модели и принципов социализма. Постепенно дискуссии в обществе становились все острее. К началу 1970-х годов обсуждения по вопросам экономической теории вылились в непримиримое противостояние между сторонниками ряда научных школ, в том числе университетской школы политической экономии социализма и теоретиками Института экономики. Последние доказывали необоснованность целого ряда теоретических постулатов, выдвигаемых университетской школой (официально признанных и заложенных в курсы обучения студентов), как догм, не отвечающих реальному положению дел в стране. Сложившаяся ситуация стала поводом для глубокой проверки и последовавшей после нее критики направлений работы и теоретических позиций сложившейся в Институте экономике школы политической экономии социализма.

Приход Е.И. Капустина в Институт экономики был связан с обсуждением в ЦК КПСС работы института и принятием решения «О работе парторганизации ИЭ АН СССР по выполнению Постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (21 декабря 1971 г.). В постановлении отмечалось, что руководство института не обеспечило концентрации усилий коллектива на разработке узловых вопросов политической экономии социализма, что в отдельных книгах и статьях, изданных его сотрудниками, имели место серьезные ошибки теоретического характера. Институт стал объектом пристального внимания отдела науки ЦК КПСС, создавшего специальную комиссию

в связи с предстоящим отчетом партийной организации ИЭ АН СССР в Секретариате Центрального Комитета партии (1972 год). Итогом проверки этой комиссии (в которую был включен ряд представителей университетской школы) явился разгром рыночного направления в экономической науке, который на долгие годы закрыл возможные альтернативные направления реформирования отечественной экономики и социально-экономического развития, обрек страну на длительный период накопления необратимых противоречий. Трудно писать об этом времени, очевидцем которого было мое поколение ученых, и тем более давать оценку этого этапа жизни Е.И. Капустина, так сложен и неоднозначен был период 1970-х годов для страны в целом и Института экономики, в частности.

На плечи Е.И. Капустина, как вновь пришедшего директора, была возложена обязанность разработки проекта основных направлений научно-исследовательской деятельности и новой структуры института в соответствии с Постановлением ЦК КПСС о работе парторганизации ИЭ АН СССР. Этот проект, подготовленный под его руководством и при непосредственном участии, прошел ряд стадий обсуждения — в институте, в Бюро Отделения экономики — прежде чем после детального рассмотрения и уточнения был принят Президиумом АН СССР. Началась самая трудная полоса в жизни Евгения Ивановича, сопряженная с реализацией утвержденной системы организационных мер, которые затрагивали так или иначе интересы многих работников института и драматично отзывались на судьбах ряда уважаемых, талантливых ученых. Это был для него период, исключительно тяжелый в психологическом отношении. Но в памяти сотрудников, прошедшей фильтрацию временем, поведение Е.И. Капустина в те сложные годы осталась преимущественно как позитивное. За ним прочно утвердилось репутация порядочного человека, который, если это было в его власти, старался находить возможно более щадящий вариант решения персональных вопросов и судьбы опальных научных подразделений.

В 1970-е гг. и первую половину 1980-х гг. шло постепенное ужесточение требований к Институту экономики со стороны директивных органов, что требовало постоянной корректировки направлений научных исследований и вдумчивой работы по кадровому их обеспечению. Думаю, что не ошибусь, сказав, что переход в систему Академии наук ознаменовал для Е.И. Капустина вступление в этап жизни, сопоставимый по напряженности и сложности только с участием в Великой Отечественной войне. Годы пребывания на посту директора в Институте экономики явились для него суровой школой жизни, в которой шла дальнейшая шлифовка характера. Этот период не прошел бесследно. С годами Е.И. Капустин стал мудрее, терпимее, сдержаннее. Он сумел постепенно восстановить привычные для института правила работы, и к середине 1980-х гг. многое из того, за что институт ценился прежде, стало постепенно в него возвращаться, заложив предпосылки для нового взлета творческого энтузиазма коллектива с наступлением перестроечных лет.

В столь трудный период заслугой Капустина являются сохранение основных научных кадров института и восстановление его научного потенциала за счет привлечения высококвалифицированных специалистов и молодых ученых из числа выпускников экономического факультета МГУ. Был выдвинут на руководящие должности во вновь созданные научные подразделения ряд квалифицированных ученых, хорошо зарекомендовавших себя в коллективе, выращенных и давно работающих в институте. Были организованы «школы молодых ученых», в которых читали лекции и вели семинары ведущие сотрудники института. Эти школы проводились как в стенах самого института, так и навывезд, в том числе в научных институтах ряда союзных республик. Была широко развернута лекторская работа научных сотрудников на предприятиях и учреждениях Москвы, осуществлялся выезд с лекциями в вузы других городов страны. Большое внимание уделялось налаживанию координации научно-исследовательской работы Института экономики с республиканскими инсти-

тутами в системе АН СССР и руководителями экономических подразделений научных центров и филиалов АН СССР. Широкое развитие получило международное сотрудничество и практика выезда ведущих ученых в командировки за рубеж.

В своей работе на посту директора института Е.И. Капустин уделял большое внимание связи научных исследований с практикой. Ведущие научные работники сотрудничали с Советом министров СССР: готовились научные доклады по принципиальным позициям социально-экономического развития страны, материалы для разработки пятилетних планов, а также обобщались результаты исследований по отдельным экономическим проблемам. За участие в подготовке экономической реформы и Институт был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Под непосредственным научным руководством Е.И. Капустина институт начал участвовать в разработке прогнозов развития производительных сил и производственных отношений, Комплексной программы совершенствования хозяйственного механизма и программы устранения тяжелого ручного труда, Комплексной программы научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий на перспективу. За последнюю он как директор получил благодарность от Председателя Госплана СССР Г.И. Байбакова, Председателя ГКНТ СССР Г.И. Марчука и президента АН СССР академика А.П. Александрова В 1976 г. Е.И. Капустин был избран членом-корреспондентом АН СССР. Это было показателем высокой оценки Академией наук его заслуг как ученого и организатора науки.

Если в 1960-е годы наиболее желаемой формой обобщения результатов научных исследований было написание и издание индивидуальных монографий, то с приходом Е.И. Капустина предпочтение стало отдаваться подготовке коллективных монографических работ. Коллективные монографии выпускались всеми секторами института. Были подготовлены коллективно и очень крупные работы. Среди них: «Экономика развитого социалистического общества.

Основные черты и закономерности развития» (1977 г.); «История социалистической экономики» в 7-ми томах (в 1982 г. эта работа была удостоена Государственной премии СССР); «Экономический строй социализма» в 3-х томах (1984 г.) и др. В большинстве этих крупных монографических работ Е.И. Капустин выступал в качестве автора и ответственного редактора. Всего за годы работы в науке он провел ответственное и научное редактирование 45 крупных коллективных монографий, из них в 27 принимал непосредственное участие как соавтор.

Монография «Экономика развитого социалистического общества» была переведена на немецкий, венгерский, польский, словацкий, болгарский языки и издана в Германии, Венгрии, Польше, Чехословакии, Болгарии. На иностранные языки были также переведены многие статьи и выступления Евгения Ивановича на международных конгрессах. Так, статья «Уверен в завтрашнем дне», опубликованная журналом «Культура и жизнь» (№ 12 за 1981 г.), была переведена на английский, немецкий, французский и испанский языки.

Хотелось бы несколько слов сказать о подготовке фундаментального трехтомного коллективного труда по политической экономии «Экономический строй социализма», который давно ожидался на верху. Это была поистине титаническая работа. В написании и обсуждении разделов этой трехтомной монографии принимали участие руководители и сотрудники всех отделов и секторов. Она вышла в свет накануне перестройки — в 1984 г. Как бы ни относиться к экономической теории советского периода сегодня, следует признать, что в этом коллективном труде, как в фокусе, нашли отражение все положительные и отрицательные направления социально-экономического развития страны, обобщены результаты развития советской экономической мысли, что позволяет рассматривать его как энциклопедию экономической теории конца советского периода.

Большое внимание уделял Е.И. Капустин разработке в Институте экономики теоретических и методологических

проблем труда. Последовательно, начиная с 1973 года, в разных отделах был организован ряд специальных подразделений (секторов) по трудовой тематике, четыре из них в 1982 г. были объединены в Отдел экономических проблем труда. Создание такого отдела было вызвано повышением значимости проблем труда в стране в 1980-е гг. Оно позволило, сконцентрировав усилия ученых-трудовиков института, значительно расширить тематику и углубить разработку актуальных проблем труда. Были подготовлены доклады и монографии по вопросам трудовых ресурсов, эффективности, характера и содержания труда, народного потребления, заработной платы, специфики труда в сфере услуг, экономики образования и др.

По инициативе Е.И. Капустина в Институте экономики АН СССР был создан ряд новых исследовательских направлений, особенно близких его личной научной специализации: социалистический образ жизни, социалистическое соревнование, трудовые отношения и др. Социальные требования развития общества как социальный императив ставились всегда им на первое место в научных разработках. Все практические предложения были подчинены задаче гармонизации социальных отношений, улучшения жизни населения, обеспечению повышения уровня его материального благосостояния, определению места человека в системе экономических отношений, развитию отношений коллективности, демократизации управления как экономикой в целом, так и отдельным предприятием. Евгений Иванович принимал активное участие в подготовке научных докладов, монографий, проведении конференций по этим вопросам. Он любил повторять: «Лишь то общество можно признать хорошим, в котором большинству людей живется хорошо».

Е.И. Капустин был не только прекрасным организатором науки, но и выдающимся ученым. За годы жизни им было опубликовано около 400 научных работ общим объемом свыше 500 п.л. Непроходящий интерес представляют его идеи и разработки, изложенные в двух монографиях: «Качество труда и заработная плата» (изд. «Мысль», 1964);

«Социалистический образ жизни. Экономический аспект» (изд. «Мысль», 1976; позднее — в 1982 г., эта работа была издана в Варшаве на польском языке). Каждая из названных монографий внесла весомый вклад в экономическую науку. Выход в свет книги «Качество труда и заработная плата» был значительным событием в научной жизни страны. На базе теоретических разработок Евгением Ивановичем здесь были сформулированы практические предложения по совершенствованию заработной платы, построению Единой тарифной сетки, дифференциации заработной платы по районам страны. Книге была присуждена Ломоносовская премия МГУ.

В монографии «Социалистический образ жизни. Экономический аспект» Капустин разработал ряд новых положений. Была дана формулировка сущности социально-экономической категории «образ жизни» и впервые системно освещены основные методологические принципы исследования социалистического образа жизни. Особое внимание уделялось анализу экономических аспектов образа жизни, исследованию условий его возникновения и развития. В книге было раскрыто соотношение категорий «образ жизни» и «уровень жизни», предложена система показателей, характеризующих как условия формирования образа жизни, так и собственно его параметры. Основной лейтмотив книги состоял в том, что трудящиеся в социалистическом обществе должны быть подлинными хозяевами общественного производства. Выдвигалось и развивалось положение о «подлинном хозяине». Судя по перечню конкретных предложений, Капустин предполагал, что социалистическая система (в случае усовершенствования) могла бы создать для этого необходимые условия.

Е.И. Капустин проработал директором ИЭ АН СССР 15 лет, до августа 1986 г., после чего перешел на должность главного научного сотрудника — вначале в сектор распределительных отношений, а с 1991 г. — в группу главных научных сотрудников при новом директоре института, академике Л.И. Абалкине. Он продолжал вести исследовательскую работу,

много писал, преподавал, руководил аспирантами, оппонировал диссертации, активно участвовал в работе Ученого совета Института. В поле зрения Евгения Ивановича неизменно оставались актуальные социальные проблемы, которые приобрели особую остроту в период перестройки и проведения кардинальных экономических реформ. В своих публикациях и выступлениях он рассматривал: проблемы трансформации распределительных и трудовых отношений, институциональной системы, образа жизни российского населения в ходе реформ и ближайшей перспективе. Большое внимание уделял вопросам цены труда, интересов и стимулов в рыночной экономике, дифференциации доходов с переходом к плюрализму форм собственности, уровня жизни и роли государства в регулировании заработной платы, социальной защите населения.

Одно из последних направлений его исследований — изучение проблемы социальной защиты неполных семей. На основе анализа материалов обследований, проведенных в Московской области, Евгений Иванович выступил с предложением разработать и принять на федеральном уровне, уровнях субъектов Федерации и местного самоуправления социальную программу помощи детям из неполных семей и потерявшим родителей. Он предложил отдельной строкой в бюджетах разных уровней выделять финансирование социальной помощи неполным семьям, находящимся за чертой бедности. Акцентировал внимание на необходимости создания дополнительных рабочих мест для членов неполных семей, подчеркивая, что социальная помощь может быть эффективной лишь тогда, когда она будет адресной, конкретной, индивидуальной.

Последняя фундаментальная монография Е.И. Капустина — «Уровень, качество и образ жизни населения России», объемом в 22 п.л., была закончена незадолго до его кончины. Эта книга посвящена проблемам оплаты труда, образа и качества жизни применительно к современному типу общественной организации. Работа исключительно актуальна. Она написана ученым-гуманистом с глубокой озабоченностью ситуацией, которая сложилась в стране в части условий жизни

российского населения. Евгений Иванович убежден, что развитие рынка должно дополняться решением социальных проблем, и решающая роль в этом вопросе должна принадлежать государству. По его глубокому убеждению, рынок – не идеал и требует разумной социализации, которая должна базироваться на глубоком, квалифицированном исследовании социальных и трудовых проблем. Этим он и занимался последние годы жизни.

Научно-организационная работа Е.И. Капустина была неоднократно отмечена благодарностями и премиями. За практические работы по организации заработной платы и НОТ он получил три медали ВДНХ, награжден медалью имени М.В. Ломоносова за работу «Качество труда и заработная плата». Неоднократно был отмечен благодарностью президентов и вице-президентов АН СССР за активное участие и хорошую организацию работы по выезду ученых ИЭ СССР в научные учреждения АН союзных республик и вузы страны, за организацию и проведение ряда Всесоюзных научно-теоретических конференций в союзных республиках.

Много внимания Е.И. Капустин уделял работе в международных организациях: являлся членом совета Института социально-экономических отношений – МОТ; ежегодно участвовал во встречах с директорами институтов экономики стран СЭВ; был заместителем руководителя общества «СССР – Финляндия». Множество (более 50) раз выезжал в зарубежные командировки для участия в международных научных конференциях и симпозиумах, не раз выступал на международных научных конгрессах (побывал в 20 странах мира).

Е.И. Капустин был не только крупным ученым и организатором науки, но и активным общественным деятелем. Он принимал активное участие в работе выборных партийных органов: в разные годы он был членом ряда районных комитетов Московского городского комитета партии (Бауманского, Калининского, Ленинского), избирался депутатом Моссовета, вел активную работу в качестве лектора ЦК КПСС в союзных республиках и за рубежом.

Как признанный высококвалифицированный ученый, Е.И. Капустин привлекался к выполнению разного рода общественных обязанностей: избирался заместителем академика-секретаря Отделения экономики АН СССР; в течение 10 лет был членом президиума ВАК; являлся членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям. Многие годы активно работал в составе редколлегии журналов «Вопросы экономики», «Социалистический труд», а также в качестве председателя либо члена ученых и научных советов (на экономическом факультете МГУ, в Институте труда, Институте экономики РАН). В Институте экономики последние годы, пожалуй, не было столь активного члена научного и ученого советов, каким был Е.И. Капустин. Его выступления свидетельствуют о большой эрудиции, понимании современной обстановки в России и перспектив ее социально-экономического развития. С мая 1993 г. Евгений Иванович как член-корреспондент Академии наук был назначен советником РАН.

За заслуги перед Отечеством в годы ВОВ и трудовые достижения Е.И. Капустин был удостоен высоких воинских наград: ордена Красной Звезды, ордена Отечественной войны II степени, дважды – ордена Трудового Красного Знамени, орденов Знак почета и Октябрьской революции. Он также награжден 8 медалями, среди которых особое место занимала для него медаль «За оборону Ленинграда».

Евгений Иванович Капустин был одаренным человеком, он любил людей, жизнь, искусство. Близкие его друзья и знакомые высоко ценили его талант художника-пейзажиста. Он реализовал себя и как строитель, дизайнер, цветовод. Благодаря полученной от деда сноровке он собственными руками построил два дачных дома. С любовью и выдумкой подбирал к посадке цветы для своего сада – таким образом, чтобы одни сменяли в своем цветении другие, и сад постоянно радовал яркостью красок. В силу трагических обстоятельств, оставшись один, Евгений Иванович сам вырастил двоих детей и помогал растить внуков, оставаясь, по при-

знанию близких, главой семьи — наставником с непререкаемым авторитетом. При своем высоком социальном статусе и научных достижениях он оставался скромным человеком. Ему были чужды вещизм и жажда обогащения, он всячески уклонялся от публичных чествований и банкетов, терпеть не мог пустословия и лицемерия, словом — был цельной и гармоничной личностью.

Е.И. Капустин многое успел сделать за свою долгую жизнь. Удивительно, какой же силой духа надо было обладать, чтобы выдержать все испытания войны, тяжелейшее ранение и так много создать в послевоенные годы. Секрет его плодотворной деятельности — в раннем возмужании и взрослении личности, в закалке характера в молодые годы испытаниями военных лет. В отличие от следующих поколений, к 25-ти годам он уже имел руководящий опыт, твердо знал, чего хочет, имел непоколебимые идеалы и убеждения, полностью сложившийся характер. Уверенность в правильности своих действий, верность принципам, пренебрежительное отношение к лавированию, смелость, честность и прямота позволили успешно продвигаться по избранному пути. Глубинные черты личности Евгения Ивановича, убежденность и сильная воля, сложившиеся в фронтовые годы, дали ему возможность занять особое положение среди тех, с кем он учился и работал, благодаря способности подходить к любому серьезному вопросу с позиций, подкрепленных знаниями и жизненным опытом, и выполнять ответственно любые обязанности, основываясь на доброжелательности и требовательном отношении к себе и к людям.

2009 г.

ИСТОЧНИКИ

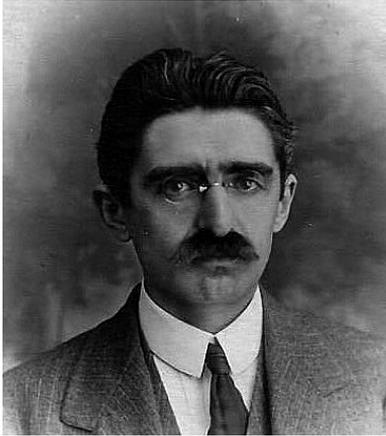
Основные работы Е.И. Капустина

1. Качество труда и заработная плата. М.: Мысль, 1964.
2. Основные направления научных исследований Института экономики АН СССР // Вопросы экономики, 1972, № 5.

3. Социалистический образ жизни. Экономический аспект. М.: Мысль, 1976.
4. Экономика развитого социалистического общества. Основные черты и закономерности развития. М.: Экономика, 1977. (Руководитель, соредактор и соавтор).
5. Социализм и народное благосостояние // Вопросы экономики. 1978. № 2.
6. Актуальные теоретические вопросы социалистического соревнования // Общественные науки. АН СССР. 1980. № 6.
7. Организация соревнования и совершенствование хозяйственного механизма. М.: Профиздат, 1982. (Редактор и соавтор).
8. Экономический строй социализма. В 3-х т. М.: Экономика, 1984, (Руководитель, соредактор и соавтор).
9. Проблемы распределения по труду в условиях радикальной экономической реформы. М.: ИЭ АН СССР, 1988.
10. Государственное регулирование заработной платы // Курс переходной экономики / Под ред. Л.И. Абалкина. М.: Финстатинформ. 1997. С. 494–507.
11. Анализ социально-экономического положения неполных семей в Московской области и разработка концепции по их социальной защите. Научн. доклад. М.: ИЭ РАН, 1998.
12. Институт экономики в годы Отечественной войны // Вопросы экономики. 2005. № 5. С. 151–155.
13. Уровень, качество и образ жизни населения России. М.: Наука, 2006.

Литература о Е.И. Капустине

1. Семенов Н. Три танкиста. В сб.: «О доблести, о подвигах». М.: Красная звезда, 1980, № 2. С. 46–50.
2. Капустин Евгений Иванович. «Экономическая энциклопедия. Политическая экономия». Т. 2. М., 1975. С. 123.
3. Судьба ученого и трагедия науки. (К 80-летию со дня рождения Я.А. Кронрода). М.: Наука, 1992.
4. Карпунин Д., Маслова И., Воейков М. К 80-летию Евгения Ивановича Капустина // Вопросы экономики. 2001. № 10. С. 138–145.
5. Маслова И.С. Капустин Евгений Иванович. Видный ученый-экономист. Сб.: «Война и мир в судьбах ученых-экономистов». Вып. 1. Волгоград, 2003. С. 28–44.
6. Кузнецова Т.Е. К истории Института экономики РАН (АН СССР): домьслы и реалии. М.: ИЭ РАН, 2005.

**КАФЕНГАУЗ
ЛЕВ БОРИСОВИЧ
(1885—1940)**

Лев Борисович Кафенгауз — известный российский экономист и статистик, заместитель министра промышленности и торговли во Временном правительстве, профессор с 1921 г., руководитель Центрального отдела статистики ВСНХ СССР.

Лев Борисович родился 29 октября 1885 в г. Проскурове Подольской губернии. Его отец был служащим на текстильной фабрике, заведовал складом в Москве. Окончил московскую гимназию и поступил в 1905 г. на экономическое отделение юридического факультета Московского университета. Л.Б. Кафенгауз посещал семинарий по политической экономии при юридическом факультете под руководством известного ученого профессора И.М. Гольдштейна, который принимал активное участие наряду с П.Б. Струве, А.А. Мануйловым (ректор Московского университета) в закрытых экономических беседах у московского миллионера П.П. Рябушинского, где всесторонне обсуждались вопросы прогрессирующего отставания России от стран Запада. В семинарии проф. Гольдштейна Л.Б. Кафенгауз написал и опубликовал свою первую научную работу «Синдикаты в русской железной промышленности. К вопросу о концентрации производства в России», которая явилась одним из первых

научных исследований в отечественной литературе по монополизации русской промышленности. Впоследствии его статья «Монополия» была опубликована во всемирно известном Новом энциклопедическом словаре (1916 г. Т. 27. С. 90–94), а статья «Акционерное общество (в экономическом отношении)» в Энциклопедическом словаре братьев Гранат Русского библиографического института. (т. 2. С. 35–54).

В год окончания университета он выступил вместе с Л.Н. Литошенко с докладами на заседании Императорского Вольного экономического общества. Доклад Л.Б. Кафенгауза «Развитие русского сельскохозяйственного машиностроения. К вопросу о пошлинах на сельскохозяйственные машины» обсуждался на заседании Вольного экономического общества, был опубликован в его трудах, а также вышел отдельным изданием, рецензия на которое была опубликована в фундаментальном издании того времени «Вестник финансов промышленности и торговли» (1911, № 9. 27 фев. (12 марта. С. 389–391). После окончания университета Л.Б. Кафенгауз был оставлен на кафедре политической экономии проф. А.А. Мануйлова, но 11 марта 1911 г. был уволен по предписанию министра народного просвещения Кассо в связи с участием в протесте прогрессивной профессуры против нарушения министром университетской автономии.

В дальнейшем работал в статистическом отделе Московской городской управы, руководил текущей промышленной и торговой статистикой, статистикой цен, транспортной статистикой и принимал участие в проведении переписи Москвы в 1912 г., под его руководством был составлен первый статистический ежегодник Москвы (1913 г.). Одновременно Л.Б. Кафенгауз был приглашен в Московский коммерческий институт, где он вел практические занятия по экономике промышленности.

Целый цикл статей по животрепещущим экономическим вопросам того времени Л.Б. Кафенгауз опубликовал в ведущей либеральной газете «Русские ведомости»: «Индустриальные призраки», «На пути к нефтяному тресту», «Новый американский таможенный тариф», «Монополия или конкуренция»,

«Подъем или кризис» (о предвоенной экономике России), «Неиспользованные производительные силы России», а также рецензии на монографии одного из ведущих исследователей по вопросам перестройки принципов торговой политики России в связи с протекционизмом профессора М.Н. Соболева и др. Принимал участие в работе Комиссии по изучению современной дороговизны при Обществе имени А.И. Чупрова, в трудах которой в 1915 г. опубликовал исследование «Снабжение страны минеральным топливом во время войны». После Февральской революции 1917 г. А.Б. Кафенгауз вступил в Московскую организацию меньшевиков, вошел в редакцию газеты «Власть народа», где систематически вплоть до закрытия газеты в 1918 г. выступал со статьями по центральным проблемам развития революционной ситуации: «Революция и восьмичасовой рабочий день», «Ограничение военных прибылей», «Без прибыли» и др.

Известность получила и его статья «Коммунистическая партия», в которой он выступил против Апрельских тезисов В.И. Ленина, раскритиковал их как провозглашение большевиков партией, выступившей с утопической программой, провозгласившей переход «от крепостного хозяйства к социализму, от самодержавия к государству-коммуне». Он считал, что тем самым «мы вновь вернулись к давно ушедшим временам Бакунина и Ткачева; вновь основой для социалистического переворота считается не высокое развитие производительных сил, не сильные профессиональные, политические, кооперативные организации, а исконные коммунистические инстинкты русского народа».

К 1917 г. А.Б. Кафенгауз был известен как талантливый экономист, исследователь промышленного развития страны, что в сочетании с активной общественной деятельностью предопределило после назначения министром торговли и промышленности С.Н. Прокоповича его приглашение товарищем (заместителем) министра промышленности и торговли во Временном правительстве. Сыграла роль и прогрессивная позиция А.Б. Кафенгауза по экономическим проблемам, которые выдвинулись на передний план в условиях Первой мировой

войны, такие как государственное регулирование экономики, продовольственный вопрос. Л.Б. Кафенгауз полагал, что уменьшение дороговизны и рациональное распределение товаров возможны при условии систематического регулирования государством с участием общественных организаций производства и цен в важнейших отраслях промышленности, производящих главные предметы массового потребления. В условиях противодействия буржуазии и грозящей катастрофы эти меры были прогрессивны, но недостаточны, а также не могли войти в жизнь без изменения политики правительства.

Убежденный сторонник демократических преобразований российского общества с социалистической перспективой (в рамках меньшевистской концепции), Л.Б. Кафенгауз негативно отнесся к социалистической революции, «красногвардейской» атаке на капитал, продовольственной диктатуре, политике «военного коммунизма», что нашло отражение в его статьях, опубликованных в газетах «Власть народа», «Наша Родина» в 1918 г., в его позиции в начале 1920-х годов в кружке бывших меньшевиков («Лига объективных наблюдателей» — так они себя называли — известные экономисты и общественные деятели Н.В. Валентинов, В.Г. Громан, Я.М. Букшпан и др.), где обсуждались в конфиденциальной обстановке все актуальные проблемы экономической политики. Это нашло концентрированное отражение в работе «Россия после большевистского переворота (программа возрождения России)». В этих изданиях, возможно, впервые в экономической литературе были выдвинуты идеи «смешанной» экономики, призванной стимулировать инициативу масс, оздоровить народное хозяйство, поднять жизненный уровень.

С переходом к нэпу воззрения Л.Б. Кафенгауза приобретают иной характер. Открывается возможность для углубленной творческой созидательной деятельности. С 1919 г. он поступил на работу в ВСНХ, где сначала работал в Отделе экономических исследований, а с 1923 г. он становится руководителем Центрального отдела статистики ВСНХ СССР и всю свою энергию, энтузиазм и знания отдает организации промышлен-

ной статистики в стране. Практическую деятельность он сочетает с преподавательской и научно-исследовательской работой, сотрудничает с редакциями ряда газет и журналов. С 1919 г. он читает лекции в Московском университете по экономике промышленности, продолжает преподавательскую работу в Коммерческом институте и других вузах, становится председателем Тарифно-таможенного комитета СНК СССР. В это же время Л.Б. Кафенгауз организует и редактирует Ежемесячный статистический бюллетень ЦОСа. Под его редакцией было составлено и выпущено 8 томов ежегодника «Промышленность СССР» за годы с 1921 по 1927/28, написаны сводные статьи о состоянии промышленности за эти годы. В течение этого периода до 1930 г. Л.Б. Кафенгауз состоял постоянным сотрудником газеты ВСНХ и Торгово-промышленной газеты, где помимо статей общеэкономического характера ежемесячно выступал с обзорами промышленной конъюнктуры с 1923 по 1930 г.

В этот же период были опубликованы статьи «Промышленность СССР за десять лет» («Экономическое обозрение», 1927 г.), «Капиталовложения промышленности СССР за 1925–1926 год» («Социалистическое хозяйство СССР», 1927 г.) и многие другие исследования. Вместе с известным статистиком В.Е. Варзаром – основоположником промышленной статистики в России, были изданы три части «Свода статистических данных по фабрично-заводской промышленности с 1887 по 1926 год». Эти книги представляли собой первый том задуманного плеядой крупнейших ученых многотомного труда «Динамика российской и советской промышленности (1887 по 1926 г.)» в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет. В редколлегию этого исследования входили В.А. Базаров, В.Е. Варзар, В.Г. Громан (председатель), Л.Б. Кафенгауз, С.П. Середа, С.Г. Струмилин, А.Б. Штерн. Предполагалось на основе богатейшего статистического материала подготовить монографии по ведущим отраслям промышленности, а также вопросам труда, сельскому хозяйству, транспорту. Завершить работу должно было Сводное исследование народного хозяйства. Для подготовки этого труда был сформирован научный

коллектив из 40 человек – сотрудников ВСНХ, ЦСУ под руководством В.Е. Варзара и Л.Б. Кафенгауза. «С увлечением он работает по 12–14 часов в сутки, не зная усталости и не ведая никакого иного времяпровождения: днем в ВСНХ, вечером читает лекции, до глубокой ночи работает за своим письменным столом», – вспоминал сын Льва Борисовича Николай Львович Кафенгауз, доктор технических наук, полковник в отставке.

В 1920-е годы Л.Б. Кафенгауз в расцвете научной, литературной и организационной деятельности. В эти годы он часто встречался с такими известными экономистами, как Л.Н. Литошенко, З.С. Каценеленбаум, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чайнов. Вклад Л.Б. Кафенгауза в решение задач, связанных с управлением промышленностью, высоко оценивал Ф.Э. Дзержинский, руководивший ВСНХ. Л.Б. Кафенгауз, по словам его сына, считал Ф.Э. Дзержинского гением. Каждодневный титанический труд, глубокие познания в области народнохозяйственных процессов дают свои результаты. Регулярно появляются в печати статьи и месячные обзоры динамики производственных процессов. В качестве эксперта по экономическим вопросам на переговорах о долгах России Франции Л.Б. Кафенгауз провел полгода в Париже. Уже набран был в Госиздате его главный труд «Эволюция промышленного производства с 1887 по 1926/27 гг.» и на письменном столе ученого лежал сигнальный экземпляр книги, но шел 1930 год, и в ночь с 16 на 17 августа Л.Б. Кафенгауза арестовали.

Арест Л.Б. Кафенгауза повлек за собой печальные последствия для его книги – набор был рассыпан. Однако и в Бутырской тюрьме он продолжает работать. Получив разрешение читать и писать, он просит о переводе в одиночную камеру, где работает над дополнительными главами к своей последней книге. Необходимую литературу приносит жена, Софья Николаевна Кафенгауз. В результате в январе 1932 г. были написаны четыре тетради, содержащие материалы об эволюции ряда отраслей промышленности с 1860 по 1885 г.

Судьба Льва Борисовича оказалась счастливее судьбы многих репрессированных ученых, в декабре 1932 г. по исте-

чении срока ссылки он вернулся в Москву. Начались безнадежные попытки вернуться на работу в ВСНХ и МГУ, которые кончились полной неудачей. Какое-то время Л.Б. Кафенгауз читает лекции в Промышленно-экономическом институте, заведует кафедрой экономики черной металлургии в Институте стали, сотрудничает в «Технической энциклопедии».

После очередного увольнения в начале 1937 г. ему удастся поступить на постоянную работу в Институт экономики АН СССР. Здесь с 27 сентября 1937 г. и до конца своей жизни он и проработал в должности старшего научного сотрудника в секторе экономики промышленности.

4 июля 1940 г. Л.Б. Кафенгауз скончался. Похоронен на Введенском кладбище в Москве. Реабилитирован в 1987 г.

Именно Институт экономики РАН в 1994 г. в академической серии «Памятники экономической мысли» издал последнее и самое выдающееся исследование Л.Б. Кафенгауза — монографию «Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.)». В основу этого издания лег сигнальный экземпляр книги с авторской правкой, единственный чудом сохранившийся в семейном архиве. «Бутырские тетради» также сохранились в семейном архиве и опубликованы в Приложении к книге. Книга содержит характеристику развития основных отраслей промышленности (а их 34), изменения во взаимоотношениях между ними, соотношение групп «А» и «Б», общее направление и темпы развития промышленности в разные периоды. «Главной особенностью нашей работы, — писал Л.Б. Кафенгауз в предисловии, — является то обстоятельство, что мы ведем свое исследование на основе новой разработки массового статистического материала и по такому плану, какой не охватывается старыми работами».

Охватывая значительный исторический период развития российской промышленности, исследование позволяет проследить длительные тенденции (в частности минерализацию топливного баланса страны), выделить этапы (6), различающиеся характером происходящих процессов, измене-

ния структуры и размещения производства, его масштабов, а также внедрение научно-технических достижений, источники инвестиций, роль внешнеэкономических факторов, раскрыть воздействие самого крупного в истории дореволюционной России кризиса (1901–1908 гг.) на ее экономику. Большой теоретический и практический интерес, подчеркивал Л.Б. Кафенгауз, представляет «сравнительное изучение периода подъема и реконструкции советской промышленности с периодом подъема 90-х годов (XIX в. — *Авт.*) и предвоенным пятилетием, как по факторам развития, так и по внутренней структуре и социально-экономической организации».

Являясь ценным вкладом в исследование отечественной истории народного хозяйства, примером систематизации и анализа огромного статистического материала, монография дает целостное представление о закономерностях промышленного развития России почти за полвека ее истории.

Особый интерес представляют статистические данные и графики, иллюстрирующие быстрое восстановление промышленности в период нэпа. Точные данные об историческом пути промышленного развития страны, периодах подъема и результатах нэпа, могут стать одним из источников формирования современной экономической политики.

2010 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы Л.Б. Кафенгауза

1. Синдикаты в русской железной промышленности. К вопросу о концентрации производства в России. М., 1910.
2. Развитие русского сельскохозяйственного машиностроения. К вопросу о пошлинах на сельскохозяйственные машины. Харьков, 1910.
3. Обзор работы русской промышленности за первое полугодие 1922–1923 года. Статистико-экономический очерк. М., 1923.
4. Капиталовложения в промышленность СССР в 1926/1927 году // Социалистическое хозяйство, 1929. Кн. 2.
5. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., 1994.

**КВАША
ЯКОВ БЕНЦИОНОВИЧ
(1903—1976)**

Выдающийся советский экономист-статистик Яков Бенционович Кваша родился 24 мая 1903 г. в г. Могилев-Подольский в семье мелкого предпринимателя. Учился в местном коммерческом училище, затем в харьковском Институте народного хозяйства, откуда перевелся в I-й Московский государственный университет, который и закончил в 1926 г. по специальности экономист-статистик. С 1925 по 1931 г. работал как статистик в ЦСУ СССР, в ЦК профсоюза текстильщиков, в Институте экономических исследований Госплана СССР, в секторе машиностроения Госплана СССР. С 1931 по 1938 г. работал в ЦУНХУ СССР (ЦСУ СССР) заместителем начальника бюро Всесоюзной переписи оборудования (1932—1934 гг.). За научно-методологическую работу по подготовке, проведению и анализу итогов этой переписи в 1937 г. Президиумом АН СССР ему была присуждена ученая степень кандидата экономических наук. С 1938 г. Я.Б. Кваша перешел на работу в Институт экономики АН СССР, но в этом же году был арестован по ложному обвинению и осужден на 8 лет лагерей. Срок отбывал на шахтах Колымы. В 1949 г. освобожден, но вновь был арестован (за появление в Москве) и отправлен в ссылку в с. Устьянское Красноярского края. В 1955 году был полностью реабилитирован и восстановлен на работе в Институте экономики АН СССР. Здесь он работал старшим научным сотрудником в секторе экономической статистики

(до 1963 года), а затем до конца своих дней — в секторе темпов и пропорций воспроизводства. В 1966 году защитил как докторскую диссертацию свою монографию «Статистика новой техники». Умер Я.Б. Кваша 31 марта 1976 г.

Научное наследие Я.Б. Квашы охватывает прежде всего практически все аспекты воспроизводства основных фондов — от уровня отдельного средства труда до уровня народного хозяйства. Он был пионером в разработках принципов классификации оборудования и основных фондов, моделирования их роста, учета наличия, движения и использования, определения сроков службы средств труда, норм амортизации, измерения производственных мощностей и их использования, международных сопоставлений капиталовложений и основных фондов и т.п. Я.Б. Кваша исследовал как абстрактно-теоретические взаимосвязи расширения общественного производства с необходимым ростом производства средств труда, так и специфику протекания процессов капитального строительства, полного и частичного возмещения средств труда. Он выявил особенности динамики фондо- и капиталоемкости в отраслях народного хозяйства и в народном хозяйстве в целом, участвовал в дискуссии 1956 г. по проблемам измерения производительности труда, дал блестящий экономико-статистический анализ его механизации и автоматизации, не обошел вниманием проблемы измерения концентрации и специализации, роли малого производства, эффективности капиталовложений общественного производства и его критерия, проблемы лага в динамической экономике, определения границ материального производства, роли науки как инвестиционной отрасли и т.д. Свою научную деятельность Я.Б. Кваша завершил уникальной разработкой проблемы фактора времени в экономическом развитии.

Его исследования всегда опирались на тщательно отобранный и умело обработанный огромный статистический материал, он разработал и использовал собственные оригинальные методики и показатели, что обеспечивало убедительность его аргументации и достоверность выводов.

Ценнейшим вкладом в развитие промышленной статистики стала работа Я.Б. Кваши как руководителя создания программно-методологической базы Первой Всесоюзной переписи промышленного оборудования СССР 1932–1934 гг., которая по масштабу, составу показателей и сжатым срокам проведения в то время не имела аналогов ни в СССР, ни за рубежом. Перепись дала материал для всесторонней оценки состава, состояния и использования оборудования, его размещения, источников комплектования, исправности, ремонта и выбывания. На базе переписи был организован учет оборудования; методология и опыт ее проведения были использованы при проведении всех последующих переписей. Я.Б. Кваша был автором всех программ и формуляров (анкет) переписи, пояснений к публикуемым материалам и аналитических статей по итогам переписи. Он оказал научно-методологическую помощь сотрудникам ЦСУ СССР и при проведении последней переписи основных фондов СССР 1972 г.

Научная деятельность Я.Б. Кваши в Институте экономики АН СССР началась с разработки методики измерения производительности труда (на предприятии, в промышленности и в масштабе народного хозяйства — с учетом затрат прошлого труда), устраняющей недостатки действовавшей в 1960-е гг. методики¹. Изучение Я.Б. Квашой проблематики механизации и автоматизации труда обогатило экономическую науку разработанными им классификациями орудий труда (по признакам их механизации и автоматизации), занятий (по признакам механизации и технологических функций), предприятий (по возможностям автоматизации производственных процессов), показателями уровня и динамики механизации и автоматизации, методами и приемами измерения специализации производства и его концентрации. Выявление изменения важнейших показателей работы предприятий (выработка валовой продукции, фондовооружен-

1. См. статьи Я.Б. Кваши 1956 г. в журналах «Плановое хозяйство» и «Вопросы экономики»; материалы дискуссии 1960-х годов по проблемам измерения производительности труда.

ность, фондоемкость и фондоотдача) в разных по размеру группах предприятий в зависимости от выбора группировочного признака стало крупным вкладом Я.Б. Кваши в теорию статистических группировок.

Изучая проблемы реновации средств труда, Я.Б. Кваша предложил для использования в плановом хозяйстве единую норму амортизации, применение которой устранило бы неизбежные при существующих системах амортизации (основанных на сроках службы средств труда) противоречия и искажения реальной эффективности капитальных вложений в объекты, включающие в себя «вековые сооружения». Он разработал методику исчисления фактических сроков службы средств труда с учетом динамичности народного хозяйства и при наличии неполных или только косвенных статистических материалов, определил фактические сроки службы средств труда в СССР в 1950–1960-е гг.

Позднее, в 1980-е гг., Я.Б. Кваша осуществил практически единственное в СССР того времени исследование, включающее обработку материалов переписей оборудования 1962 и 1972 г., на базе которого он исчислил общие и повозрастные коэффициенты выбытия оборудования (по зданиям и сооружениям – общие), определил фактические сроки службы средств труда в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве и материальном производстве в целом для 1960–1980-х гг., провел сопоставление с аналогичными сроками службы в США. Он показал взаимосвязь изменения сроков службы средств труда под влиянием научно-технического прогресса с изменением важнейших народнохозяйственных пропорций. Эти исследования стали не только методической базой для изучения процессов обновления средств труда, но и источником достоверной информации об этих процессах в 1960–1980-е гг.

В начале 1970-х гг. Я.Б. Кваша провел колоссальное по объему использования статистического материала сопоставление капитальных вложений и основных фондов СССР и США – он изучил различия в национальных методиках

исчисления статистических показателей капитальных вложений и основных фондов, разработал необходимую методику расчета покупательной силы валют, предложил методику сопоставления капиталовложений и основных фондов и осуществил саму процедуру сопоставления. Эта работа Я.Б. Кваши стала образцом для ученых, занимающихся международными сопоставлениями и других экономических агрегатов.

В 1980-е гг. Я.Б. Кваша предложил универсальный метод расчета использования производственных мощностей, свободный от ценовых помех и пригодный для межотраслевых и межстрановых сопоставлений — метод электромоторной нагрузки, с помощью которого он проанализировал использование производственных мощностей в промышленности СССР и сделал вывод о недостаточно эффективной их загрузке. В то же время он обосновал тезис об экономической нецелесообразности полного (к чему стремились в то время) использования производственных мощностей и необходимости наличия резервных мощностей в производстве.

В ряде работ, посвященных проблемам народнохозяйственной капиталоемкости и фондоемкости, Я.Б. Кваша предложил методы определения фондоемкости, восполнив существенный пробел в литературе по этому вопросу, и на базе изучения дифференциации фондоемкости (начисленной по валовой и чистой продукции) по отраслям народного хозяйства показал важность признака «стадиальности» для уровня фондоемкости — чем ближе отрасль к добыче исходного сырья, тем выше ее фондоемкость. Изучая характер генеральной тенденции изменения фондоемкости, Я.Б. Кваша пришел к выводу о циклическом ее характере, независимо от типа экономических отношений, т.е. и о циклическом развитии общественного производства в целом. Этот вывод соответствует взглядам Я.Б. Кваши и на соотношение и характер динамики двух подразделений общественного производства при его расширении, изложенном им в ходе дискуссии начала 1970-х гг. о применении математики в экономических исследованиях.

В своей последней работе Я.Б. Кваша представил мир экономических изменений как функцию сроков службы основных фондов, времени производства отдельных продуктов, скорости распространения новой техники, обновления средств труда и продуктов. Он создал методику определения времени производства в отраслях материального производства, дал оценки фактических и возможных скоростей процесса развития общественного производства в целом. Эта уникальная работа Я.Б. Кваша не менее чем на десятилетие опередила зарубежные жестко формализованные исследования реального времени как фактора экономического развития.

Практически все работы Я.Б. Кваша собраны в трех томах и переизданы в издательстве «Наука» в 2002–2003 гг. к 100-летию со дня его рождения. В первом томе есть биографический очерк, в третьем — полная библиография опубликованных его работ.

2005 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы Я.Б.Кваша

1. Всесоюзная перепись оборудования // Народное хозяйство СССР. 1932. № 1–2.
2. Машиностроение и воспроизводство оборудования в народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1933. № 5, 6.
3. Классификация отраслей промышленности. Учет основных фондов промышленности. Учет оборудования // Очерки промышленной статистики. М.: Союзоргучет, 1937.
4. Об измерении производительности труда с учетом затрат прошлого труда // Ученые записки по статистике. Т. 111. Вопросы баланса народного хозяйства и производительности труда. М.: Изд-во АН СССР. 1957.
5. Амортизация и сроки службы основных фондов. М.: Изд-во АН СССР. 1959.
6. Некоторые проблемы экономической модели расширенного воспроизводства // Труды научного совещания о применении математических методов в экономических исследованиях и планировании

- (4–8 апреля 1960 г.). III. Межотраслевой баланс производства и распределения продукции в народном хозяйстве. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
7. О границах материального производства // Ученые записки по статистике. Т. VI. Статистические закономерности. М.: Изд-во АН СССР. 1961.
 8. Капитальные вложения и основные фонды СССР и США. М.: Изд-во АН СССР. 1963.
 9. Капиталоемкость // Производство, накопление, потребление. М.: Экономика. 1965.
 10. Статистика новой техники. Механизация труда и автоматизация производства. Концентрация и специализация промышленного производства. М.: Статистика, 1966.
 11. Отраслевая структура материального производства и фондоемкость национального дохода // Структура народного хозяйства СССР. М.: Мысль. 1967.
 12. К переоценке основных фондов (методологические вопросы) // Вопросы экономики. 1969. № 3.
 13. Проблема лага в динамической экономике // Вопросы экономики. 1970. № 12. (Соавтор Красовский В.П.).
 14. Резервные мощности. М.: Наука, 1971.
 15. Фондоемкость производства. Методологические вопросы. М.: Наука. 1971. (Соавтор К.Б. Лейкина.)
 16. Измерение эффективности общественного производства // Вопросы экономики. 1974. № 5.
 17. Фактор времени в общественном производстве. Экономико-статистические очерки. М.: Статистика. 1979.
 18. Избранные труды в 3-х томах. М.: Наука, 2002–2003. Т. I. Методологические основы статистического анализа. М.: Наука, 2002; Т. II. Капитальные вложения и основные фонды. М.: Наука, 2003; Т. III. Факторы развития экономики. М.: Наука, 2003.

**КРАСОВСКИЙ
ВИКТОР ПЕТРОВИЧ
(1906—1990)**

Красовский Виктор Петрович родился в 1906 году в г. Харьков. С 14 лет начал работать в библиотеках и книжных складах издательств, совмещая работу и с учебой в вечернем рабочем техникуме. В 1926 г. перевелся в Московский Институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова на экономический факультет и одновременно работал в Московском Книгосоюзе. Еще будучи студентом, начал работать в Бюро экономических исследований в ВСНХ СССР, а затем по окончании института перешел в преобразованный из Бюро Институт промышленно-экономической политики при ВСНХ СССР. Очень быстро прогрессировал в науке: от младшего научного сотрудника до заведующего сектором. Уже тогда опубликовал ряд научных работ по промышленной политике и эффективности. Участвовал в публикациях Института экономики бывшей Комакадемии (ИЭ РАН) под руководством академика Г.М. Кржижановского и других видных ученых. В 1936 г. был необоснованно репрессирован и направлен в Норильский горно-металлургический комбинат. В 1955 г. был полностью реабилитирован и возвратился в Москву и поступил на работу в НИЭН при Госплане СССР, где в 1958 г. возглавил сектор, а с 1966 г. стал заведующим отделом. В 1958 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1966 г. — докторскую. В 1967 г. перешел на работу в Институт экономики АН СССР, являясь членом Ученого совета ИЭ, входил в состав редколлегии жур-

нала «Вопросы экономики» и был заместителем председателя Научного совета АН СССР по проблемам экономической эффективности. Умер 13 октября 1990 года.

С именем В.П. Красовского связаны первые исследования в нашей стране по созданию теории экономической эффективности капитальных вложений. Этому способствовала общенациональная программа индустриализации страны, начавшаяся в конце 20-х годов прошлого столетия, продолжавшаяся до войны и после войны, когда надо было восстанавливать и модернизировать сотни предприятий на территориях, оккупированных войсками нацистской Германии.

Главными вопросами начального периода индустриализации были следующие.

Какой проект строительства предприятия считать более выгодным для народного хозяйства: малое предприятие с коротким сроком создания или крупный завод с более длительными сроками строительства, но более мощный?

Какой срок окупаемости и единовременных затрат на капитальное строительство можно считать оптимальным, исходя из существовавшего тогда соотношения фондов накопления и потребления?

Что выгоднее для народного хозяйства: экономия на себестоимости будущей продукции с перерасходом на единовременные (капитальные) затраты или наоборот?

Каково должно быть соотношение между фондами потребления и накопления, чтобы строительство новых предприятий происходило быстро и неуклонно, но в то же время сокращались бы ресурсы для потребления?

Сейчас, когда прошло уже очень много лет после этих научных изысканий, многие из этих вопросов кажутся давно решенными, однако тогда, при нарастающей военной угрозе, при становлении экономической мощи страны, и в том числе оборонной промышленности, с помощью которой наша страна победила фашистский блок, на эти вопросы не было ответа.

Среди ученых, которые создавали теорию эффективности капитальных вложений в конце 1920-х и начале 1930-х

годов одним из первых был В.П. Красовский. Его публикации и статьи в журналах «Плановое хозяйство», «За индустриализацию» и других отличались смелостью и новаторством. До сих пор на его публикациях учатся студенты и аспиранты, а в научных дискуссиях часто упоминается его имя. В конце 1930-х гг. В.П. Красовский был репрессирован, как и многие ученые, имевшие собственное мнение относительно тех мер, которые проводились в нашей стране по развитию народного хозяйства. Но, даже находясь в заключении, В.П. Красовский не отрывался от науки. В 1950-е гг. он был руководителем научного сектора при Норильском горно-металлургическом комбинате.

Подлинный расцвет его научной мысли происходит в конце 1950-х гг. В этот период сформировалась научная школа по эффективности капитальных вложений, куда входили видные советские ученые: Т.С. Хачатуров, В.П. Красовский, А.Е. Пробст, Г.И. Левин, А.И. Шустер, М.Н. Лойтер.

При непосредственном участии В.П. Красовского и Т.С. Хачатурова в 1959 году в Политехническом музее была созвана Всесоюзная научная конференция по эффективности капитальных вложений и новой техники, на которой В.П. Красовский выступил с докладом. Результатом ее стал методический материал «Рекомендации по определению эффективности капитальных вложений и новой техники». Затем в 1961 и 1963 годах были опубликованы методика, одобренные Госпланом СССР и служившие долгое время основным руководящим материалом для работников научных и проектных институтов, а также предприятий. Необходимо отметить, что данное научное направление было впервые создано в нашей стране, что подчеркивалось неоднократно зарубежными учеными.

Подытоживая изложенное выше о значении в отечественной науке видного ученого-экономиста В.П. Красовского, следует сказать, что он внес огромный вклад в разработку проблем инвестиционной политики, эффективности общественного производства и капитального строительства, в исследо-

вании инвестиционных программ, инфраструктуры, фактора времени при капитальном строительстве, технического перевооружения и обновления действующих основных фондов. По этим и другим смежным проблемам им опубликовано более 200 научных работ объемом свыше 300 п.л. Под его руководством подготовлено около сорока докторских и кандидатских диссертаций. Он неоднократно привлекался к подготовке и разработке государственных планов развития народного хозяйства страны и крупных инвестиционных программ и всегда был примером для научной общественности как глубокий аналитик и оратор.

2009 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы В.П. Красовского

1. Проблемы эффективности капитальных вложений. М.: Экономика, 1967.
2. Инфраструктура в системе социалистического воспроизводства // Проблемы развития производственной инфраструктуры стран-членов СЭВ. М. 1986.
3. Интенсификация производства и фактор времени // Интенсификация и эффективность социалистического воспроизводства. М. 1986.
4. Эффективность комплексных целевых экономических программ // Эффективность социалистического производства. Методологические проблемы. М.: Будапешт, 1980.
5. Инвестиционный потенциал страны // Вопросы экономики. 1982. № 11.
6. Интенсификация производства и фондоемкость производства // Вопросы экономики. 1983. № 11.
7. Современные приоритеты инвестиционного комплекса // Вопросы экономики. 1985. № 5.

М.И. Воейков

д.э.н.

**КРОНРОД
ЯКОВ АБРАМОВИЧ
(1912–1984)**

Кронрод Яков Абрамович — крупный советский экономист. Оставил заметный вклад в отечественной экономической науке по проблемам методологии политической экономики, теории способа производства, хозяйственного механизма, теории денег и цен, теории воспроизводства. Инициатор и участник многих экономических дискуссий 1960–1980-х гг. XX в. в нашей

стране. Создал особую школу в политической экономике.

Всякий крупный экономист советского периода, а тем более такой выдающийся теоретик экономической науки, как Яков Абрамович Кронрод, неотделим от своей эпохи, своего времени, своей страны. И многие типичные черты эпохи, особенно ее идеологии, проявлялись в научном творчестве Кронрода.

Родился Я.А. Кронрод в 1912 году в небольшом городке Тульской области, г. Алексин. В 1930 г. окончил среднюю школу в Москве, затем учеба на философском факультете МГУ им. М.И. Ломоносова. Параллельно с учебой с 1931 г.

работа в Госплане СССР, Мособлплане и в ЦСУ СССР. С 1940 г. до конца жизни (1984 г.) Я.А. Кронрод работал в Институте экономики АН СССР (ныне Институт экономики РАН). Однако в 1941 г. научную работу Якова Абрамовича прервала война.

Кронрод с первых дней войны записался добровольцем в народное ополчение Москвы и прошел всю войну до Берлина, с 1941 г. по 1945 г. Все свои правительственные награды он получил только за участие в боевых действиях: ордена Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медали За оборону Москвы, За оборону Сталинграда и др. «6 июля 1941 г. я надел солдатскую шинель», — пишет Кронрод в одном из писем. В 1941 г. предстояли тяжелые бои под Москвой, отступление, окружение, прорыв через линию фронта к своим и, наконец, остановка немцев на подступах к Москве. Во всех этих эпизодах Великой Отечественной войны Кронрод принимал самое непосредственное участие.

Однако Кронрода все время тянуло к книгам и к научным проблемам. Читал он всегда и очень много. Всегда жаловался — «читать решительно нечего». И еще в одном из писем: «Напропалую читаю — Шекспир, Боевой Устав, психологию, физиологию и все прочее, что придет под руку». И с непреодолимой силой его тянуло к науке. Уже в марте 1945 г., находясь в действующей армии в Восточной Пруссии, Кронрод садится за книгу о деньгах. В письме от 8 марта он пишет: «Меня приковывает к столу всякую свободную от войны минуту». И несколько дальше: «Какая скверная доля — ощущать в себе хоть сколько-нибудь живой мозг и чувствовать, как он излучается в ничто». Действительно, живой мозг ученого требовал науки, а не войны.

С первой же возможностью Кронрод возвращается к научным занятиям в Институте экономики АН СССР. Именно в ИЭ проявились все могучие способности Я.А. Кронрода как теоретика и мыслителя, здесь он написал все свои основные научные работы, что сделало его одним из ведущих экономистов страны в области политической экономии.

Сегодня очень сложно оценить политическую экономию советского периода, а стало быть, и вклад Кронрода в ее развитие. Но этим заниматься надо. Ибо экономическая теория советского периода, т.е. теория советской экономики, при всех ее недостатках и упущениях, все-таки обеспечила развитие экономики страны в такой степени, что страна смогла выдержать Великую Отечественную войну и победить фашистскую Германию.

Я.А. Кронрод принимал самое активное участие почти во всех основных экономических дискуссиях советского времени: о товарном производстве и законе стоимости при социализме (1958 г.), о концепциях ценообразования – «трудовая версия стоимости» (1957 г.), о воспроизводстве и законе преимущественного роста средств производства (1958–1962 гг.), о сфере материального производства и непроизводительном труде (1958 г.), об основном законе социализма (1961 г.), о собственности как особом производственном отношении (1962 г.), об экономической реформе (1964 г.), методологические проблемы политической экономии социализма (1966 г.) и многие другие. Легче, наверное, перечислить дискуссии, в которых Я.А. Кронрод не принимал бы участия. Конечно, далеко не всегда Кронрод в этих дискуссиях занимал самые прогрессивные или радикальные позиции. Например, он довольно интересно и умело отстаивал закон преимущественного роста средств производства, что уже и в 1960-е гг. XX в. являлось анахронизмом. Но по большинству вопросов он занимал более творческие, новаторские позиции, что вызывало критику Кронрода как со стороны научного начальства, так и партийных органов.

В 1950-х гг. Я.А. Кронрод выполнил цикл серьезных работ по теории воспроизводства, многие положения которых до сих пор плохо освоены отечественной экономической наукой. Сложность заключается в том, что наряду с консервативными взглядами (например, уже упомянутый закон преимущественного роста первого подразделения) Я.А. Кронрод отстаивал положения, которые и тогда, и теперь

являются спорными. Это относится, например, к теории производительного труда и трактовке общественного продукта. Сегодня, когда волевым путем Госкомстат в исчислении валового продукта и национального дохода перешел от метода баланса народного хозяйства, теоретические основы которого были блестяще разработаны Кронродом, к методу национальных счетов, потерялась объективная основа измерения роста реального сектора экономики. Остается неизвестным – растет ли в действительности общественное производство, когда валовой продукт (ВВП) увеличивается в основном за счет услуг и транзакционного сектора экономики. Например, слова, написанные Кронродом в 1950 г., и сегодня звучат абсолютно верно, как бы не сердились сторонники национального счетоводства: «Вне сферы материального производства функционирует значительная часть необходимого общественного труда, обслуживающая отрасли непроектируемой деятельности. Этот труд не представляет собой процесса непосредственного воздействия на материю и ее силы, он не является материально-производительным трудом и поэтому не создает общественного продукта. Но он создает все духовные богатства человеческого общества и выполняет различные другие общественные функции» (З. С. 149). И действительно, в связи с распределением духовных богатств не возникает классового конфликта, что характерно для материального продукта. Многие услуги и духовные блага не поддаются реальному экономическому измерению, что делает иллюзорным их включение в валовый продукт.

К середине 1960-х гг. Я.А. Кронрод стал одним из самых крупных советских политэкономов. К этому периоду вышли из печати многие его основные труды. В этот же период он выполнил целый цикл фундаментальных работ по проблемам хозяйственного механизма и товарной природы советской экономической системы. Эти работы послужили теоретической основой экономической реформы 1965 г. («косыгинская реформа»). Среди этих работ можно выделить такие положения, как обоснование товарно-денежных отношений, закона

стоимости, определенной экономической свободой хозяйственных предприятий.

Еще в 1960 г., возражая против идеи о том, что «социалистическое хозяйство не имеет специфического закона, управляющего ценами», Кронрод писал: «Тот факт, что цена есть выражение стоимости, что движение цены определяется или регулируется движением стоимости, и означает, что как в условиях товарного производства вообще, так и в условиях социалистического товарного производства в частности закон стоимости и есть закон цен, т. е. закон регулирующий цены» (7. С. 92–93). И общий методологический вывод из другой работы того же периода, который и сегодня вполне верен и актуален: «Существуют некоторые объективные факторы, которые, независимо от сознания и желания, объективно вынуждают людей соотносить свою хозяйственную деятельность с экономической необходимостью» (10. С. 68). Однако кронродовская постановка теоретических проблем экономического реформизма в конце концов оказывалась в противоречии с господствующими в то время идеологическими установками партийного руководства. Это же фундаментальное противоречие и не позволило «косыгинской реформе» стать долговременным фактором экономического развития страны. Как известно, к концу 1960-х гг. реформа была свернута.

Кронрод последовательно выступал за развитие рыночных отношений, товарного производства, закона стоимости, за экономическую демократию и т.д. Однако все это не были категории сугубо социалистических отношений и все это было очень трудно совместить с господствующими социалистическими императивами.

С уровня сегодняшнего знания мы вправе утверждать, что Кронрод оказался в клещах теоретического противоречия, которое вообще было присуще всей нашей прежней политэкономической конструкции. Более того, я бы сказал, что Кронрод лучше и глубже всех выразил это противоречие. Может быть, он был более противоречивым, чем остальные советские политэкономы. Это, например, хорошо видно на

его конструкции двух форм народнохозяйственных связей (прямой, непосредственно планомерной и косвенной, товарной). Здесь его в равной мере обвиняли в непоследовательности и рыночники (более близкие и симпатичные ему исследователи), и планомерники. Однако лучше было бы не обвинять, а понимать — почему в этом уме сформировалась такая противоречивая конструкция. Сегодня можно все это дело представить более ясно. Например, две формы связи Кронрода это иная трактовка известной теории двух регуляторов Е. Преображенского. Но эту теорию Преображенский разрабатывал для переходного хозяйства, не имея в виду социалистическое общество. Так что в сегодняшнем понимании вопроса, две формы связи Кронрода могли бы означать переходный характер и того советского общества, в котором жил Кронрод. И это было много ближе к реальности, чем другие менее противоречивые конструкции. По сути дела, две формы народнохозяйственных связей сейчас рассматриваются как совмещение (дополнение) рыночного самодействия и государственного регулирования экономики. Так, оказывается, что самые современные достижения экономической науки Кронрод разработал еще более 60 лет тому назад.

Читая работы Кронрода в хронологическом порядке, можно наблюдать, как автор шаг за шагом пробивается к более обобщенному и более богатому пониманию социализма в отличие от сталинистской его трактовки. Сначала это были отдельные положения, ревизия частичных сторон традиционной трактовки, введение новых элементов в теорию социализма. Так, Я.А. Кронрод выделяет в социализме целый комплекс противоречий, в том числе и антагонистических. Известна его дискуссия на этот счет с И. Кузьминовым, который для социализма на место противоречия ставил единство как источник развития.

В теории социализма Я.А. Кронрод выдвигал концепцию товарного производства. Здесь также много интересного. Известен спор Я.А. Кронрода с Н.А. Цаголовым по поводу трактовки социалистического производства как разновидно-

сти товарного производства. Интересна трактовка Я.А. Кронрода основного закона социализма (хотя и весьма спорная) в отличие от основного закона коммунизма, проблема неравенства в социалистическом обществе.

Если постараться как-то сложить все оригинальные разработки Я.А. Кронрода по поводу социализма, то получается нечто интересное. Сюда надо отнести товарный характер социалистического производства, регулиющую роль закона стоимости; проблему цены как балансирующего средства спроса и предложения; необходимость конкуренции (позднее он был вынужден писать об экономическом соревновании между предприятиями); наличие фактического неравенства между участниками социалистического производства как его объективно необходимый момент; комплекс противоречий, конституирующих и импульсирующих социалистическое общество. Налицо были почти все характеристики рыночного социализма, как эту конструкцию назвали бы «ревизионисты» 1960-х гг. прошлого века.

Но для того, чтобы в методологическом плане обосновать рыночный социализм, не называя его именно так, следовало сделать еще один, пожалуй, решающий шаг. Необходимо было оторвать социализм от коммунизма, довольно прочно отделить их друг от друга. И Я.А. Кронрод такой шаг сделал.

Имеется в виду дискуссия 1970 г. о социализме как способе производства, которая проходила в Институте экономики АН СССР и после которой Институт экономики решением ЦК КПСС был полностью реорганизован. Я.А. Кронрод из заведующего сектором был переведен в исполняющего обязанности старшего научного сотрудника. Политический режим в этом затянувшимся романе с Я.А. Кронродом поставил точку.

Кронрод обосновывал экономическую теорию *социализма*, т.е. нечто мало похожее на то, чем пробавлялись политические власти того времени. Когда Я.А. Кронрод выстраивал отдельные категории и параметры социалистического здания, хоть в какой-то мере отвечающего здравому смыслу и требованиям современной науки, его терпели. Но когда он приступил

к сбору всего им построенного, то стало очевидно, что получается совсем не только не то, что было написано в документах КПСС, но и во многих трудах классиков марксизма-ленинизма. Хотя как марксист Я.А. Кронрод не отбрасывал и не собирался отбрасывать все работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина.

Чем же, собственно говоря, Кронрод напугал политические власти. Возьмем его доклад на конференции 1970 года. Здесь он, например, пишет о таких, получивших именно сегодня развитие (правда, иногда довольно своеобразное) предметах, как выделение и отделение от государственной политической организации общества «всеобщей общественной негосударственной... экономической его организации»; экономического соревнования между предприятиями и регулирующего значения в этом процессе закона стоимости («расширение материально стимулируемого экономического соревнования, повышения его эффективности через отмену фондирования и замену его планомерной торговлей...»); наконец, о необходимости экономической демократии, «экономической свободе личности непосредственного производителя» (12. С. 16, 33, 41).

Однако главный вывод или вопрос был поставлен так: «Перед наукой во весь рост стал принципиальный общий определяющий вопрос: что представляет собой социалистическая фаза коммунизма — есть ли это лишь относительно исторически кратковременная начальная ступень развития коммунистического способа производства или же это есть исторически особая длительная полоса развития человеческого общества, опирающаяся как на свой экономический фундамент — на социалистический способ производства, представляющий собой особый по сравнению с развитым коммунизмом, способ производства, специфически исторический способ производства, открывающий эру коммунистического развития человечества, но являющийся еще именно социалистическим способом (в отличие от прогрессивно друг друга сменяемых в процессе будущего общественного про-

гресса способов производства полного коммунизма). Другими словами, встал вопрос: представляет ли социализм как низшая начальная фаза коммунизма, т.е. как этап его становления, самостоятельный способ производства?» (12. С. 6).

Я.А. Кронрод был тем, кто писал и говорил для науки, по совести. Поэтому те ошибки, заблуждения, противоречия, которых у Кронрода было много, может быть, очень много — все это он писал не ради конъюнктуры, а искренне, по совести. Он так считал, так думал. Им созданные, им защищаемые, им навязываемые окружающим. И это было. Авторитет Кронрода среди экономистов, а тем более его учеников и сотрудников был огромный. Добавьте сюда колоссальную эрудицию, почти недостижимый интеллект, плюс громадное умственное обаяние. Понятно, что устоять против какой-либо теории, догмы, и даже ошибки, Кронроду было очень трудно.

Так было, например, с положением об общественной собственности на рабочую силу при социализме, наиболее глубоким разработчиком и пропагандистом которой был Кронрод. Можно привести еще немало положений, которые не только сегодня, но и тогда не отличались новаторством или свежестью.

Но у Я.А. Кронрода было и другое. То, за что его беспощадно и постоянно критиковали. То, что и сегодня читается с интересом и пользой. То, что выстраивается в основную линию учения Кронрода об экономической теории социализма. Эта теория Кронродом не была завершена. Например, в последние годы он много работал над проблемами демократии и бюрократизма. Ряд его разработок этой темы многое объясняет в понимании нашего прошлого, настоящего и, возможно, будущего. Кронрод переходил к изучению интегральных проблем развития общества, поднимался над только экономической тематикой. Но завершить эти интегративные обществоведческие исследования он не успел. Наилучшее представление об этих теоретических поисках Кронрода дает написанная в конце жизни книга «Очерки социально-экономического развития XX века», опубликованная уже после его смерти.

Так вот, пытаюсь ответить на вопрос, а не зря ли Кронрод потратил жизнь на изучение различных проблем экономической теории социализма и насколько все это нужно сегодня, можно сказать следующее. Ответить на этот вопрос прежде всего следует положительно, ибо многие разработки Кронрода сделали более глубоким и полным понимание этой теории. По крайней мере убедили в том, что трактовка экономической теории социализма в советской официальной ее интерпретации («марксизма-ленинизма») с научной точки зрения оказалась несостоятельной. Это, конечно, не должно означать отсутствие такой теории. Только понимать ее надо иначе. И здесь работы Я.А. Кронрода могут явиться основополагающими. В этой связи выделим несколько аспектов темы.

Первый, более очевидный. Я.А. Кронрод и его сторонники, обосновывая необходимость товарного производства при социализме, действие закона стоимости, теоретически и методологически подталкивали развертывание всякого рода экономических реформ, развитие рынка в стране. Понимание социализма в том числе, а может быть, и в первую очередь, под влиянием работ Кронрода уточнялось, углублялось: прибавлялись фазы или этапы развития социализма, социализм отделялся от коммунизма. В общем, дело шло к подготовке нового взгляда на экономический процесс вообще, к пониманию необходимости перемен во многих сторонах жизни нашего общества. Без таких ученых, как Я.А. Кронрод, видимо, трудно говорить о новом, сегодняшнем этапе демократического развития.

Второй аспект менее очевиден. Я.А. Кронрод своими работами продолжил формирование особой культуры научного мышления в области экономической теории вообще и социализма в частности. Трудно сказать, является ли это специфически русским интеллектуальным явлением, но нигде в мире мы не найдем столь мощное развитие экономической теории (ее социалистической ветви) в условиях тоталитарного и авторитарного режима.

Многие советские экономисты, сформировавшиеся в довоенное время восприняли традиционно русскую культурную среду как остатки Серебряного века. Кронрод считал себя учеником известного меньшевика и глубочайшего знатока и интерпретатора экономической теории марксизма И.И. Рубина, много о нем говорил, советовал его читать. С полным основанием можно утверждать, что Кронрод продолжил дело тех российских мыслителей, которых дал нам Серебряный век.

Поэтому таких ученых, как Я.А. Кронрод, следует, наверное, рассматривать как продукт отечественной интеллектуальной почвы, XIX в., как закономерное явление развития русской общественной мысли. В этой связи представляется некорректной сама постановка вопроса о якобы зря потраченных годах на исследование социалистической доктрины. Я.А. Кронрод не мог поступить иначе: раз он заинтересовался социальными проблемами, то к ним можно было подходить в России только через марксизм, только в социалистической трактовке. Таков императив российских общественных условий и развития общественной мысли.

Наконец, третий аспект — это наша история. Негоже забывать ее, и тем более перечеркивать. Историю экономической мысли в СССР невозможно представить без имени Я.А. Кронрода, без его трудов, его борьбы. И наше сегодняшнее отношение к трудам и идеям Я.А. Кронрода и к его личности в целом характеризует не его, а нас самих.

2005 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы Я. А. Кронрода

1. Укрепление денежного обращения СССР, инфляция в странах капитализма. М.: Госполитиздат, 1950.
2. Основы хозяйственного расчета. На примере социалистической промышленности. М.: Госфиниздат, 1952.
3. Социалистическое воспроизводство. М.: Госполитиздат, 1955.

4. Общественный продукт и его структура при социализме. М.: Госполитиздат, 1958.
5. Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР. М.: Госполитиздат, 1959. (Редактор.)
6. Деньги в социалистическом обществе. Очерки теории. 2-е перераб. изд. М.: Госфиниздат, 1960.
7. Стоимость и цена в условиях социалистической экономики // Проблемы политической экономии социализма. Вып. 1960. М.: Госполитиздат, 1960. С. 89–162.
8. Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории. М.: Мысль, 1966.
9. Система общественных потребностей. Закономерности их формирования и развития в условиях социализма. М.: ИЭ АН СССР, 1966.
10. О некоторых теоретических основах хозяйственной реформы // Совершенствование планирования и управления народным хозяйством. М., 1967. С. 68.
11. Закон стоимости и социалистическая экономика. Некоторые актуальные проблемы. М.: Наука, 1970.
12. Основы развитого социалистического способа производства (тезисы доклада) // Тезисы докладов на институтской научной конференции по проблеме: «Марксистско-ленинская теория развития социалистической экономики». — М.: Институт экономики АН СССР, 1970. С. 16, 33, 41.
13. К вопросу о социалистическом способе производства и стадиях его развития // Известия АН СССР. Серия экономическая. 1971. № 3.
14. Об экономическом оптимуме в свете методологических принципов политической экономии социализма // Плановое хозяйство. 1975. № 10.
15. Золото, денежные и валютные системы, инфляция // Деньги и кредит. 1982. № 4 и № 6.
16. Производительные силы и общественная собственность. М.: Наука, 1987.
17. Плановость и механизм действия экономических законов социализма. М.: Наука, 1988.
18. Процесс социалистического производства. М.: Наука, 1989.
19. Очерки социально-экономического развития XX века. М.: Наука, 1992.
20. Из неопубликованного... Вып. 1. М.: ИЭ РАН, 2002.

Литература о Я.А. Кронроде

1. *Воейков М.И.* Экономическая теория социализма: политический режим и ученый. (К 80-летию Я.А. Кронрода). М.: ИЭ РАН, 1992.
2. Судьба ученого и трагедия науки (К 80-летию со дня рождения Я.А. Кронрода). М.: Наука, 1992. .
3. Экономическая теория: феномен Я.А. Кронрода. К 100-летию со дня рождения. СПб.: Нестор-История, 2012.
4. Я.А. Кронрод: личность ученого, политическая ситуация и экономическая теория. М.: ИЭ РАН, 1996.
5. Я.А. Кронрод в прошлом и настоящем / Под ред. Т.Е. Кузнецовой. М.: ИЭ РАН, 2014.
6. Яков Абрамович Кронрод. Библиографические материалы. М.: ИЭ РАН, 1999.
7. *Mandel D.* Democracy, Plan and Market: Yakov Kronrod's Political Economy of Socialism. Stuttgart: Verlag, 2017.

**КУБАНИН
МИХАИЛ ИЛЬИЧ
(1898—1941)**

Михаил Ильич Кубанин, доктор экономических наук, экономист-аграрник, родился в бедной многодетной семье в деревне Красная в пригороде г. Верхнеднепровска Днепропетровской области. В 1912 г. умер отец, и мать, чтобы прокормить пятерых детей, нанялась в артель на считавшийся всегда сугубо мужским делом перевоз на лодке через Днепр людей и грузов.

В 1915 г. на средства общины М.И. Кубанин был отправлен в Саратов в техническое училище, которое закончил в 1917 г. Вернувшись на Украину, активно включился в революционную деятельность, вначале в городском подполье, затем в отряде красных партизан, вошедшем затем в состав Первой конной армии под командованием С.М. Буденного. В 1918 г. принят в партию и назначен комиссаром полка, заместителем комиссара 11 дивизии Первой конной.

В 1921 г. М.И. Кубанин, с учетом своего технического образования, был откомандирован на учебу в Московское высшее техническое училище. Однако в 1923 г. он, владеющий разговорным немецким языком, в связи с революционными событиями в Германии, был направлен туда в составе группы, возглавляемой Е.Д. Стасовой, для оказания помощи немецким коммунистам.

В 1926 г. поступил на историческое отделение Института красной профессуры (ИКП). Известный государственный

деятель, экономист Е.А. Преображенский высоко оценил итоговый доклад Кубанина, который был им сделан по завершении обучения в институте, назвав доложенные материалы самостоятельным научным исследованием, и рекомендовал развернуть его в диссертацию. Учеба в ИКП успешно сочеталась с активной работой редактором журнала «На аграрном фронте», органе Коммунистической академии, преподаванием во 2-м МГУ (ныне Московский педагогический государственный университет), деятельностью в Международном аграрном институте, Институте экономики Коммунистической академии.

В 1928 г. он женился, в 1929 г. родилась старшая дочь, младшая – в 1938 г.

В 1928 г. по окончании Института красной профессуры Кубанин был назначен заведующим плановой секцией Наркомзема СССР (1928–1930 гг.). В декабре 1929 г. принял участие в знаменитой конференции аграрников-марксистов. В 1930 г. в составе группы специалистов различных отраслей народного хозяйства был откомандирован на полгода в Америку для изучения организации сельскохозяйственного производства Соединенных штатов Северной Америки (САСШ, в последующем США). Изучая глубоко эту проблему в целом, более детально вникал в вопросы овощеводства. Позже результаты поездки были обобщены в монографии «Очерки по организации овощного производства в САСШ» (М.-Л., 1933). Вернулся из этой командировки в декабре 1930 г. в разгар коллективизации.

Ознакомившись с организацией сельского хозяйства в США, Кубанин считал, что надо использовать результативный опыт капиталистических стран в развитии сельского хозяйства в СССР. Другьям и близким ему людям он высказывал свое мнение о том, что темпы коллективизации завышены, что Октябрьская революция для деревни не носила социалистического характера. По условиям жесткой и беспощадной цензуры он не мог писать и говорить об этом открыто, но проблемы производительности труда в советском сельском

хозяйстве и повышения его эффективности становятся центральными в научном поиске и работах М.И. Кубанина.

В 1930–1933 гг. Постановлением Совнаркома СССР он назначается членом Коллегии, заведующим плодоовощным сектором Наркомзема СССР, в 1933 – членом Коллегии, начальником сельскохозяйственного отдела ЦУНХУ СССР (в последующем – ЦСУ СССР). В 1933–1934 гг. – член Комиссии по определению урожайности Совета Народных Комиссаров СССР и одновременно заведующий планово-экономическим сектором Сельскохозяйственного отдела ЦК ВКП(б).

В 1934 г. М.И. Кубанину присваивается ученая степень доктора экономических наук, и с этого времени он практически полностью переходит на научную работу в Ком. Академию, затем Академию наук СССР, одновременно в 1934–1936 гг. преподает в Институте красной профессуры в должности профессора на кафедре общей теории аграрного вопроса. В Институте экономики АН СССР работает с 1934 г., вначале научным сотрудником, в 1938–1941 гг. – заведующим сектором экономики сельского хозяйства, старшим научным сотрудником.

Энергичный, деятельный, общительный, он привлекал к себе людей простотой в общении, непосредственностью и доброжелательностью. По воспоминаниям его старшей дочери, Марины Михайловны Кубаниной, однажды в разговоре с их матерью кто-то из сотрудников Института экономики со смехом сообщил ей о nepозволительном мальчишестве мужа. В ответ на ее изумление собеседница сказала, что когда у Михаила Ильича бывает хорошее настроение, он может спуститься с лестницы, съезжая по перилам, и только смущенно хмыкает, если кто-то становится свидетелем подобного способа его передвижения.

С 1931 г. семья жила в поселке Сокол. Коттеджные дома, вокруг каждого – сад. Все жители старались украсить свои участки. По воспоминаниям старшей дочери, в саду были прекрасные кусты персидской сирени, жасмин, раз-

ноцветные ирисы, тюльпаны. Михаил Ильич заботился о воспитании детей. Старшая дочь ходила в немецкую группу, занималась музыкой. Зимой они с папой ходили на лыжах — катались с гор, уезжали в Покровско-Стрешнево. Летом всей семьей ездили купаться на канал. Дома часто бывали гости. Приезжали и «папины партизаны», тогда девочка забиралась под стол и слушала их рассказы.

Наряду с этим он, человек с аналитическим складом ума, обширными и глубокими знаниями, много размышлял о судьбах страны и общества, имеющихся реалиях и возможных перспективах. Побывав не один раз за рубежом, он воочию убедился, что капиталистический мир преодолел экономический кризис, депрессию и, как говорил в доверительных разговорах с друзьями, И.А. Анчишкиным, С.А. Хейнманом и рядом других близких ему сотрудников Института экономики, чем дальше развивается капиталистическое общество, тем лучше живет народ. Целью его научных устремлений было совершенствование экономических механизмов, действовавших в народном хозяйстве СССР, в частности в сельском хозяйстве страны. Он с горечью говорил о том, что СССР нельзя отнести по технической оснащенности к передовым странам, а утверждать подобное — попросту очковтирательство. Совершенно очевидно, что это горькое замечание родилось после высказанного на XVIII съезде партии (1939 г.) И.В. Сталиным тезиса о том, что «мы перегнали главные капиталистические страны в смысле техники производства».

М.И. Кубанин считал, что вся система руководства экономикой нуждается в коренном изменении: государство не должно жестко регламентировать производство и распределение товаров, нельзя подменять управление экономикой голым администрированием. В частности, закрепление рабочих и служащих за предприятиями, по его мнению, односторонний подход к решению вопроса об экономической эффективности производства на предприятии, т.к. сводит экономическое решение к административным мерам. Он утверждал, что для повышения производительности труда надо широко

ставить вопрос о материальном стимулировании, материальной заинтересованности работников. М.И. Кубанин особо подчеркивал, что существующая оплата труда в колхозах не стимулирует повышения производительности труда, да и в промышленности низкий уровень зарплат не является материальным стимулом для рабочих, с чем и связана низкая производительность их труда.

Основное направление научной деятельности М.И. Кубанина – социально-экономическое развитие деревни в переходный период, экономика колхозов и пути их дальнейшего развития. Его книга «Производственные типы колхозов. Процесс роста производительности труда в коллективном земледелии» (М., 1936) явилась первым монографическим исследованием производительности труда в колхозном производстве различной специализации. Обратив внимание на существование колхозов различной «экономической мощности», на основе анализа указал причину этого – «в создании условий, заинтересовывающих колхозников в хорошей работе», «в результатах своей работы», «в упорядочении организации труда». В монографии была поставлена задача выявления и анализа экономической структуры передовых и отсталых колхозов (см. также: М.И. Кубанин. О плохих и хороших молочно-товарных фермах // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1935. № 9; О мощных и слабых колхозах (к вопросу о методах группировки колхозов) // На аграрном фронте. 1935. № 2–3). В результате настойчивого поиска научно обоснованной методологии группировки колхозов М.И. Кубанин предложил вместо используемой экономистами группировки колхозов по стоимости средств производства на хозяйство применять группировку по степени технической вооруженности работника, которая все более дифференцируется и становится определяющим фактором роста производительности труда.

М.И. Кубанин первым выявил значимость рационального количественного и качественного соотношения между средствами производства и численностью работников колхозов

и, следовательно, обосновал необходимость точного учета численности работников, участвующих в колхозном производстве, указал на значение заинтересованности работников в результатах своей работы при установлении обоснованной системы расценок. Он также предложил учитывать всю сумму средств производства, используемых в колхозах, с учетом доли средств производства машинно-тракторных станций (МТС), применяемых в отдельных колхозах. Он указал на необходимость при исследованиях сравнивать колхозы, находящиеся только в одних и тех же естественно-географических условиях, и т.д. Кубанину принадлежит заслуга выявления и обоснования применительно к социалистической экономике такого показателя, как «фондовооруженность труда», а также установления его решающего влияния на рост производительности труда.

В январе 1941 г. М.И. Кубанин выступил с докладом «Уровень и пути повышения производительности труда в сельском хозяйстве СССР» на совещании экономистов и статистиков. Хотя тема доклада органично вытекала из всего комплекса его научных интересов, непосредственную формулировку названия доклада предложил Е.А. Варга. Первоначально Кубанин предполагал выступить с докладом о методологии расчетов производительности труда в сельском хозяйстве, председателем совещания был В.С. Немчинов. Кубанин впервые поставил и осветил решение проблемы расчета существовавших в тот период уровней производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США, указал основные причины, вызывающие различие этих уровней¹.

Когда на XVIII съезде партии И.В. Сталин поставил задачу догнать по уровню производства на душу населения

1. Стенограмма совещания экономистов и статистиков по докладу М.И. Кубанина. Архив ИЭ АН СССР. Оп. 1, д.32, л. 1–117; см. также: О темпах роста производительности труда в сельском хозяйстве СССР и капиталистических стран // Проблемы экономики. 1940. № 2; Душевые нормы сельскохозяйственного производства в СССР и капиталистических странах // Проблемы экономики. 1940. № 5–6; Уровень производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США // Проблемы экономики. 1941. № 1.

наиболее развитые в экономическом отношении страны, многие экономисты полагали, что основная экономическая задача относится только к промышленному производству, и продолжали сравнивать уровни производительности труда колхозов и совхозов с мелкими крестьянскими хозяйствами. В связи с этим М.И. Кубанин подчеркивал, что «мы собираемся догонять не индивидуальное крестьянское хозяйство, а капиталистическое. Задача исследователя заключается здесь в том, чтобы установить точно размер». М.И. Кубанин впервые в статистико-экономических исследованиях разработал методологию международных сопоставлений уровней производительности труда и на основе обработки большого массива статистических данных осуществил такие расчеты. Он установил, что в животноводстве уровень производительности труда в колхозах отстал в большей мере, чем в полеводстве, а в целом уровень производительности труда в сельском хозяйстве СССР в 5–7 раз (в зависимости от возможностей избранной методики) был меньше, чем в США, где 1 работник кормил 10–12 человек, а у нас – 3–4, делал вывод Кубанин.

М.И. Кубанин установил целый комплекс причин, обуславливающих такие различия в уровнях производительности труда. Важнейшими выводами, имеющими народно-хозяйственное и перспективное значение, стали: впервые осуществленный анализ реального положения дел в сельском хозяйстве, целая система мер, предложенная Кубаниным в целях дальнейшего развития сельского хозяйства (повышение уровня энерговооруженности и механизации, изменение структуры сельского хозяйства, увеличение удельного веса животноводства, интенсивных культур и т.д.), смягчение его сезонности, укрупнение хозяйств, преодоление диспропорции в механизации взаимосвязанных процессов, повышение личной материальной заинтересованности работников в росте производительности труда и т.д.

С присущей ему огромной работоспособностью М.И. Кубанин серьезно и много занимался подготовкой своих последних статей и доклада. Как вспоминал в свое

время И.А. Анчишкин, Михаил Ильич допоздна задерживался в институте. Ведь он считал, что результатами своих работ открывает глаза руководству страны на истинное положение дел в сельском хозяйстве и предлагаемые им меры лягут в основу реалистической программы его подъема и развития, хотя при этом он отдавал себе отчет, что подлинная демократия в стране отсутствует, что нередко принимаемые партией решения нарушают конституционные права народа, а подчас — просто преступление против народа. Он видел застой в науке, т.к. ученые боялись высказывать новые идеи, идущие вразрез с общепартийными установками. Да и 1937–1938 гг. проходили у него на глазах. Уходили из жизни, став «врагами народа», люди, которых он хорошо знал по работе или по годам Гражданской войны. Но несмотря ни на что в его душе глубоко сидела романтическая юношеская вера в революционную справедливость, и он надеялся, что его поймут, надеялся на перемены.

Свои взгляды и оценки всего происходящего в стране и в мире М.И. Кубанин облек в форму точных расчетов и многочисленных колонок неопровержимых статистических данных. Он стремился четко отразить истинное положение дел, оборвав идеологическую трескотню и беспочвенные восхваления происходящего. Однако обсуждение доклада не подтвердило его ожидания — многие выступавшие считали просто невозможным сопоставление уровней производительности труда в СССР и США из-за различия их социально-экономических и политических систем. Подводя итоги совещания, председатель В.С. Немчинов говорил, что значительная ценность проделанной Кубаниным работы состоит в том, что она намечает пути дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. Он напомнил мысль Ф. Энгельса, что общество должно знать, сколько труда требует каждый продукт для его производства.

В конце января 1941 г. журнал «Проблемы экономики» опубликовал последнюю статью М.И. Кубанина «Уровень производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США».

Как утверждают его дочери, опираясь на то, что рассказывала их мать, Л.В. Кубанина, а также братья и сестра Михаила Ильича, именно эта статья и явилась той последней каплей, которая переполнила чашу терпения власть предержащих. Последовали трагические события. С разгромной статьей «О клеветнической вылазке М. Кубанина» выступил журнал «Большевик» (1941, № 6), вышедший в середине апреля 1941 г. Называя Кубанина горе-аграрником, автор обвинил его в «фальсификаторских махинациях», «мошеннических приемах», утверждая, что все его сопоставления производительности труда в США и СССР «основаны на неверных исходных данных и насквозь фальшивы», сама статья «носит клеветнический характер», а в конце задается вопрос: «По чьему заказу и кому в угоду писалась статья Кубанина?»

Стиль и язык статьи, а особенно ее заключение, свидетельствовали, как считали близкие, о том, что главным ее редактором был И.В. Сталин. Общеизвестно, что он подвергал правке и редактированию любые статьи центральных органов печати, имеющие идеологическое значение, тем более в журнале «Большевик», теоретическом и политическом журнале ЦК ВКП(б), являвшемся главным идеологическим кнутом и пряником для партийных организаций. В данном же случае речь шла о человеке, который «не только нарушил формально в своей статье основное постановление XVIII съезда партии, но и безнадежно запутал дело, подменив научную установку съезда ненаучной, самодельной, кустарно-провинциальной установкой». Особенно видна рука вождя в заключении публикации, где он обвиняет редактора журнала «Проблемы экономики» Б. Маркуса в том, что тот в своем примечании к статье не отмежевался от содержания и направления статьи Кубанина, а значит, не возражает против «жюльнических махинаций» Кубанина. Подобное поведение редактора журнала «нельзя квалифицировать иначе, как двурушничество».

23 апреля 1941 г. М.И. Кубанин был исключен из партии, 28 апреля уволен из Института экономики, а 5 мая 1941 г. арестован. Вдова академика В.С. Немчинова вспоминала, что,

узнав об этом, В.С. Немчинов написал письмо в ЦК ВКП(б) в защиту Кубанина. Возможно, когда-нибудь оно будет найдено в архивах.

Журнал «Проблемы экономики» был закрыт и возобновил свой выход только через несколько лет под названием «Вопросы экономики».

В своем глубоко трагичном последнем слове на закрытом процессе М.И. Кубанин просил сохранить ему жизнь, чтобы он мог принести пользу народу и своей стране. Ведь в тюрьме ему исполнилось всего 43 года.

Только через много лет его близкие узнают, что 13 октября 1941 г. в Саратове он был расстрелян. В 1956 г. М.И. Кубанин был полностью реабилитирован.

После его гибели остались труды, книги, около 40 статей в различных журналах и сборниках. Осталась жива жена с двумя маленькими дочками, долгие 16 лет бывшие «членами семьи врага народа». Много лет были под запретом не только работы, но даже его имя.

Когда в 1960-е годы в Институте экономики АН СССР известный ученый, будущий академик, Т.И. Заславская, и М.И. Сидорова, будущий доктор экономических наук, начали исследование сравнительного уровня производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США, в частных разговорах, в связи с этим, им напоминали о судьбе М.И. Кубанина. Между тем расчеты Т.И. Заславской и М.И. Сидоровой (Важнейшие расхождения в определении сравнительного уровня производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США работниками ЦСУ и ИЭ АН СССР. Архив ИЭ АН СССР, оп. 8, д. 42, индекс 633,2, л. 85–91) подтвердили выводы, сделанные в 1930-е годы Михаилом Ильичем Кубаниным.

Короткая и яркая жизнь замечательного человека, талантливого ученого М.И. Кубанина — не только светлая память для близких, она — трагическая страница в истории Института экономики АН СССР, русской экономической науки, и в то же время, веха в ее развитии.

2009 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы М.И. Кубанина

1. Классовая сущность процессов дробления крестьянских хозяйств. М., 1929.
2. Очерки по организации овощного производства САСШ. М.—Л., 1933.
3. Производственные типы колхозов. Процесс роста производительности труда в коллективном земледелии. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
4. О темпах роста производительности труда в сельском хозяйстве СССР и капиталистических стран // Проблемы экономики, 1940, № 2.
5. Душевые нормы сельскохозяйственного производства в СССР и капиталистических странах // Проблемы экономики. 1940. № 5—6.
6. Уровень производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США // Проблемы экономики. 1941. № 1.

Литература о М.И. Кубанине

1. О клеветнической вылазке М. Кубанина // Большевик. 1941. № 6.
2. *Фигуровская Н.К.* Развитие аграрной теории в СССР. Конец 20-х — 30-е годы. М.: Наука, 1983.

М.Д. Ерзнкян (Львова)

Б.А. Ерзнкян

д.э.н.

ЛЬВОВ
ДМИТРИЙ СЕМЕНОВИЧ
(1930—2007)

Дмитрий Семенович Львов – выдающийся российский экономист, внесший значительный вклад в развитие многих направлений современной экономической науки. Особенного внимания и высокой оценки заслуживает цикл его научных работ последнего периода, когда он возглавил разработку экономической стратегии для России, альтернативной либерально-рыночному подходу.

Д.С. Львов родился 2 февраля 1930 г. в Москве. Его отец, Львов Семен Моисеевич, работал на заводе им. Г. Чичерина, был рабочим-двадцатипяти тысячником. К сожалению, он ушел из жизни очень рано – в 27 лет. Несмотря на молодой возраст, он активно участвовал в общественной жизни, пользовался большим авторитетом у рабочих завода. Об этом говорит и то, что рабочие сами собрали деньги на памятник ему и надпись на памятнике: «Стойкому большевику, двадцатипяти тысячнику от рабочих завода им. Г. Чичерина». Мать, Львова Анна Антоновна, проработала большую часть жизни на 2-м Часовом заводе. Это была очень самоотверженная женщина, оставшись одна в молодом возрасте, с ребенком на руках, смогла не просто его поднять, дать образование, а вырастить Человека с большой буквы. Несколько строк, посвященных

памяти родителей Д.С. Львова, могут в какой-то степени объяснить жизненную и гражданскую позицию известного ученого, его научные воззрения и взгляды, которые будут описаны ниже.

В юном возрасте Дмитрий Львов вряд ли думал о том, что его жизнь будет связана с экономической наукой, что он пойдет учиться в экономический вуз, что со временем это станет делом всей его жизни. А тогда в лихие военные и голодные послевоенные годы, он, как и многие мальчишки того времени, учился в школе, писал стихи, дружил с дворовыми ребятами, иногда даже немного хулиганил. С юности его отличала некая артистичность в поведении. Это проявлялось и в манере одеваться — быть непохожим на всех, и в интересе к литературе — прекрасно декламировал Маяковского, сам сочинял стихи. Он рано женился, и вместе с женой, Раисой Афанасьевной, которая училась вместе с ним в школе и институте и которая поддерживала все его начинания, прошел долгий, почти полувековой, нелегкий и одновременно счастливый путь от скромного студента и начинающего научного работника до всемирно известного ученого — академика и общественного деятеля.

В определенный период времени он хотел поступить на курсы дикторов, но его родной дядя посоветовал ему пойти учиться в экономический вуз, и в итоге Д.С. Львов поступил на машиностроительный факультет Московского инженерно-экономического института им. С. Орджоникидзе (ныне — Государственный университет управления). Именно в стенах этого института и раскрылся его не только творческий, но и научный талант, когда, будучи еще студентом, он стал читать лекции своим сокурсникам. Закончил он свою альма-матер в 1954 г. перспективным молодым ученым.

В 1961 г. он защитил кандидатскую диссертацию. В период с 1966 по 1972 г. Д.С. Львов работал в Институте экономики АН СССР. Там же он завершил работу над докторской диссертацией («Основы экономической оценки качества продукции: методологический аспект проблемы») и в 1969 г. стал доктором экономических наук.

Дальнейшая его судьба была связана с Центральным экономико-математическим институтом — сначала АН СССР, затем РАН — куда он поступил в 1972 г., став с 1991 г. заместителем директора института. Связь с ЦЭМИ РАН больше не прерывалась, хотя ему и приходилось в дальнейшем совмещать работу в этом институте с другими многочисленными обязанностями. К 1980-м гг. Д.С. Львов становится признанным авторитетом в экономической науке. В 1987 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР, а спустя семь лет — в 1994 г. — действительным членом РАН.

В 1998 г. Д.С. Львов (не оставляя работу в Отделении экономики РАН, а также в ЦЭМИ РАН) совместно с ректором Государственного университета управления А.Г. Поршневым создал в университете кафедру институциональной экономики. Эта кафедра наряду с другими подобными образованиями нового типа, сочетавшими в себе возможности образовательной и академической системы и возглавляемыми ведущими академиками РАН, вошла в состав Института новой экономики ГУУ, директором, а в последний год своей жизни научным руководителем которого был Д.С. Львов. Судьба Дмитрия Семеновича так распорядилась, что он уже академиком вернулся в стены родного института (преобразованного и переименованного к тому времени в ГУУ), где он получил путевку в жизнь.

Д.С. Львов был неизменно главным редактором журнала «Экономическая наука современной России», членом редколлегии журнала «Экономика и математические методы». Д.С. Львов был членом многих отраслевых и зарубежных академий — Международной академии организационных наук, Международной академии информатики, информационных процессов и технологий, Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, Международной академии информатизации, почетным членом Международной академии менеджмента, иностранным членом Национальной академии наук Украины, почетным доктором Государственного финансово-экономического университета, Института управ-

ления и экономики (Санкт-Петербург), почетным профессором Нижегородского института менеджмента и бизнеса.

Д.С. Львов не был кабинетным ученым, он был трибуном, что особенно проявилось в публичных выступлениях — в прессе, по радио, по телевидению, в многочисленных аудиториях — в особенности в последние два десятка лет. В своих выступлениях он отстаивал необходимость построения справедливой, нравственной экономики, свободной от крайностей чистого рыночного либерализма, от державно-чиновничьего произвола, необходимость изъятия — в пользу народа — природной ренты у нефтегазовых компаний, получавших не принадлежащую им по праву прибыль.

Под руководством Д.С. Львова подготовлен ряд докладов для Президента РФ, Правительства России и Государственной думы, выполнялся большой объем договорных работ по заказам правительственных организаций и ведомств, крупных коммерческих структур, промышленных объединений и регионов России. Д.С. Львов был сопредседателем (наряду с Ю.М. Лужковым) Объединенного научно-экспертного совета РАН и правительства Москвы по устойчивому развитию и безопасности московского мегаполиса, созданного Постановлением Правительства Москвы и Президиума Российской академии наук от 1 июня 2004 г. (№ 349-ПП/39).

Д.С. Львов являлся одним из руководителей научного семинара «Неизвестная экономика», проводимого в ЦЭМИ РАН и посвященного обсуждению наиболее важных проблем экономических реформ в России. В 1996 г. по материалам семинара, проводимого в ЦЭМИ РАН, был издан сборник научных трудов (Труды теоретического семинара под руководством академика Д.С. Львова. Препринт. М.: ЦЭМИ РАН, 1996).

1 июля 1996 г. Д.С. Львов опубликовал открытое письмо, в котором «с чувством высокой ответственности» представил на рассмотрение общественности и властей пять основополагающих вопросов новой экономической политики. Суть письма, подписанного также ведущими российскими академиками и рядом нобелевских лауреатов, сводилась к следую-

Щему. Во-первых, правительство должно играть значительно более важную роль при переходе к рыночной экономике. Во-вторых, серьезные правительственные меры должны быть приняты для предотвращения процесса криминализации экономики. В-третьих, государственные меры необходимы для преодоления депрессии. В-четвертых, необходимы серьезные изменения в сфере социальных отношений. В-пятых, государство должно признать, что если и существует секрет рыночной экономики, то он состоит не в частной собственности, а в конкуренции. К сожалению, это письмо осталось проигнорированным со стороны тогдашнего Президента России и находящихся у власти реформаторов.

За свою научную и общественную деятельность Д.С. Львов был награжден орденами Почета (1999) и Преподобного Сергия Радонежского и Святого благоверного князя Даниила Московского. В 2003 г. стал лауреатом Булгаковской премии. В 2007 г. ему была присуждена премия Российской академии за лучшие работы по популяризации науки – за серию публикаций 1991–2007 гг. в средствах массовой информации, посвященных проблемам современной экономики.

Решением Ученого совета Государственного университета управления от 29 октября 1999 г. Дмитрию Семеновичу Львову присвоено звание «Почетный доктор». Церемония вручения диплома Почетного доктора ГУУ, мантии и медали состоялась 25 ноября 1999 г., в дни празднования 80-летия Государственного университета управления.

Под непосредственным руководством академика Д.С. Львова была сформирована и получила широкое развитие научная школа по методам оценки социально-экономической эффективности инвестиционных проектов и экономических механизмов их реализации. На основе разработанной теории экономических измерений и нормативов эффективности капитальных вложений новой техники были подготовлены государственные нормативно-правовые документы по обоснованию экономической эффективности новой техники и капитальных вложений в экономику России.

В годы, последующие за перестройкой и началом широко-масштабных реформ, Д.С. Львов много внимания уделял разработке концепции доктрины социально-экономического развития России. В основе «доктрины Львова», нацеленной на формирование экономической стратегии России лежал отказ от стандартизованных подходов, предлагаемых в качестве образца для подражания и якобы общих для всех стран с рыночной экономикой. Многие его исследования начинаются с анализа особенностей российского экономического потенциала в самом широком смысле, т.е. с учетом специфики ее экономико-географического положения, природно-ресурсного, технологического, научного, человеческого потенциала. Специфичность российской модели экономического развития, роли России в мирохозяйственной системе, нравственная составляющая экономической политики государства — эти и другие проблемы неизменно находились в центре внимания академика. Для реализации нравственной составляющей им была разработана концепция национального имущества, были даны предложения по формированию государственной политики управления национальным имуществом — и все это исследовалось как часть новой долгосрочной экономической стратегии развития России с учетом специфики хозяйственной структуры. При участии и/или под руководством Д.С. Львова были исследованы проблемы управления уникальным природно-ресурсным потенциалом России, вопросы создания институциональной базы, механизмов и инструментов, гарантирующих обществу четко определенные возможности управления закрепленным за ним имуществом, а также места и роли государственной собственности в социально-экономическом развитии нашей страны.

Особое внимание им уделялось реформированию отношений собственности на природно-ресурсный потенциал на основе развития концепции национального дивиденда с целью обоснования преимущественного права общественной собственности на природные ресурсы и разработки рыночных механизмов его реализации и управления собственностью. По мысли Д.С. Львова, стержневая суть пред-

лагаемой системы должна была состоять в соединении механизма социализации рентного дохода от природных ресурсов с решением сложнейших общественно значимых проблем социально-экономического развития страны. В его планы входило обобщение результатов исследований, вплоть до построения некоей универсальной системы, пригодной для использования не только в России, но и во всем мире — в качестве альтернативы модели глобализации, которая может быть эффективно использована в странах, экономика которых базируется в основном на экспорте природных ресурсов.

Задолго до нынешнего глобального финансового кризиса (появление которого академик предсказывал, основываясь *inter alia* на анализе Б.А. Ерзнкяном динамики транзакционного сектора американской экономики) Д.С. Львов последовательно вскрывал причины глубокого спада российской экономики. Политика «макроэкономической стабилизации» борется не с причиной, а со следствием, «отсюда и низкая результативность использования инструментов макроэкономической политики» (46, 2004. С. 89). Для выхода из депрессии нужна активная кредитно-денежная политика, нужно стимулирование, а не подавление спроса. Правительство должно не только воздействовать на рыночную ставку процента по кредитам с помощью традиционных инструментов денежной политики, но непосредственно осуществлять кредитные вливания в экономику за счет собственных ресурсов: эмиссии денег, размораживания Стабилизационного фонда, отказа от профицита бюджета. Средства, находящиеся под контролем правительства и Центрального банка, должны стать важнейшим ресурсом как пополнения оборотных средств предприятий реального сектора, так и долгосрочных инвестиций. В первые годы выхода из глубокой депрессии Д.С. Львов ставил вопрос о необходимости использования целевой эмиссии для пополнения оборотных средств предприятий, что дало бы возможность полнее задействовать имеющиеся основные фонды. В дальнейшем он делал основной упор на мобилизацию ресурсов для инвестиций в основной капитал, технического

переворужения промышленности: «Представляется правомерной постановка вопроса о ликвидации Стабилизационного фонда, о переходе от профицитного бюджета к дефицитному и об использовании высвобождаемых в результате этого огромных финансовых ресурсов в Инвестиционном фонде» (48, 2007. С. 79). Соответствующим образом должна быть перестроена денежная система. Основными активами Банка России должны стать кредиты правительству и коммерческим банкам, а не золотовалютные резервы. Как подчеркивал Д.С. Львов, такова мировая практика, которую денежные власти России упорно игнорируют.

Важным направлением исследований академика Д.С. Львова по созданию новой доктрины развития являлись работы по обоснованию системы методов и институциональных форм управления переходной экономикой с учетом особенностей воспроизводственной структуры народного хозяйства России. Эти работы открыли новый этап в исследованиях отечественной школы институциональной экономики. По Д.С. Львову, новая социально-экономическая доктрина призвана была создать основы формирования в стране не только эффективной экономики, но и *справедливого общества*. Именно так он понимал миссию доктрины, рассматривая все проблемы не только с чисто научной точки зрения, но и с ярко выраженной гражданской — гуманистической в самом высоком и неискаженном смысле этого слова — позиции. Отсюда и интерес к выявлению места и роли институциональной модернизации социально-экономических отношений — совершенствования институциональной архитектуры социально-экономической системы, реконфигурации существующих институтов, осуществления инновационных изменений за счет выращивания и/или трансплантации в систему новых институтов [см., например, 46, 48, 49].

Сама по себе идея справедливости неоднозначна. В числе ее различных трактовок: 1) социалистическая идея (ориентация на общество как популяцию всех индивидов); 2) справедливость по Роулзу (ориентация на отстающего индивида);

3) уравниловка (ориентация на среднего индивида). Любопытно, что элементы всех перечисленных подходов к объяснению этого понятия естественным образом (именно так – не эклектично, а органично!) уживались в том, что можно назвать *концепцией справедливости академика Львова*, в соответствии с которой (не претендуя на полноту): 1) рухнула не социалистическая идея, а ее конкретная реализация в стране реального социализма; 2) общество не может считаться справедливым, пока не обеспечит каждому индивиду максимальную защиту от риска оказаться самым бедным членом общества, пока не гарантирует наименее обеспеченному его члену максимально возможное благосостояние; 3) уравниловка должна быть в смысле обеспечения общества в целом и каждого гражданина в отдельности (причем как живущего сегодня, так и еще не родившегося – отсюда идея Фонда будущих поколений) доходом от использования природных ресурсов, не созданных нами, а данных, что называется, от Бога (см., например, 46, 48).

В настоящее время в России де-юре утверждается, что идет строительство социального рыночного хозяйства и становление среднего класса, де-факто имеет место расслоение общества на элиту и народ. Это общество двуличное – и в прямом, и в переносном смысле. Одно лицо, по словам Львова, – преуспевающее, кичащееся своими успехами и роскошью, другое – бедное, несчастливое. Изменения же, если и происходят, то касаются не смягчения противопоставления элиты и народа, они лишь затрагивают их структуру и качество. Раньше ведущую роль в элите играла олигархия, теперь положение изменилось в пользу первой, которая и диктует олигархии правила игры и определяет каждому ее представителю свое место, сохраняя им присвоенные богатства в обмен на политическую лояльность и определенные повинности. Что касается народа – молчаливого большинства бедных и потерявших веру и надежду людей, то он, говоря словами С.Ю. Глазьева, реагирует на нравственное разложение властвующей элиты вырождением.

2010 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы Д.С. Львова

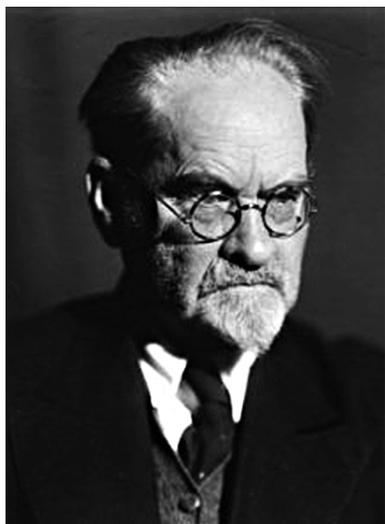
1. Львов Д.С. Основы экономического проектирования машин. М., 1966.
2. Львов Д.С. Экономика качества продукции. М., 1972.
3. Львов Д.С. Эффективное управление техническим развитием. М.: Экономика, 1990.
4. Lvov D.S. Soviet Market Economy. Challenge and Reality – Amsterdam-London-New York-Tokyo: North-Holland, 1991.
5. Львов Д.С., Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М.: Наука, 1992.
6. Львов Д.С., Гельман Л.М. Теория и практика экономических реформ // Экономист. 1993. № 7.
7. Львов Д.С. Курс социально-экономического возрождения России // Российский экономический журнал. 1994. № 1.
8. Львов Д.С., Дементьев В.Е. Финансово-промышленные группы в российской экономике. Препринт. М.: ЦЭМИ РАН, 1994.
9. Львов Д.С. Научно обоснованная альтернатива была и есть // Российский экономический журнал. 1995. № 4, 5 и 6.
10. Львов Д.С., Гребенников В.Г., Зотов В.В. К научному обоснованию экономических реформ в России. М.: ЦЭМИ РАН, 1995.
11. Львов Д., Гребенников В., Зотов В. Как лучше распорядиться ответственностью // Вопросы экономики. 1995. № 9.
12. Львов Д.С. и др. Манифест Арбатского клуба. Крутые ступени к процветанию России. М. Сочи. 1995.
13. Львов Д.С. К научному обоснованию концепции экономических реформ в России // Экономика и математические методы. 1996. № 3.
14. Львов Д.С., Медницкий В.Г., Овсиенко Ю.В. Об оценке эффективности функционирования крупномасштабных хозяйственных объектов // Экономика и математические методы. 1996. Т. 32. Вып. 1.
15. Львов Д.С., Овсиенко Ю.В., Сухотин Ю.В. Социально-экономическое реформирование и теория СОФЭ // Российский экономический журнал. 1996. № 9.
16. Львов Д.С. Альтернативный курс экономической политики // Проблемы теории и практики управления. 1996. № 2.
17. Львов Д.С., Гребенников В.Г., Моисеев Н.Н. Путь российских реформ // Новая и новейшая история. 1996. № 4.

18. Львов Д.С. Реформы глазами американских и российских ученых. М.: Российский экономический журнал. Фонд «За экономическую грамотность», 1996.
19. Львов Д.С., Дементьев В.Е. Новая промышленная политика // Экономист. 1996. № 10.
20. Львов Д.С., Гребенников В.Г., Ерзнкян Б.А. Микроэкономика формирования благоприятного инвестиционного климата (подход на основе трансакционной концепции). Препринт. М.: ЦЭМИ РАН, 1998.
21. Львов Д.С., Гребенников В.Г., Ерзнкян Б.А. Институциональные аспекты формирования благоприятного инвестиционного климата. Препринт. М.: ЦЭМИ РАН, 1998.
22. Львов Д.С. Третий путь в экономике // Экономика, политика, инвестиции. 1998. № 2.
23. Львов Д.С. Третий путь. Вперед или назад к рынку. Минск: Хата, 1998.
24. Львов Д.С. Россия – путь в XXI век // Белорусский экономический журнал. 1998. № 3, 4.
25. Львов Д.С. Центральная проблема – проблема собственности // Экономическая наука современной России. 1998. № 3.
26. Львов Д.С. и др. Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999 (серия – «Системные проблемы России»).
27. Львов Д.С., Моисеев Н.Н. Россия в поисках «Третьего пути» // Экономическая газета. 1999. Июль. № 27 (248).
28. Львов Д.С. Можно бесконечно менять премьеров. Но положение в экономике вряд ли улучшится // Экономика и жизнь. 1999. № 33, авг.
29. Львов Д.С. Экономическая наука и развитие России // Вестник Российской академии наук. 1999, авг. Т. 69. № 8.
30. Львов Д.С. Реформы в России и «Вашингтонский консенсус» // Журнал для промышленников «МОСТ». 1999, июль. № 6 (26).
31. Львов Д.С. Будущее российской экономики. Экономический манифест // Экономическая наука современной России. 1999. № 3.
32. Львов Д.С. Задачи экономической науки и формирование экономической политики государства // Экономическая наука современной России. 1999. № 2. С. 9–22.
33. Львов Д.С. Третий путь предлагает для России академик Дмитрий Львов // Рабочая трибуна. 1999. № 200.
34. Lvov D.S., Moiseev N.N., V.G.Grebennikov V.G. A Conception of Russia's Socioeconomic Development // Matecon. 1999. Vol. 32. No. 4.

35. Львов Д.С. Развитие экономики России и задачи экономической науки. М.: Экономика, 1999.
36. Львов Д.С. Экономическая модель XXI века // Независимая газета. 1999. 29 дек. № 19.
37. Львов Д.С. Пора отказаться от догм // Поиск. 2000. № 44.
38. Львов Д. Экономика России, свободная от стереотипов монетаризма // Вопросы экономики. 2000. № 2.
39. Львов Д.С. Экономический манифест – будущее Российской экономики. М.: Экономика, 2000.
40. Львов Д.С. Свободная экономика России: взгляд в XXI век. М.: Экономика, 2000.
41. Львов Д.С., Макаров В.А., Клейнер Г.Б. Экономика России на перепутье веков. М.: Управление Мэра Москвы, 2000.
42. Львов Д., Гребенников В., Устюжанина Е. Концепция национального имущества // Вопросы экономики. 2001. №7.
43. Львов Д.С. Экономика развития. М.: Экзамен, 2002.
44. Львов Д.С. Перспективы долгосрочного социально-экономического развития России // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 8.
45. Львов Д.С. Экономический механизм развития России. М.: ГУУ, 2004.
46. Львов Д.С. Экономический рост и качество экономики. М.: Гудок, 2004.
47. Львов Д.С. Вернуть народу ренту. М.: Алгоритм, 2004.
48. Львов Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего. М.: Институт экономических стратегий, 2007.
49. Львов Д.С., Зотов В.В., Ерзнкян Б.А. К теории институтов и институциональных преобразований / Теория и практика институциональных преобразований в России: Сб. науч. трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып.8. М.: ЦЭМИ РАН, 2007.
50. Львов Д.С., Клейнер Г.Б. Экономическая теория и хозяйственная практика: смертельные объятия или взаимная поддержка? // Наследие академика Д.С. Львова: экономика развития и развитие экономики / Научные труды ЦЭМИ РАН под ред. Г.Б. Клейнера, В.Г. Гребенникова, Б.А. Ерзнкяна. М.: ЦЭМИ РАН, 2009.
51. Львов Д.С., Зотов В.В. Кризис имущественных отношений // Наследие академика Д.С. Львова: экономика развития и развитие экономики / Научные труды ЦЭМИ РАН под ред. Г.Б. Клейнера, В.Г. Гребенникова, Б.А. Ерзнкяна. М.: ЦЭМИ РАН, 2009.

Литература о Д.С. Львова

- Львов Дмитрий Семенович // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 4. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1980. С. 639.
- Львов Д.С. Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Институт новой экономики, 2008.
- Львов Д.С. Московская энциклопедия. Лица Москвы. Т. 1. Кн. 2.
- Ситарян С.А.* Д.С. Львов – крупнейший экономист российской школы // Наследие академика Д.С.Львова: экономика развития и развитие экономики / Научные труды ЦЭМИ РАН под ред. Г.Б. Клейнера, В.Г. Гребенникова, Б.А. Ерзнкяна. М.: ЦЭМИ РАН, 2009.
- Татевосян Г.М.* Научные исследования в лаборатории Д.С. Львова (в 1973–1985 гг.) // Наследие академика Д.С. Львова: экономика развития и развитие экономики / Научные труды ЦЭМИ РАН под ред. Г.Б. Клейнера, В.Г. Гребенникова, Б.А. Ерзнкяна. М.: ЦЭМИ РАН, 2009.
- Клейнер Г.Б.* Экономика развития академика Д.С. Львова // Наследие академика Д.С.Львова: экономика развития и развитие экономики / Научные труды ЦЭМИ РАН под ред. Г.Б. Клейнера, В.Г. Гребенникова, Б.А. Ерзнкяна. М.: ЦЭМИ РАН, 2009.
- Белкин В.Д., Стороженко В.П.* Кризис высветил правоту академика Д.С. Львова // Наследие академика Д.С. Львова: экономика развития и развитие экономики. / Научные труды ЦЭМИ РАН под ред. Г.Б. Клейнера, В.Г. Гребенникова, Б.А. Ерзнкяна. М.: ЦЭМИ РАН, 2009.
- Ерзнкян Б.А.* Львовские чтения (2008–2009): развивая идеи Д.С. Львова // Наследие академика Д.С. Львова: экономика развития и развитие экономики / Научные труды ЦЭМИ РАН под ред. Г.Б. Клейнера, В.Г. Гребенникова, Б.А. Ерзнкяна. М.: ЦЭМИ РАН, 2009.

**МАСЛОВ
ПЕТР ПАВЛОВИЧ
(1867–1946)**

Петр Павлович Маслов – русский и советский экономист, историк, публицист, политический деятель – родился 15 июня 1867 г. в деревне Масловка Уйской станицы Оренбургской губернии в казачьей семье.

В своей автобиографии он писал: «Учился сначала у скитниц, а потом в Троицкой гимназии. Гимназистом 14 лет в первый раз привлекался по политическому делу. В 1887 г. студен-

том 1 курса был выслан из Казани во время студенческих беспорядков. В 1889 г. студентом 2-го курса Ветеринарного института в Харькове был снова арестован по казанскому делу, а потом выслан в Самару»¹. В течение 2-х лет «лишенный письменных принадлежностей, но получая книги по экономике, я писал свои теоретические соображения металлической гребенкой на книгах, выдавливая буквы зубцами гребенки, и раз в неделю заполнял своими теоретическими соображениями листы бумаги, выдававшиеся для писем к родным. По выходе из узилища меня постигло первое разочарование. Все мои записи гребенкой на книгах в сыром цейх-

1. Личный фонд. Архив Российской академии наук.

гаузе тюрьмы сгладились и от моей двухлетней работы ничего не осталось. Осталась лишь моя рукопись «Критика теории Маркса...». В начале девяностых годов я послал ее в Петербург группе марксистов, в которой были П. Струве, А. Потресов и В. Ульянов (Ленин). По приезде в Петербург получил от этой группы предложение принять участие в первом предполагавшемся тогда к изданию марксистском сборнике» (Маслов, 1923(а). С. 27–28).

Переписывался с членами марксистского кружка Н.Е. Федосеева. В 1893–1894 гг. сотрудничал в «Самарской газете». В 1895–1896 гг. изучал политическую экономию в Венском университете у профессора политэкономии Филипповича. Затем снова вернулся в Самару и редактировал первую легальную марксистскую газету «Самарский вестник», которая существовала недолго и была закрыта. После этого Маслов переезжает в Петербург и здесь работает до 1901 г. в первых марксистских журналах «Научное обозрение», «Жизнь», «Начало», где публикует статьи по теоретической политэкономии и аграрным проблемам. По поводу одной из статей П. Маслова (К аграрному вопросу. «Жизнь». 1901. № 3–4) у В.И. Ленина есть упоминание: «интересная статья», «содержит много верных замечаний» (Ленин, т. 5. С. 121). В 1901 г. за участие в демонстрации у Казанского собора против отдачи студентов в солдаты за различные политические выступления П.П. Маслов вместе с рядом литераторов и публицистов был выслан из Петербурга. Во время трехлетней ссылки в Саратов он руководит земскими исследованиями кустарных промыслов в Саратовской губернии и пишет работу «Кустарные промыслы в г. Кузнецке». Это статистическое исследование, как отмечается в «Характеристике научной деятельности П.П. Маслова», хранящейся в его личном фонде, оказало Маслову значительную помощь в его последующих теоретических работах, отличающихся оригинальным сочетанием широких теоретических обобщений с тонким анализом конкретных данных, относящихся ко всем сторонам народного хозяйства вообще, и в первую очередь сельского хозяйства.

Начало научной деятельности П.П. Маслова было связано с исследованием аграрного вопроса. Эта тема стала магистральной на фоне многих других его научных интересов. В 1903 г. в Петербурге П. Маслов выпускает свою первую книгу «Условия развития сельского хозяйства в России. Опыт анализа сельскохозяйственных отношений», посвященную теории развития аграрных отношений. Книга включала 17 глав, состояла из двух частей: I часть — «Общие условия развития сельского хозяйства» и II часть — «Крестьянское хозяйство в России». В последующих изданиях эта книга выходит под названием «Аграрный вопрос в России» Т. I. В 1907 г. вышел 2 том «Аграрный вопрос. Кризис крестьянского хозяйства и крестьянское движение». Книга выдержала 6 изданий, вышла в немецком переводе. В предисловии автор писал, что экономисты «теоретически слишком мало посвящали внимания земледелию, и кроме теории земельной ренты, еще и теперь спорной, которая излагается «без всякой связи с развитием земледелия», не установлено основных теоретических посылок, освещающих огромный цифровой материал. В вопросах сельскохозяйственной экономики существует так много предрассудков и путаницы, что, прежде всего, необходимо наметить основные законы сельскохозяйственного развития вообще, и законы, определяющие при различных условиях исход борьбы крупного и мелкого хозяйства — в частности» (Маслов, 1903, с. 1). Он полагал, что аграрный вопрос в России не сводится к вопросу об общине, развитию капитализма, дифференциации крестьянства, причем эти вопросы «не связывались с общим процессом хозяйственной эволюции страны и рассматривались независимо от него». Он отмечал, что предложенные классификации истории народного хозяйства не отражают специфики развития сельского хозяйства, что при таком огромном значении аграрного вопроса экономическая теория чрезвычайно мало уделяет внимания аграрным отношениям.

В книге изложена теория некапиталистической ренты (продовольственной аренды), которая существует при капи-

талистических отношениях наряду с капиталистической рентой. В последующих изданиях П. Маслов определял ренту «некапиталистической», поскольку она формировалась в условиях, когда «не сложились капиталистические отношения в сельском хозяйстве». В случае некапиталистической ренты арендаторы земли ведут хозяйство, чтобы «иметь место для приложения своего труда и, по выплате арендной цены, получить с земли средства, необходимые для существования... когда продуктов, получаемых с собственных участков земли, недостаточно для сносного существования» (Маслов, 1903. С. 137, 295).

В наличии значительного аграрного перенаселения, огромного спроса на земельные участки, нищеты населения, низкой производительности труда он видел причины более высокого уровня некапиталистической арендной платы по сравнению с капиталистической рентой, поскольку в условиях малоземелья «для поддержания существования крестьянин должен арендовать землю во что бы то ни стало и дать большую арендную плату против капиталистической ренты, чтобы землевладелец предпочел сдать землю этому крестьянину, а не вести собственное хозяйство и не сдать в аренду предпринимателю-капиталисту» (Там же. С. 138). Отношения, связанные с продовольственной (некапиталистической) рентой Маслов считал преобладающими в сельском хозяйстве России. Маслов разъяснил то социальное явление, которое впоследствии экономисты организационно-производственной школы рассматривали как подтверждение особых преимуществ мелкого потребительского крестьянского производства по сравнению с крупным, поскольку мелкое хозяйство уплачивает более высокую арендную плату по сравнению с капиталистическим.

П. Маслов раскрывает и механизм формирования продовольственной ренты, который определяется не капиталистической категорией прибыли и не разницей между издержками производства и рыночной ценой, поскольку крестьянин нуждается в хлебе не для продажи и получения барышей,

а для пропитания, «maximum ее определяется разницей между суммой необходимых для существования населения продуктов и суммой продуктов, которую производят арендаторы и на своей, и на арендованной земле» (там же. С. 140). Ее факторами, в противоположность капиталистической ренты, которая возрастает при росте неземледельческого населения, росте цен, техническом прогрессе, расширении местного рынка, являются избыточность земледельческого населения, малоземелье, падение цен, технический застой.

П.П. Маслов выдвигает положение о борьбе между этими двумя формами хозяйства и показывает географическое распределение капиталистической и некапиталистической аренды. Преобладание того или другого типа хозяйств он связывает с преобладанием того или иного фактора в развитии экономики — роста производительности труда или тенденции к «рассеянию земледелия» (термин, введенный Масловым, означающий перераспределение производительных сил в пользу промышленности, рост производства земледельческих продуктов в странах редконаселенных, располагающих новыми землями и ведущих более экстенсивное хозяйство, и его относительное сокращение в странах промышленных и густонаселенных). Основным фактором хозяйственного развития П. Маслов считал состояние и развитие производительных сил, которое влияет на формы хозяйства. В тех регионах России (главным образом на юге и юго-востоке), где происходит рост производительности земледельческого труда, растет капиталистическая земельная рента, что ведет к преобладанию крупного капиталистического производства, вытеснению потребительного земледельческого хозяйства. В тех же районах (прежде всего центр европейской России), где производительность падает, «капиталистическое хозяйство уступает мелкому продовольственному хозяйству, которое повышением некапиталистической ренты вытесняет первое», «падение производительности труда более благоприятно для существования мелких хозяйств» (Маслов, 1903. С. 153, 179, 348). Процесс развития крупного производства

Маслов связывал с развитием производительных сил. При падении производительных сил может происходить обратный процесс — образование мелких хозяйств из крупных.

В развитии сельского хозяйства ученым были установлены два фактора развития — технический уровень и культура земли (производительность труда и урожайность), что, по его мысли, имело первостепенное значение для понимания условий развития хозяйства, давало ключ к объяснению многих хозяйственных явлений. В частности объясняло, «почему сельское хозяйство экстенсивных стран побеждает в конкуренции страны с интенсивным хозяйством, пользующиеся самой высокой техникой», почему «мы находим при одинаковых технических условиях совершенно различную культуру земли...» (Маслов, 1903. С. 381, 385).

Монография П.П. Маслова «Аграрный вопрос в России» вызвала значительный отклик в литературе не только критического характера. В обобщающем документе, посвященном характеристике научной деятельности П.П. Маслова, отмечается, что монография ученого обратила на себя всеобщее внимание и сыграла огромную роль в исследовании сельского хозяйства России. «Труд Маслова представлял огромный прогресс в решении спора о тенденциях развития сельского хозяйства России»².

В том же 1903 г. П.П. Масловым был написан проект аграрной программы социал-демократической партии. С 1990-х гг. он принимал участие в социал-демократическом движении. После II съезда РСДРП Маслов примкнул к меньшевикам и оставался в их рядах до 1917 г., после революции он полностью отошел от политической деятельности. В 1906 г. на IV съезде партии Маслов (Джон) был докладчиком по аграрному вопросу. Аграрные проблемы нельзя назвать сильной стороной марксистской теории. Классовый подход с позиции интересов пролетариата, социалистической революции и последующего социалистического строительства определял

2. См. Личный фонд П.П. Маслова. Архив РАН.

отношение к крестьянству, которое трактовалось как мелкобуржуазное по своей природе.

В.И. Ленин так и формулировал задачу: «Определить, что требуют на почве этих реальных экономических перемен интересы развития производительных сил и интересы классовой борьбы пролетариата» (Ленин, т. 16. С. 235). Аграрные отношения в России были чрезвычайно сложны. Принятая до этого аграрная программа с требованием возвращения крестьянам «отрезков», т.е. земель, отрезанных у крестьян при проведении реформы 1861 г., показала свою полную несостоятельность.

Предложенный Масловым проект аграрной программы РСДРП был принят на IV съезде РСДРП. Программа, которая вошла в историю как программа муниципализации земли, предполагала сочетание различных форм собственности на землю: частную собственность крестьян и мелких землевладельцев на принадлежавшую им землю, общественную собственность на конфискуемые земли в форме национализации (леса, воды, переселенческий фонд) и муниципализацию частновладельческих земель — передачу их в распоряжение местных органов самоуправления (в случае неблагоприятных условий развития революции — раздел помещичьих земель в частную собственность крестьян). Объясняя свою позицию по отношению к крестьянству, Маслов подчеркивал, что «защита мелкой собственности требуется нам не в видах упрочения мелкой собственности³, а в интересах развития производительных сил страны и в видах освобождения мелких собственников от чрезмерной эксплуатации и от пережитков феодализма». Он исходил из того, что пролетариат заинтересован в демократизации земельной собственности и доходов от земли, поэтому «задачей социал-демократии и при каких бы то ни было формах капиталистического строя остается требование от органов областного демокра-

3. Маслов писал в аграрной программе: «В интересах защиты мелкой собственности (а не развития мелкой собственности) для уничтожения крепостнических кабальных отношений, мешающих свободному развитию демократического строя».

тического управления защиты интересов трудящихся масс». В этих целях и предполагалась передача частновладельческих земель (крупное землевладение) самоуправляющимся крупным областным организациям. Он считал, что «идея областного правления конфискованной землей близка населению». Это сделает возможным «экспроприировать или земли, или доходы, вытекающие из монопольного владения ею, как противоречащего интересам всех других классов, кроме монопольных владельцев»⁴. П. Маслов считал, что попытка национализировать крестьянские земли повела бы к контрреволюционному движению, к всеобщему восстанию крестьян: «Мы имели бы не одну Вандею»⁵. Национализацию земли он считал безнадежно утопичной (Маслов, 2005. С. 20).

История рассудила этот спор. Гвоздь вопроса, по В.И. Ленину, состоял в том, «почему крестьяне не боятся национализации своих земель». Ответ заключался в общих условиях всего мелкого крестьянского землевладения, задавленного крепостническими латифундиями, в том, что крестьяне не стали действительными собственниками, а были номинальными владельцами своих наделных земель, «они инстинктивно поняли необходимость уничтожения всей средневековой поземельной собственности» (Ленин, т. 17. С. 241, 246, 248). Но нельзя обойти вниманием попытку П. Маслова в программных документах учитывать интересы крестьянства.

Аграрные дискуссии в начале XX века приняли ожесточенный и всеохватывающий характер. В них принимали участие все политические партии. В 1907 г. Маслов признает, что «все народнические группы (народные социалисты, социалисты-революционеры) высказываются за национализацию земли в той или иной форме». При издании книги «Аграрный вопрос в России» (издание 6-е, дополненное)

-
4. Маслов П.П. Предисловие // Аграрная программа социалистических партий в Западной Европе и России. С. 57, 58.
 5. Протоколы Объединительного съезда РСДРП, состоявшегося в Стокгольме в 1906 г. М. 1907. С. 40.

в 1926 г. автор исключил страницы, посвященные спорам об аграрной программе социал-демократии (спор о муниципализации). Исключена была также глава, посвященная полемике автора по вопросу об абсолютной ренте, что в свое время подвергалось резкой критике В.И. Лениным, обосновывающим верность позиции К. Маркса. Именно в отрицании категории абсолютной ренты Ленин видел причину недооценки Масловым значения национализации земли (Ленин. Т. 17. С. 260). Идея муниципализации земли, инициатором которой был П.П. Маслов, вызвала широкое обсуждение и нашла отражение в периодической печати и научной литературе. В.И. Ленин считал, что в капиталистическом государстве частная собственность на землю и национализация не могут существовать параллельно. Одна из них должна взять верх. Дело рабочей партии отстаивать более высокую систему (Ленин. Т. 17. С. 166). Хотя в аграрной программе, принятой на IV съезде, содержалось требование воспреещения продажи в частные руки общественных земель.

Проблема земельной собственности, до сих пор остающаяся насущной проблемой экономического развития, не получила еще своего окончательного решения. Аграрный биметаллизм, предлагаемый П. Масловым в начале XX века, — сочетание частной и общественной форм собственности на землю, не нашедший в то время воплощения, в настоящее время встречается в экономическом устройстве земельных отношений ряда стран. Однако он не получил своего окончательного разрешения в мировой практике и опыте отдельных стран. Проблема муниципализации земли была тесно связана с экономической базой местного самоуправления, соотношением местной и центральной властей, федерализмом.

В 1905 г. Маслов переехал в Москву, где редактировал газету «Правда», «Московскую газету». За редактирование последней был осужден к заключению в крепости на 2 года (1906 г.). В первом номере «Правды» за 1906 г. была опубликована статья П. Маслова «Русская революция и народное хозяйство». Маслов писал об общем промышленном

и финансовом кризисе, охватившем экономику, вызвавшем обеднение страны и хищническое хозяйничанье, об огромных суммах, высасываемых из населения в виде прямых и косвенных налогов, затрачиваемых во вред этому населению на жалованье угнетателей, начиная с высших представителей администрации... или расхищаемых бесконтрольно представителями администрации».

За «предприимчивость правительства в займах иностранных капиталов страна вывозит чуть ли не половину необходимых продуктов... снабжая Европу продуктами, которые вырываются из рук голодного населения, торгоя в 1903 г. из-за границы дает менее $\frac{2}{3}$ стоимости вывоза, а в 1904 – немного больше $\frac{1}{2}$ ». Первый и наиболее сильный толчок для хозяйственного развития, считал он, даст изменение хозяйственных и правовых условий в деревне, расширение крестьянского землепользования, сокращение платежей крестьян и переход в их пользование помещичьих земель. В начале 1908 г. П.П. Маслов эмигрировал за границу и оставался там до середины 1913 г.

Дальнейшее исследование закономерностей развития народного хозяйства России и стран Западной Европы, уже не связанное напрямую с острейшими и сложнейшими проблемами идейной борьбы вокруг вопросов грядущей революции в России, становится важнейшим направлением научной деятельности П.П. Маслова. В изучении этой проблемы он оставил, несомненно, значительный научный след, может быть, до сих пор не оцененный.

Находясь в эмиграции, он написал книгу «Теория развития народного хозяйства. Введение в социологию и политэкономия» (СПб., 1910). В этой давно задуманной книге, поскольку и такой вопрос, как аграрный, может быть исследован, когда есть «ясное представление об общем процессе развития народного хозяйства», П. Маслов выдвинул положение, что «теория развития общественного (народного) хозяйства должна служить основанием для построения политической экономии и социологии, и является необходимым

введением в эти науки» (Маслов, 1910. с, V). Политическая экономия, считал он, должна «теоретически охватить все народное хозяйство. Все формы современного хозяйства развились последовательно из других уже отживших или отживающих хозяйственных форм. Поскольку лишь проследивши весь процесс хозяйственного развития общества, мы можем изучить и понять весь механизм современного экономического строя» (Маслов, 1910. С. 5,9). Книга была издана одновременно на русском и немецком языках, затем переведена на французский.

По возвращении из эмиграции Маслов работал сначала в Петербурге, но был выслан оттуда. Затем работал в Москве.

Методология П.П. Маслова в исследовании развития народнохозяйственных процессов строилась по принципу выделения «одной руководящей идеи». В развитии производительных сил он находит ту «основную нить, которая тянет общество по пути хозяйственного развития», выступает как решающий фактор хозяйственной эволюции. Он считал, что развитие производительных сил ведет к реорганизации производства, технический прогресс влияет на формы и системы производства, на формы и организацию хозяйства.

Маслов дал определение понятиям «формы и типы хозяйства», провел разграничение между «системой хозяйства, определяемой экстенсивным и интенсивным приложением труда», и понятием «организация хозяйства», определяемым размерами общественной организации производительных сил (например, общинное хозяйство, национальное хозяйство, мировое хозяйство). Он считал, что производственные отношения тесно связаны с формами производства и организацией народного хозяйства. Развитие форм производства и организации народного хозяйства является вместе с тем и развитием производственных отношений, на которых базируются как организация производства, так и его формы (Маслов, 1925. С. 14).

Он соглашался с мнением В. Зомбарта, что в классификации, предложенной К. Бюхером (домашнее произ-

водство, работа по заказу, ремесло, производство на скупщика и фабрика), произошло смешение формы производства и организации хозяйства (Маслов, 1903. С. 69). И своим историческим анализом Бюхер захватывает только часть народного хозяйства — индустрию. Земледелие исчезает в этой классификации.

Исследование истории народного хозяйства — вторая крупная научная проблема, которой посвящено творчество П.П. Маслова, — осуществлялось и в рамках многотомного труда «Общественное движение в России в начале XX века» (тт. I–IV. СПб. 1909–1914 гг.), который вышел под редакцией Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Это издание отражало идеологию меньшевизма особого исторического периода, наступившего после первой буржуазно-демократической революции в России, его основные программные и тактические идеи.

В статье «Развитие народного хозяйства и влияние его на борьбу классов в XIX веке» П.П. Маслов выступает против оценки буржуазии как «безнадежно реакционного класса», отмечает, что «сила и значение буржуазии не только недооценивались, но и историческая роль этого класса рассматривалась вне исторической перспективы». В итоге он делал вывод о том, что лозунг диктатуры пролетариата и крестьянства противоречил бы «всему ходу хозяйственного развития»⁶.

В этом же русле исследования закономерностей экономического развития им были написаны две книги: «Капитализм». Ч. 1 «Наемный труд и заработная плата» (СПб. 1914) и «Общедоступный курс истории народного хозяйства с первобытных времен до XX столетия» (СПб. 1914). Перед выходом 6-го издания этой книги в печати появилась такая оценка: «Книга проф. Маслова в рекомендации не нуждается.

6. Маслов П.П. Развитие народного хозяйства и его влияние на борьбу классов в XIX веке // Общественное движение в России в начале XX века. Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. I. Предвестники и основные причины движения. СПб. 1909. С. 643–662. Этот вывод, как и вся концепция, положенная в основу данного издания, вызвал резкую критику В.И. Ленина (См.: Ленин. Т. 19. С. 45, 63–64, 66, 136–137, 138 и др.)

Со времени ее выхода в свет первым изданием у нас не появилось ничего такого, что можно было бы поставить наряду с этой книгой... Книга проф. Маслова является, в чисто исторической своей части, прекрасным учебником по эволюции народного хозяйства»⁷.

Цикл работ по исследованию экономических предпосылок и итогов Первой мировой войны⁸ завершался статьей «Экономические перспективы и экономическая наука». Обрушавшаяся на человечество мировая катастрофа приводит Маслова к выводу, что «экономическая наука, занятая обслуживанием существующего экономического строя, не только ничего не предвидела, не только никого не предостерегала, а толкала на этот путь»⁹. Экономическая наука, разделившись на ряд прикладных наук и достигнув в специальных отраслях значительных успехов, в целом не попыталась встать выше частнопредпринимательской точки зрения. В то же время мировая война выявила, по мнению Маслова, необходимость «перестройки социально-экономических отношений в рамках существующего капиталистического строя» — национализации предприятий в некоторых отраслях, установления и контроля рабочих над частными предприятиями, перераспределения национального дохода, организации общественных и государственных работ (чтобы ослабить бедствия безработицы), высокого обложения непроизводительного потребления и высоких доходов, сокращения количества паразитарных элементов общества. Все эти меры не подсказаны теоретической мыслью. Этим путем постепенно шла практика жизни. К этому толкали и широко понимаемые интересы развития народного хозяйства. В этой связи Маслов обращается к положению, выдвинутому в его

7. «Книгоноша». № 17. 1925.

8. Война и демократия. М. 1916; Итоги войны и революции. М. 1918; Экономические причины мировой войны. М. 1915 (2-е издание — 1917).

9. Маслов П. Экономические перспективы и экономическая наука // Экономическое обозрение. Сборник статей по экономике, статистике и социальной политике. Под ред. П.П. Маслова. П. 1917. С. 15.

«Теории развития народного хозяйства», о том, что главными факторами развития производительных сил являются расширение производства предметов народного потребления, расширение массового потребления и развитие внутреннего рынка. Конкретизируя применительно к ситуации в России (в силу ее экономической отсталости) меры экономической политики, Маслов особо подчеркивает необходимость расширения производительного использования труда (которое выходит за рамки «тейлоризации» труда, т.е. использования только наиболее производительного труда), сокращения непроизводительного потребления. К специфическим мерам он относит временное преобладание ввоза (в основном средств производства, особенно сельскохозяйственных орудий) над вывозом, полный отказ от вывоза необработанного сырья. Рассматривая в аспекте вставших народнохозяйственных задач установки русской буржуазии, он отмечает отсутствие у нее способности предвидеть последствия кризиса, «близорукость русских промышленников», сосредоточивших «все свое внимание на том, чтобы урвать побольше прибылей»¹⁰.

Для П. Маслова была очевидной неизбежность перемен и невозможность «экономического возрождения» без включения новых факторов в хозяйственное развитие и изменения характера использования национального дохода¹¹, переход к широко понимаемым интересам развития народного хозяйства, преодолевающим частнопредпринимательский подход, постановку проблемы «непроизводительного потребления» и в целом проблемы потребления как важнейшего раздела политической экономии.

Впоследствии в монографии «Мировая социальная проблема» (Чита. 1921. С. 18, 20, 180, 230 и др.) он напишет: «Война, вызванная капиталистическим строем, и все бедствия ее, показывают, что в капитализме и психологии, с ним связанной, существуют элементы, опасные для самого суще-

10. Маслов П. Экономические перспективы и экономическая наука. С. 4.

11. Там же. С. 8

ствования человечества, но решение самой проблемы гораздо сложнее, чем это представляется социальным реформаторам-революционерам или эволюционистам». Социалистическое мировоззрение могло ожидать блестящее будущее, если бы оно избежало опасности превратиться в «мировоззрение, основанное на вере, а не на опытах и знании»: «социализм ставил в основу своей практической политики проблему *распределения* национального дохода без постановки рядом проблемы развития производства, развития производительных сил», проблемы накопления национального капитала и его рационального использования, использования «тех могучих средств, которыми пользуется капитализм для увеличения продукции».

В 1917 г. П.П. Маслов входит в Распорядительный комитет межпартийной Лиги аграрных реформ наряду с другими известными экономистами – А.В. Чаяновым, М.И. Туган-Барановским, С.А. Масловым, Б.Д. Бруцкусом и др. Лига аграрных реформ, просуществовавшая до 1918 г., была задумана как научная организация для обсуждения основных проблем аграрной реформы в России. П.П. Маслов являлся членом редакционного комитета, готовившего издание статистических справочников, сборников по аграрному законодательству и других материалов по аграрному вопросу. С его предисловием вышел сборник «Аграрные программы социалистических партий в Западной Европе и России», 5 изданий выдержала в 1917 г. его брошюра «Политические партии и земельный вопрос».

С Октябрьской революцией завершается его активная политическая деятельность. Его практическая и научная деятельность становится многограннее. В 1918 г. П.П. Маслов читает курс лекций по истории народного хозяйства в Омском сельскохозяйственном институте, в 1919–1920 гг. он возглавляет кафедру политической экономии в Иркутском университете; в 1921–1922 гг. Маслов был деканом Читинского института народного образования. В эти годы П.П. Маслов сотрудничает с Всероссийским Центральным Союзом потре-

бительских обществ и пишет ряд работ, посвященных кооперации и ее проблемам¹².

Маслов видит в кооперации наряду с частным капиталом один из источников для решения острейшей народнохозяйственной проблемы — накопления национального капитала. В государственных и муниципальных структурах расходы всегда превышают доходы. Причем в рамках кооперации накопление капитала осуществляется в общественных формах, «наиболее полезных и предпочтительных в интересах широких масс населения». Признав кооперацию возможным существенным фактором народнохозяйственного и социального развития общества, Маслов ставит задачу научного изучения кооперации как хозяйственного предприятия, поскольку отсутствие исследований экономических проблем кооперации болезненно сказывалось на ее развитии, приводило к тому, что масса усилий и начинаний в этой области пропадали бесследно, кооперация разрушалась. В условиях, когда кооперация может выступить «крупным фактором общественно-хозяйственной жизни», крайне недостаточны эмпирические решения в хозяйственной практике, необходимо формирование обоснованной экономической политики, направленной на образование крупных кооперативных объединений, и накопление капитала.

Вопрос об образовании крупных кооперативных объединений с быстро накапливающимся капиталом и его наиболее производительном использовании он определил как «вопрос вообще о существовании кооперации как сколько-нибудь значительного фактора хозяйственной жизни страны», как единственный путь, ставящий кооперацию «на твердую почву» и дающий возможность выдержать конкуренцию с крупным капиталом, учитывая, что частный крупный предприниматель обладает максимальной возможностью накопления и не

12. Маслов П.П. Кооперация и народное хозяйство. Омск, 1919 г.; Теория кооперации. Чита. 1922 г.; Основы кооперации и условия накопления кооперативного капитала. М.—Л., 1925 г., изд. 2-е; Справочник стоимости привоза товаров из всех уездов СССР до Москвы и ближайшего морского порта. Всероссийский Центральный Союз потребительских обществ. М. 1925 г.

«подвергается такой опасности самоуничтожения, потому что он и не ставит себе каких-либо культурных заданий и не имеет в виду улучшения положения трудящихся»¹³, т.е. те цели, которые присущи кооперации. Констатируя огромные преимущества частного капитала в экономической борьбе, П. Маслов в этой связи по-новому освещает проблему экономического поведения кооперации. Кооперация должна не только планомерно и лишь пропорционально увеличению производительных трат осуществлять «непроизводительные» траты (повышение материального благосостояния своих членов и их культурного уровня), но и опереться в экономической борьбе на свои преимущества, а именно: на обеспеченность широкого рынка. По условиям сбыта товаров – решающего элемента функционирования предприятия в рыночной экономике – кооперативные объединения находятся в привилегированном положении, поскольку сразу могут иметь «точно установленный широкий рынок» – рынок, обеспеченный системой местных кооперативов, совокупностью потребителей, входящих в объединение и являющихся его пайщиками. В связи с этим и кооператоров следует готовить не только в смысле усвоения идеологии кооперации, но и в хозяйственном отношении, ибо, как замечает Маслов, хозяйственно-практическая сторона кооперации и является «фундаментом для тех идеологических цветов кооперативного дела, которые его украшают»¹⁴. Дальнейшее кооперативное развитие, считал П. Маслов, должно идти по пути, проложенному в народном хозяйстве частным капиталом, и не должно ограничиться сферой обмена, а охватить и производство. Причем и в этой области, помимо преимуществ сформированного рынка, кооперация может опираться на широкую массу потребителей, «к которой она может легче частного предпринимателя подойти через мелкие кооперативы», а местные кооперативы предстают как готовый аппарат собирания исходного мате-

13. Маслов П. Кооперация и народное хозяйство... С. 15, 16, 17.

14. Там же. С. 18–19.

риала для обработки и сбыта готовых изделий. Маслов коснулся и общих перспектив кооперации, которые он связывал с международным кооперативным союзом, который в числе прочих задач может выполнять и функции «международной кооперативной биржи, центра экономических международных взаимоотношений между кооперативами»¹⁵. Касаясь частных задач, он предсказал большую будущность жилищной кооперации.

П.П. Маслов продолжает исследования истории народного хозяйства и после революции. Итоговыми работами в этой области, синтезирующими предыдущие исследования, являются монография «Наука о народном хозяйстве», выдержавшая два издания – в 1920-м и 1923-м г.; «Курс истории народного хозяйства», выдержавший 6 изданий (6-е издание: М.–Л. 1925 г.); «История хозяйственного быта Западной Европы и России» (2-е издание – Омск. 1920 г.). «Наука о народном хозяйстве», по замыслу автора, в этом цикле исследований выступала в качестве теоретического объяснения явлений эволюции народного хозяйства, раскрывала экономические законы, ее определяющие, две другие книги были посвящены изложению исторического процесса хозяйственного развития.

Исследования Маслова были направлены на раскрытие закономерностей развития организации современного сложного народного хозяйства из самых простых примитивных его форм. Опираясь на труды К. Бюхера, В. Зомбарта, Г. Шмоллера, полемизируя с ними, автор выдвигает собственную оригинальную классификацию ступеней хозяйственного развития: 1) изолированное хозяйство; 2) общинное; 3) районное (по терминологии Бюхера – городское), которое не получило достаточного развития в России, что определило существенное различие между европейским и русским строем города, подвижность ремесла и торговли, особую роль купечества в России, сохранение экономической связи между

15. Маслов П. Кооперация и народное хозяйство... С. 28.

территориями и в условиях политической раздробленности; 4) национальное; 5) мировое. Ступени хозяйственного развития выделяются в соответствии с характером экономической связи между отдельными хозяйствами, развитием организации общественных производительных сил.

Маслов дал свое толкование таким понятиям, как формы и типы хозяйств, и их связи с организацией хозяйства, производственными отношениями; установил влияние развития производительных сил на разные формы и типы хозяйств, на перераспределение производительных сил между разными отраслями экономики; провел разграничение между системами хозяйства, определяемыми экстенсивным или интенсивным характером приложения труда и организацией хозяйства, определяемой масштабами общественной организации производительных сил.

Круг вопросов, анализируемых Масловым, чрезвычайно широк, постановки и решения ряда проблем сохраняют и на современном уровне развития науки не только познавательное, но и методологическое значение. Исследования Маслова по истории народного хозяйства, истории экономического быта актуальны своими сравнительными характеристиками Европы и России, выявлением особенностей хозяйственного развития России.

С 1923 г. П.П. Маслов ведет научную работу в Москве в Институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. В 1923–1925 гг. Маслов был профессором Московского университета, в 1926–1929 гг. он — председатель теоретической секции Экономического института, сотрудник Наркомата финансов.

Цикл взаимосвязанных исследований составили такие монографии П.П. Маслова, как «Мировая социальная проблема» (Чита. 1921 г.), «Теория кооперации» (Чита. 1922 г.), «Проблема продукции (еще раз о социальной проблеме)» (М.—Пг. 1923 г.) и завершающая книга «Основы экономической политики» (М.—Л. 1926 г.), в которых рассматривается разработка новой теории для анализа социалистической экономики. Центральной основой ее должен стать народ-

нохозяйственный (государственно-хозяйственный) подход, приходящий на смену частнохозяйственному подходу, являющемуся базой построения политической экономии капитализма, в том числе и в марксистском ее варианте. Маслов подчеркивал, что социалисты не исследовали многие насущные вопросы, которые стали предельно необходимы, в частности, реальные пути решения социальных проблем, тесно связанных с проблемой накопления, развитием производительных сил в новом обществе, принципами распределения национального дохода, производительным и непроизводительным потреблением, а также изучение закономерностей и путей развития мирового хозяйства и другие.

Накануне XV съезда ВКП(б) в ходе подготовки коллективизации в связи с созданием Комиссии Политбюро ЦК под председательством В.М. Молотова для выработки тезисов о работе в деревне, с просьбой высказаться о положении в сельском хозяйстве обратились к ряду видных экономистов-аграрников – А.В. Чаянову, Н.Д. Кондратьеву, П.П. Маслову¹⁶. В записке П.П. Маслова «Развитие сельского хозяйства до и после революции» содержался анализ общих и региональных тенденций развития сельского хозяйства, которые нашли отражение в превращении крестьянского хозяйства к концу восстановительного периода из товарного в продовольственное (потребительское). На основе обширных статистических материалов Маслов установил, что товарная часть сельскохозяйственной продукции «далеко еще не остановлена», значительная часть сельскохозяйственной продукции поглощалась непосредственно в самих крестьянских хозяйствах, в связи с ростом потребления сельскохозяйственного населения и в виде кормов, что привело к сокращению товарных культур и увеличению продовольственных хлебов. В падении зерновой

16. В сопроводительном письме П.П. Маслов писал: «Краткость назначенного Вами срока (Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) была создана 1.X.1927 г., записка П.П. Маслова датирована 10.X.1927 г.) не позволяет мне дать более обстоятельную записку – счетного аппарата у меня в распоряжении нет. Поэтому ограничиваюсь освещением тех материалов, которые у меня имеются».

продукции, особенно товарной ее части, Маслов видит наиболее острое проявление кризиса сельского хозяйства.

Проведенный П.П. Масловым анализ показывал, что восстановительный процесс в сельском хозяйстве происходит за счет экстенсивных факторов — за счет увеличения затрат живого труда, расширения землепользования. Поскольку эти ресурсы уже исчерпаны, «дальнейшее повышение благосостояния крестьянства (а жизненный уровень его, как показал Маслов, существенно отстает от города), натолкнется на ограниченность эксплуатируемой территории», поскольку частновладельческие угодья «почти везде... использованы»¹⁷. Одновременно Маслов показывает процесс снижения интенсивности сельскохозяйственного производства, проявляющийся в замедлении роста или прямого сокращения поголовья крупного рогатого скота, свиней, в снижении удельного веса сельскохозяйственной продукции, идущей на переработку.

На макроуровне ситуацию, сложившуюся в сельском хозяйстве, Маслов связывает с перераспределением национального дохода в пользу города, промышленности, что проявлялось в неблагоприятном и все более усугубляющемся для сельского хозяйства соотношении цен, что в частности ведет к более быстрому, чем рост потребности промышленности в рабочих руках, передвижению населения из деревни в город. Это грозит безработицей при сохранении и в деревне «значительной резервной безработной армии». Но в рамках общей, сложившейся не в пользу сельского хозяйства конъюнктуры, Маслов выделяет особо неблагоприятное соотношение цен, сформировавшееся для тех продуктов, которые производятся для рынка, для товарной части сельскохозяйственной продукции¹⁸. Сложившаяся конъюнктура цен толкает мелкое крестьянское хозяйство к производству продуктов для собственного потребления, а не для продажи, поскольку индекс цен всех производимых сельскохозяйственных товаров был выше,

17. Маслов П.П. Развитие сельского хозяйства до и после революции. Из архива партии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 194, 197, 198, 199, 210, 214.

18. Маслов П.П. Развитие сельского хозяйства до и после революции... С. 202, 206, 214.

чем индекс цен отчуждаемых товаров. При этом Маслов особо подчеркивал, что начинает сокращаться производство сельскохозяйственного сырья — «исключительно товарная продукция, поступающая в перерабатывающую промышленность».

Учитывая производственные условия, сложившиеся в промышленности, и социальные ограничения, Маслов признает невозможность сведения соотношения индексов цен на промышленные и сельскохозяйственные товары к необходимому (довоенному) уровню. Но поскольку абсолютной необходимостью становится более быстрый темп развития сельского хозяйства, «чтобы избежать кризиса», он считал, что в отличие от капиталистического общества у социалистического государства есть возможности, и это будет «выгодно для народного хозяйства», если минеральные удобрения будут продаваться ниже себестоимости, а предприятия, занятые производством удобрений, будут работать со значительным убытком. Такие экономические отношения с частнохозяйственной точки зрения крайне нерациональны и невыгодны для развития производительных сил страны. В условиях советской экономики эти потери могут быть компенсированы («с избытком покроются») увеличением сельскохозяйственной продукции.

Как главный путь он выдвигает задачу *индустриализации* сельского хозяйства. В тот период под этим термином понималось развитие промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственную продукцию. Индустриализация сельского хозяйства должна была содействовать интенсификации сельского хозяйства, решить проблему аграрного перенаселения.

В 1929 г. П.П. Маслов был избран действительным членом Академии наук СССР. В рамках Академии наук он занимался многими вопросами. В 1930 г. Президиум АН СССР просит Маслова принять участие в работах Комиссии экспедиционных исследований Академии наук и взять на себя общее руководство экономическим обоснованием выводов по результатам экономических исследований Академии наук.

Летом 1930 г. он выезжает в Павлодар для изучения экономики Прииртышского соледобывающего района; принимает участие в конференциях по изучению производительных сил отдельных республик.

В связи с поставленной на июньском Пленуме (1931 г.) ВКП(б) проблемой организации социалистических городов было поручено разработать эти вопросы академикам Н.И. Бухарину, П.П. Маслову, С.Г. Струмилину. В 1933 г. Маслов выступает с докладом на тему: «Методология изучения реликтовых форм промышленности в изучении этнографами и историками». В прениях выступили Н.И. Бухарин, Н.Я. Марр, В.В. Афинский, С.Г. Тосминский.

В 1930-е годы работы П.П. Маслова не печатаются и не переиздаются. Последние годы П.П. Маслов работал в Институте экономики АН СССР. Он занимается конкретными вопросами экономики сельского хозяйства: исследованием работы зерновых и мясомолочных совхозов, статистическим анализом работы МТС, пишет работу «Методология изучения совхозов и анализ работы совхозов». Последней работой П.П. Маслова явилась книга, вышедшая посмертно: «Опыт изучения работы машинно-тракторных станций» (М. 1947 г.).

П.П. Маслов опубликовал свыше 200 книг, брошюр, статей. Он был энциклопедически образованным человеком, разносторонним ученым, трудившимся во многих областях экономической науки. В характеристике его научной деятельности отмечалось: «Научно-исследовательская работа Маслова отличается широким обобщающим характером, органическим единством мысли и, несмотря на ряд спорных положений, оригинальностью и смелостью теоретических положений. Работы П.П. Маслова значительно обогатили экономическую науку, благодаря постановке и разработке целого ряда новых и мало исследованных теоретических вопросов»¹⁹.

2010 г.

19. Личный фонд П.П. Маслова. Архив РАН.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы П.П. Маслова

1. *Маслов П.П.* Условия развития сельского хозяйства в России. Опыт анализа сельскохозяйственных отношений. СПб., 1903.
2. *Маслов П.П.* Критика аграрных программ и проект программы. М., 1905.
3. *Маслов П.П.* Русская революция и народное хозяйство. СПб., 1906.
4. *Маслов П.П.* Аграрный вопрос в России. Т. 1. Условия развития крестьянского хозяйства в России. 4-е доп. издание; Т. 2. Кризис крестьянского хозяйства и крестьянское движение. СПб., 1908.
5. Общественное движение в России в начале XX века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. Т. I–IV. СПб., 1909–1914.
6. *Маслов П.П.* Теория развития народного хозяйства. Введение в социологию и политическую экономию. СПб., 1910.
7. *Маслов П.П.* Капитализм. Ч. 1. Наемный труд и заработная плата. СПб., 1914.
8. *Маслов П.П.* Общеизвестный курс истории народного хозяйства с первобытных времен до XX столетия. СПб., 1914.
9. *Маслов П.П.* Экономические причины мировой войны. М., 1915. (2-е изд. – 1917 г.)
10. *Маслов П.П.* Война и демократия. М., 1916.
11. *Маслов П.П.* Аграрные программы социалистических партий в Западной Европе и России. С предисловием П. Маслова. Одесса, 1917.
12. *Маслов П.П.* Итоги войны и революции. М., 1918.
13. *Маслов П.П.* Кооперация и народное хозяйство. Омск, 1919.
14. *Маслов П.П.* История хозяйственного быта Западной Европы и России. Изд. 2-е Омск, 1920.
15. *Маслов П.П.* Мировая социальная проблема. Чита, 1921.
16. *Маслов П.П.* Значение бюджетных исследований для науки о частном и народном хозяйстве. Чита. 1922.
17. *Маслов П.П.* Теория кооперации. Чита. 1922.
18. *Маслов П.П.* Проблема продукции. Еще раз о социальной проблеме. М.–Пг., 1923(а).
19. *Маслов П.П.* Наука о народном хозяйстве. 2-е издание. М.–Пг., 1923(б).

20. *Маслов П.П.* Курс истории народного хозяйства. От первобытных времен до XX столетия. Изд. 6-е. М.-Л. 1925 (а).
21. *Маслов П.П.* Основы кооперации и условия накопления кооперативного капитала. М.-Л., 1925.
22. *Маслов П.П.* Влияние расстояния на распределение производительных сил. Доклад и прения. РАНИОН. М. 1926.
23. *Маслов П.П.* Влияние естественных и социальных условий на производительность труда. М. 1926.
24. *Маслов П.П.* Основы экономической политики. М.-Л. 1926.
25. *Маслов П.П.* Критический анализ буржуазных статистических публикаций. М.: Изд-во АН СССР, 1955.

Литература о П.П. Маслове

- Маслов Петр Павлович* // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 2. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1975. С. 396–397.
- Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 1–55.
- Личный фонд П.П. Маслова. Архив РАН.
- Фигуровская Н.К.* Академик Маслов П.П. // Академики – экономисты России. 2-е дополненное издание. М.: ИЭ РАН, 1999. С. 7–26.

**МИЛЬНЕР
БОРИС ЗАХАРОВИЧ
(1929–2013)**

Борис Захарович Мильнер принадлежал к уникальному кругу ученых, основавших и прославивших знаменитые советские и российские научные школы системных исследований, он создал и долгие годы возглавлял новую для СССР и для современной России дисциплину — теорию организации. Главный труд его жизни, выдержавший восемь (!) изданий, так

и называется «Теория организации» (8). В центре исследовательской деятельности Б.З. Мильнера всегда была разработка актуальных направлений современного менеджмента: он автор первой в нашей стране монографии «Управление знаниями» (6). Коллеги отмечали удивительную способность Бориса Захаровича творчески совмещать изучение теоретических, концептуальных вопросов и новых научных трендов с умением эффективно реализовать их в практике управления. В упомянутой монографии «Управление знаниями» новаторски развивалась столь актуальная сейчас идея о том, что в современной экономике нет и не может быть отраслей и компаний, где интеллектуальный капитал не играл бы значимой роли в управлении и достижении конкурентных преимуществ.

Умение всегда быть на острие самого актуального и в академической науке, и в практике хозяйственного управления формировалось в течение всей трудовой деятельности Бориса Захаровича. Окончив Московский инженерно-экономический институт (сейчас – Государственный университет управления), Б.З. Мильнер в течение шести лет трудился на Климовском машиностроительном заводе, приобретая необходимый практический опыт управления производством. Хорошее образование и солидные практические знания позволили не только защитить кандидатскую, а вскоре и докторскую диссертацию, но и определиться с научными интересами в динамичной обстановке «оттепели» 1960-х годов. Сначала Борис Захарович возглавил Центральную научно-исследовательскую лабораторию экономики и организации производства при Плехановском институте, а затем получил предложение от академика Георгия Арбатова перейти в Институт США и Канады Академии наук (знаменитый тогда ИСКАН, теперь – ИСКРАН). С этого момента жизнь Бориса Захаровича круто изменилась.

Столь ценимая нами широта научных взглядов, огромная эрудиция, смелость научных постановок в духе косыгинских реформ, оценки непростых мировых событий того времени, к которым затем прибавилось знание американской жизни и американской науки – все это формировалось в оазисе мысли ИСКАНА. А в результате, несмотря на крепчавший застой 70-х, из-под пера Б.З. Мильнера и его единомышленников вышла сенсационная монография «США: современные методы управления» (1), сразу ставшая бестселлером в среде российских (простите, советских) экономистов. Через некоторое время появилась еще одна монография – «Американские теории управления» (2). Главной научной задачей Мильнера было привить в нашей стране культуру менеджмента, которая в те годы была поистине экспортным товаром Америки. Уже тогда корень многих бед российской экономики он усматривал в управлении и, как теперь мы видим, не напрасно.

Эта большая работа стала своего рода трамплином к следующему судьбоносному этапу в творческой жизни Бориса Захаровича. В середине 1970-х годов был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований (ВНИИСИ), который возглавил академик Д. Гвишиани (зять А.Н. Косыгина). Институт в то время состоял в двойном подчинении – Государственного комитета Совета министров СССР по науке и технике и Академии наук СССР. ВНИИСИ (сейчас – Институт системного анализа РАН) был для своего времени уникальным не только для советской, но и для мировой науки. Он играл тогда роль отечественного филиала Международного института прикладного системного анализа, структуры Римского клуба.

Главным в работе ВНИИСИ был междисциплинарный подход к исследованиям, его цель заключалась в том, чтобы обогатить гуманитарные науки методами естественных наук – в институте работали философы и математики, экономисты и юристы, призванные сообща увидеть и рассчитать будущее мира и страны. В институте царил особая атмосфера академической вольницы, когда можно было обсуждать самые острые и сложные темы даже с американскими коллегами. Вот тогда-то Б.З. Мильнер получил возможность не догматично посмотреть на проблемы советской экономики, на творческое использование лучших сторон западной мысли и западной модели. Благодаря своей жизненной энергии и организаторскому таланту, способности обосновывать и доказывать правоту своих взглядов Борис Захарович сразу же оказался во главе, пожалуй, самого сложного направления работы ВНИИСИ – он стал заместителем Д. Гвишиани по науке. И вот что интересно и удивительно. Занимаясь в тот период, казалось бы, реформистскими проблемами экономики и общества, неразрывно связанными с политикой, Борис Захарович сумел удержаться от участия в новомодных политических коллизиях, оставаясь крупным ученым вне политики и политической конъюнктуры. Во всей своей дальнейшей творческой деятельности он сохранял эту мудрую позицию.

С таким мощным багажом научных и практических знаний, а также недюжинных организаторских способностей Борис Захарович Мильнер в конце 1980-х годов пришел в Институт экономики РАН. Л.И. Абалкин высоко ценил талант Бориса Захаровича и сразу сделал его своим первым заместителем по науке. Мильнер слишком хорошо разбирался в вопросах управления, чтобы не замечать изъянов его практического осуществления в России. Но и тут ему удавалось сохранять дистанцию от популярных тогда политических игр, соблюдая отстраненность от всего суетного и преходящего.

Между тем, вся практика реформирования экономики настоятельно нуждалась в фундаментальных научных рекомендациях. Наряду с должностью первого заместителя директора Борис Захарович возглавил специально созданный в институте отдел управления народным хозяйством. И время показало правильность этого решения. После того, как Борис Захарович Мильнер приступил к работе в институте, в его кабинете стали появляться доселе незнакомые люди без малейшего налета академизма. Они громко о чем-то говорили, спорили, в разговорах мелькало имя председателя Совмина Н.И. Рыжкова. Как потом выяснилось, это были министр газовой промышленности СССР В.С. Черномырдин и его первый заместитель Р.И. Вяхирев. А обсуждалась тогда эпохальная идея – преобразование Министерства газовой промышленности в государственный концерн. В сравнении с рядом современных организационных преобразований те решения не были просто организационной перетряской и заменой одной бюрократической команды на другую. Тогда шел поиск такого организационного механизма управления отраслью, который бы в сочетании с отлаженной системой вертикальных связей способствовал максимальному использованию материальных и интеллектуальных ресурсов. Создание концерна, по замыслу, должно было изменить само мышление работников создаваемой компании. А для этого нужно было увязать их богатый практический опыт с пониманием преимуществ новых структур управления. Б.З. Мильнер с сотруд-

никами своего отдела работал над возникающими новыми вопросами, упорно выстраивая свою знаменитую пирамиду научного управления от теоретического фундамента до конкретных рекомендаций.

Это был тот счастливый случай, когда совместная работа практиков и ученых увенчалась реальным успехом. Совет министров СССР принял решение о преобразовании Министерства газовой промышленности в государственный газодобывающий концерн Газпром, известный теперь как ПАО Газпром. Это был тот случай, когда практикой востребован научный опыт, необходимый для последующей дополнительной отработки постоянно возникающих новых производственных и управленческих задач. Б.З. Мильнер использовал при этом в полной мере свою теорию организации. Социально-экономический объект выстраивался в соответствии с его научными рекомендациями как единая организация, цементируемая не только вертикальными, но и горизонтальными связями и горизонтальной координацией. Поэтому структура концерна была нацелена не на традиционное создание дополнительных структурных подразделений, а на формирование всей организации как единого целого, базирующегося на стратегических задачах развития. Огромный труд целого коллектива, руководимого Б.З. Мильнером, закономерно увенчался успехом — Газпром входит сегодня в число лидеров газовых компаний мира. Успех этого научного проекта не был бы, наверное, таким убедительным, если бы не опирался на хороший научно-практический опыт предыдущих преобразований в сфере крупных промышленных организаций, прежде всего на опыт формирования КамАЗа как крупного промышленного комплекса, в работе с которым также принимал участие Б.З. Мильнер. А позднее этот бесценный управленческий опыт весьма пригодился в организации АвтоВАЗа.

Окидывая взглядом огромное научное наследие Б.З. Мильнера, следует специально выделить три наиболее актуальных для нас сейчас крупных направления, которые служили ему

рабочим когнитивным полем, где он трудился и как исследователь, и как систематизатор, и как Учитель, и как первооткрыватель. Речь идет, во-первых, о теории организации, во-вторых, об управлении знаниями и об экономике знаний и, в-третьих, о новых трендах в управлении, особенно в государственном управлении. Упомянутый учебник Б.З. Мильнера «Теория организации» знают все управленцы — от студента до академика. Это мощная работа ученого-энциклопедиста, охватывающая все стороны организации от научных основ до перспектив управления в будущем. Перелистывая все восемь изданий фундаментального труда, можно сразу заметить, как развивалась, усложнялась и актуализировалась концепция автора, как из добротного учебника выростала энциклопедия современного знания об организации и управлении. И вот что интересно. Оказывается, наука об организации не требует практически никаких конъюнктурных корректив, никакого приспособления к потребностям любой ветви экономической теории — классики, неоклассики, институционализма и неоинституционализма, современных теорий поведенческой экономики, инновационной экономики, экономики сетевых отношений и многого другого. Теория организации дает ключ к исследованиям в любой теоретической парадигме, позволяет систематизировать эмпирические данные, информацию из любой отрасли знаний, и в этом ее ценность и предназначение. Б.З. Мильнер прекрасно понимал это и стремился этой миссии соответствовать.

Будучи новатором по самой своей натуре, Борис Захарович постоянно искал, нащупывал новые грани, новые повороты, казалось бы, хорошо им исследованной и структурированной научной теории. И одним из таких важных поворотов могло бы стать изучение проблемы организационных изменений. Ведь управление изменениями (общественными, политическими, экономическими, геополитическими и многими другими) является очень тонкой и ответственной работой, от которой зависит в конечном итоге человеческая жизнь. Сохранение в ходе истории своего культурного кода, пере-

дача его от поколения к поколению — важнейшая миссия, которой необходимо грамотно управлять. Борис Захарович Мильнер четко видел значение этой проблемы для современного государственного (и не только) управления, понимал, что для грамотных организационных изменений, столь важных сейчас, не хватает теоретической и методологической базы, той пирамиды знания, на которую можно было бы опереться в практической деятельности, в принятии конкретных решений. Он не успел, к сожалению, инициировать и организовать эту работу.

Замечательным опытом синтеза теории и практики управления в работе по организации современных корпораций стал первый в нашей стране, и пока единственный, коллективный российско-американский учебник «Управление современной компанией» с участием видных специалистов по управлению России и США (10).

Борис Захарович Мильнер по праву может считаться основоположником одного из важнейших современных направлений отечественных теоретических разработок — управления знаниями. Его первое солидное исследование в области организации управления знаниями было опубликовано в 2003 г., когда наша научная общественность еще только начинала осваивать такие новые понятия, как «экономика знаний», «инновационная экономика» (6). В относительно небольшой по объему книге Борис Захарович сумел проследить процесс систематического формирования, обновления и применения знаний с целью максимизации эффективности управленческой деятельности, развития новой функции управления. Страна стояла перед объективной необходимостью развития наукоемкого производства, информатизации общества и повышения роли человеческого потенциала. Нужно было вводить в научный оборот новые понятия, внедрять их в образовательный процесс в качестве важнейшего сегмента теории управления. Борис Захарович использовал при этом в качестве рабочих понятий такие не очень тогда привычные категории, как «интеллектуальный капитал», «знания» в качестве

стратегического актива организаций, новые формы и методы работы организаций в экономике знаний. В работе с новой проблематикой ярко проявился уникальный организаторский талант Б.З. Мильнера – собирать вокруг себя заинтересованных людей, зажигать их новыми идеями, безграничным кругозором, способностью нетривиально мыслить. В относительно короткое время, всего за два-три года коллективно были подготовлены: курс лекций «Управление знаниями» (читавшийся в Государственном университете управления), солидный учебник (около 40 печ. листов) «Управление знаниями в инновационной экономике» (11) и обширная монография «Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями» (7). Организаторский талант Бориса Захаровича обеспечил реализацию грандиозной задумки при написании этих работ – попытаться комплексно подойти к идее перехода к инновационной экономике, т.е. базироваться на возможностях и методах различных отраслей знания. К работе были привлечены специалисты по экономике, управлению, философии, социологии, психологии, юриспруденции, информатике. Однако легкость и изящество, с которыми Борис Захарович формулировал свои мысли, выстраивал новые концепции, ту самую пирамиду от идеи до ее практического воплощения, только внешне казались естественными и само собой разумеющимися. За всем этим стоял огромный труд, титаническая работа мысли, умение четко выразить то, чего другие пока еще не чувствовали, не воспринимали. Это и была настоящая мудрость большого ученого. Борис Захарович умел сразу же проникать в суть предмета, извлекать самое его ядро, с которым можно было начинать работать. Коллеги отмечали, что Борис Захарович не только ставил задачи, отличавшиеся оригинальностью и новизной, но и решал их с каким-то особым шиком, присущим этому человеку.

«Инновационное развитие» сразу же привлекло к себе внимание. Книга поднимала проблемы, о которых начали активно писать с самого начала перестройки. Но в безбреж-

ном поле теоретических и практических изысканий по развитию на основе инноваций и научно-технического прогресса «Инновационное развитие» мгновенно стало бестселлером. Именно потому, что рассматривало инновационное развитие как экономику знаний. «Знания как товар и мотор инновационного развития» – так анонсировало книгу одно из ведущих в ту пору экономических периодических изданий (Экономика и жизнь, 2009, № 35). Сейчас мы понимаем, что по существу это был грандиозный удавшийся проект по выстраиванию той самой мильнеровской пирамиды знания, о которой неоднократно упоминалось выше. Книга и построена по этому принципу – от анализа сущности и теоретического фундамента современного инновационного развития, оценки накопленного уже зарубежного и отечественного опыта, до предложения практических рекомендаций по ускоренному переходу к инновационному развитию и росту. И в этом анализе четко обозначены и системное видение инновационной модели, и нерешенные проблемы на пути перехода к ней, и те области научного знания, которые требуют дальнейшего изучения. И еще одно важное замечание. Книга четко показывает, что инновации и знания сами по себе – не панацея от экономической отсталости. Ими необходимо умело управлять, создавать соответствующие управленческие структуры и методы, способные предотвращать случаи неконтролируемого использования инноваций, приводящего к экологическим и технологическим катастрофам, к негативному воздействию на человека.

О том, как нужно строить современное управление инновациями, какими должны быть управленческие структуры и соответствующие функции менеджмента, механизмы трансформации знаний в инновационные продукты, говорится в последней книге Бориса Захаровича – «Организация создания инноваций: горизонтальные связи и управление» (написана в соавторстве с Т.М. Орловой) (9). Надо сказать, что к этому замыслу Борис Захарович последовательно шел, работая над рядом организационных и управленческих проектов

в разных отраслях машиностроения, важнейшим из которых был КАМАЗ. В современной терминологии в монографии речь идет о сетевой инновационной экосистеме, построенной на принципах сотрудничества и взаимодействия. Она предназначена для создания уникальных продуктов и услуг и использует возможности современного менеджмента для достижения целей модернизации экономики. Горизонтальные связи компаний рассматриваются как основа механизма, трансформирующего знания в инновационные продукты. Показано, что горизонтальные связи могут реально действовать как в рамках традиционной иерархии, так и выстраиваться специально — через рабочие команды, проектные группы и другие организационные формы.

Б.З. Мильнер был убежден, что именно на основе горизонтальных связей в настоящее время наиболее эффективно может быть реализована договорная (контрактная) парадигма. Его идеи по этому вопросу базировались на опыте системного подхода к управлению, известного еще со времени работы в ВНИИСИ. Б.З. Мильнер видел в горизонтальной модели организации прежде всего изменение мышления работников, когда ключевыми составляющими управления считаются не организационные структуры сами по себе, а взаимосвязи и взаимоотношения, обеспечивающие функционирование и развитие организации как единого целого. Такая постановка требует исследования влияния человеческого фактора на экономические процессы. Поэтому в теоретической и практической пирамиде, по Мильнеру, появляются такие современные элементы, как проблема лидерства, проблема управления талантами и, конечно, наиболее важная для экономики и общества проблема доверия. Борис Захарович с сожалением отмечал, что вся система управления пронизана недоверием: населения — к проводимым реформам, работников — к руководителям, бизнеса — к государственным институтам. А источниками формирования и укрепления доверия становятся открытость и доступность информации, непротиворечивая законодательная база, соблюдение правил

игры в договорных отношениях и партнерских связях, четкая обратная связь, честность и компетентность руководителей, т.е. все то, что так актуально для нас сегодня.

Борис Захарович Мильнер – член-корреспондент Российской академии наук и действительный член Российской академии естественных наук. Он также был избран членом ряда зарубежных международных академий и научных ассоциаций, в т.ч. Американской ассоциации управления и Американской академии управления, испанской, финской и итальянской национальных академий управления, а также Всемирного совета по научному управлению.

За достижения в научной деятельности Б.З. Мильнер был награжден орденом «Знак почета», орденом Почета, ему была присуждена Национальная общественная премия им. Петра Великого «За личный вклад в развитие теории управления экономикой», медаль имени В.В. Леонтьева «За достижения в области экономики», а также премия Международного фонда экономических исследований академика Н.П. Федоренко за выдающийся вклад в развитие экономической науки России. Б.З. Мильнер являлся Заслуженным деятелем науки и техники РСФСР, а также почетным доктором Государственного университета управления с вручением диплома, мантии и медали.

Б.З. Мильнер опубликовал 16 монографий и учебников, более 300 статей, его работы изданы в 14 странах мира.

2020 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы Б.З.Мильнера

1. США: современные методы управления. М.: Наука. 1971. (В соавторстве.)
2. Американские теории управления. М.: Мысль. 1978. (В соавторстве.)
3. Организация программно-целевого управления. М.: Наука. 1980.
4. Проблемы межотраслевого управления. М.: Экономика. 1982.
5. Реформы управления и управление реформами. В 2 частях. М.: ИЭ РАН. 1994.
6. Управление знаниями. М.: ИНФРА-М. 2003.
7. Инновационное развитие. Экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями. 2009. (в соавторстве)
8. Теория организации. 8-е изд., переработанное и дополненное. М.: ИНФРА-М. 2012.
9. Организация создания инноваций (горизонтальные связи и управление). М.: ИНФРА-М. 2013. (В соавторстве с Т.М. Орловой.)
10. Управление современной компанией. Российско-американский учебник. М.: ИНФРА-М. 2001. (Ред. в соавторстве с Ф.А. Лиис.)
11. Управление знаниями в инновационной экономике. М.: Экономика. 2009. (Общ. ред. в соавторстве.)

Литература о Б.З. Мильнере

1. Борису Захаровичу Мильнеру – 80 лет // Российский журнал менеджмента. 2010. Т. 8. № 1. С. 147–150.
2. Дерябина М.А. Современные проблемы управления в научном наследии Б.З. Мильнера // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 2. С. 21–36.
3. Памяти большого ученого и друга Бориса Захаровича Мильнера // Вестник Института экономики РАН. 2014. № 3. С. 7–11.
4. Поршнев А.Г. Вклад Б.З. Мильнера в развитие науки управления. К 75-летию Б.З. Мильнера // Российский журнал менеджмента. 2004. № 4. С. 153–159.
5. Розмахова О. Человек уникального круга // Огонек. 2013. № 311. С. 34–35.

МИХАЛЕВСКИЙ ФАДДЕЙ ИЛЬИЧ (1876–1952)

Михалевский Фаддей Ильич — известный ученый-экономист, труды которого внесли весомый вклад в политическую экономию, и прежде всего в одну из самых сложных и жизненно важных ее областей — теорию денег.

Ф.И. Михалевский родился 15 мая 1876 г. в г. Барановичи в семье учителя. В 18 лет стал народным учителем.

С 1921 г. работает в высших учебных заведениях и занимается исследовательской деятельностью в области марксистской политической экономии. С 1921 по 1927 г. читает курс лекций в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова, преподает в Коммунистическом университете трудящихся Востока. С 1924 г. ведет педагогическую работу — в Институте красной профессуры и в Институте экономики РАНИОНА (Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук). В 1925 г. он заканчивает Институт красной профессуры. Получает звание профессора. В эти же годы заведует кафедрой политической экономии в Институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, в Кредитно-экономическом институте Госбанка СССР. С середины двадцатых годов переходит на работу в Академию наук СССР. Сначала — в Институт мирового хозяйства, а с 1930 г. до конца жизни (1952) работает в Институте эко-

номики АН СССР. В 1946 г. Академия наук СССР избирает его членом-корреспондентом.

Наряду с научной и педагогической работой многие годы ученый ведет практическую работу. С 1928 по 1934 г. он является экспертом Правления Госбанка СССР, с 1944 по 1948 г. — председатель его экспертной комиссии.

Научное наследие Ф.И. Михалева обширно. Вышло в свет свыше 60-ти его работ, которые по кругу исследуемых проблем можно отнести к трем важнейшим научным областям.

Во-первых, это труды по политической экономии в целом и по ряду ее специальных теоретических вопросов. Сюда прежде всего относится «Политическая экономия» — общий курс, выдержавший с 1924 по 1928 г. 18 изданий. Излагая в данной работе категории и законы политической экономии капитализма, автор от издания к изданию все шире совершает экскурсы в теоретическую трактовку проблем советского хозяйства. В последних изданиях курса появляется специальный раздел — экономика переходного периода, пролагавший путь к созданию политической экономии социализма. В кругу проблем данной области находятся и такие его работы, как «Закон стоимости. Стоимость, прибавочная стоимость, прибыль» (М., 1925); «Теория цены производства» // Записки Комуниверситета им. Я.М. Свердлова, т. II, 1924; «Этюды по теории кредита» // Под знаменем марксизма, 1924, № 6–7; «История кредита Шумпетера и Гана» // Вестник Комкадемии, 1928, № 26; «Валютная разруха в капиталистических странах» // Проблемы экономики, 1933, № 5. В этих работах содержатся теоретические постановки в области теории стоимости существенно важных для понимания действий закона стоимости и прибавочной стоимости в условиях капитализма XX столетия. Особенно ценными являются исследования теории капиталистического кредита — его взаимосвязей с процессом воспроизводства, развертывания его противоречий в течение экономических циклов и кризисов.

Во-вторых, — исследования кредитно-денежных отношений в советской экономике переходного периода. Особое значение в анализе этих проблем принадлежит двум его рабо-

там. Первая – «О кредитных связях в реальном капитализме и в хозяйстве СССР» (Вестник Комкадемии, 1928, № 35, 36), где впервые в литературе глубокому теоретическому анализу были подвергнуты сущность и функции кредита в советской экономике, его роль в социалистическом секторе хозяйства и связях последнего с частным сектором, в решении вопроса «кто кого». Вторая работа – «К методологии изучения нашего денежного обращения» (М., Издательство Коммунистической академии, 1930 г.). Эта небольшая по объему монография исследует ряд крупных проблем денежного обращения экономики переходного периода как общетеоретического, так и актуального народнохозяйственного значения. Автор исследовал и определил факторы, формирующие объем эмиссии в связи с коренными процессами социалистической индустриализации. Особенно интересны вскрытые им основы эмиссии, необходимо осуществлявшейся соответственно требованиям процесса социалистического накопления и расширенного воспроизводства, опиравшегося на быстро набиравший силу процесс индустриализации страны, а также анализ эластичности эмиссии и воздействия этого явления на хозяйственный процесс. Вместе с теоретическим исследованием эмиссии, ее пределов, ее эластичности автор прорабатывает (впервые в советской литературе) конкретно-экономический анализ денежных потоков в народном хозяйстве СССР, скорости обращения и кругооборота денег в различных видах потоков. На этой основе им определены балансы межсекторных денежных потоков за 1927–1928 гг.: баланс крестьянства, баланс рабочих и служащих, баланс прочего населения, внешний баланс, суммарный баланс. Важной стороной этой работы является анализ тех факторов, которые формируют объективно необходимые потребности в обращающихся массах денег (как в наличном, так и в безналичном оборотах).

В-третьих, подлинным делом всей жизни ученого стал цикл исследований, посвященных золоту как денежному товару, опубликованных с 1937 по 1952 г. (Золото как денежный товар. М.: Соцэргиз, 1937; Золото в период мировых войн. М., Госполитиздат, 1945; Золото в системе капитализма после

Второй мировой войны. М.: Мысль, 1952). Этому циклу исследований Ф.И. Михалевского принадлежит особое и исключительное место не только в отечественной, но и в мировой литературе по проблемам золота и его денежной роли.

Опираясь на исследование громадных труднодоступных, потребовавших большого труда по обработке и анализу, материалов и в области техники золотодобычи, и в области функционирования золота в качестве действительных денег в экономических отношениях капитализма Ф.И. Михалевский развил теорию золото-денежного механизма, проследил условия, факторы и формы его действия и в рамках домонополистического и монополистического капитализма, а также подверг анализу особенности действия закономерностей функционирования золота как денежного товара в условиях кризисов, в том числе и в итоге Второй мировой войны.

Кроме всего прочего, Ф.И. Михалевский подготовил к печати 2-ю часть 3-го тома «Капитала» К. Маркса (1947 г.).

2005 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы Ф.И. Михалевского

1. Закон трудовой стоимости. М.—Л., 1923.
2. Теория цены производства. М., 1924.
3. К методологии изучения нашего денежного обращения. М., 1930.
4. Политическая экономия. 5 изд. М., 1931.
5. Золото, как денежный товар. М., 1937.
6. Золото в период мировых войн. М., 1945.
7. Очерки истории денег и денежного обращения. Т. 1. Деньги в феодальном хозяйстве. М., 1948.
8. Золото в системе капитализма после Второй мировой войны. М., 1952.

Литература о Ф.И. Михалевском

1. *Михалевский Ф.И.* «Экономическая энциклопедия. Политическая экономия». Т. 2. М.: Советская энциклопедия. 1975. С. 517.
2. *Кронрод Я.А.* Фадей Ильич Михалевский. Его научные труды и современные проблемы // Кронрод Я.А. Из неопубликованного. Вып. 1. М.: ИЭ РАН, 2002. С. 92–145.

Н.С. Шухов
д.э.н.

Г.И. Белова
к.э.н.

НЕМЧИНОВ
ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ
(1894–1964)

Василий Сергеевич Немчинов родился 15(2) января 1894 г. в селе Грабово Пензенской губернии, в 1913 г. окончил Челябинское реальное училище. В 1917 г. окончил экономическое отделение Московского коммерческого института и был направлен на руководящую работу в государственные статистические органы (в Москве, Киеве, Челябинске). С 1928–1940 гг. на научно-педагогической работе

в Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева. С 1946 г. — действительный член Академии наук СССР, с 1948 г. — академик ВАСХНИЛ. В 1945–1948 гг. — заведующий сектором статистики Института экономики АН СССР.

После выступления против разгрома отечественных генетиков на сессии ВАСХНИЛ был переведен на работу в Совет по изучению производительных сил, который возглавлял до 1963 г. Одновременно с 1963 г. — профессор кафедры политической экономики Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1953–1959 гг. — академик-секретарь Отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР. В 1953–1962 гг. — член Президиума АН С ССР.

С 1958 г. — действительный член Международного статистического института, с 1961 г. — Почетный член английского статистического общества. В 1946 г. ему была присуждена Государственная премия, в 1965 г. (посмертно) — Ленинская премия, совместно с академиком А. В. Канторовичем и профессором В.В. Новожиловым. Награжден тремя орденами Ленина, другими орденами и медалями.

В творческом наследии В.С. Немчинова выделяют три группы проблем, над которыми он работал: экономические, статистико-экономические и экономико-математические. В.С. Немчинов развивал и совершенствовал принципы и идеи первого в мире баланса народного хозяйства, составленного ЦСУ СССР за 1923–1924 гг. В.С. Немчинов использовал балансовые схемы в практике планирования и управления народным хозяйством, при разработке отчетных и плановых межотраслевых балансов.

В.С. Немчинов начал разработку вопросов экономической кибернетики, применения электронных вычислительных машин при экономических расчетах. Он одним из первых сформулировал и обосновал необходимость внедрения в экономике точных количественных методов на базе методов математического анализа.

Обосновывая важность применения математики и вычислительной техники в экономических исследованиях, методологии планирования и управления, В.С. Немчинов в качестве главной задачи видел установление творческого союза экономики и математики в деле применения математических методов в экономических исследованиях и планировании. При этом он обращал внимание на то, что оптимальное планирование не сводится только к математическому формулированию критерия оптимальности, т.к. нельзя и переоценивать возможности математики в экономике. Необходимо единство качественного и количественного анализа в экономике. А познанные закономерности должны быть превращены в научно обоснованный и точный механизм для планового руководства народным хозяйством. Поэтому

и сама политическая экономия, по мнению В.С. Немчинова, должна стать точной наукой. А это предполагает выражение основных закономерностей и критериев через количественные, математически сформулированные показатели. В основном труде «Экономико-математические методы и модели» В.С. Немчинов определил предмет и задачи исследования в экономической кибернетике, математической экономике, планометрии.

Планометрия, по его мнению, должна базироваться на следующих методах исследования: 1) балансовый метод; 2) метод математического моделирования; 3) векторно-математический метод; 4) метод экономико-математических множителей (оптимальных общественных оценок); 5) метод последовательного приближения. Важнейшим объектом науки о планировании В.С. Немчинов называл кибернетический аспект управления.

В 1958 г. В.С. Немчинов организовал первую в нашей стране Лабораторию экономико-математических методов, на базе которой в 1963 г. был создан Центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ) АН СССР. В.С. Немчинов был не только организатором отечественной экономико-математической школы, но и творчески развивал экономико-математические методы, впервые дал оригинальную математическую интерпретацию экономической таблицы Ф. Кенэ, схем воспроизводства К. Маркса и В.И. Ленина.

В.С. Немчинов первым по достоинству оценил работы Л.В. Канторовича и В.В. Новожилова, послужившие исходной базой для широкого внедрения линейного программирования в теоретических исследованиях и практике планирования, выдвинувшие отечественную науку на уровень мировой экономической мысли. В изданном В.С. Немчиновым двухтомнике под названием «Применение математики в экономических исследованиях» (1959, 1961 г.) впервые была опубликована фундаментальная работа В.В. Новожилова «Измерение затрат и их результатов в социалистическом хозяйстве», а также перепечатана работа Л.В. Канторовича

«Математические методы организации и планирования производства» (1939 г.), в которой обосновывался метод линейного программирования,

В.С. Немчинов подробно разъяснил суть новых для мировой литературы понятий дифференциальных затрат и народнохозяйственной себестоимости, введенных В.В. Новожиловым, и объективно обусловленных оценок, введенных А.В. Канторовичем. В.С. Немчинов был уверен в том, что современные математические методы и электронные вычислительные машины позволят определить как общественную стоимость, так и народнохозяйственную стоимость. При исчислении стоимости он ставил два условия: 1) полный учет народнохозяйственных издержек с учетом общественной потребности; 2) правильный учет оплаты по труду и оптимальное состояние экономической системы.

В.С. Немчинов впервые поставил вопрос о потребительной стоимости в общественном масштабе, и поэтому он должен считаться основоположником обоснованной им ценностно-потребительной системы хозяйствования. Ценностно-потребительная система хозяйствования наиболее рациональна, учитывает не только затратную, но и результативную стороны, увязывает общественную стоимость и потребительную ценность в органическом единстве. Исходные положения теории потребления он определял следующим образом: 1) удовлетворение потребностей зависит от производства; 2) сфера потребления отличается от сферы производства; 3) мера потребления отлична от меры труда и отражает объективные свойства массового процесса потребления, например, такие как градации потребностей по их настоятельности, необходимости и т.п. В.С. Немчинов подчеркивал, что в ценностно-потребительной системе хозяйствования важно устранение неопределенности в выборе при данных условиях и длительном промежутке времени. Он впервые в мировой литературе предложил для учета фактора времени так называемую весовую функцию, позволяющую сглаживать неопределенность в выборе предметов потребления. Эта функция

в плановой системе позволяет учесть устойчивость объективно обусловленных оценок, в других системах способствует учету вероятного характера этих оценок, что принципиально отличает ее от других способов учета фактора времени у представителей иных школ экономической науки.

В.С. Немчинов, наметив пути исчисления потребительной стоимости посредством потребительных оценок, учитывающих теорию массового поведения потребителей, отошел от затратного принципа ценообразования, связав общественную стоимость с понятием потребительных оценок.

В.С. Немчинов считал возможным использовать все нововведения при вычислениях в условиях оптимального функционирования экономики, тем самым он первым наметил путь разработки системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ), создателем которой является академик Н.П. Федоренко. Советские ученые впервые наметили пути перехода от оптимального планирования к системе оптимального функционирования экономики. Статья В.С. Немчинова «Социалистическое хозяйство и планирование производства», опубликованная в журнале «Коммунист» (1964 г., № 5), дала материал для развернувшейся в тот период дискуссии по введению новых методов хозяйствования в стране. В ней была выдвинута идея хозрасчетной системы планирования, расширения товарно-денежных отношений, свободы хозяйственной деятельности с учетом социальных ограничений, которые налагает общество на рыночные отношения.

В.С. Немчинов – выдающийся ученый и организатор отечественной экономико-математической школы внес значительный вклад в развитие экономической теории, статистики, математических методов исследования, истории, социологии, демографии.

2005 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы В.С. Немчинова

1. Учет и статистика сельскохозяйственных предприятий. М.: Госфиниздат, 1933.
2. Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории. М.: Сельхозгиз, 1945.
3. Применение математики в экономических исследованиях. М.: Соцэкгиз, 1959. (Соавтор и редактор.)
4. Роль рентабельности и цены в планомерном руководстве общественным производством. М.: Институт экономики АН СССР, 1963.
5. Экономико-математические методы и модели. 2-е перераб. и доп. издание. М.: Мысль, 1965.
6. Экономика и математика. М.: Знание, 1965.
7. О дальнейшем совершенствовании планирования и управления народным хозяйством. 2-е изд. М.: Экономика, 1965.
8. Общественная стоимость и плановая цена. М.: Наука, 1970.
9. Избранные произведения. В 6-ти томах / Ред.-сост. М.Б. Немчинов. М.: Наука. 1967, 1968, 1969.

Литература о В.С. Немчинове

1. Баянбаев К. Вопросы развития и размещения производительных сил в трудах академика В.С. Немчинова. Автореферат на соискание ученой степени канд. экон. наук. Алма-Ата, 1971.
2. Василий Сергеевич Немчинов. Материалы к библиографии ученых СССР. М.: Наука, 1964.
3. Горячева Р.И. Василий Сергеевич Немчинов. М.: Наука, 1964.
4. Екатериноская М.А. Немчинов Василий Сергеевич // История экономической мысли России в лицах. Словарь-справочник. М.: КНОРУС, 2007. С. 213–222.
5. Планирование и экономико-математические методы. (Сб. статей к 70-летию со дня рождения акад. В.С. Немчинова). Отв. ред. чл.-корр. АН СССР Н.П. Федоренко. М.: Наука, 1964.
6. Шухов Н.С. Академик В.С. Немчинов // Академики-экономисты России. М.: Институт экономики РАН, 1999. С. 159–167.

**НОТКИН
АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ
(1901–1982)**

Александр Ильич Ноткин родился 28 января 1901 г. в г. Луганск в семье служащего. Окончил Бахмутскую мужскую гимназию, учился на экономическом факультете Московского Института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, а затем в аспирантуре РАНИИОН (Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных

наук), которую он закончил в 1929 г. Был направлен на научно-педагогическую работу в Минск, где в 1930–1933 гг. заведовал кафедрой политической экономии в Белорусском Государственном университете, Институте народного хозяйства и Плановом институте, а также руководил аспирантурой Академии наук БССР. В 1932 г. Государственным Ученым Советом БССР ему было присвоено ученое звание профессора.

В 1933–1937 гг. А.И. Ноткин работает в Москве в качестве ученого специалиста Института экономических исследований Госплана СССР и затем в Бюро при Председателе Госплана СССР. После ликвидации Технико-экономического Бюро при Председателе Госплана СССР А.И. Ноткин перешел в начале 1938 г. в Институт экономики Академии наук СССР, где он и проработал до конца своих дней – старшим

научным сотрудником в секторах экономики промышленности, политической экономии, а затем руководителем сектора закономерностей темпов и пропорций воспроизводства. (Название сектора незначительно изменялось при корректировках структуры института.) В 1943 г. А.И. Ноткин защитил докторскую диссертацию «Пропорции общественного производства», а в 1976 году был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Умер А.И. Ноткин 12 мая 1982 г.

Александр Ильич Ноткин — один из наиболее ярких советских ученых-марксистов в области политической экономии социализма, теории воспроизводства, экономической эффективности и народнохозяйственного планирования. Его научные интересы включали как достаточно конкретные проблемы размещения производительных сил, построения баланса народного хозяйства, эффективности капитальных вложений, построения материально-технической базы социализма, стимулирования роста производительности труда, так и теоретические проблемы определения предмета и метода политической экономии социализма, категорий общественного продукта и национального дохода, товарности социалистического хозяйства, формулировки основного экономического закона социализма, оптимума потребления и накопления, структуры общественного производства, его эффективности, интенсификации и типов воспроизводства, общественного богатства. Он получил заслуженное признание в экономической науке прежде всего как крупнейший исследователь проблем социалистического воспроизводства и эффективности.

В первых работах А.И. Ноткина 1930-х годов по вопросам размещения производительных сил (совместно с Г. Александровым) им были предложены технико-экономические и энергетические критерии размещения для долгосрочного плана при основном критерии — повышении производительности общественного труда, а не только развития регионов и республик.

В известной дискуссии о предмете и методе политической экономии он (совместно с Г. Абезгаузом и Г. Дукором)

защищал и развивал Марксову точку зрения. Позднее в 1940-е годы (совместно с Н. Цаголовым) с марксистских позиций он рассматривал и проблему построения баланса народного хозяйства (его содержание, схемы, взаимосвязи натурально-вещественных и стоимостных показателей). А.И. Ноткин считал, что баланс народного хозяйства должен строиться на базе показателя валового общественного продукта, а так называемый «повторный» счет стоимости не является дефектом методологии исчисления общественного продукта, а представляет собой адекватное средство отображения движения продукта труда в сложившейся системе его общественного разделения. Позднее, в 1960–1970-е гг., участвуя в дискуссии о составе общественного продукта, он подтвердил свое понимание общественного продукта как суммы валовой продукции предприятий. В то же время он не отрицал значения в экономическом анализе таких агрегатов, как национальный доход и конечный продукт. Более того, национальный доход социалистического производства как совокупность материальных благ, формирующих фонды накопления и потребления, он считал той специфической экономической формой, в которой реализуется общественная собственность на средства производства, а «физический» объем национального дохода рассматривал как количественную цель производства и соответственно формулировал основной экономический закон социализма (6).

Опубликованная А.И. Ноткиным в 1948 году небольшая по объему работа «Очерки теории социалистического воспроизводства» (2) широко обсуждалась в среде экономистов и стала катализатором исследований по воспроизводству и планированию в СССР и странах социалистического лагеря. Здесь были впервые поставлены и вкратце освещены многие проблемы, позднее подробно им разработанные: о значении уровня экономического развития для формирования народнохозяйственных пропорций, о проблеме оптимизации соотношения потребление-накопление, о факторах, определяющих соотношение 1 и 2 подразделений, о роли фактора

времени в производстве и планировании и т.п. В монографии была четко определена позиция автора о наличии и месте товарного производства при социализме. А.И. Ноткин считал при социализме товарным не только производство предметов потребления, но и средств производства. Т.е. считал естественным наличие при социализме товарно-денежных отношений, подчеркивал единство натурально-вещественного и стоимостного аспектов воспроизводства. Им были выдвинуты также тезисы о неизбежности морального износа при социализме, определены границы использования техники, была показана возможность использования фонда возмещения средств труда как дополнительного источника расширения производства. Позднее, рассматривая проблему возмещения средств труда в условиях интенсификации, А.И. Ноткин показал, что экономия средств производства, в том числе и за счет использования части фонда их возмещения как дополнительного источника накопления, превращает условие простого воспроизводства ($V+m=C$) в неравенство, по своему экономическому содержанию подобное условию расширенного воспроизводства.

Эти положения нашли свое отражение в письме А.И. Ноткина И.В. Сталину в ноябрьской экономической дискуссии 1951 года, в котором он изложил свое понимание товарности социалистического производства и характера действия экономических законов при социализме, в том числе и закона стоимости¹.

В 1953 г. А.И. Ноткин выпустил в свет свою монографию «Вопросы определения экономической эффективности капитальных вложений в промышленности СССР» (3), в которой дан анализ показателя окупаемости капитальных вложений как экономической категории. Эта работа оказала большое влияние на ход дискуссии 1956–1958 гг. по вопросам определения эффективности капитальных вложений и способство-

1 Российский государственный архив социально-политической истории – РГАСПИ, фонд 558, опись 1, дело 5382; Письмо А. Ноткина И. Сталину и ответ И. Сталина А. Ноткину.

вала внедрению в практику показателя нормативных сроков окупаемости. В послевоенные годы, когда по идеологическим соображениям были забыты результаты исследований по проблемам эффективности капиталовложений, А.И. Ноткин обосновал с марксистских позиций принцип возвратности капиталовложений и необходимость применения показателя срока окупаемости при экономических обоснованиях проектов, а также предложил методы определения полных капитальных затрат (с учетом сопряженных затрат) в строящиеся объекты.

Итогом исследований А.И. Ноткина по проблемам построения материально-технической базы социализма стала его монография «Материально-производственная база социализма» (4), в которой было дано определение материально-технической базы социализма и были исследованы пути ее построения.

А.И. Ноткин принимает участие и в дискуссии 1956 года по вопросам измерения производительности труда — ее он считает необходимым измерять и в масштабе народного хозяйства (чего тогда не делали), показывает синхронность динамики электровооруженности и производительности труда в промышленности, предлагает методы сопоставления уровней производительности труда в СССР и США. Он обосновывает также и механизм обеспечения роста производительности труда — это поощрение коллективов не за снижение индивидуальной себестоимости, а за достижение и снижение среднеотраслевых норм затрат общественного труда.

Цикл исследований А.И. Ноткина 1950–1970-х гг., связанный с его непосредственным участием в подготовке материалов к составлению пятилетних планов и долгосрочной перспективы, обобщен в его широко известной монографии «Темпы и пропорции социалистического воспроизводства» (5), в которой освещались ряд методологических и конкретных вопросы планирования экономического развития страны. В этой работе были всесторонне проанализированы взаимосвязи между темпами экономического развития и измене-

нием главных народнохозяйственных пропорций в условиях социализма, исследованы факторы и экономические условия, определяющие темпы расширенного воспроизводства – производственные отношения, экономическая мощь и уровень экономического развития, рост производительности труда, динамика фондоемкости.

1970–1980-е годы деятельности А.И. Ноткина были связаны с разработкой актуальных проблем теории развитого социализма. Так, в ставшей заметным явлением в экономической литературе 1970-х гг. коллективной монографии «Производство, накопление, потребление» (7) А.И. Ноткин исследовал диалектическое взаимодействие фондов потребления и накопления в национальном доходе, предложил ряд простых числовых моделей, показывающих принципиальное существо этих взаимосвязей, сделал вывод о необходимости стабилизации нормы производственного накопления на этапе развитого социализма, которая должна быть компенсирована ростом эффективности накопления, улучшением использования производственных ресурсов, усилением роли фонда возмещения в обновлении основных фондов, улучшением организации капитального строительства, развитием хозрасчета и совершенствованием хозяйственного механизма в целом.

В эти годы А.И. Ноткин, руководя созданным им научным коллективом, организовал успешную разработку ряда узловых проблем экономического развития страны. Результатом этой работы стала публикация серии коллективных монографий, в которых основная теоретическая часть принадлежала А.И. Ноткину. Это монографии, посвященные проблемам экономической и отраслевой структуры народного хозяйства (Структура народного хозяйства СССР. М.: Мысль, 1967), факторов экономического развития (Факторы экономического развития СССР. М.: Экономика, 1970), социалистического накопления (Социалистическое накопление. Вопросы теории и планирования. М.: Наука, 1973), пропорциональности и сбалансированности общественного производства

(Пропорции воспроизводства в период развитого социализма. М.: Наука, 1976), эффективности социалистического воспроизводства (Экономическая эффективность общественного производства в период развитого социализма. М.: Наука, 1977), его интенсификации (Вопросы интенсификации и сбалансированности расширенного воспроизводства в период развитого социализма. М.: Наука, 1981).

В эти годы А.И. Ноткин внес существенный вклад в разработку проблем интенсификации, предложив свое понимание интенсивного и экстенсивного типов воспроизводства. Формальным построениям производственных функций он противопоставил исследование динамики фондоемкости, материалоемкости и производительности труда. Показав зависимость типа интенсивного воспроизводства (фондоемкого, фондонейтрального или фондосберегающего) от характера технического прогресса, А.И. Ноткин проанализировал воздействие на соотношение этих типов воспроизводства степени использования основных фондов и трудовых ресурсов, структуры общественного производства, его организации и функционирования хозяйственного механизма. Он обосновал концепцию частичной и всесторонней интенсификации общественного производства и показал, что перед СССР на этапе развитого социализма стоит задача перехода к всесторонне интенсивному типу воспроизводства (9). Немало было сделано А.И. Ноткиным и при разработке проблемы экономической эффективности общественного производства. Он подробно осветил на такие вопросы, как место категории «эффективность общественного производства» в системе отношений развитого социализма, содержание и слагаемые эффекта и затрат, критерий и система показателей эффективности. По его мнению, критерий эффективности общественного производства должен быть сквозным для всех уровней хозяйствования при сохранении некоторых специфических показателей для каждого из них. Трактовка А.И. Ноткиным критерия эффективности общественного производства как максимума «физического» объема национального дохода по

отношению к затратам на его производство при оптимуме фонда потребления и фонда накопления получила заслуженное признание в экономическом сообществе. Широко известен и стал основой многочисленных модификаций разработанной А.И. Ноткиным затратно-ресурсный обобщающий показатель экономической эффективности общественного производства, синтезирующий динамику производительности живого труда, материалоемкости и фондоотдачи. Предложенный им способ интеграции эффекта этих разнородных показателей представляет одно из важных решений в области теории эффективности (12).

По-новому осветил в последние годы жизни А.И. Ноткин и проблему соотношения подразделений общественного производства, разработку которой он начал еще в довоенные годы. Он показал, что преимущественный рост 1 подразделения закономерен в условиях крупного машинного производства, а конкретные проявления этой закономерности зависят от характера взаимодействия ряда факторов на разных этапах развития социализма. Важнейшим фактором сближения темпов роста двух подразделений А.И. Ноткин считал переход к всеобщему интенсивному типу воспроизводства, а основной предпосылкой этого сближения полагал усиленное накопление средств производства на предыдущем этапе развития. В таких условиях возможен «ступенчатый» тип расширенного воспроизводства, который наблюдался и в СССР, и в ряде социалистических стран (11).

Не обошел А.И. Ноткин вниманием и проблему снижения темпов роста, отчетливо выявившуюся в конце 1970-х — начале 1980-х гг., связанную прежде всего со снижением нормы накопления и падением его эффективности. Анализ этой проблемы, который А.И. Ноткин проводил под углом зрения необходимости обеспечения роста народного благосостояния, позволил ему сделать вывод о том, что эффект падения нормы накопления в национальном доходе может быть только временным и менее существенным, нежели эффект увеличения абсолютных приростов национального

дохода. В последней крупной своей работе А.И. Ноткин дал развернутый анализ проблем пропорциональности и сбалансированности общественного производства на путях перехода от частичной к всесторонней его интенсификации (13).

А.И. Ноткин не предполагал смены общественного строя в СССР. Будучи убежденным сторонником планового хозяйства, он стремился его исследовать и внести посильный вклад в построение и совершенствование социализма. Его работы – это живое свидетельство развития и общественного производства СССР и экономической науки, это развитие осмысливающей и пытающейся направлять экономической мысли. С этой точки зрения они будут представлять интерес для многих историков будущего. Однако они, несомненно, будут востребованы и как материал для экономической науки будущего общества, основанного на коллективных началах, которое с неизбежностью сменит капитализм.

Основные работы А.И. Ноткина полностью или частично переизданы в двухтомнике его трудов уже после смерти этого крупного советского ученого-экономиста и замечательного человека.

2005 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы А.И. Ноткина

1. Проблемы размещения промышленности в мировой литературе. М.: Гостехиздат, 1930.
2. Очерки теории социалистического воспроизводства. М.: Госполитиздат, 1948.
3. Вопросы определения экономической эффективности капитальных вложений в промышленности СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
4. Материально-производственная база социализма. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
5. Темпы и пропорции социалистического воспроизводства. М.: Экономиздат, 1961.

6. Общественный продукт и национальный доход в системе экономических категорий социализма // Вопросы экономики. 1962. № 9.
7. Темпы развития социалистического производства и подъем народного потребления // Производство, накопление, потребление. М.: Экономика. 1965.
8. Закономерности социалистического воспроизводства и структура народного хозяйства // Структура народного хозяйства СССР. М.: Мысль. 1967.
9. Типы расширенного воспроизводства и взаимосвязь факторов экономического развития // Факторы экономического развития СССР. М.: Экономика. 1970.
10. Накопление и его роль в расширенном воспроизводстве // Социалистическое накопление. Вопросы теории и планирования. М.: Наука. 1973.
11. Соотношение роста производства средств производства и предметов потребления в условиях развитого социализма // Пропорции воспроизводства в период развитого социализма. М.: Наука. 1976.
12. Основные вопросы теории экономической эффективности социалистического производства // Экономическая эффективность социалистического воспроизводства. М.: Наука. 1977.
13. Интенсификация и сбалансированность расширенного воспроизводства // Вопросы интенсификации и сбалансированности расширенного воспроизводства в период развитого социализма. М.: Наука. 1981.
14. Проблемы социалистического воспроизводства. М.: Наука, 1984.
15. Вопросы эффективности и интенсификации общественного производства. М.: Наука, 1986.

Литература о А.И. Ноткине

1. Маевский В.И. Взгляд на труды А. Ноткина с позиций сегодняшнего дня // Вопросы экономики. 2001. № 3.
2. Ноткин Александр Ильич // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия. 1979. С. 122.

Э.Д. Матвиевская

К.Э.Н.

ОСТРОВИТЯНОВ КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ (1892—1969)

Константин Васильевич Островитянов был одним из известных экономистов периода социалистического строительства в нашей стране. Он родился 30 мая 1892 г. в селе Бычки Тамбовской губернии в семье священника. В 22 года он заканчивает Тамбовскую духовную семинарию. Однако он не становится священником, а в том же 1912 году поступает сначала в Киевский коммерческий

институт, а затем переводится в Московский Коммерческий институт, который успешно заканчивает в октябре 1917 г. В бурный революционный период его влечет карьера общественного деятеля, проповедника новых революционных идей. Для двадцатипятилетнего юноши это стало делом всей его дальнейшей жизни.

В 1914 г. молодой К.В. Островитянов вступает в ряды Российской социал-демократической рабочей партии и начинает вести активную пропагандистскую работу, распространяет в России изданные за рубежом революционные газеты, журналы, брошюры. Более подробно этот период своей революционной работы и жизни Константин Васильевич описал в автобиографическом произведении «Думы о прошлом.

Из истории русской революции, большевистского подполья и октябрьских боев против контрреволюции в Москве», опубликованном в 1967 г.

Начиная с 1922 г. К.В. Островитянов полностью переключается на научно-преподавательскую работу. Его лекционная деятельность в Институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, где он являлся заместителем ректора, а также и в Губсовпартшколе в Высшей школе военной светомаскировки, а впоследствии и по радио, неизменно сопровождалась восторженными отзывами слушателей. Константин Васильевич был прекрасным полемистом, он побивал противников своей эрудицией, остроумием, убежденностью, исключительной преданностью делу своей науки.

Однако, если в период 1920-х – начала 1930-х гг. политико-экономические дискуссии еще происходили в стиле дореволюционных времен, то с середины 1930-х годов ситуация заметно ужесточилась, опасность слишком вольного толкования политико-экономических основ социализма все более возрастает. К.В. Островитянов не мог не осознавать этого. Он, по всей видимости, понимал тяжесть взятой на себя ответственности. Поэтому до конца дней он стремился к разрешению имевших место в социалистической экономической теории противоречий. Делал он это достаточно профессионально и корректно, редко входя в какие-либо серьезные конфликты с другими теоретиками и властями. И судьба пощадила его, отсчитав ему семьдесят семь лет наполненной многими событиями жизни, освободив его от самых страшных для того времени испытаний.

Нам представляется, что не совсем правильно полностью открещиваться от этапа социализма в нашей стране, а скорее всего совсем неправильно «быть Иванами, не помнящими родства», не говоря уже о том, что серьезно проанализированный опыт прошлого способствует более глубокому осмыслению и корректировке настоящего и будущего. В процессе изучения трудов академика К.В. Островитянова невольно возникает вопрос, на сколько теоретическое обоснование и несо-

вершенства сложившейся политико-экономической теории социализма повинны в его безвременном крахе и в какой мере в нем повинны конкретные люди, составлявшие многомиллионную армию членов коммунистических партий, своими волевыми, волюнтаристическими решениями, вопреки всем, ими же сформулированным законам, приведшие социализм к такому неожиданно быстрому финалу.

Тем не менее это была наша жизнь, и жизнь для основной части населения жертвенная — ради светлого будущего своих детей. Людям после революции, лишенным веры в Бога, хотелось верить в идеальное общество, где правительство заботится о своем народе, прежде всего о наиболее многочисленном рабочем классе и трудовом крестьянстве, и направляет своими творческими усилиями закон планомерного и пропорционального развития и другие законы, присущие социализму, в сторону осуществления основного экономического закона социализма — неуклонного роста материального благосостояния трудящихся. Народ верил в это, а ученые, в том числе и К.В. Островитянов, обосновывали теоретически такой заказ общества, включая в свои обоснования и веру в «беззаветное» служение Коммунистической партии и ее бессменного вождя И.В. Сталина интересам своего народа и всего человечества, которая фактически превратилась в особую закономерность социализма как социально-экономической формации.

С прискорбием приходится отмечать, что практически во всех странах, вступивших на путь постсоциалистического развития, также как и в России, не были глубоко проанализированы и обоснованы задачи и способы их возвращения на тропу капитализма. Везде наблюдается суматошность в решении задач переходного периода. А что касается теоретических обоснований и теоретической подготовки населения к происходящим изменениям, то мы в прямом смысле слова должны были бы поучиться у теоретиков социализма — тому, какую гигантскую работу проводили они, и в том числе К.В. Островитянов, в смысле популяризации теоретических знаний,

особенно на первоначальных этапах социалистического строительства. Так, для обоснования социализма Островитянов начал с первобытнообщинного строя и закончил современным ему капитализмом.

Человечество впервые совершило такое сальто-мортале, возвращаясь через 72 года к тому этапу развития, от которого ушло в 1917 г. Это не переход столетиями от феодализма к капитализму. Такой обратный ход требовал, прежде всего, глубочайшей проработки слабых сторон социализма и возможности или невозможности его позитивной трансформации. Ибо социализм был при помощи марксистско-ленинской теории и методологии весьма не плохо обоснован усилиями многих ученых-марксистов, к которым относил себя и академик К.В. Островитянов.

Народ всех стран социалистического сообщества, давно ожидавший от властей обновленческих решений, принял эти усилия за стремление освободиться от всего рутинного, неразумного, мешающего свободе народной инициативы, от дурацких некомпетентных партийных руководителей, не заботящихся о благе страны и населения. Он практически во всех странах с радостью поддержал этот обновленческий процесс, не ожидая подвоха и опять, как и в 1917 г., соблазнился подкинутым ему лозунгом: «Мы наш, мы новый мир построим. Кто был никем — тот станет всем». В результате эйфория первых лет перестройки смела все разумные сомнения и попытки обновления социализма, построения «социализма с человеческим лицом», которые имели место, например, в Чехословакии, и в каких-то вариантах в других странах социализма Восточной Европы.

К.В. Островитянов дожил до этого момента в истории социализма, до чехословацких событий 1968–1969 гг. Он достаточно тесно сотрудничал с Чехословацкой Академией наук. В 1957 г. он был избран ее действительным членом, с 1958 по 1965 г. был Председателем Общества советско-чехословацкой дружбы. Однако обновленческие процессы в рамках социализма не вдохновили его, да и высокое поло-

жение в академических и партийных кругах требовало поддержки линии партии во всех политических вопросах.

Многие высказывания К.В. Островитянова по поводу капитализма и капиталистических отношений, земельной и природной ренты, как бы устаревшие и забытые, опять приобретают актуальность, указывая на несовершенство тех отношений, которые в настоящее время формируются в условиях России, на пренебрежение к уже давно и скрупулезно исследованным и решенным теоретическим вопросам и проблемам повседневного бытия.

К.В. Островитянов, особенно в начале своего творческого пути, исследовал очень широкий спектр проблем политической экономии. Его творческое наследие очень велико. Однако спецификой его творческой деятельности было стремление выполнить социальный заказ нарождающегося социалистического общества. В период 1920–1930-х гг. интерес к проблемам политической экономии в России был очень велик, причем практически среди всех слоев населения страны.

Несмотря на то, что Островитянову настоятельно предлагали заниматься партийными делами, он выбрал для себя путь исследователя, преподавателя, популяризатора политико-экономических знаний, за что даже в наказание на 3 месяца был исключен из партии. Он активно включился в чтение лекций по политической экономии в самых различных аудиториях, а также выступал с лекциями по радио. Сохранились даже отзывы слушателей на его выступления.

В период 1920–1930-х гг. он также принимал участие в создании первых учебников по курсу политической экономии капитализма, и самых общих основ социализма, и других социально-экономических формаций, в подготовке учебных пособий и научно-методических материалов и программ для различных уровней обучения. Большое внимание он уделял вопросам преподавания основ политической экономии на рабочих факультетах (рабфаках). Уже в 1921 г. он становится первым директором первого в стране рабочего факультета и читает для его слушателей курс политической экономии.

Постоянно общаясь с рабочими, он особенно хорошо понимает, как именно нужно излагать курс политической экономии для людей, не имеющих полноценного базового образования.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. наибольшее внимание привлекла к себе работа, написанная К. Островитяновым совместно с И. Лапидусом «Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства», выдержавшая за период с 1928 по 1934 г. 8 изданий. Причем от издания к изданию работа эта обрастала новыми разделами, материалами и увеличилась в объеме с 413 до 579 страниц. Была также опубликована на английском языке (Лондон. 1929 г.), на французском языке (Париж. 1929 г.), на китайском языке 1930 г.), на японском языке (Токио. 1936 г.). Эта книга написана, с одной стороны, как учебник с лабораторными материалами по отдельным разделам и списками литературы к ним, с другой стороны, это в достаточной мере обстоятельный, но при этом критический анализ экономического развития и его закономерностей при капитализме. Этим проблемам посвящено 10 крупных отделов учебника: «Стоимость как регулятор товарного хозяйства», «Производство прибавочной стоимости», «Заработная плата», «Воспроизводство и накопление капитала», «Теория прибыли и цены производства», «Торговый капитал и торговая прибыль», «Ссудный капитал и кредит, кредитные и бумажные деньги», «Земельная рента», «Проблема равновесия и кризисов в капиталистическом хозяйстве», «Империализм и крушение капитализма». Последний раздел по капитализму завершается небольшим параграфом, в котором говорится о неизбежной гибели капитализма и переходе к коммунизму.

Далее авторы исследуют вопрос о предмете и методе политической экономии, о диалектическом и историческом материализме. Последний большой раздел книги посвящен проблемам экономики переходного периода. В нем 11 глав, в которых исследуются вопросы: неизбежности переходной эпохи от капитализма к коммунизму, общей характеристики

советского хозяйства и методологии его изучения, о плановых началах как о регуляторе советского хозяйства, о проблемах эксплуатации в советском хозяйстве, о заработной плате в СССР, о торговом капитале и торговой прибыли, о кредите и денежном обращении в советском хозяйстве, о земельной ренте и проблемах воспроизводства при социализме. В этом разделе освещались проблемы переустройства сельского хозяйства в СССР, а также буржуазные и мелкобуржуазные концепции развития советского хозяйства и их критика.

Завершается работа главой о тенденциях и перспективах социалистического строительства, главными из которых авторы считают возможность построения социализма в одной отдельно взятой стране по причине неравномерного развития капитализма и возможности превращения СССР в оплот мировой революции.

Во введении к учебнику авторы отмечают, что они будут «изучать политическую экономию с точки зрения интересов рабочего класса» (1. С. 14). По мнению авторов, «сам ход развития капитализма с неизбежностью ведет к конечной победе пролетариата». Лучшим доказательством этого является победа рабочего класса в Советском Союзе. Рабочий класс поэтому «в высшей степени заинтересован в беспристрастном объективном изучении развития капиталистического общества». Изучив законы этого развития, он может более правильно, как считают авторы, «строить свою политику и тактику борьбы с господствующими классами и тем самым ускорить и сократить «муки родов» бесклассового коммунистического общества» (1. С. 14). Далее авторы дополняют, что «интересы пролетариата в корне противоречат своекорыстным интересам господствующих классов, но они целиком совпадают с объективным ходом общественного развития и правильно понятыми интересами всего человечества (1. С. 4). В данном месте текста статьи так и хочется отметить, что счастье К. В. Островитянова, что он не дождался до дня сегодняшнего, поставившего точку на так убедительно развиваемой теории окончательной победы бесклассового общества.

Нужно отметить, что в первой половине 1930-х гг., по высказыванию самих авторов учебника, «марксистская политическая экономия в основном уже сформировалась, в то время как теория советского хозяйства еще формируется в процессе споров и борьбы» и это дает авторам определенный простор для их пылкой фантазии по поводу перспектив социализма и коммунизма.

Впоследствии, в конце 1930-х гг., и особенно в период после Второй мировой войны, каждое слово относительно капитализма, социализма, коммунизма уже очень тщательно выверялось, а несоответствующая генеральной политической линии ЦК КПСС оценка могла иметь для автора самые печальные последствия. Поэтому начало 1930-х гг. можно назвать периодом теоретической эйфории, когда люди еще о чем-то полемизировали, высказывали различные несопадающие точки зрения. Впоследствии отклоняться от общепринятой теоретической версии было возможно только «вместе с линией партии», как с иронией говорилось в одном из анекдотов, бытовавших в СССР в период 1970–1980-х гг.

В данной же книге К.В. Островитянов совместно с И.А. Лапидусом тщательно исследовал особенности экономического развития капитализма, используя марксистский метод анализа, сопоставляя их с возможным развитием при социализме. Этот анализ помог в дальнейшем формированию фундаментальных теоретических построений политической экономии социализма. Многие темы, затронутые в этой книге, получили свое дальнейшее развитие в отдельных брошюрах.

На базе этой работы был также написан учебник Политической экономии, ч. 1 и ч. 2 (1932–1933), в качестве учебно-методического пособия для заочных совпартшкол и комсомольских университетов, изданный Партиздатом. Нам представляется, что именно эта книга и работа над ней позволили впоследствии К.В. Островитянову возглавить работу над фундаментальным учебником политической экономии социализма, первое издание которого вышло в 1954 г.

Исследуя публикации К. В. Островитянова 1930-х — первой половины 1940-х гг., обнаруживаешь, что наибольшее количество опубликованных им в этот период работ посвящено исследованию досоциалистических формаций, которое проведено достаточно обстоятельно и аргументировано. И это не удивительно. Ведь нарождавшийся тогда новый строй требовал обоснования своего появления и существования.

В каждой из предшествующих социализму формаций преваляло с точки зрения марксистской методологии частный интерес, который оставлял за бортом своей социально-экономической деятельности беднейшие слои населения (городской пролетариат и беднейшее крестьянство). Именно эта черта, объединявшая предшествующие социализму формации, подводила социалистов к выводу о том, что к началу XX в. производительные силы общества достигли уже такого уровня, когда производство должно служить на благо общества в целом, а не отдельных его представителей, являющихся собственниками крупнейших фабрик и заводов, добывающих сырье отраслей, железнодорожных компаний, крупных торговых предприятий. Имелось в виду, что существующие производительные силы могут в достаточной мере обеспечивать не только привилегированную часть населения, но и население всей страны.

Думается, что данная идея, корректно и достаточно научно сформулированная, не потеряла актуальности во всем мире и до настоящего времени, особенно в нашей стране и многих других странах постсоциализма. Социалисты пытались доказать реальность реализации идеи всеобщего благоденствия на путях обобществления собственности. Если бы они шли к этой цели до конца честно и самоотверженно, то вполне вероятно, что мы бы сейчас не строили первоначальных основ капитализма, на том же самом базисе, но только почти наполовину разрушенном, разворованном, распроданном, разукрупненном, как пишется в прессе, а строили коммунистическое общество.

В 1930–1940-е гг. выходят многочисленные брошюры и циклы лекций Островитянова. Они в огромном количестве экземпляров разошлись по всей стране. А многие из них просто не сохранились, и их не найдешь в библиотеках. Наиболее полный набор этих брошюр имеется в мемориальном кабинете К.В. Островитянова, бережно хранимом в своем первозданном виде его дочерью Натальей Константиновной Островитяновой (Филатовой). К сожалению, несмотря на бережное хранение, случившийся в 2009 г. пожар полностью уничтожил материалы кабинета.

К.В. Островитянов опубликовал также большое количество журнальных статей, перечень которых содержится в библиографии его трудов. Можно говорить лишь о тематике этих работ и некоторых содержащихся в них формулировках, не потерявших актуальности и до настоящего времени.

Во второй половине 1930-х годов выходят следующие стенограммы его лекций: «Первобытный коммунизм», «Феодально-крепостнический строй», «Производство и присвоение прибавочной стоимости – основа капитализма», «Три основные исторические стадии развития капитализма в промышленности», «Промышленный капитализм как стадия в развитии капиталистического общества», «Рабовладельческий строй», «Заработная плата», «Воспроизводство и обращение всего общественного капитала». В 1938 г. у К.В. Островитянова выходит статья «О крестьянской общине» и в 1940 г. статья «О полном соответствии производственных отношений производительным силам в социалистическом обществе».

Можно сказать, что к началу 1940-х гг. отдельные политико-экономические категории социализма были уже в достаточной мере разработаны, и большая роль в разработке целого ряда перечисленных тем принадлежала К.В. Островитянову. Наиболее актуальной проблемой этого периода стала проблема соотношения, сопряженности основных характерных для социализма законов и категорий: основного экономического закона социализма, направленного на максимальное удовлетворение материальных и духовных потреб-

ностей человека, закона планомерного и пропорционального развития социалистической экономики, роли социалистического государства в экономическом и политическом развитии стран социализма.

Особое место занимала проблема товарно-денежных отношений и закона стоимости в условиях социализма. Наибольшее количество разночтений, дискуссий, полемических выступлений касалось именно этого раздела политической экономии социализма. Социализм, особенно на первых порах, весьма идеализировался. Многим восторженным теоретикам казалось, что товарно-денежные отношения чуть ли не сразу отомрут. Однако К.В. Островитянов совместно с И.А. Лапидусом в выше упомянутой книге приходят к мнению, что социалистический уклад вынужден принять товарную форму не только по отношению к другим укладам, но и во взаимоотношениях между отдельными социалистическими предприятиями. В книге отмечается, что «сознательное и планомерное регулирование советского государства сводится к тому, что оно, считаясь с законом стоимости и используя его, направляет его действие по линии укрепления и развития социалистических элементов советского хозяйства». В советском хозяйстве пропорциональность «достигается сочетанием планового руководства с законом стоимости. При этом ведущая роль находится на стороне планового начала» (1. С. 471, 473). Эту позицию Островитянову приходилось отстаивать. Как пишет в своей статье об отце Ю.К. Островитянов, «он буквально завоевал эту истину для себя и других в непрестанной полемике, в трудных поисках и сомнениях, преодолевая жесткое сопротивление оппонентов и личный психологический барьер»¹.

К началу 1941 г. в партийных верхах СССР созревает идея создания целостного фундаментального учебника политической экономии, основная часть которого должна быть

1. Островитянов Ю.К. К.В. Островитянов – личность ученого и революционера // Становление и развитие экономической науки. М.: Наука. 1976. С. 156.

посвящена раскрытию законов и категорий социализма. В связи с этим 29 января 1941 г. И.В. Сталин встретился с группой экономистов, в которую входили Н.А. Вознесенский, К.В. Островитянов, Б.Л. Маркус, А.И. Пашков, Л.А. Леонтьев, Г.П. Косяченко для обсуждения макета такого учебника. На этой встрече И.В. Сталин также обосновывал существование товарных отношений и закона стоимости в советской экономике.

Предполагалось, что основным автором этого учебника будет Л.А. Леонтьев. Однако начавшаяся 21 июня 1941 г. Великая Отечественная война прервала эти планы. В 1941–1942 гг. К.В. Островитянов вместе с Институтом экономики АН СССР, являясь заведующим сектором политэкономии, оказывается в эвакуации в городе Алма-Ата. К вопросу об учебнике политэкономии вернулись вскоре после окончания войны, в 1950 г.

Помимо К.В. Островитянова о других авторах опубликованного учебника говорилось как-то вскользь. Еще больший вопрос вызвало замечание академика Н.П. Федоренко, высказанное в его статье о К.В. Островитянове, вышедшей в 1976 г. В ней говорилось: «В конце 40-х годов К.В. Островитянов был включен в группу ученых-экономистов, на которую в 1950 г. партия возложила ответственную задачу – составление нового учебника политической экономии»². К большому несчастью состав этой группы существенно изменился. В ней, прежде всего, не стало выдающегося экономиста Н.А. Вознесенского, который был осужден по ложному обвинению и расстрелян в 1950 г. Признаком ушедшего времени остается также и то, что уже в 1970-е годы, после смерти Сталина, после полной реабилитации Н.А. Вознесенского, его имя старались не упоминать, о его политико-экономических работах не говорить. Не избежал этого и академик Н.П. Федоренко.

2. Федоренко Н.П. Академик Константин Васильевич Островитянов // Становление и развитие экономической науки. М.: Наука. 1976. С. 6.

В 1950 г. в состав группы по написанию макета учебника политической экономии вошли: чл.-корр. АН СССР Д.Г. Шепилов, чл.-корр. Л.Н. Леонтьев, действительный член ВАСХНИЛ им. В.И. Ленина И.Д. Лаптев, профессор И.И. Кузьминов, д.э.н. Л.М. Гатовский, академик П.Ф. Юдин, член-корр. А.И. Пашков, к.э.н. В.И. Переслегина (ответственный секретарь). В подборе статических данных участвовал д.э.н. В.Н. Старовский.

Перечисленные выше авторы остались в группе до конца и были указаны в качестве авторов в предисловии ко всем изданиям учебника. Окончательная редакция учебника была проведена К.В. Островитяновым, Д.Т. Шепиловым, Л.А. Леонтьевым, И.Д. Лаптевым, И.И. Кузьминовым, Л.М. Гатовским. На этот раз возглавить работу группы было поручено К.В. Островитянову. Предстояло не только написать учебник, но параллельно решить ряд спорных теоретических проблем. Сохранилось несколько фотографий, передающих атмосферу этой совместной работы и того времени, которая проходила в поселке Можинка, где авторы учебника некоторое время жили.

К 1951 г. в результате напряженнейшей работы макет учебника был подготовлен. В этот период К.В. Островитянов уже выступает не только как ученый от своего собственного лица, но и как директор Института экономики Академии наук СССР, который он возглавлял с 1947 по 1953 г. Этому предшествовала и его работа на нескольких кафедрах политической экономии, которые он возглавлял, в некоторых случаях и одновременно. Так, в 1938–1941 гг. он был руководителем кафедры политэкономии в Военно-юридической академии. Во время эвакуации в г. Алма-Ата в 1941–1942 гг. он одновременно руководил аналогичной кафедрой Финансового института. В 1943–1944 гг. Островитянов руководит кафедрой политической экономии Инженерно-экономического института, в 1943–1948 гг. он одновременно занимает ту же должность в МГУ им. М.В. Ломоносова, а в 1944–1946 гг. фактически также одновременно является руководителем кафе-

дры политической экономии Высшей школы парторганизаторов и ленинских курсов при ЦК ВКП(б). Его популярность и научный авторитет заметно растут, растет и количество учеников, закончивших указанные учебные заведения.

В 1951 г. для обсуждения подготовленного макета первого учебника политической экономии собралось широкое экономическое совещание. Хотелось бы напомнить, что это был всего шестой год после окончания Великой Отечественной войны. Шестой год тяжелых восстановительных работ. На этом обсуждении выступал и К.В. Островитянов как один из соавторов учебника и одновременно как директор Института экономики и главный редактор центрального экономического журнала «Вопросы экономики». Ему был предоставлен для выступления 1 час времени.

Эта дискуссия и выступление К.В. Островитянова показывают слабые места в экономической теории того времени и одновременно демонстрируют систему внутренних отношений, сложившуюся при социализме к началу 1950-х гг., подобострастную манеру обращения к руководству и, прежде всего, непосредственно к бессменному руководителю партии И.В. Сталину.

Открывая свое выступление, К.В. Островитянов говорит, что «свободная дискуссия по проекту учебника политической экономии, организованная Центральным Комитетом нашей партии, представляет собой выдающееся историческое событие на экономическом фронте». Он также говорит, что «она, несомненно, явится переломным моментом как в развитии экономической науки, так и в деле преподавания политической экономии и вообще экономических дисциплин». Островитянов указал на то, что дискуссия вскрыла наличие серьезных недостатков в проекте учебника политической экономии, особенно в разделе, посвященном социалистическому способу производства. Сам он остановился, прежде всего, на экономических законах социализма, на понимании закона стоимости, которое вызвало наибольшее количество споров, на вопросе о деньгах при социализме.

К.В. Островитянов отмечает, что неправильно считать, что экономические законы социализма являются полностью стихийными и «господствуют над волей и сознанием людей». Это, по его мнению, ведет к механическому перенесению на советскую экономику стихийно действующих капиталистических законов. Одновременно он утверждает, что неправильно считать, что в советском хозяйстве, в противоположность капиталистическому, не базис определяет надстройку, а, наоборот, надстройка в лице социалистического государства определяет базис, что она создает экономические законы и сама входит в качестве определяющего момента в само содержание экономических законов. Эта установка, по мнению К.В. Островитянова, противоречит прямым высказываниям товарища Сталина об определяющей роли базиса по отношению к надстройке и о служебной роли надстройки по отношению к базису и является бесплодной в научном отношении. К.В. Островитянов считает, что уместно говорить лишь о научном характере политики партии и советского государства, показывать «те законы, из которых партия и советское государство исходят в построении своей программы, в определении политической линии, в разработке народнохозяйственных планов; показать как партия и советское государство используют и применяют экономические законы в своей практической деятельности». Это высказывание Островитянова является очень типичным для того времени. Оно по существу означает, что партия руководствуется объективными законами и в выборе того, чем она руководствуется, она никогда не ошибается.

К.В. Островитянов соглашается с критиками макета учебника в том, что в нем «выхолощено содержание закона стоимости, не показана заложенная в этом законе объективная необходимость, что закон стоимости превращен в учетную категорию». Он соглашается с тем, что в макете учебника «не вскрыт механизм действия преобразованного закона стоимости и слабо показано его народнохозяйственное значение».

В критике неприемлемых трактовок закона стоимости при социализме он называет конкретные фамилии:

тт. Я.А. Кронрод, В.П. Дьяченко, Б.С. Геращенко, А.А. Яковлев, С.Г. Струмилин и др. Один из выступавших даже сравнил закон стоимости в условиях социализма с оголенным электрическим проводом, который поражает всякого, кто осмелится к нему притронуться.

К.В. Островитянов в своем выступлении отмечает, что задача исследования этого закона состоит в том, «чтобы проанализировать, как по мере роста и укрепления социалистической собственности на средства производства и усиления планового руководства народным хозяйством меняются экономические основы, содержание и роль товарно-денежных категорий и показать принципиальные отличия товара, существующего в условиях социалистического общества от товара при капитализме».

Нам представляется, что именно постулат о кардинальном различии товара при капитализме и социализме и явился той ловушкой, которая так и не дала ученым социалистических стран научно объяснить существование закона стоимости при социализме. Стремление полностью отделиться от капитализма завело ученых в тупик. Они забыли, что любое общество несет в себе черты преемственности от предшествовавшего ему, необходимую связь времен, что это совершенно естественно для процесса эволюции. Стремление полного отделения от всех черт капитализма явилось амбициозным, не объективным и научно не плодотворным.

От себя К.В. Островитянов по данному вопросу высказал следующее соображение: «Так как на стадии социализма существуют серьезные различия между трудом рабочих и колхозников, умственным и физическим, квалифицированным и не квалифицированным, которые исчезнут только во второй фазе коммунизма, то товарообмен товаров, создающихся разнокачественным трудом в условиях социализма, для сведения к однородному, абстрактному труду может осуществляться только в денежной форме на основании использования закона стоимости» (Стенограмма, 1951. С. 5).

Макет учебника в целом был одобрен, в том числе и генсеком И.В. Сталиным, но напряженная работа по его совершенствованию, внесению необходимых изменений и дополнений продолжалась не только до выхода первого его издания в 1954 г., но и в период всех последующих его улучшенных переизданий, вплоть до конца 1950-х гг.

В центре внимания совещания оказались проблемы выяснения объективного характера, содержания и действия экономических законов, особенностей товарных отношений в СССР, вопросы расширенного социалистического воспроизводства и перерастания социализма в коммунизм. В процессе дискуссии был высказан целый ряд новых идей, оригинальных предложений и одновременно воскресли некоторые ранее предлагаемые полемические трактовки.

В полемике принимали участие как ученые, признающие, так и отрицающие товарное производство при социализме. Особенно большие разногласия вызвало обсуждение вопроса о действии закона стоимости при социализме. Многие из выступавших защищали учетно-распределительную концепцию, согласно которой наличие закона стоимости при социализме обуславливается только распределением по труду и необходимостью соизмерения сложного и простого труда.

По свидетельству А.М. Гатовского, Островитянов как председатель комиссии осуществлял постоянное руководство исследованиями и дискуссиями и самым активнейшим образом участвовал в них. Он действительно вникал во все проблемы, сопоставлял различные точки зрения, выступал в качестве арбитра, добиваясь наибольшей доказательности и точности текста. За ним, в конечном счете, признавалось последнее слово. Однако он пользовался им с исключительным тактом, стремясь выяснить суть разногласий и найти взаимоприемлемое обоснованное решение вопроса.

Учебник «Политическая экономия» под редакцией К.В. Островитянова вышел в свет под грифом Института экономики АН СССР в 1954 г., он выдержал 5 изданий тиражом 7 млн 800 тыс. экземпляров и был переведен на десятки

языков. В ту пору считалось, что он ознаменовал новый этап в дальнейшем творческом развитии марксистско-ленинской политической экономии и явился первым опытом создания системы политической экономии социализма. В нем впервые политическая экономия излагалась в плане движения от одного способа производства к другому, а в рамках социалистической фазы коммунистического способа производства давался углубленный анализ категорий и законов политической экономии социализма. Примерно так оценивали этот учебник советские экономисты самого высокого ранга вплоть до периода 1980-х годов. Не все в нем удалось сразу, каждое издание дорабатывалось, обнаруженные ошибки исправлялись. Последующие издания, вышедшие после смерти Сталина, уже были лишены элементов культа его личности. По свидетельству сына Островитянова, Юрия Константиновича, его отец никогда не считал учебник канонической книгой: «Он отлично сознавал, что на нем, как и на всяком научном труде, лежит печать времени, и неустанно трудился над дальнейшей творческой разработкой его положений и выводов»³.

Учебник «Политическая экономия» под редакцией К.В. Островитянова вышел в свет в тот период, когда необходимость в нем ощущалась не только в Советском Союзе, но и во всех странах, которые в послевоенный период также перешли к строительству социализма. Переход к новому социальному устройству в странах народной демократии, как их тогда называли, требовал серьезных теоретических обоснований, а процесс обучения в этих странах должен был быть дополнен изучением этой теории. Учебник имел необыкновенную популярность. Он был переведен в 1954 г. на болгарский и новогреческий языки, в 1955 г. — на китайский, чешский, словацкий, венгерский, немецкий, румынский, польский, корейский и другие языки. Во многих странах

3. *Островитянов Ю.К.* К.В. Островитянов — личность ученого и революционера // Становление и развитие экономической науки. М.: Наука. 1976. С. 161.

учебник, так же как и в СССР, был переиздан несколько раз. Именно после появления данного учебника, как бы установившего субординацию законов и категорий социализма, как из рога изобилия, посыпались многочисленные другие учебники вплоть до конца 1980-х годов, в принципе сохранявшие эту субординацию.

До конца 1950-х гг. у К.В. Островитянова не выходит никаких крупных работ, но фактически каждый год переиздается Учебник политической экономии, который тиражируется за рубежом. В 1954 г. параллельно с учебником была опубликована небольшая брошюра «О предмете политической экономии» (36 с.), которая также была переведена на многие языки.

В остальном публиковались его доклады и выступления на различных собраниях, заседаниях, конференциях. В юбилейный для Советского Союза 1957 г. сорокалетия Октября старый большевик К.В. Островитянов публикует несколько статей – воспоминаний о революционных годах, о своем участии в революции, а также несколько программных статей: «Всемирно-историческое значение Октябрьской революции и победы социализма в СССР» (Вестник АН СССР, № 10), «Торжество ленинской теории социалистической революции» (Вестник АН СССР, № 11), «Победа социализма в СССР и образование социалистической системы мирового хозяйства» (Вопросы экономики, № 10), «Товарное производство и закон стоимости при социализме» (Коммунист, № 13). В 1958 г. Островитянов на сессии отделений общественных наук АН СССР, посвященной вопросам борьбы с «современным ревизионизмом», выступает с докладом «Борьба с современным ревизионизмом», который был опубликован в Вестнике АН СССР № 7 за 1958 г.

Из других работ можно отметить статью «Против антиисторического подхода к проблеме товарного производства при социализме» (в кн. «Закон стоимости и его роль при социализме». Госполитиздат, 1959. С. 64–77), а также доклад и заключительное слово на научном совещании по вопросу

о законе стоимости и его использовании в народном хозяйстве СССР (в кн. «Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР». М.: Госполитиздат, 1959. С. 7–30).

В 1953 г. К.В. Островитянова избирают действительным членом Академии наук СССР, в том же году за выслугу лет и безупречную работу его награждают первым орденом Ленина. Одновременно с 1953 по 1962 г. он является вице-президентом АН СССР и главным редактором журнала «Вестник Академии наук СССР».

К началу 1960-х годов академик К.В. Островитянов, став в 1962 г. председателем научного совета при Президиуме Академии наук СССР по комплексной проблеме «Закономерности развития социализма и перехода к коммунизму», концентрирует свое внимание именно на этом круге проблем, при этом постоянно выделяет для себя проблему товарно-денежных отношений при социализме и коммунизме.

С 1955 г. и до последних дней своей жизни он также остается членом Ученого совета и Совета по общим проблемам политической экономии социализма Института экономики АН СССР, с 1961 г. — председателем Президиума Ассоциации советских экономических научных учреждений, с 1962 г. — членом Президиума АН СССР, с 1963 г. — членом бюро Редакционно-издательского Совета АН СССР и Председателем секции Научно-популярной литературы при Редакционно-издательском Совете АН СССР, членом редколлегии журнала «Вестник Академии наук» и с 1953 г. главным редактором трехтомника «История Академии наук СССР».

Это далеко не полный перечень всех сфер деятельности, которыми обременил себя академик К.В. Островитянов на последнем, завершающем отрезке своего жизненного пути. Он скончался в возрасте 77 лет в ночь с 8 на 9 февраля 1969 г. от тяжелейшего сердечно-сосудистого приступа. Болезнь подкрадывалась к нему исподволь, давая о себе знать несколько последних лет, в последние два года он почти потерял зрение. Он отказался от ряда руководящих должностей, но и то,

что осталось, как мы видим из перечня, приводимого выше, также требовало гигантского здоровья, многое приходилось делать, надеясь только на свой слух и память.

В последние годы жизни он все еще успевал сражаться на нескольких фронтах, пытаясь охватить появляющиеся новые и все более глобальные проблемы. Так, в 1968 г. в издательстве «Наука» он публикует работу «Система экономических наук», где обосновывает идею создания системы экономических наук как основу для объединения усилий экономистов и математиков на решении фундаментальных теоретических проблем коммунистического строительства. В этой же работе Константин Васильевич пытается развить принцип системного анализа действующих при социализме объективных экономических законов. Не оставляет он и своей любимой и, на наш взгляд, так и не разрешенной проблемы товарно-денежных отношений. Последней из опубликованных им при жизни статей была статья «За исторический подход к теории товарного производства при социализме» (Вопросы экономики, 1969, № 1). В это же время была подготовлена, но вышла в 1971 г., уже после его смерти, брошюра «К вопросу о товарном производстве при социализме». В последние годы, в связи с подготовкой к празднованию 50-летия Октябрьской революции, К.В. Островитянов издает ряд мемуарных статей, а в 1967 г. — книгу воспоминаний о своем революционном прошлом — «Думы о прошлом».

Трудно себе даже представить, что в человеческих силах полностью выполнять такое огромное количество обязанностей в столь разнообразных сферах деятельности. Такое впечатление, что у людей этого поколения и соответствующего ранга существовал какой-то неуемный голод самоутверждения и самовыражения.

Волею судьбы, автору этих строк пришлось в течение нескольких последних лет размышлять над судьбой К.В. Островитянова, начиная с подготовки первой статьи о нем в сборник Института экономики, посвященный академикам-экономистам России. Постепенно вырисовывался непростой

образ человека, который по какому-то удивительному стечению обстоятельств оказался как бы символом безвременно ушедшей эпохи социализма. Представляется, что К.В. Островитянов — это загадочный человек. Если попытаться охарактеризовать его терминологически, то беру на себя смелость утверждать, что он был представителем санкционированного, регламентированного, социалистического, экономического романтизма. В процессе исследования его творческой биографии все более настойчиво начинают прорываться два сакраментальных вопроса.

Первый — как случилось, что священник, сын священника, воспитанный в православной вере, смог отринуть опыт всего предшествующего развития и взял на себя смелость внедрять в сознание людей не апробированные тысячелетиями Божьи законы, а сконструированные людьми законы о все возрастающем благосостоянии в выдуманном большевиками «царствии Божьем на земле», которое в России так никогда и не осуществилось? А судя по тому, какие люди возглавляли это «царствие», никогда и не могло осуществиться.

И второй вопрос — неужели он и многие из его соратников, последовательно проводя непоследовательную линию партии, теоретически угождая ее социальному заказу, действительно не видели реальности, не видели того, что мы — самая богатая страна в мире хронически отстаем от всего мира по уровню и темпам роста материального благосостояния народа и что этот разрыв постоянно увеличивается? Или они просто не хотели этого видеть?

Воззрения К.В. Островитянова на все проблемы политической экономики с течением времени приобрели необыкновенно отточенную структурную форму. По многим проблемам, особенно по досоциалистическим формациям, у него фактически не было оппонентов. Исключение составлял лишь неудобный, никак не вмещавшийся в другие стройные категории социализма и коммунизма, закон стоимости и необходимые ему товарно-денежные отношения, которые при всем желании теории социализма никак не могли вытеснить из реальной

жизни. Он просачивался через все ее поры и постоянно заявлял о себе. Вот здесь у К.В. Островитянова были и оппоненты, и противники, да и он проявлял ворчливость и неуступчивость.

Мечта многих советских экономистов покончить с этим непокорным законом стоимости, который не желал подчиняться ни марксизму, ни правящей коммунистической элите, сбылась, когда родилась спасительная идея вообще отменить его при коммунизме. «С преодолением товарно-денежных отношений, — пишет К.В. Островитянов, — учет и распределение рабочего времени будут осуществляться уже не с помощью стоимости и ее форм, а непосредственно в рабочих часах. Проблема учета общественного труда непосредственно в рабочем времени чрезвычайно сложна, но, как учит история, назревшие потребности общественного развития возникают одновременно со средствами их разрешения» (14, Т. 2. С. 530–533). Или, иными словами, цель оправдывает средства? Значит, не ученые попали в теоретический тупик, а история не нашла достойных средств для вытеснения этого закона. Вскоре она их найдет.

Автор этих строк относится к тому поколению экономистов, которое было еще молодым, когда поколение революционных ученых уже было для нас достаточно старым. Мы учились по их работам, преклонялись перед их авторитетом, удивлялись их эрудиции и способности абсолютно не замечать и не отражать в своих исследованиях всего того, что не вмещалось в их гладко выстроенную, санкционированную КПСС, научную систему. Нам представляется, что при всем обилии дискуссий и обсуждений оказался очень поверхностно сформулирован основной экономический закон о все возрастающем материальном благосостоянии населения и его связи с законом планомерного и пропорционального развития, законом стоимости и товарным производством при социализме, которое то полностью отрицалось, то частично теоретически позволялось. И, наконец, в политической экономике социализма совершенно не был разработан вопрос о собственности — главный вопрос всех существовавших на

земле экономических систем. Понятие «собственность» само по себе было упрощено, ибо ее надо было рассматривать в своей сути через понятия «владение», «управление», «распоряжение» и «присвоение», потребление всего того, что с ней связано.

К.В. Островитянов не дожидаясь двадцати лет, чтобы увидеть то, во что воплотились его коммунистические идеалы, с трудом по возможности и получением за труд по потребности. Пока ученые во главе с академиком Островитяновым рассуждали о степени допущения товарно-денежных отношений в социалистическую экономику, создавая иллюзию об их подчиненности социалистическому плановому началу, и могли, по всей видимости, спорить еще долго, теневые структуры, которые действовали, исходя из собственных интересов, а не по абстрактной схоластической теории, накопили такое количество средств, что смогли заказывать себе не только нужное правительство, но даже социально-экономическое устройство общества.

Великий научный романтик, академик К.В. Островитянов не дожидаясь до полного крушения дела всей его жизни, распада, как оказалось, в чьих-то интересах искусственно созданного социалистического строя — Голема XX века. Ибо та же коммунистическая партия, а более точно, ее верхушка, волевым усилием смогла обрушить здание, которое скрупулезно строилось в течение 72 лет и строительству которого были принесены в жертву миллионы человеческих жизней. И теперь мы уже подсчитываем не ускорение темпов экономического роста, как раньше, а снижение темпов его падения.

Автору этих строк довелось встречаться с академиком К.В. Островитяновым и даже некоторое время довольно тесно общаться, оказавшись вместе в составе делегации на международной конференции в Болгарии в г. Пловдив в 1964 г. Константин Васильевич в свои 72 года производил впечатление очень интеллигентного, эрудированного, выдержанного, обаятельного человека, жизнелюба, не лишённого остроумия и непринужденности, элегантно одетого, подтянутого, иногда

несколько валяжного и избалованного общим вниманием. Среди делегатов конференции, где присутствовали и западные научные светила, я часто слышала негромкие возгласы: «Смотрите, это тот самый Островитянов — автор первого учебника политической экономии социализма». Делегаты беседовали с ним весьма уважительно и внимательно слушали его выступление.

К.В. Островитянов дожил до семидесяти семи лет, но какую бы работу ни совершало над ним время, он до конца своих дней, со своими маленькими усиками над верхней губой и зорким, умным взглядом через очки, сохранил облик русского интеллигента начала XX столетия. Заслуги Константина Васильевича Островитянова перед страной, а еще больше перед партией и правительством, были отмечены многими орденами и медалями. В 1932 г. от имени Московского совета депутатов трудящихся ему было присвоено почетное звание бывшего красногвардейца, в 1944 г. его награждают первым орденом Трудового Красного Знамени за выдающиеся заслуги в деле подготовки специалистов для народного хозяйства и культурного строительства, в 1945 г. он награжден орденом Красной Звезды за выдающиеся заслуги в развитии науки в связи с 220-летием Академии наук СССР. В 1946 г. К.В. Островитянов получает медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а в 1948 г. — медаль «В память 800-летия Москвы».

В 1953 г. академик К.В. Островитянов награжден своим первым орденом Ленина за выслугу лет и безупречную работу. Вероятно, этот орден был приурочен к его 60-летию. В 1962 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР он награжден вторым орденом Ленина за многолетнюю научно-педагогическую деятельность в связи с 70-летием со дня рождения. Третий орден Ленина Константин Васильевич получает в 1968 г. за активное участие в Великой Октябрьской революции в связи с ее 50-летним юбилеем.

Память об академике К.В. Островитянове увековечена в названии нескольких улиц: в Москве, дачном поселке

Московской области Николина Гора, где он прожил около 40 лет, в Тамбове и в маленьком городке его детства Сасове. На здании Тамбовской семинарии, где он учился, и бывшем здании, где размещался Институт экономики АН СССР, где он с 1930 г. до последних дней своей жизни работал (Волхонка, 14), установлены мемориальные доски. В центре Новодевичьего кладбища находится могила Константина Васильевича с его бюстом (автор памятника скульптор и архитектор З. Виленский).

О научной школе академика К.В. Островитянова бессмысленно даже рассуждать. Ибо мы все, кому более 35-40 лет – граждане бывшего СССР, а теперь России, СНГ, Китая, Кореи, Монголии, Вьетнама, Болгарии, Венгрии, Румынии, Албании, бывшей ГДР, Польши, Чехии, Словакии, Югославии, Кубы и марксисты многих других стран являлись его учениками, плохими или хорошими, соглашающимися или возражающими, но мы сдавали по политической экономии социализма экзамены, зачеты, изучали ее по его учебникам. Вряд ли какой-либо иной ученый, или педагог, даже Конфуций, кроме Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом, имели за всю историю человечества такую огромную аудиторию.

Без таланта и еще какого-то провидения этого не могло бы просто произойти. Именно ему было дано или увести от истины, или просветить сотни миллионов людей. Не нам судить его. История рано или поздно сама расставит свои акценты.

2010 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы К.В. Островитянова

1. Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства. М.–Л.: Госиздат, 1928. (Совместно с И.А. Лapidусом.)
2. К вопросу о земельной ренте в советском хозяйстве. М.–Л.: Госиздат, 1929.

3. Очерки экономики докапиталистических формаций. М.: Госполитиздат, 1945.
4. О предмете политической экономики. М.: Госполитиздат. 1954.
5. Политическая экономия. Учебник (ред. К.В. Островитянов и др.). М.: Госполитиздат, 1954. (Совместно с другими.)
6. Строительство коммунизма и товарно-денежные отношения. М.: Госполитиздат. 1962.
7. Товарно-денежные отношения в период строительства коммунизма. Будапешт. 1963. (На венгерском языке.)
8. Ред.: Система экономических наук. М.: Наука. 1968.
9. Ред.: История АН СССР в 3-х т. (Ленинградское отделение). М.—Л.: Наука. 1963—1965 гг.
10. Думы о прошлом. Из истории русской революции, большевистского подполья и октябрьских боев против контрреволюции в Москве. М.: Наука. 1967.
11. К вопросу о товарном производстве при социализме. М.: Наука. 1971.
12. Ред.: Дискуссия об оптимальном планировании. М.: Экономика. 1968. (Совместно с другими.)
13. Ред.: Против буржуазной и ревизионистской идеологии в экономической науке. Материалы Всесоюзного совещания (совместно с другими). М.: Экономика. 1970 г.
14. Избранные произведения. Т. 1, 2. М.: Наука. 1973. Т. 1. Политическая экономия досоциалистических формаций; Т. 2. Вопросы политической экономики социализма.

Литература о К.В. Островитянове

Островитянов Константин Васильевич // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия. 1979. С. 194—195.

Константин Васильевич Островитянов. Вступительная статья Т.С. Хачатурова и И.В. Маевского. М.: Издательство АН СССР. 1962 г. (Из серии АН СССР, Материалы и библиографии ученых СССР).

Матвиевская Э.Д. Академик Островитянов К.В. // Академики — экономисты России. М.: ИЭ РАН. 1999. С. 168—192.

Становление и развитие экономической науки. М.: Наука, 1976.

Стенограмма выступления К.В. Островитянова на экономическом совещании 1951 г. Материал из архива К.В. Островитянова — Фонд 1705, опись 1, ед. хранения № 15.

**ПАЖИТНОВ
КОНСТАНТИН АЛЕКСЕЕВИЧ
(1879—1964)**

Константин Алексеевич Пажитнов родился 1 марта 1879 года в семье крестьянина, арендовавшего небольшой хутор в селе Житово, Рязанской губернии, ныне Рыбновского района. С детства отличался стремлением к знаниям. В связи с этим родители определили его на учебу в гимназию. Начиная с шестого класса гимназии и до окончания универ-

ситета содержал себя сам, давая частные уроки. С возникновением в гимназии кружков самообразования примкнул к кружку марксистского направления. Гимназию закончил с золотой медалью. Учебу продолжил в Московском университете, куда поступил в 1898 году. Вначале это был историко-филологический факультет, где слушал лекции профессора В.О. Ключевского. Затем перешел на юридический факультет. Здесь его особенно интересовали политическая экономия и статистика. Эти научные дисциплины вели профессора А.И. Чупров и Н.А. Каблуков. Под их сильным влиянием и формировались взгляды Пажитнова.

Учеба в университете была завершена в 1907 г., т.е. лишь через девять лет после поступления. Это было связано с тем, что за участие в студенческом движении 1899 и 1902 г.

Пажитнов был выслан из Москвы и осужден на 6 месяцев тюремного заключения. По окончании университета получил приглашение остаться для подготовки к званию профессора. Однако не принял это предложение, ввиду усилившейся после поражения революции 1905–1907 гг. политической реакции, которая заметно сказалась на жизни высшей школы. Пажитнов принимает решение поступить на службу в статистический отдел Петербургской Городской думы. В целях самообразования, совершенствования и углубления своих знаний проживал некоторое время в Париже и в Берлине, изучал иностранные языки. Пажитнов свободно владел основными западными европейскими языками — французским, немецким, английским. Хорошо знал также украинский.

Научная деятельность Пажитнова началась еще в университетские годы. По его собственному определению, он стал экономистом с историческим уклоном. Знаменательным и отвечающим духу времени оказался выбор первой проблемы научных исследований. Это был рабочий вопрос. В 1906 г. выходит монография «Положение рабочего класса в России» в трех томах, выдержавшая впоследствии ряд переизданий. В 1907 г. она была переведена на немецкий язык. Первый том охватывал период с 1861 г. до середины 80-х годов XIX в. В нем автор, по его словам, раскрывает «ужасы первоначального, не регулировавшегося капиталистического фазиса», а также «необузданный произвол капиталистов в деле эксплуатации слабейшей стороны». Второй том охватывает период с середины 80-х гг. по 1904 год и содержит оценку фабричного законодательства и деятельности специальных органов контроля в лице фабричных инспекторов (учреждены в 1882 году) и других методов государственного регулирования. Согласно характеристике Пажитнова, правительственные мероприятия настолько отставали от запросов жизни, что были не в состоянии предотвратить тот размах движения рабочего класса, который потряс в 1905 г. всю торгово-промышленную и общественно-политическую жизнь России.

Последний том, как подчеркивал автор, посвящен наиболее важной стадии развития рабочего вопроса — борьбе за конечное освобождение пролетариата, т.е. великой задаче, разрешение которой предстояло определить все дальнейшее развитие страны. То обстоятельство, что русское рабочее движение встало под знамена революционной социал-демократии, представляло собой, по мнению Пажитнова, явление чрезвычайной важности, поскольку пролетариат имеет собственную программу, организацию и тактику, выработанную на основе теории и богатого опыта международного рабочего движения. Монография содержала множество исторических фактов, статистических данных, характеризующих положение рабочего класса, развитие различных отраслей промышленности.

К «Положению рабочего класса в России» примыкал ряд последующих исследований. К ним относятся «Сравнительное положение рабочего класса в России и за границей», «Рабочий договор и новые его формы на Западе», «Минимальная заработная плата», «Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России», «Очерки по истории рабочего класса на Украине» и др.

Большое место в трудах К.А. Пажитнова занимают проблемы развития аграрных отношений в Англии, Америке и России. С первых лет научного творчества он реалистически оценивал перспективы крестьянского хозяйства и остро критиковал народников (Н. Суханова, Н. Огановского), а также экономиста либерального толка В. Косинского, считавших, что закономерный ход аграрной эволюции естественно ведет к повсеместному утверждению трудового крестьянского хозяйства, т.е. мелких и средних производителей. Он убедительно доказывал неизбежность перехода к крупному капиталистическому производству на основе аграрной статистики США, где указанные процессы протекали наиболее рельефно. Аналогичный ход событий, хотя и гораздо более медленный, им четко отмечался и на основе российских данных. Причину замедленного процесса он видел в сохранении крестьян-

ской общины, а также в отсталом законодательстве, стеснявших процесс мобилизации (концентрации) крестьянских земель [См.: Пажитнов К. Землевладельческий капитализм в Америке (К вопросу о законах сельскохозяйственной эволюции) // Современный мир. 1914. №6].

К.А. Пажитнов был принципиальным противником теорий убывающего плодородия почвы. В связи с этим с первых лет своей научной деятельности он активно полемизировал с С.Н. Булгаковым. Он подчеркивал, что увеличение затрат труда и капитала действительно может не сопровождаться пропорциональным увеличением производимого продукта. Но это не служит основанием для возведения этого обстоятельства в закон. Причиной, считал он, служит недостаточное развитие техники. В промышленности точно так же производительным затратам труда и капитала ставит предел именно это обстоятельство. Лишь по мере технического прогресса достигается рост производительности труда и интенсифицируется производство.

В 1917 г. Пажитнов был назначен директором созданного в Петрограде Кооперативного института. Этому предшествовала публикация им в ведущем кооперативном издании «Вестнике кооперации», ответственным редактором которого был М.И. Туган-Барановский, ряда крупных исследований. Таковы были: «К вопросу о природе кооперации», «К вопросу о классификации кооперативов», «Кооперативизм и его обоснование». Опубликована была также Программа деятельности Кооперативного Института в Петрограде. Это имело огромное, даже принципиальное, значение, поскольку знаменовало появление первого научного учреждения подобной специализации. С 1925 по 1930 г. Пажитнов был профессором Кооперативного Института, в 1923–1924 гг. — профессором Института Народного хозяйства. В это время им написаны труды по проблемам кооперации: «Н.Г. Чернышевский как первый теоретик кооперации в России», «Очередная задача потребительской кооперации в России», «Кооперация и ее отношение к профессиональному движению, полити-

ческим партиям и социализму». Написана также фундаментальная монография «История кооперативной мысли», содержащая анализ развития кооперативной теории в России и странах Западной Европы.

Исследование теоретических и конкретно-экономических вопросов кооперативного движения стало важнейшим направлением многогранной научно-исследовательской деятельности К.А. Пажитнова. Эту область научного знания он называл «историей социально-экономических идей». В русле этого научного направления им еще в 1913 г. была издана книга «Развитие социалистических идей в России», задуманная как многотомное исследование. Однако свет увидел лишь первый том. За сочинение и издание этой работы он был привлечен к суду. В советское время он вернулся к этой проблеме и опубликовал в 1924 г. монографию «Развитие социалистических идей в России от Пестеля до группы “Освобождение труда”».

Особой сферой исследовательской деятельности Пажитнова стал обширный цикл работ по истории народного хозяйства. Данное направление занимает весомое место в трудах Пажитнова и в советские годы, когда он включается в коллектив Института экономики Академии наук СССР (1943 г.). В этой области научной деятельности он много времени уделяет промышленному развитию России. Значительный интерес представляют «Очерки развития каменноугольной и металлургической промышленности на юге России», «Очерки по истории Бакинской нефтяной промышленности (от конца XVII века до Великой Октябрьской социалистической революции)», «Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России», «Хлопчатобумажная, шелковая и льнопенькоджутовая промышленность», «К вопросу о «переломе» в мануфактурной промышленности XVIII века», «К вопросу о промышленном перевороте в России» и др. Итогом работы в этой области стал курс лекций, который К.А. Пажитнов читал на экономическом факультете Московского государственного университета. Он предполагал подготовить его

к изданию. К сожалению, этот замысел не был осуществлен. Думается, что сегодня научный курс по истории народного хозяйства, задача создания которого до сих пор не решена, должен органично содержать результаты научных исследований К.А. Пажитнова. Среди них достойное место могли бы занять и неопубликованные рукописи Пажитнова.

Главная тема научных исследований, которая была определена при поступлении Пажитнова в Институт экономики, звучала так: «Проблема крепостного права в русской экономической литературе». По ней он нередко выступал с докладами в Доме ученых. Его позиция была изложена в ряде статей: «К вопросу о роли крепостного труда в дореформенной промышленности» (Исторические записки. 1940. № 7. С. 236–245); «Когда и как произошло прикрепление крестьян к земле в Московской Руси» (Исторический журнал. 1940. № 9). Значительный интерес представляет неопубликованная рукопись «Проблема происхождения крепостного права в России в литературе буржуазно-капиталистического периода». В данной сфере научных знаний полезным источником информации могут также стать воспоминания его бывших учеников. К примеру, Лидия Николаевна Камушер много лет работала с ним в Институте экономики в качестве научного сотрудника. С ее слов известно, что по проблеме причин происхождения крепостного права на Руси Пажитнов насчитывал шестнадцать трактовок и концепций.

Проработав в Институте экономики АН СССР 15 лет, он оставил значительный след в историко-экономических исследованиях своего времени. Его труды стали естественной предпосылкой последующих исследований в области истории советской экономики и истории русской экономической мысли. Последняя запись в трудовой книжке К.А. Пажитнова – «Старший научный сотрудник Института экономики АН СССР» была сделана 1 июня 1943 г. В 1946 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Ученая степень доктора экономических наук ему была присвоена еще в 1935 г. в пору его работы старшим научным

сотрудником в Комакадемии. В 1945 г. в связи с юбилеем Академии наук СССР за выдающиеся заслуги в области науки К.А. Пажитнов был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в 1954 г. за многолетнюю работу в области научной деятельности – орденом Ленина.

В марте 1958 г. К.А. Пажитнов написал заявление в дирекцию института о переходе на пенсию в связи с тем, что состояние здоровья не позволяло ему успешно выполнять плановую работу. Уходя из института, он преподнес сотруднице, с которой он работал многие годы – Лидии Николаевне Камушер, – на память ценный подарок, который она с гордостью показывала друзьям и сослуживцам. Она всегда очень тепло вспоминала о К.А. Пажитнове. По ее словам, К.А. Пажитнов был не только крупный ученый, но необыкновенно благородной души человек, истинный русский интеллигент и по большому счету чрезвычайно чистый «большой ребенок». Умер Константин Алексеевич 2 августа 1964 г. в Москве. Похоронен на Донском кладбище.

2010 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы К.А. Пажитнова

1. Сельское хозяйство Англии в начале XX столетия // Народное хозяйство. 1904. № 1.
2. Положение рабочего класса в России. СПб., 1906. (В трех частях). 2-е издание – 1908.
3. Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России. СПб., 1910.
4. Развитие социалистических идей в России. Харьков, 1913.
5. Кооперация и ее отношение к профессиональному движению, политическим партиям и социализму. Пг., 1917.
6. Международный кооперативный союз. М., 1917.
7. Основы кооператизма. Изд. 2-е доп. М., 1917.
8. Очередная задача потребительской кооперации в городах России. М., 1918.

9. Из истории рабочих артелей на Западе и в России. От утопистов до наших дней. Пг., 1924.
10. Новейшее развитие кредитной кооперации за границей (Германия, Франция, Англия, Италия, США, Индия). Киев, 1929.
11. Очерки по истории Бакинской нефтяной промышленности (От конца XVII века до Великой Октябрьской социалистической революции). М.-Л., 1940.
12. Экономические воззрения декабристов. М., 1945.
13. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952.
14. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Шерстяная промышленность. М., 1955.
15. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льнопенькоджутковая и шелковая промышленность. М., 1958.
16. Проблема происхождения крепостного права в России в литературе буржуазно-капиталистического периода. Рукопись. 6 авт. л.

Литература о К.А. Пажитнове

1. Пажитнов К.А. // Экономическая энциклопедия. Политическая экономика. Т. 3. М.: Советская энциклопедия. 1979. С. 202.
2. Пажитнов К.А. // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). Энциклопедия. Т. 2. М.: РОССПЭН. 2009. С. 218.

ПАШКОВ
АНАТОЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ
(1900—1988)

Анатолий Игнатьевич Пашков родился в деревне Марчуки (ныне Елецкого района Липецкой области) в крестьянской семье. В 1916—1919 гг. учился в Учительской семинарии (г. Карачево, ныне Брянской области). Под влиянием революционных событий в 1919 г. оставил семинарию, вступил в Коммунистическую партию и стал работать в уездном

отделе народного образования в г. Елец (1919—1921); впоследствии — почетный гражданин г. Елец. Через много лет А.И. Пашков вспоминал, что революционные события перевернули всю его жизнь. Если бы не произошло этих разительных перемен, то максимум, чего он мог бы достичь, — окончить семинарию. И, ради того, чтобы вернуться вновь во времена этих колоссальных жизнеутверждающих перемен, он бы отдал все без остатка. Это он говорил, уже будучи известным ученым, занимая большие посты в научном мире.

А.И. Пашков в 1925 г. окончил рабфак и экономическое отделение факультета общественных наук МГУ по специальности «Экономика промышленности». В 1925—1929 гг. работал в ВСНХ и Госплане СССР, участвовал в разработке первого пятилетнего плана развития народного хозяйства

СССР. В 1930 г. в журнале «Плановое хозяйство» (№ 1, 3) опубликовал две статьи: «Структура капитального строительства промышленности» и «Баланс промышленных машин», связанные с участием в подготовке первого пятилетнего плана. В 1928–1931 гг. — слушатель Экономического отделения Института красной профессуры по специальности «Теоретическая экономия». С 1935 г. — руководитель Теоретического отделения экономического Института красной профессуры.

Начиная с 1931 г. А.И. Пашков разрабатывает программы по политической экономии для технических вузов различной специализации. С 1933 г. — старший научный сотрудник Института экономики Комкадемии, с 1936 г. — Института экономики АН СССР. В статьях «О политической экономии в широком смысле» (Большевик, 1934, №2), «Вопросы политической экономии в широком смысле слова» (Под знаменем марксизма, 1936, №1) он выдвигает положение, что политическая экономия, в широком смысле слова, уже существует, что работами В.И. Ленина, обобщением хозяйственного опыта СССР заложены основы политической экономии социализма — нового раздела политической экономии, в широком смысле слова.

А.И. Пашков писал: «Неправильным является распространённый у нас взгляд, что науки политической экономии в широком смысле пока еще не существует, что наука эта еще только должна быть создана. В своих основах политическая экономия в широком смысле уже создана Марксом и Энгельсом, ее развивают далее Ленин, наша партия и Коминтерн». Марксистско-ленинская экономическая теория уже не есть политическая экономия, в узком смысле слова. Помимо исключительной возможности исследования «послекапиталистической экономии», Пашков подчеркивал необходимость широкого изучения докапиталистических форм производства, пережитков феодального строя, глубокого изучения роли крестьянства, аграрно-крестьянского вопроса, поскольку и современные общества представляют

собою сплетение разнообразнейших исторических укладов, типов хозяйства.

А.И. Пашков выступал в этих статьях против позиции, представленной в литературе, и восходящей к М.И. Туган-Барановскому, рассматривать политическую экономию, в широком смысле слова, как сумму, сложение отдельных самостоятельных наук — политических экономий, в узком смысле слова, и попыток искать, прежде всего, общие законы и делать их отправными пунктами в разработке политической экономии в широком смысле. Он полагал, что отправным моментом должны служить специфические законы каждой общественно-экономической формации, при этом политическая экономия, в широком смысле слова, должна сложиться как единая наука с единым методом. Он подчеркивал сложность формирования политической экономии социализма, что «мы не имеем вполне сложившейся экономической теории социализма: чуть ли не каждый день революционная практика открывает многие такие характерные черты нашей экономики, которые во всей полноте и конкретности теорий не могли и не могут быть предусмотрены». Подчеркивалось также существование законов, «в корне отличных от закономерностей капитализма», «огромное значение субъективных факторов, правильного понимания партией и пролетариатом своих задач и путей борьбы и строительства». (Пашков А.И. Вопросы экономической науки. М., 1973. С. 466. 474, 483). Это положение — о том, что уже заложены основы политэкономии социализма, высказанное в середине 1930-х годов, было дискуссионным, ибо политэкономия не может возникнуть раньше того объекта, который она призвана изучать, что вызывало и впоследствии возражения.

А.И. Пашков в 1930-е гг. разделял тезис о том, что экономические законы социализма создаются государством. В брошюре «В.И. Ленин и развитие экономической науки в СССР» (1968) Пашков признал ошибку и охарактеризовал причины появления этого ошибочного тезиса. Отражение такого толкования проявилось в дискуссии 1960-х гг., в кото-

рой Пашков выступил с утверждением, что государственное руководство народным хозяйством входит в состав производственных отношений социализма, ибо «при определении социалистического государства только как политической организации необъяснима не только государственная собственность на средства производства, но и государственное планирование народного хозяйства, управление им, несомненно представляющее собой звено общественно-производственных отношений социалистического общества». (Пашков А.И. Об экономических законах социализма // Плановое хозяйство. 1967. № 1).

В 1935 г., когда в СССР впервые вводятся научные степени, А.И. Пашкову на основании опубликованных работ присваивается степень кандидата экономических наук. С конца 1940 по 1943 г. Пашков работает в Московском плановом институте заведующим кафедрой политической экономии и заместителем директора института. Осенью 1943 г. возвращается в Институт экономики АН СССР, где и работает до конца своих дней. В самом начале 1940-х годов происходит перелом в его научных устремлениях. Продолжая постоянно, в течение всей жизни, заниматься исследованиями теоретических проблем нового экономического строя, возникших в его стране, он одновременно обращается к изучению истории русской экономической мысли. Этот новый аспект научных интересов определил во многом его последующую деятельность, стал неоспоримым достижением его научной жизни. И, как всегда, что было присуще А.И. Пашкову, исследование новой захватившей его проблемы он начинает с самых истоков. В 1947 г. защищает докторскую диссертацию на тему «Экономическая мысль России в первую четверть XVIII века» и назначается руководителем сектора «Истории русской экономической мысли», затем «Истории политической экономии социализма» (1947–1976); с 1968 г. — одновременно заведующий отделом «Истории советской экономики и экономической мысли» Института экономики АН СССР; в 1976–1988 гг. — научный консультант.

В 1940 г. А.И. Пашков был включен в состав Комиссии по редактированию учебника по политической экономии. В личном архиве ученого хранится «Запись беседы товарища Сталина с экономистами от 29 января 1941 г. по вопросам политической экономии (Мои записи во время беседы)», включающая разделы: о предмете политической экономии, о законе стоимости, о планировании, о заработной плате и трудовне, о фашизме. После Великой Отечественной войны, когда работа над учебником возобновилась, А.И. Пашков вошел в состав авторского коллектива. А.И. Пашков — участник ноябрьской экономической дискуссии 1951 г. по макету учебника по политической экономии. В своем выступлении на дискуссии он отметил, что «особенно слабой, особенно неудовлетворительной частью макета является раздел о социализме». Он подчеркивал, что процесс постепенного складывания политической экономии социализма, логика создания экономической теории диктовались ходом социалистической революции и экономические законы должны быть показаны как законы движения к коммунизму. При этом он отмечал важность понимания огромной роли социалистического государства в экономической жизни социалистического общества и необходимость выделить особую главу «Экономическая роль социалистического государства. Характер экономических законов социализма». В этом выступлении А.И. Пашков сформулировал позицию о том, что основой производственных отношений социалистического общества является социалистическая собственность, и такое понимание впоследствии он постоянно отстаивал в различного рода дискуссиях (Стенограмма совещания участников дискуссии по макету учебника политической экономии. 20-е заседание 06.12.1951 г. Личный архив А.И. Пашкова). Учебник «Политическая экономия», изданный в 1954 г., представлял собой первое систематическое изложение политической экономии, в широком смысле слова, и ее нового раздела — политической экономии социализма, явился важной вехой в развитии политической экономии социализма.

В 1948 г. Пашкову присваивают ученое звание профессора и его утверждают заведующим кафедрой политической экономии МГУ (1948–1957 гг.). В 1953 г. его избирают членом-корреспондентом АН СССР по специальности «Политическая экономия»; он становится членом бюро Отделения экономики АН СССР, заместителем академика – секретаря Отделения экономики.

Научные интересы, проблематика работ А.И. Пашкова охватывает широкий круг вопросов: политическая экономия социализма, методологические проблемы, история экономической мысли, критика немарксистских концепций, ленинское научное наследие (руководитель авторского коллектива, ответственный редактор, соавтор монографии «Развитие В.И. Лениным экономической теории социализма и коммунизма». М., 1969). В монографии «Экономический закон преимущественного роста производства средств производства» (1958 г.) А.И. Пашков придает закону абсолютный характер, отвергая возможность складывания различных соотношений между двумя подразделениями общественного воспроизводства. В исследовании ленинского наследия А.И. Пашков последовательно проводил идею развития взглядов В.И. Ленина в связи с изменением социально-экономических и политических условий, более яркого выявления исторических обстоятельств, более глубокого и всестороннего проникновения в суть явлений.

Значительный вклад внес А.И. Пашков в исследование русской экономической мысли. Русская экономическая мысль рассматривалась как несамостоятельная, заимствованная у западных научных школ, подражательная. В научной литературе имелся лишь ряд монографий и статей, посвященных отдельным русским экономистам, но не было сводных, обобщающих исследований по истории русской экономической мысли, в которых был бы показан весь процесс ее исторического развития. В годы Первой мировой войны выдающиеся экономисты – В.Я. Железнов, С.Н. Булгаков,

А.А. Мануйлов — пытались решить эту научную задачу, но она осталась невыполненной.

Эта крупная научная проблема — исследование исторического процесса развития русской экономической мысли более чем за тысячелетний период была поставлена А.И. Пашковым. Он разработал методологию исследования, отстоял ее от многих нападок и ошибочных толкований, создал работоспособный коллектив ученых, был его признанным лидером и стал крупнейшим авторитетом в области истории русской экономической мысли. Каждое обсуждение глав и разделов многотомного исследования превращалось в серьезный научный семинар. Анатолий Игнатьевич в своем заключительном слове всегда давал глубокий развернутый анализ. Автор и все присутствующие ждали его с трепетом и глубокой заинтересованностью. В эту работу был вовлечен весь коллектив сектора Истории русской экономической мысли, не только авторы, но и научно-технические сотрудники, которые составили прекрасную обширную библиографию ко всем разделам многотомного издания.

А.И. Пашков и сформированный под его руководством научный коллектив при его значительном авторском участии создал фундаментальное трехтомное исследование, охватывающее более чем тысячелетний период развития русской экономической мысли, начиная с Киевской Руси вплоть до Октябрьской революции (История русской экономической мысли. Т. I. Эпоха феодализма. Ч. I, IX—XVIII вв. М., 1955; История русской экономической мысли. Т. I. Эпоха феодализма. Ч. II. 1800—1861. М., 1958; История русской экономической мысли, Т. II. Эпоха домонополистического капитализма. Ч. I, М., 1959; История русской экономической мысли. Эпоха домонополистического капитализма. Т. II. Ч. II. М., 1960; История русской экономической мысли. Т. III. Эпоха монополистического капитализма и буржуазно-демократических революций. М., 1966). Последняя 6-я книга (Т. III. Ч. 2), посвященная ленинскому наследию, осталась в рукописи, ибо ее завершение совпало с начавшейся перестройкой, резким

изменением отношения к прошлой истории. Пашков, как автор «Введения» к многотомному изданию разработал методологию исследования русской экономической мысли, периодизацию, обоснование важнейших методов и принципов анализа. В предшествующей литературе, русской и зарубежной, периодизация опиралась на «источники влияния» на русскую экономическую мысль (меркантилизм, физиократизм, «заимствования у немцев», смитианство в России и т.д.). Исходя из того, что корни всякой идеологии лежат в реальных экономических отношениях, периодизация истории русской экономической мысли исходила из периодизации экономического развития страны с учетом закономерностей развития самой экономической мысли, проявлений ее в мероприятиях экономической политики государства, решениях национальных задач.

А.И. Пашков обосновал широкое понимание предмета исследования, невозможность ограничить историю экономической мысли лишь историей политической экономии, что привело бы к игнорированию специфически русских проблем, исследовавшихся русскими экономистами прошлых времен, и к умалению значения русской экономической мысли в мировом процессе. Только комплексное изучение русской экономической мысли – в неразрывной связи всех ее форм – конкретный анализ экономики страны, перспектив ее развития, обоснование принципов экономической политики государства, собственно политической экономии, которая появляется только на определенной, довольно высокой ступени развития экономической мысли, позволяет постичь реальное значение экономических идей.

Верстка I тома «Истории экономической мысли» была обсуждена (докладчик – А.И. Пашков) на расширенном заседании Ученого совета Института экономики АН СССР (председатель акад. К.В. Островитянов), на который были приглашены представители институтов экономики академий союзных республик, экономических вузов, а также историки и работники других общественных наук из мно-

гих городов и научных центров (Вопросы истории русской экономической мысли в Институте экономики Академии наук СССР // Вопросы экономики, 1953, № 10. С. 104–114). Рецензии на «Историю русской экономической мысли» были опубликованы в «Вестнике АН СССР» (1953, № 9); «Вопросы истории» (1957, № 2); «Коммунисте» (1962, № 12); «Вопросах философии» (1962, № 12) и других печатных органах, а также в Польше и Чехословакии.

По поводу издания в США перевода «Истории русской экономической мысли» (Т. I. Ч. I) были опубликованы рецензии: Gershenkron A. Continuity in history and other essays. – The Belknap Press of Harvard University Press Cambridge Massachusetts 1968. P. 465–469. Рецензии были опубликованы в Италии, Англии, Германии.

Анализ соотношения истории экономической мысли и истории политической экономии (наиболее высокая степень познания экономической жизни) позволил раскрыть особенности, своеобразие русской экономической мысли, ее национальный характер, выявить специфические русские проблемы и вклад русских ученых и мыслителей в их разрешение и в мировую науку.

Президиум АН СССР в 1959 г. наградил авторский коллектив I тома (в 2-х частях) премией им. Н.Г. Чернышевского. В 1964 г. перевод I тома (ч. I) был издан Калифорнийским университетом в США.

История русской экономической мысли была частью еще более обширного труда по истории экономической мысли СССР в целом. В институтах экономики академий наук союзных республик – Украинской, Белорусской, Грузинской и др. велись исследования по истории экономической мысли народов этих республик. Эти исследования в комплексе должны были послужить прологом к истории советской экономической мысли, истории политической экономии социализма. Начало исследования истории советской экономической мысли было положено А.И. Пашковым, работами, выполненными под его руководством.

Пашков делает доклад на Ученом совете Института экономики АН СССР (май 1967 г.) «Возникновение политической экономии социализма и ее развитие в СССР», разрабатывает план-проспект трехтомного труда «Истории возникновения и развития в СССР политической экономии социализма (1917–1977 гг.)». А.И. Пашков в 1960–1970-е гг. – председатель Научного совета по проблеме «Экономические закономерности развития социализма и его перерастания в коммунизм» при Отделении экономики АН СССР, председатель Ученого совета по политической экономии социализма при Институте экономики АН СССР.

Концепция социализма, разрабатываемая учеными, основывалась на том, что самая характерная черта, основное производственное отношение социалистического общества, коренная черта социалистических производственных отношений – это отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, которая характеризовалась как категория экономическая, противостоящая категории «прибавочная стоимость», эксплуатации наемного труда, как основному производственному отношению буржуазного общества, а не этическая, моральная.

По многим проблемам политической экономии социализма в 1950–1980-е гг. А.И. Пашков вел дискуссии со многими направлениями, сложившимися к тому времени в экономической науке, – школой Н.А. Цаголова, Я.А. Кронродом, школой ЦЭМИ. (См.: Дискуссии об оптимальном планировании. М, 1968; Вопросы совершенствования системы категорий политической экономии социализма (обсуждение второго тома второго издания «Курса политической экономии» в научном совете МГУ. Вестник МГУ, 1972, № 2. С. 43–84.) Позитивный вклад Пашков внес по особо дискутируемому вопросу – о законе стоимости при социализме, подчеркнув в ходе дискуссий, что при социализме «необходимой формой хозяйственной связи является торговля, рынок... испытанная и проверенная опытом человечества на протяжении многих тысячелетий». (См.: Выступление на дискуссии в Институте

экономики АН СССР в мае 1957 г. «Закон стоимости и его использование в народном хозяйстве СССР». М., 1959.)

Дальнейшее развитие взглядов А.И. Пашкова, имевшее для ученого принципиальное значение и основополагающее для всей его концепции социализма, было отражено в выступлении на обсуждении второго тома второго издания «Курса политической экономии» (под ред. Н.А. Цаголова. М., 1970) в научном совете МГУ. А.И. Пашков исходил из того, что «общественная собственность на средства производства составляет ведущее звено производственных отношений, определяющее социальное лицо всей системы этих отношений. Анализ общественной собственности должен служить исходным пунктом анализа всей системы производственных отношений социализма». В то же время «опыт хозяйствования в советском социалистическом обществе, накопившийся к началу 40-х годов, позволил сделать вывод, что товарно-денежные отношения необходимы и для социалистического общества, и что эти отношения не являются только унаследованной от капитализма внешней и чуждой социализму формой, а служат результатом и признаком существования при социализме товарного производства и действия закона стоимости с принципиально иным, чем в условиях частной, буржуазной собственности, социальным содержанием, границами и механизмом действия, с иной ролью их в хозяйственной жизни» (Пашков А.И. Общественная собственность и товарно-денежные отношения при социализме // Вестник МГУ. Серия «Экономика», 1972, № 2. С. 56, 57).

Развернутое изложение эти проблемы получили в коллективном трехтомном труде Института экономики АН СССР «Экономический строй социализма» (на котором, безусловно, лежала печать оценок того времени: «развитой социализм» и т.д.) в главах, написанных А.И. Пашковым: «Новая социально-экономическая природа, роль и характер функционирования товарно-денежных отношений» и «Совершенствование товарно-денежных отношений» (Экономический строй социализма. Том 1. Основные черты экономического строя социализма. М., 1984. С. 469–478, 523–528).

При значительном различии в подходе к изучению себестоимости сельскохозяйственной продукции и стоимости прибавочного продукта, огромном разночтении в оценке сущности дифференциальной ренты и ее распределении при социализме значительную роль сыграл доклад А.И. Пашкова «О дифференциальной ренте при социализме» на конференции на экономическом ф-те МГУ (см.: Земельная рента в социалистическом сельском хозяйстве. М., 1959. С. 20–45; Заключительное слово. С. 234–260).

Публикации по этой проблеме были крайне скудны и содержали различные точки зрения по вопросам основ теории ренты при социализме и ее отдельных аспектов. Подчеркнув огромное значение правильного понимания природы дифференциальной ренты для планирования распределения национального дохода, осуществления политики цен, что невозможно без знания состава и величины стоимости сельскохозяйственных продуктов, А.И. Пашков обосновал существование дифференциальной земельной ренты в условиях социализма — и в колхозах, и в совхозах; как и при капитализме, так и при социализме общественная стоимость сельскохозяйственных продуктов определяется стоимостью их производства на худших участках (при общественно средних условиях производства) из вовлеченных в сельскохозяйственное производство.

По вопросу распределения дифференциальной ренты при социализме Пашков отверг позицию, что вся дифференциальная рента должна обращаться в доход государства, и считал, что только часть дифференциальной ренты должна идти социалистическому государству, а часть — колхозам и колхозникам, причем доля государства в присвоении дифференциальной ренты I должна быть выше, чем доля участия государства в дифференциальной ренте II. Косвенно эти вопросы должны решаться экономической политикой государства.

А.И. Пашков последовательно придерживался и отстаивал марксистскую теорию трудовой стоимости, ряд работ

посвятил критике австрийской школы, принимал активное участие в критике немарксистских концепций. Однако он считал, что при разработке проблем советской экономической теории необходимо «учитывать также опыт мировой науки. Речь идет об опыте, достижениях экономистов не только социалистических стран, но и буржуазных, как в области применения математических методов в экономике, так и в области экономической теории (например, вопросов изучения потребления, потребительского спроса, конъюнктуры, экономического прогнозирования)». И далее он продолжал: «Есть, очевидно, немало экономических закономерностей, которые более или менее правильно нащупаны современными буржуазными экономистами применительно к капиталистическому обществу и возможность применения которых к социалистической экономике должна быть внимательно и критически проверена...» (Дискуссия об оптимальном планировании. М, 1968. С. 105).

А.И. Пашков принимал активное участие в работе Советской Энциклопедии. Со второй половины 1930-х гг. являлся редактором экономического отдела Малой Советской Энциклопедии, автором ряда статей в первом и втором изданиях БСЭ, заместителем главного редактора четырехтомной энциклопедии по политической экономии.

Работы А.И. Пашкова были переведены на польский, немецкий, чешский, английский, французский, итальянский, китайский, эстонский языки.

А.И. Пашков был награжден орденами «Знак почета», Октябрьской революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За трудовое отличие» и другими наградами.

2009 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы А.И. Пашкова

1. Введение. Главы 1–7 (Экономическая мысль в IX–XVI вв.: в Киевской Руси; в период феодальной раздробленности; в период создания централизованного государства). Главы 10–12 (основные черты экономической мысли в первой половине XVIII в. Экономические воззрения и принципы экономической политики Петра I. И.Т. Посошков). Глава 1 (Ф.С. Салтыков; А.П. Волинский). История русской экономической мысли. Т. I. Эпоха феодализма. Часть первая. IX–XVIII вв. М., 1955. Под ред. члена-корр. АН СССР А.И. Пашкова.
2. Экономические работы В.И. Ленина 90-х годов. М., 1960.
3. Экономические проблемы социализма. М.: Наука, 1970.
4. Вопросы экономической науки. М.: Наука, 1973.

Литература о А.И. Пашкове

1. Анатолий Игнатьевич Пашков // Вестник Московского университета. Серия VIII. Экономика. Философия. 1961. №2.
2. К 60-летию А.И. Пашкова // Вопросы экономики. 1961. №1.
3. Черковец В.Н. Марксистско-ленинская политическая экономия в широком смысле (к выходу в свет книги А.И.Пашкова «Вопросы экономической науки») // Экономические науки. 1975. № 6.
4. Сергеев А., Конюхов В. А.И. Пашков. Вопросы экономической науки // Вопросы экономики. 1975. № 8. С. 140–141.
5. Орешкин В.В. К 75-летию А.И. Пашкова // Вопросы экономики. 1975. № 12. С. 52.

**ПЛОТНИКОВ
КИРИЛЛ НИКОНОРОВИЧ
(1907—1994)**

Кирилл Никонорович Плотников, видный советский экономист-финансист, доктор экономических наук, профессор, избран в 1960 г. членом-корреспондентом АН СССР. В военные и послевоенные годы был заместителем министра финансов СССР, директором Института экономики АН СССР. Представлял Советский

Союз за рубежом, работая в экономической комиссии при ООН. Вел научную и педагогическую работу в различных учебных заведениях, был автором ряда научных трудов. За свою многогранную деятельность награжден правительством тремя орденами Трудового Красного Знамени (1942, 1967, 1977 г.), орденом «Знак почета» в 1953 г. и пятью медалями: «За оборону Москвы», 1944 г., «За трудовое отличие», 1951 г., «За доблестный труд во время ВОВ», 1945 г., «30 лет победы в ВОВ», 1975 г., «Медаль академика С.И. Вавилова», 1980 г. Опубликовал свыше 90 научных трудов объемом 240 печатных листов.

Плотников К.П. родился 24 мая 1907 г. в г. Курск в семье сапожника. С юных лет стремился учиться. После школы окончил Промышленно-экономический техникум, а в Москве — Московский финансово-экономический институт и аспи-

рантуру МФЭИ в 1934 г. С 1937 г. работал в Министерстве финансов СССР, занимая должность старшего научного сотрудника, помощника министра финансов СССР, управляющего Госфиниздатом СССР, директора Научно-исследовательского финансового института министерства. С 1949 по 1953 г. — заместитель министра финансов СССР. Его очень ценил министр финансов А.Г. Зверев, правой рукой которого он был.

Несмотря на тяжелейшее испытание финансовой системы, связанное с Великой Отечественной войной, не произошел финансовый кризис. Финансовый механизм продолжал действовать, денежное обращение оставалось относительно устойчивым. Проведенные меры дали положительные результаты: финансировалась военная промышленность, выпускающая лучшие танки и самолеты, оружие. Инфляция не обрушила народное хозяйство. В послевоенные годы К.Н. Плотников принимал непосредственное участие в подготовке и проведении денежной реформы 1947 года, в разработке закона о государственных пенсиях. в 1953–1955 гг. заведовал финансовым отделом Совета министров СССР.

К.Н. Плотников представлял Советский Союз за рубежом — был назначен Постоянным представителем СССР в экономической комиссии по странам Азии и Дальнего Востока при ООН, в 1955–1959 гг. — в звании Чрезвычайного полномочного посланника с местопребыванием в Тайланде. Руководил делегациями и выступал с докладами на английском языке в ряде международных экономических конференций: в Индии, Тайланде, Японии, Малаи, Комбоджи, Филиппинах и др.

Будучи в составе советской делегации в США, участвовал в дискуссиях с американскими учеными ряда университетов по вопросам экономики. Был членом Международного исполнительного финансового института. Работал членом Комитета ООН по проверке финансов ООН и специализированных международных организаций. В связи с этим добился значительного сокращения взносов нашей страны в период военного вмешательства США в Конго.

С 1959 г. по 1965 г. был директором Института экономики АН СССР. В 1965–1967 гг. — заместителем академика-секретаря Отделения экономики АН СССР. В 1967–1969 гг. заведовал сектором финансов ИЭМСС. В 1969–1972 гг. заведовал сектором обращения Института экономики АН СССР. В 1972–1983 гг. — заведовал кафедрой, профессор Института управления им. С. Орджоникидзе. В 1983–1994 гг. — старший научный сотрудник Института экономики АН СССР сектора «История народного хозяйства».

Член-корреспондент Кирилл Никонорович Плотников являлся видным экономистом по вопросам финансов, кредита, денежного обращения, государственного бюджета, национального дохода и др. Ведущее место в его исследованиях занимают проблемы теории государственного бюджета, его взаимосвязи с национальным доходом и расширенным воспроизводством, как теории денег и денежного обращения, кредита, хозрасчета и других общетеоретических проблем.

В трудах профессора К.Н. Плотникова раскрыто органическое сочетание научных исследований с созданием учебников и учебных пособий для высших учебных заведений. Так, им создан и выпущен в свет Учебник по финансам и кредиту для Высшей партийной школы при ЦК КПСС, объем 11 п.л. и Учебное пособие для экономических вузов и факультетов по Государственному бюджету СССР, объем 27 п.л. А также учебник для вузов по вопросам организации финансирования и кредитования капитальных вложений в народное хозяйство, объем 25 п.л.

Свыше 25 лет он вел педагогическую работу в высших учебных заведениях, являлся заведующим кафедрами советской экономики в ВПШ при ЦК КПСС и финансов в Московском институте управления им. С. Орджоникидзе. К.Н. Плотников состоял главным редактором журнала «Советские финансы», где опубликовал много статей, и членом редколлегии журналов «Вопросы экономики» и «Экономика промышленности».

2005 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы К.Н. Плотникова

1. Очерки истории бюджета советского государства. М.: Госфиниздат, 1954.
2. Бюджет и развитие тяжелой промышленности. М.: Госфиниздат, 1955.
3. Организация финансирования и кредитования капитальных вложений. М.: Госфиниздат, 1954.
4. Финансы и кредит в СССР. М.: Изд. ВПШ и АОН, 1956.
5. Государственный бюджет СССР. М.: Госфиниздат, 1959.
6. Современные проблемы теории и практики ценообразования при социализме. М.: Наука, 1971. (Совместно с А.С. Гусаровым.)

**РОЗЕНБЕРГ
ДАВИД ИОХЕЛЕВИЧ
(1879—1950)**

Давид Иохелевич Розенберг, член-корреспондент АН СССР, крупный советский ученый в области политической экономии, истории экономических учений, автор знаменитых «Комментариев» к «Капиталу» Карла Маркса. Последний труд выпускался многими изданиями (в конце 1920-х, в начале 1930-х гг., в 1961 г. и в 1983 г.) и был, вероятно, настольной книгой

для нескольких поколений советских политэкономов.

Давид Иохелевич Розенберг родился 27 ноября 1879 г. в бедной еврейской семье в Ковенской губернии, в местечке Шатей (Шатейкяй Плуменского района Литвы). Отец умер еще до его рождения, мать была работницей. И как он пишет в своей автобиографии, рано оставил родной дом, скитался по разным местечкам и городкам Ковенской губернии, обучаясь в различных еврейских религиозных школах за счет благотворительных учреждений. Изучал древнееврейскую литературу, проявляя большой интерес к философии. С 18 лет начал писать заметки в «духе прочитанных мною авторов», которые впоследствии уничтожил. С 16 лет начал давать частные уроки на древнееврейском и разговорно-еврейском языках. В анкете он писал: «С 1896 г. по

1914 г. давал частные уроки». С этого времени преподавание стало его профессией.

В 1902 г. Розенберг переезжает в Одессу, где изучает русский язык и программу гимназии, намереваясь окончить ее экстерном. Однако в 1904 г. примыкает к рабочему движению, вступает в еврейскую социал-демократическую организацию «Бунд» и усиленно изучает марксистскую литературу. Продолжает самостоятельно изучать гимназический курс, затем университетский (по программе юридического факультета), но из всего этого брал лишь то, что «считал необходимым для овладения марксизмом». Упор делал на историю философии, общую историю и политическую экономию. «Последняя, — пишет он в автобиографии, — постепенно стала приковывать к себе мое внимание, и я стал специализироваться в области экономических наук». Таким образом, Давид Иохелевич в «личном листке по учету кадров» в графе — образование — написал: «самоучка». А «высшее образование получил путем самообразования». И ничего, стал крупнейшим специалистом в СССР по истории политической экономии и марксоведению, был избран членом-корреспондентом АН СССР. Во всей этой истории поражает, в общем-то, простой факт: ребенок из беднейшей еврейской семьи, точнее, у матери-одиночки, которая вынуждена была работать в чужих семьях, без систематического образования и какой-либо поддержки становится крупнейшим ученым в СССР в области истории политической экономии. Здесь сказалось, видимо, благотворное влияние Русской революции 1917 г., открывшей дорогу к научной карьере беднейшим слоям населения России, и, конечно, личные выдающиеся способности Давида Иохелевича Розенберга.

В 1914 г. Розенберг за социал-демократическую деятельность был арестован и выслан в Нарымский край, где и пробыл до февральской революции 1917 г. После революции остался в Томске и занимался журналистикой, сотрудничая в бундовских и меньшевистских газетах. В 1918 г. отошел от «Бунда» и стал сближаться с большевиками, а в феврале

1920 г. был принят в ряды ВКП(б). С 1920 г. стал лектором политической экономии в Омском Комвузе, одновременно продолжая журналистскую деятельность в местных изданиях.

В конце 1923 г. Давид Иохелевич переезжает в Москву, где ведет преподавательскую работу в Академии Коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской, затем в Экономическом институте Красной профессуры. С 1931 г. до самой смерти — научный сотрудник Института экономики АН СССР. Параллельно с работой в Институте экономики Розенберг преподает с 1937 г. политическую экономию в МГУ им. М.В. Ломоносова, работает в 1945–1948 гг. по совместительству в Институте Маркса–Энгельса–Ленина в качестве консультанта и редактора, а также, видимо, эпизодически читает лекции в различных вузах Москвы. Например, в предисловии к курсу лекций «История экономических учений», изданному в 1940 г., Розенберг пишет, что данные лекции он читал адъюнктам Военно-политической академии им. В.И. Ленина и аспирантам Планового института при Госплане СССР. В энциклопедиях обычно указывают даты его работы последовательно во всех этих учреждениях, что может создать неверное впечатление о частой перемене места работы. На самом деле его основное место работы было в Институте экономики АН СССР, во всех других местах он работал по совместительству. В 1934 г. Президиум Комкадемии присвоил Розенбергу ученую степень доктора экономических наук, а в 1939 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР. В годы войны (1941–1943 гг.) преподавал политическую экономию в Казанском университете и других вузах города.

Умер Давид Иохелевич в 1950 г. Это была краткая характеристика жизненного пути в общем-то выдающегося ученого-политэконома советского времени. По его «Комментариям» к «Капиталу» Маркса училась вся страна. Причем были и такие, которые ограничивались только «Комментариями» Розенберга, так и не добираясь до самого К. Маркса. Мне рассказывали сведущие люди, что в 1960-х и 1970-х гг. на

экономическом факультете МГУ была форменная «борьба с Розенбергом», потому что многие студенты вместо штудирования «Капитала» Маркса, для чего в те годы был организован спецкурс, вполне удовлетворялись «Комментариями» Розенберга. Значит, хорошие были «Комментарии». Но еще большее впечатление производит его трехтомная «История политической экономии», которая сегодня несколько подзабыта. А жаль, это выдающийся труд по глубине изложения и обширности привлеченного литературного материала.

Теперь рассмотрим сами труды Розенберга в хронологическом порядке. Сначала его знаменитые «Комментарии», которые были, видимо, впервые опубликованы в 1929 г. Более раннее издание найти не удалось, сам же Розенберг в «списке научных трудов» указывает как первое издание 1932 г. Но это на самом деле 4-е издание 1931 г., «дополненное и исправленное», которое мы используем в данном очерке. Вообще, «список научных трудов» составлен Розенбергом очень небрежно. Многих более ранних его работ там вообще нет. Затем обратимся к его трем томам «Истории политической экономии» (середина 1930-х) и закончим рассмотрение его научного творчества анализом «Очерков развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века», которые были опубликованы уже после его смерти.

Итак, «Комментарии». В общем-то, в комментариях Розенберг стремится очень адекватно, даже скрупулезно передать основное содержание «Капитала» Маркса, и это, пожалуй, все. Розенберг пишет в Предисловии, что при изложении текста он ставит задачу — «не пересказать Маркса, а помочь следить за развитием его мысли, за ее обоснованием, за выводами, которые делаются из тех или иных положений» (3. С. 4). Читать их полезно, но анализировать их трудно, ибо здесь представлен только Маркс без каких-либо реминисценций последующей литературы. Правда, в «исправленных» изданиях «Комментарий», начиная, наверное, с 4-го, в начале 1930-х гг. Розенберг пытается полемизировать с рядом других авторов, например с известным экономистом И.И. Рубиным.

Так, по поводу последнего Розенберг пишет: «По Рубину исходным пунктом политической экономии является товарный фетишизм, «социальная форма вещи». Материальное производство Рубин всячески изгоняет из политической экономии» (3. С. 32). Здесь Розенберг очень точно ухватил суть подхода Рубина, но непонятно, почему такой подход плох. Ведь материальное производство политическая экономия изучает не как таковое, а лишь со стороны социальной формы. В данном случае придирка к Рубину несправедлива, сам же Розенберг лучшие страницы своих трудов посвятил именно «социальной форме». И в первом издании 1929 г. он вполне корректно цитирует Рубина и даже берет на вооружение его методологическую конструкцию. В целом эта полемика, которая появилась только в 4-м издании, не выходила за пределы советского догматизма и не украшала труд Розенберга.

Самостоятельное значение имеют, пожалуй, только небольшие замечания и примечания к разным главам «Капитала». Некоторый методологический интерес представляет «Введение» к «Комментариям». На нем мы и остановимся.

Что тут интересного? Интересно то, что в этом «Введении» дается сжатая методология советской политической экономии, которая была официально отменена. Напомним, в чем тогда было дело.

О конце политической экономии в отечественной экономической науке много говорилось у нас в 1920-х гг. Тогда политическую экономию в марксистской литературе прочно связывали с товарно-капиталистическими отношениями и рыночным хозяйством. Вот что в этой связи писал Н.И. Бухарин в 1920 г., будучи одним из ведущих теоретиков большевистской партии: «Теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров, т.е. наука о неорганизованном социальном хозяйстве... Конец капиталистически-товарного общества будет концом и политической экономии» (13. С. 82–83). Тогда политэкономии отменяли, потому что намечался переход к социализму.

Затем была пущена в оборот формула о политической экономии «в широком смысле» «как единой экономической теории, изучающей главным образом и прежде всего специфические, свойственные каждой формации исторически ограниченные законы, а также общие законы, свойственные всем общественным формациям» (15. С. 474). Однако никто из советских экономистов никаких «общих законов» политической экономии так и не продемонстрировал. Вместе с тем, формула о политической экономии, в широком смысле слова, давала надежду на существование этой науки в советском социалистическом обществе. Вот эту формулу о политической экономии, в широком смысле слова, Розенберг и обосновывал в своем «Введении», начиная с 4-го издания, которое вышло, как «дополненное и исправленное». Так он писал: «Долгое время у нас господствовал взгляд, что предметом теоретической экономии могут быть только производственные отношения капиталистической системы. Этот взгляд защищался теоретиками разных направлений, с одной стороны, меньшевиком Рубиным, с другой – т. Бухариным, а за ним шла подавляющая масса экономистов-марксистов» (3. С. 25). Далее шла ссылка на Энгельса и стандартный набор советских догм. И вот заключительное высказывание: «Взгляд, что политическая экономия есть только наука о товарно-капиталистическом производстве, безусловно мешал разработке теории советской экономики. Предполагали, что наша экономика теоретически может изучаться лишь в той мере, в какой в ней имеются еще элементы стихии, т.е. товарно-капиталистические элементы. Все это, конечно, должно быть сдано в архив. Изучаться в первую очередь должно то новое, решающее, что присуще нашей экономике и что составляет ее сущность. Изучаться должно строительство социализма, его могучее движение вперед, построение коммунизма и т.д.» (3. С. 32). При этом никак не объяснялось, какое отношение имеет политическая экономия к «могучему движению вперед, построению коммунизма».

Все это я привел потому, что несколькими годами ранее Розенберг по этому же вопросу писал другое. В пособии

«Программа по политической экономии» (1928 г.) можно прочесть следующее: «Политическую экономию можно определить как науку о производственных отношениях в товарно-капиталистическом хозяйстве» (1. С. 129–130). А об экономических законах товарного производства (закон стоимости) он пишет: «И только «как умирающие» законы они могут изучаться в применении к нашей экономике» (1. С. 130). Более того, в первом издании «Комментариев» 1929 г. он пишет, определяя предмет политэкономии, что «ею изучаются отношения людей, но не вне вещей и не вне производства и обращения этих вещей... Определяя так предмет политэкономии, мы тем самым подчеркиваем историческую обусловленность его и следовательно исторический характер самой науки. Отношения людей принимают форму отношения вещей только в одну историческую эпоху, в товарно-капиталистическую; во все другие эпохи людские отношения выступают, так сказать, открыто, не фетишизировано» (2. С. 19). В последующих, «исправленных» изданиях этого положения уже нет. Видимо, свои ранние работы Розенберг после начала 1930-х гг. поспешил «сдать в архив». Видимо, поэтому и в «список научных трудов» Розенберг эти работы не включил. С конца 1920-х идеология сталинизма начала подминать науку, конъюнктура в экономической науке изменилась.

Но, наверное, дело не только в конъюнктуре. Да и совсем несправедливо представлять Розенберга обычным конъюнктурщиком. В его поколении заурядные конъюнктурщики были редким явлением. Дело, видимо, заключается в другом. Розенберг увлекся политической экономией еще с дореволюционных времен, глубоко погрузился в ее недра, стал одним из крупнейших специалистов в этой области. Но когда, в начале 1920-х гг. сочли, что политическая экономия не нужна в строительстве социализма, у него, как и у многих других политэкономов, появилась некоторая раздвоенность, интеллектуальная неуютность. Как же так! С одной стороны, политическая экономия хорошая наука, которая как никакая другая способна объяснить экономический процесс, характерный не только

для более передовых западных стран, но и для советской экономики. Ведь все 1920-е годы почти официально экономический строй в СССР назывался государственным капитализмом и все товарно-денежные категории (товар, деньги, цена, кредит и т.п.), традиционные для классической политической экономии, активно использовались в реальной жизни. С другой стороны, надо отказываться от этой науки, потому что неуклонно приближается социализм, где отношения между людьми не будут опосредоваться вещами. Социалистические отношения теряют вещную оболочку, а значит, теряют свое содержание и смысл традиционные товарно-денежные категории. Но в реальной жизни и в 1920-х гг., и в 1930-х, и дальше люди все-таки зависели и зависят от вещей и их производства. Такие категории, как «стоимость», «товар», «цена» и т.п., продолжают играть существенную роль. Без них невозможно представить нормальное функционирование даже планового советского хозяйства. Тут как нельзя кстати подвернулась формула о политической экономии «в широком смысле». И, видимо, Розенберг искренне ухватился за эту формулу, оправдывающую его многолетнюю деятельность и даже существование как политэконома в советском социализме. В общем и целом это понятно.

Показательно, что в последней своей книге, над которой Розенберг работал в конце 1940-х гг., сказано довольно четко: «Подлинно научная политическая экономия может быть построена, если отправным пунктом исследования взять частную собственность и отчужденный или наемный труд» (10. С. 126). Это положение начисто перечеркивает все остальные упражнения автора в духе «политической экономии в широком смысле», ибо частная собственность и наемный труд свойственны как доминирующие отношения только капиталистическому производству. Думается, что при написании этой фразы в самом конце жизни Розенбергом двигала высокая политэкономическая культура, основанная на многолетнем изучении трудов К. Маркса, а не текущая конъюнктура. О последней он, видимо, в данный момент забыл.

Интересно, что в работе 1928 г. «Программа по политической экономии» Розенберг возражает по поводу двух регуляторов (плана и рынка) Е.А. Преображенского. Розенберг пишет следующее: «Допущение двух враждующих регуляторов означает непримиримость и двух секторов нашего хозяйства: социалистического и мелкотоварного, которые питают и обуславливают эти регуляторы и из которых должен один уничтожить другой. А это уже не вяжется ни с сущностью нашей экономики, ни с нашей экономполитикой, — первая, как мы уже знаем, неотделима от второй» (1. С. 124). Далее, Розенберг пишет, что более правильно к этому вопросу подошел Н. Бухарин, когда говорит о законе трудовых затрат, «являющемся регулятором всякой общественной формации», при капитализме как закон стоимости, а в экономике переходного периода — «сбрасывающем историческую кожу, но еще не сбросившем ее окончательно. В плане и рынке проявляется один и тот же закон, один и тот же регулятор, но проявляется разное» (1. С. 124). Однако теория двух регуляторов Преображенского осталась в науке как оригинальная концепция смешанной экономики, закон же трудовых затрат Бухарина был решительно забыт как искусственный заместитель трудовой теории стоимости.

И последнее, что необходимо сказать по поводу «Введения» Розенберга к его знаменитым «Комментариям», касается последнего их издания 1983 года, осуществленного под редакцией заведующего кафедрой «Политической экономии» экономфака МГУ профессора Н.А. Цаголова. В этом издании обнаруживается, что все «Введение» Розенберга практически переписано неизвестно кем. Вставлены большие фрагменты совершенно нового текста, никакого отношения к Розенбергу не имеющие. Правда, в предисловии к этому изданию оговаривается, что «дополнения и замечания набраны особым шрифтом», но и остальной текст Розенберга подвергнут существенной структурной и стилистической правке. Зачем? Остается неизвестным. Ведь литературный стиль и научный уровень Розенберга ничем не

хуже стиля Н.А. Цаголова, а местами даже значительно лучше. Конечно, все эти изменения и дополнения не противоречат и не перечеркивают основную направленность и, так сказать, политэкономический тон Розенберга. И все же, остается непонятным, зачем было корезить оригинальный текст.

При более внимательном знакомстве с дополнениями к данному изданию вырисовывается тенденция усиления догматической линии советского марксизма, к которой и без того был склонен Розенберг. Приведем пару примеров. Раздел «Исторический материализм» дополнен, кроме прочего, и такими фразами: «Политическая экономия как подлинно революционная наука, отрицает возможность эволюционного самоперерождения способов производства... Революционное овладение всеми средствами производства общества, связанное с завоеванием пролетариатом политической власти, одновременно образует, согласно Марксу, абсолютно необходимое условие возникновения системы производственных отношений нового, коммунистического способа производства» (11. С. 12). Возможно, Розенберг против этих положений и не возражал бы. Но это не его текст, таких фраз у него нет. У Розенберга был наивный догматизм начала 1930-х гг. вперемежку с местами, где чувствовалось влияние социальной школы И.И. Рубина. Новые же добавления издания 1983 г. есть махровый советский догматизм уже послевоенного периода.

Конечно, такого типа фразы можно выводить из работ Маркса, что и делали советские догматики. Но можно вывести и другое. Например, фраза, что «революционное овладение средствами производства пролетарской властью есть необходимое условие возникновения системы производственных отношений коммунизма», по существу неверна, ибо опускает из вида развитие материальной основы, создание объективных материальных предпосылок для нового способа производства. А упор делает на субъективных усилиях, политическом факторе, что никак не вытекает из классического марксизма. Так что пользоваться изданием

«Комментариев» под редакцией Н.А. Цаголова следует с большой осторожностью.

Несомненный интерес, большую научную ценность и сегодня имеют три тома (или три части) «Истории политической экономии» Д.И. Розенберга, вышедшие в середине 1930-х гг.

В первой части рассматривается возникновение политической экономии, начиная с меркантилизма, затем зарождение классической школы, Вильям Петти, Локк, Норс, Джон Ло, Давид Юм, Джеймс Стюарт. Две главы посвящены физиократам, и по две главы посвящены Адаму Смиту и Давиду Рикардо. Вторая часть начинается с анализа вульгарной политической экономии (Жан-Батист Сэй и Томас-Роберт Мальтус), затем рассматривается возникновение экономического романтизма (Сисмонди) и различные социалистические учения. Утопический социализм представлен сен-симонизмом, фурьеризмом, оуэнизмом, затем идут социалисты-рикардианцы: Томпсон, Грей, Брей, Равенстон, Годскин. Заканчивается том рассмотрением вопросов «разложения рикардианской школы» (Джеймс Милль, Мак-Куллох, Торренс и Бейли).

Третья часть состоит из 3-х разделов. Раздел 1 посвящен экономическому либерализму, где излагается и анализируется фритредерство, учение Сениора, вульгарная экономия и фритредерство во Франции и учение Фредерика Бастиа. Во 2-м разделе исследуется «мелкобуржуазный социализм», воззрения Пьера Леру, Фурье, Консидерана, Луи Блана, Константина Пеккера, Франсуа Видаля и Кабе. Наконец, последний, 3-й раздел, целиком посвящен изложению и анализу учения Пьера-Жозефа Прудона. Конечно, при изложении всех этих теорий и концепций Розенберг старался следовать за Марксом, широко используя разные его произведения. Но вместе с тем, привносит много нового и творческого как по охвату литературного материала, так и по расстановке акцентов. Например, характеризуя Фредерика Бастиа, он пишет так: «Позаимствованные идеи Бастиа преподносит

особым образом. Тяжеловесный и сухой язык экономистов он заменяет легким и боевым языком публициста, а анализ и научную аргументацию — иллюстрациями, сравнениями и метафорами. Он не исследует, а убеждает и проповедует» (6, с. 89). Такого рода ярких и метких характеристик в этом труде Розенберга множество, что делает его чтение даже увлекательным. И закончим характеристику 3-й части «Истории политической экономии» ее начальной фразой: «Экономическая свобода является предпосылкой и идеалом классической политической экономии» (6. С. 5). Фраза, безусловно, верная, но сегодня наводящая на некоторые дискуссионные выводы. Например, согласно этой сентенции, представителями классической политической экономии сегодня являются, скорее всего, такие крайние либералы, как Л. Мизес и Ф. Хайек. Но это так, к слову. В целом же «История политической экономии» Розенберга превосходна.

Еще один любопытный и важный момент необходимо отметить. Как мы видели, издание «История политической экономии» 1930-х гг. начинается с меркантилистов и заканчивается до появления марксизма. Это, действительно, классическая политическая экономия. До меркантилистов политической экономии просто не было, и искать ее в более древних сочинениях будет натяжкой. И вот такую натяжку Розенберг и совершил в 1940 г. В издательстве «Соцэкгиз» вышел первый том его учебника со старым названием «История политической экономии», который начинается с анализа экономической мысли античного мира и феодализма, а заканчивается изложением учения основоположников научного коммунизма (Маркса и Энгельса). То есть в одном томе он не только сжал свои три части (или тома) издания «Истории политической экономии» середины 1930-х гг., но добавил большие разделы из античного мира, феодализма и марксизма. Однако в античном мире и феодализме, как известно, никакой политической экономии не было. Сам Розенберг в предисловии к своему учебнику прямо пишет: «В античном мире и в феодальном обществе политической экономии как самостоятель-

ной науки еще не существовало... Как самостоятельная наука политическая экономия возникла одновременно с капиталистическим способом производства» (8. С. 3). Совершенно верно. Но зачем тогда разделы, посвященные античному миру и феодализму, включать в том с названием «История политической экономии»? Остается неясным. Правда, Розенберг в предисловии к этому изданию (1940 г.) написал, что собирался работать над второй частью, которая довела бы изложение истории политической экономии «до наших дней». Но каких-либо следов такой работы обнаружить не удалось. Да это и ничего принципиально бы не изменило.

Любопытно, что в том же году были опубликованы его лекции для аспирантов, читанные в Плановом институте им. Г. Кржижановского, которые практически структурно повторяли издание «Соцэкгиза» того же года. Правда лекции были изданы с грифом «на правах рукописи» и уже назывались «История экономических учений», что было куда правильной. И здесь Розенберг также писал, что «в античном мире мы еще не имеем законченных экономических систем... Экономические воззрения древних греков, как и древних римлян, были развиты ими в общефилософских и общеполитических трактатах... Экономические воззрения не складывались в отдельную систему, люди не специализировались на изучении экономических явлений» (7. С. 5). Все верно, экономические явления античного мира еще не складывались в рыночную экономику с проблемами эффективности производства и распределения, что, собственно говоря, и является классическим предметом политической экономии.

Особенность труда Розенберга состоит в том, что он не просто излагает воззрения тех или иных деятелей политической экономии, но дает и широкий исторический контекст реальной экономической истории конкретных стран того времени. Тем самым, отдельные концепции, взгляды и подходы анализируемых Розенбергом ученых не висят в безвоздушном пространстве, а прочно опираются на богатую историческую фактуру. Можно даже сказать, что труд Розенберга — это не

только история политической экономии, но история экономической мысли в органической связи с историей народного хозяйства. Такого рода синтез встречается довольно редко, а современным пособиям по истории экономической мысли он вообще чужд.

К этому следует добавить, что «История политической экономии», изданная как учебник в 1940 г. в значительно более широкой редакции, от античного мира до марксизма, а также лекции «История экономических учений», все 1940-е и 1950-е гг. были единственными учебными пособиями на эту тему. Естественно, что имя Розенберга в эти годы у студентов и аспирантов пользовалось громадной популярностью, как автора единственного учебника по курсу, по которому нужно сдавать экзамен. Хотя читал свои лекции Розенберг, по воспоминаниям современников (в частности, это вспоминает профессор С.С. Дзарасов, слушавший после войны его лекции в Плановом институте), внешне не очень впечатляюще, с заметным местечковым акцентом, но очень глубоко и обстоятельно. Аудитории его были всегда переполнены.

Для полноты картины и нравов того времени надо сказать, что Розенберг, написав прекрасный и, наверное, единственный учебник по истории экономической мысли, пользовавшийся большой популярностью, во второй половине 1940-х гг. был подвергнут жесткой критике за «низкопоклонство и раболепие перед Западом», как было сказано в статье с характерным названием «Против космополитических извращений истории русской экономической мысли», помещенной в тогдашнем партийном официозе журнале «Большевик». И далее в той же статье 1949 г. говорилось: «В работах некоторых советских экономистов (Блюмин, Розенберг) утверждалось, что политическая экономия в России была якобы импортной иностранной наукой, а русские ученые являлись лишь подражателями западноевропейским ученым». Эти слова взяты из статьи тогдашнего директора Института экономики АН СССР П.А. Хромова, который еще писал: «В книге профессора Д. Розенберга по истории политической

экономии русская политическая экономия была, по существу, исключена. Такое умаление, недооценка роли русской экономической науки не позволяют составить верную картину развития экономической мысли вообще. В учебнике не рассматриваются взгляды крупнейших экономистов России. Беглое же упоминание нескольких имен дается с ошибочных исходных позиций» (19. С. 70, 71). Вот, вместо того чтобы гордиться и радоваться, что сотрудник Института экономики подготовил учебник, по которому учится вся страна, директор института выступает с политическим разносом своего сотрудника в партийной печати. Правда, Розенберга из института не уволили и каких-либо выговоров по данному вопросу в его личном деле не имеется.

В целом, такая критика Розенберга была несправедлива, ибо учебник Розенберга был посвящен истории политической экономии, а таковой в России до конца XIX в. просто не было. Хотя Розенберг формально сам спровоцировал такую критику, став на расширительную точку зрения. То есть, начиная изложение истории политической экономии с античного мира, где, по его собственным словам, политэкономии не было, не логично было бы игнорировать экономическую мысль России. Последняя зародилась сравнительно давно и естественно, что ей можно было бы посвятить больше места. Но по существу Розенберг, конечно, был прав, ибо русская экономическая мысль в целом носила вторичный характер, как и сама российская экономика. Поэтому совершенно прав был Розенберг, заявляя в 1947 г., что «у нас в России нет таких теоретиков, которых можно было бы рассматривать как отцов экономической науки». За это-то Розенберг и получил наименование «безродного космополита». Будем надеяться, что такие времена и нравы безвозвратно ушли в далекое прошлое.

Наконец, рассмотрим последнюю работу Розенберга «Очерки развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века», которая была издана уже после его смерти. В этой работе обращает на себя внимание то, что Розенберг одним из первых в советской интеллектуальной

традиции подробно анализирует «Экономико-философские рукописи» 1844 г. Маркса, которые незадолго перед этим впервые были опубликованы. Сегодня эта работа молодого Маркса имеет всемирную известность и создала ему репутацию одного из крупнейших философов-гуманистов, есть вершина гуманистического марксизма. Именно от этой работы отталкиваются многие современные философские течения так называемого западного марксизма либеральной направленности. Розенберг к ней подошел как экономист и считает, что основным предметом исследования Маркса здесь является политическая экономия.

Такой подход к этой работе несколько узковат, но то, что эта работа была замечена Розенбергом, тоже очень неплохо. Тем более, что Розенберг, наверное, впервые здесь выделяет и подробно анализирует марксистскую концепцию отчуждения труда. Розенберг выделяет следующие моменты концепции отчужденного труда: 1) рабочий лишается продукта труда; 2) продукт труда противостоит ему как чуждый ему мир вещей; 3) продукт труда поработщает рабочего (10. С. 119). И далее Розенберг добавляет: «Маркс подчеркивает, что в буржуазном обществе человек – рабочий – сведен к вещи, в результате того, что он, т.е. его труд, продается и находит свою оценку в определенной сумме вещей. Вот почему именно эту продажу Маркс считает подлинным отчуждением, вынужденным отчуждением рабочего от самого себя, как от человека: в другие руки он переходит как товар, как вещь» (10. С. 121). В обобщающем труде Института философии АН СССР «Марксистская философия в XIX веке» прямо говорится: «Советский экономист-марксист Д.И. Розенберг справедливо указывает: «В отрывке «Отчужденный труд» уже вполне отчетливо выражена идея, что люди производят не только продукты, но и отношения, которые Маркс немного позже назовет производственными отношениями» (14. С. 120).

Вместе с тем, нужно сказать, что у Розенберга нет четкой интерпретации сложной диалектики Маркса по вопросу соотношения частной собственности и отчужденного труда: что

есть причина, а что есть следствие. В одном месте Розенберг пишет, что у Маркса «причиной отчуждения труда является частная собственность» (10. С. 122), в другом приводит прямую цитату Маркса обратного смысла: «Отчужденный труд есть непосредственная причина частной собственности» (10. С. 126). В современной литературе этот вопрос вполне достаточно разъяснен: отчужденный труд, выступая непосредственной причиной частной собственности, в свою очередь, усиливается, усложняется этой собственностью. В уже упоминавшемся труде Института философии прямо говорится, что не надо смешивать процесс образования понятия «отчужденный труд» с его историческим генезисом. Необходимо проводить различие между «первоначальной, докапиталистической формой отчужденного труда, породившей частную собственность в ее раннем виде, и последующей, исторической формой отчужденного труда, которая существует и развивается вместе с частной собственностью и на ее базе». Здесь происходит своеобразное диалектическое оборачивание отношений (14. С. 121). Труд в любом случае первичен, а собственность есть лишь форма осуществления труда. Отсюда вытекает важное следствие: исчезновение (ликвидация) частной собственности еще не ведет к отмиранию отчуждения труда.

Но в целом обращение Розенберга к этой проблеме и к этой работе Маркса надо, безусловно, поставить ему в заслугу, как пионерную разработку этого важнейшего круга проблем. Таковы основные итоги научной деятельности крупного советского политэконома, значительная часть научного творчества которого прошла в период официальной отмены политической экономии.

2010 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы Д.И. Розенберга

1. Программа по политической экономии. М.-Л.: Госиздат, 1928.
2. Комментарии к первому тому «Капитала» Карла Маркса. М.-Л.: Госиздат, 1929.
3. Комментарии к первому тому «Капитала» Карла Маркса. Изд. 4-е, дополненное и исправленное. М.-Л.: Московский рабочий, 1931.
4. История политической экономии. Ч. 1. М., 1934.
5. История политической экономии. Ч. 2. М.: Соцэкгиз, 1935.
6. История политической экономии. Ч. 3. М.: Соцэкгиз, 1936.
7. История экономических учений. М.: Изд-е Военно-политической академии РККА им. В.И. Ленина, 1940.
8. История политической экономии. М.: Соцэкгиз, 1940.
9. Комментарии к первому тому «Капитала» К. Маркса. М.: Соцэкгиз, 1961.
10. Очерки развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.
11. Комментарии к «Капиталу» К. Маркса / Под редакцией Н.А. Цаголова. М.: Экономика, 1983.

Литература

12. Бак И. Ценный труд о развитии экономического учения марксизма // Вопросы экономики. 1955. № 9.
13. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.: Экономика, 1990.
14. Марксистская философия в XIX веке. Кн. 1. М.: Наука, 1979.
15. Пашков А.И. Вопросы экономической науки. М., 1973.
16. Розенберг Давид Иохелевич // Большая советская энциклопедия. Т. 22. М.: Советская энциклопедия. 1975. С. 176.
17. Розенберг Давид Иохелевич // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия. 1979. С. 506.
18. Хромов П. К истории русской экономической мысли // Большевик. 1944. № 6.
19. Хромов П. Против космополитических извращений истории русской экономической мысли // Большевик. 1949. № 5.

Е.А. Иванов

К.Э.Н.

И.А. Колпакова

К.Э.Н.

**СЕНЧАГОВ
ВЯЧЕСЛАВ
КОНСТАНТИНОВИЧ
(1940–2016)**

Институт экономики Российской академии наук пережил много этапов своей деятельности — хороших и разных, но больше хороших. Один из замечательнейших этапов его деятельности был связан с приходом на руководство академика РАН

Леонида Ивановича Абалкина — известнейшего советского и российского ученого-экономиста. Леонид Иванович, возглавлявший до этого главную кузницу высококвалифицированных и идеологически подкованных кадров советских управленцев — Академию общественных наук при ЦК КПСС (ныне — Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации), считал необходимым развернуть научные исследования от зачастую схоластических дискуссий на путь изучения коренных проблем экономической практики, дабы они способствовали разработке путей реформирования жестких схем управления советской экономикой. В соответствии с этим намерением он подбирал новые кадры работников института, способные решать вновь вставшие перед учеными-экономистами сложные задачи после развала Советского Союза.

Особое место среди них занимает Вячеслав Константинович Сенчагов. Почему Леонид Иванович Абалкин сделал свой выбор в пользу В.К. Сенчагова, объясняет его жизненный путь. Чем же он характерен до его прихода в Институт экономики?

Прежде всего — это путь человека, не боявшегося трудностей, стремившегося вперед и, при наличии несомненной солидной теоретической базы, постоянно находившегося на острие решения кардинальных задач практики совершенствования управления экономикой.

В.К. Сенчагов родился 7 марта 1940. Свою трудовую жизнь В.К. Сенчагов начал рабочим строительного треста в Алтайском крае. Позднее он вспоминал, что это много дало ему для дальнейшей деятельности, позволило узнать реальную жизнь во всей ее сложности, потребовало напряженной работы, накопления знаний и опыта. Затем В.К. Сенчагов окончил Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Получил специальность «экономист» и в дальнейшем защитил кандидатскую и докторскую диссертации в области экономических наук и получил звание профессора.

Он сразу проявил некоторые черты, заметно выделявшие его из среды многих ученых. Первое — это широта его научных интересов. Его кандидатская диссертация была посвящена проблемам воспроизводства основных фондов. И он, оставаясь признанным специалистом в этой области, опубликовал ряд заметных работ по вопросам платы за фонды, амортизационных отчислениях и др. Следует специально отметить такие его работы, как «Амортизационные отчисления и интенсивные формы воспроизводства основных фондов», «Амортизационные отчисления в системе стимулирования повышения эффективности основных фондов». Вместе с тем уже в работах по основным фондам начался переход к более общим финансовым проблемам и их связи с развитием реального сектора и экономики в целом. Это прежде всего такие работы, как «Финансовый механизм и его роль в повышении эффективности производства», «Финансовые ресурсы

в системе финансово-кредитного механизма развитого социалистического общества».

Финансовая тематика в последующем заняла большое место в научных исследованиях В.К. Сенчагова. Можно отметить такие его работы по финансам в период перестройки, как «Экономическая реформа и проблемы финансового оздоровления», «Реформа цен, проблемы и реальность».

Огромный интерес представляют работы В.К. Сенчагова по долгосрочной финансовой политике. Эти работы стоят того, чтобы их перечислить подробно. «Финансовая политика государства в XX веке и ее перспективы в XXI веке», «Конкурентоспособность финансовых систем», «Ценовая политика государства в условиях рынка» «Бюджетная политика и ее роль в обеспечении экономического роста», «Монолог про налог. О налоговой реформе», «Стратегия государственной денежно-кредитной и бюджетной политики России», «Консолидация финансовых ресурсов государства и бизнеса: возможности и перспективы». Даже беглое перечисление этих работ показывает, насколько они актуальны и сейчас. Мы ежегодно в своих экспертных оценках проекта федерального бюджета пишем об этом, а эти проблемы не исчезают, а, наоборот, обостряются. Среди тех работ необходимо особо выделить одну – «Эффект запаздывания финансирования экономики». Удивительно, как он смог определить главную угрозу нашему экономическому развитию на долгие годы вплоть до сегодняшних дней – запаздывание финансирования. И сейчас, когда Президент страны высказывает «озабоченность» низким ростом экономики и реальных доходов населения, можно определенно сказать – мы запоздали с финансированием и получили прогнозируемый В.К. Сенчаговым эффект.

Большой блок работ В.К. Сенчагова посвящен хозяйственному механизму и хозяйственному управлению. Перечислим некоторые из них. «Совершенствование хозяйственного механизма в условиях интенсификации производства», «Коллективный опыт совершенствования хозяйство-

вания», «Радикальная реформа хозяйственного механизма», «Экономическая реформа в России, теория, практика, перспективы», «Экономический анализ вступления России в ВТО», «Новые черты предприятий в современной экономике».

Забегая вперед, отметим крупный блок работ В.К. Сенчагова по проблемам экономической безопасности. Вот некоторые из них. «Финансовый кризис и обострение угроз и вызовов экономической безопасности», «Проблемы финансовой и денежно-кредитной политики с позиции стратегии экономической безопасности», «Экономическая безопасность: состояния экономики, фондовых рынков и банковской системы», «О сущности и основах стратегии экономической безопасности», «Экономическая безопасность как основа безопасности России», «Индикативная система экономической безопасности». Под его редакторством и при его активном участии был издан учебник «Экономическая безопасность России. Общий курс» объемом более 800 страниц. Он выдержал пять изданий. В том учебнике самим В.К. Сенчаговым написано 14 глав.

В.К. Сенчагов глубоко изучал зарубежный опыт управления экономикой. У него есть следующие работы об этом опыте. «О японском опыте управления», «Шведская модель: третий путь», «Экономическая реформа в Китае». Крайне интересен и важен выбор В.К. Сенчаговым стран, опыт которых он изучал. Это страны, которые искали и пытались совместить рыночную экономику с элементами планирования.

В настоящее время поиск «третьего пути» (или 4-го, 5-го) крайне важен для нашей страны. Наше государство попыталось применить плановые процедуры, например, для решения задачи достижения темпов роста экономики выше мировых. Эта задача была названа «ключевой» и «базисной». Однако эта попытка была настолько неумелой, что государству пришлось вообще снять эту задачу. Работы В.К. Сенчагова по этому вопросу крайне актуальны.

Приведенный выше, конечно, не полный перечень работ В.К. Сенчагова выделяет его из состава многих ученых эко-

номистов, являющихся признанными крупными специалистами по какому-либо разделу, отрасли экономической науки, и причисляют его к разряду ученых, являющихся специалистами почти по всей экономике.

Вторая отличительная черта В.К. Сенчагова — это постоянное стремление преодолеть пропасть между теоретическими исследованиями и использованием их на благо людей. А такая пропасть реально существует на протяжении всей истории человечества. Недаром великий Гете написал об этом свою трагедию «Фауст». Эта черта проявилась в деятельном участии в воплощении своих идей в жизнь на различных постах в органах управления экономикой — как наукой и как практикой. В.К. Сенчагов занимал высокие должности в Научно-исследовательском финансовом институте Минфина СССР, в Госплане СССР. Был директором Научно-исследовательского института планирования и нормативов при Госплане СССР — членом коллегии Госплана СССР. С 1987 года он заместитель министра финансов СССР. В 1989 г. он был назначен руководителем Государственного комитета по ценообразованию и возглавил тот участок практической работы, который вызывал в момент перехода к рыночной экономике не только огромный интерес, но и большую обеспокоенность широких кругов общественности. Как отмечал Л.И. Абалкин в своих воспоминаниях о конце 1980-х гг., В.К. Сенчагову достался самый сложный участок работы в правительстве Н.И. Рыжкова.

На этом моменте следует остановиться особо. В.К. Сенчагов понимал политические риски реформы цен, но без нее нельзя было обеспечить нормальное функционирование финансово-банковской системы. Он писал о том, что в области ценообразования в социалистический период, когда все цены устанавливались государством в директивном порядке, сложилась такая глубокая несбалансированность спроса и предложения, что одним махом, одним прыжком нельзя перейти от одной системы цен к другой. Реформу он понимал как процесс постепенной увязки спроса и предложения с помощью

цен как по продукции производственно-технического назначения, так и по потребительским товарам. Это позволило бы смягчить инфляционные последствия объективно необходимой реформы ценообразования. Либеральные реформаторы, как известно, пошли иным путем – путем «шоковых» преобразований, – отпустив в течение 1992 г. практически все цены, что закономерно привело к гиперинфляции.

В новой России опыт и знания В.К. Сенчагова оказались востребованы в Институте экономики РАН, куда он был приглашен, как уже говорилось, Л.И. Абалкиным. В 1995 г. В.К. Сенчагов возглавил вновь созданный Центр финансово-банковских исследований, который объединял сектора института соответствующей тематики, а также включал сектор цен.

В Институте экономики РАН ярко проявилась третья отличительная черта В.К. Сенчагова – патриотизм, глубокая обеспокоенность судьбами страны. На протяжении всей своей деятельности, и особенно в годы после развала СССР, Вячеслав Константинович исследовал возможности исправления ошибок, совершенные при реформировании советской экономики. Он посвятил многие свои исследования анализу процесса реформирования советской экономики в различных аспектах. Этот анализ закономерно привел к выводу о серьезных угрозах национальным интересам России в условиях сложившегося в стране к концу 1990-х гг. олигархического капитализма, проявившего все неблагоприятные черты «первоначального накопления» и приведшего к разрушению промышленности, гиперинфляции, обнищанию широких масс населения, сокращению и выводу финансовых ресурсов из страны. Именно В.К. Сенчагову в этот период было поручено правительством заняться проблемами экономической безопасности. В тот момент он стал членом Научного совета Совета безопасности Российской Федерации и весьма авторитетным ученым для этой организации. Важно было с нуля создать в России научную школу экономической безопасности, так как до этого безопасность страны понималась как способ-

ность одержать победу в войне, а не как выживаемость и развитие в условиях конкуренции экономик различных стран.

Многие публикации В.К. Сенчагова в период его работы в Институте экономики РАН, о которых упоминалось выше, посвящены экономической безопасности. В 1993–1994 гг. по заказу Совета безопасности РФ была подготовлена Концепция экономической безопасности Российской Федерации (включая 5 томов исследований). Вячеслав Константинович был руководителем авторского коллектива, в который входили ученые академических институтов и высших учебных заведений. Одна из книг «Экономическая безопасность России: производство, финансы, банки» была переведена на китайский язык и опубликована в 2003 г. в Китае. Под руководством В.К. Сенчагова была создана индикативная система анализа и прогнозирования экономической безопасности, включающая 19 индикаторов и их пороговых значений. Это своего рода сигнальная система контроля за реальными социально-экономическими процессами и быстрого реагирования на сбои в системе жизнедеятельности общества. В связи с изменившимися условиями, мировым финансовым кризисом индикативная система была расширена до 32 индикаторов. Она была использована для оценки проектов федерального бюджета, прогнозов социально-экономического развития. Предлагаемая модель хорошо себя зарекомендовала в определении узловых проблем развития экономики, оценки вероятности системных кризисов, используется в практической работе Совета безопасности России.

Таким образом, В.К. Сенчагов вывел тему «Экономическая безопасность» из объекта чисто научных исследований в важное государственное дело, в разработке которого с участием Института экономики РАН были заинтересованы важные органы государственной власти. И действительно в тот период с непосредственным участием В.К. Сенчагова были осуществлены следующие конкретные государственные действия по усилению уровня экономической безопасности.

1. Разработана и утверждена Указом Президента РФ №608 от 29 апреля 1996 г. «Государственная стратегия экономической безопасности», предложения по важнейшим, принципиальным положениям которой были подготовлены коллективом В.К. Сенчагова. Значение многих из этих положений не утрачено до сих пор.

2. Был разработан совместно с Центром, возглавляемым В.К. Сенчаговым, и Росстатом перечень показателей развития российской экономики, характеризующих уровень экономической безопасности страны.

3. Разработанные в Институте экономике РАН пороговые значения экономической безопасности, определяющие количественные параметры важнейших показателей уровня экономической безопасности страны, были согласованы с федеральными министерствами и утверждены научным советом Совета безопасности Российской Федерации.

4. Руководством страны Минэкономки и Минфину было поручено в докладе об очередном прогнозе социально-экономического развития РФ и в пояснительной записке по федеральному бюджету разрабатывать специальные разделы по изменению уровня экономической безопасности. И в докладе о прогнозе в течение нескольких лет такие разделы разрабатывались. Таким образом, правительственные органы имели возможность постоянно отслеживать изменение уровня экономической безопасности страны в зависимости от перспективного развития экономики.

5. Для постоянной работы по отслеживанию изменений уровня экономической безопасности страны в Минэкономике и в Росстате были созданы небольшие специальные подразделения по этой теме, которые поддерживали постоянный контакт с научным подразделением, возглавляемым В.К. Сенчаговым.

6. В 2005–2009 гг. идеи о защите национальных интересов и приоритете обеспечения экономической безопасности страны, высказанные В.К. Сенчаговым во время дискуссий в научном совете при Совете безопасности РФ, внесли вклад

в разработку основополагающих документов «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» и «Об Основах стратегического планирования», утвержденных указами Президента Российской Федерации в 2009 г.

В первом десятилетии XXI в., когда развитие российской экономики было почти успешным, Совет безопасности РФ считал, что экономической безопасности страны ничего не грозит. Все действия по постоянному отслеживанию ситуации в этой области были отменены, что привело к ошибкам, вызвавшим усиление угроз экономической безопасности страны.

Следует особо отметить преподавательскую деятельность Вячеслава Константиновича. Он совмещал научную деятельность с чтением лекций в ведущих вузах СССР и Российской Федерации. Главной чертой его преподавательского метода было стремление подготовить глубоко погруженных в экономические реалии специалистов — экономистов и финансистов. В последние годы он работал в Финансовом университете при Правительстве РФ. В память о В.К. Сенчагове там существуют аудитория и факультет, носящие его имя.

В течение почти полувекового периода деятельности В.К. Сенчагов опубликовал более 300 научных работ, в том числе 23 монографии. В 2010 г. Сенчагов опубликовал фундаментальный труд «Финансы, экономика, цены: эволюция, трансформация, безопасность», где подвел итоги своим научным изысканиям. Под руководством Вячеслава Константиновича подготовлено 30 кандидатских и 7 докторских диссертаций. Он был членом экспертного совета ВАК, председателем совета по защите кандидатских диссертаций, заместителем председателя совета по защите докторских диссертаций. Большое внимание В.К. Сенчагов уделял развитию Российской академии естественных наук — неоднократно избирался вице-президентом, создал региональные отделения РАЕН по экономике. Многие годы Сенчагов входил в редколлегии журналов «Вопросы экономики», «ЭКО», «Экономика

в промышленности», был членом Экспертного совета при председателе Счетной палаты Российской Федерации, членом Научно-экспертного совета по антикризисной политике при Аналитическом управлении Государственной думы РФ. Научная деятельность В.К. Сенчагова признана за рубежом: он был действительным членом Нью-Йоркской академии наук, Международной академии информатизации, Международной академии менеджмента, Международного союза экономистов, Международной академии развивающихся рынков. В России научная и общественная деятельность В. К. Сенчагова отмечена государственными наградами: он награжден юбилейной медалью к 200-летию Министерства финансов России, знаком «За заслуги в укреплении сотрудничества со Счетной палатой Российской Федерации», почетной грамотой Министерства внутренних дел России, медалью Совета безопасности «За заслуги в укреплении международной безопасности», золотой медалью и дипломом Н.Д. Кондратьева, почетной грамотой РАН. В.К. Сенчагову было присвоено звание «Заслуженный экономист России».

При всей масштабности его разносторонней деятельности Вячеслав Константинович Сенчагов остался в памяти сотрудников, долгие годы работавших с ним в Институте экономики РАН, как демократичный, простой, внимательный и добрый человек. Умер В.К. Сенчагов 25 января 2016.

Для чего сейчас мы вспоминаем деятельность В.К. Сенчагова, и прежде всего по теме экономической безопасности страны? Может быть, не только для того, чтобы проявить добрую память о нем, которую он, конечно же, заслуживает в полной мере, но и для того, чтобы определить, нужно ли пытаться возродить все те действия по созданию государственной системы по отслеживанию изменений уровня экономической безопасности, которая была создана с участием В.К. Сенчагова, а потом ликвидирована. А может быть, создать какую-либо новую систему?

2020 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы В.К. Сенчагова

1. Эффективность использования основных фондов. М.: Экономика, 1974.
2. Финансовый механизм и его роль в повышении эффективности производства. М.: Финансы, 1979.
3. Новые черты предприятия в современной экономике // Вопросы экономики. 1987. №5.
4. Перестройка финансово-кредитного механизма хозяйствования. М.: Знание, 1989.
5. Монолог про налог. О налоговой реформе // Правительственный вестник. Ноябрь 1989 г. № 22.
6. Реформа цен: проблемы и реальность. М.: Финансы и статистика, 1991.
7. Экономическая реформа в России: теория, практика, перспективы // Общество и экономика. 1993. № 6.
8. О сущности и основах стратегии экономической безопасности России // Вопросы экономики. 1995. №1.
9. Экономическая безопасность: Производство—Финансы—Банки. Предисловие, 4 главы, Вместо заключения и общая редакция книги. М.: ЗАО «Финстатинформ», 1998.
10. «Бегство» капитала из России: условия и механизмы репатриации // ЭКО. 1999. №3.
11. Экономическая безопасность. Геополитика, глобализация, самосохранение и развитие. М.: ЗАО «Финстатинформ», 2002.
12. Методология экономической безопасности // Федеративные отношения. 2007. №2.
13. Эффект запаздывания финансирования экономики // Российская Федерация сегодня. 2007. № 12 (июль).
14. Мировой финансовый кризис и пути его преодоления // Проблемы теории и практики управления. 2008. №12. С. 16–22.
15. Экономика, финансы, цены: эволюция, трансформация, безопасность. М.: Анкил, 2010.
16. Предисловие, 16 глав и общая редакция книги «Экономическая безопасность России. Общий курс: учебник. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015.

Литература о В.К. Сенчагове

1. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991 гг. Историко-биографический справочник / Сост. В.И. Ивкин. М., 1999.
2. *Гринберг Р.С.* Предисловие // Сенчагов В.К. Экономика, финансы, цены: эволюция, трансформация, безопасность. М.: Анкил, 2010. С. 7–12.
3. *Квинт В.* Слово к читателям // Сенчагов В.К. Экономика, финансы, цены: эволюция, трансформация, безопасность. М.: Анкил, 2010. С. 14–15.
4. *Юнцуюань Ли.* О трудах В.К. Сенчагова // Сенчагов В.К. Экономика, финансы, цены: эволюция, трансформация, безопасность. М.: Анкил, 2010. С. 16–17.

**СИТАРЯН
СТЕПАН АРАМАИСОВИЧ
(1930—2009)**

В начале 90-х гг. прошлого века в системе Российской академии наук появилось новое научное учреждение – Институт внешнеэкономических исследований. Его директором-организатором был назначен академик Степан Арамаисович Ситарян. Институт как самостоятельная научная организация просуществовал более десяти лет, а затем в ходе реформирования РАН превратился в один из центров Института экономики РАН, научное руководство которым продолжал осуществлять С.А. Ситарян. По отзывам специалистов, это научное подразделение внесло заметный вклад в разработку стратегических ориентиров внешнеэкономических связей (ВЭС) России и инструментария их регулирования. Назначение Ситаряна руководителем программы исследований, связанных с развитием внешней торговли России и ее обмена капиталом с внешним миром, явилось для него как бы возвращением к истокам.

С.А. Ситарян родился 27 сентября 1930 г. в г. Манес Армянской ССР. В 1948 г. закончил школу с серебряной медалью и поступил в МГУ на экономический факультет, который закончил с отличием в 1953 г. Вслед за этим поступил в аспирантуру университета. С 1956 г. работал в НИФИ Минфина

СССР в должности старшего экономиста, а затем, после защиты кандидатской диссертации в МГУ – старшего научного сотрудника. В 1974–1982 гг. – заместитель министра финансов СССР. В 1966 г. защитил в МГУ докторскую диссертацию на тему «Национальный доход союзных республик».

Трудовая биография Степана Арамаисовича начиналась в Научно-исследовательском финансовом институте, где он занимался проблемами формирования и распределения национального дохода, изучением закономерностей движения финансовых потоков в СССР в целом, его республиках, краях и областях. Работая в НИФИ, он прошел путь от старшего научного сотрудника до директора института, подготовил и защитил докторскую диссертацию, приобрел высочайшую квалификацию, став уникальным и признанным специалистом в области финансов, хорошо знающим проблематику товарно-денежных отношений, включая практику ценообразования, формирования прибыли, налогообложения, кредитования. Обладая таким солидным научным багажом, Ситарян уже в то время включился в практическую работу, достойно представляя Минфин СССР в процессе разработки экономической реформы, начатой по инициативе Председателя Совмина СССР А.Н. Косыгина и призванной придать новые импульсы плановой экономике посредством активного использования товарно-денежных отношений, стоимостных рычагов.

Широчайшая эрудиция, умение анализировать любую ситуацию, опираясь на научные методы познания, в полной мере проявились в те годы, когда Ситарян занимал руководящие посты в Министерстве финансов, Госплане и Совете министров СССР. Работая в государственных органах, он накопил богатейший практический опыт в области управления хозяйственными процессами и их регулирования. В тот период он принимал самое деятельное участие в подготовке программ рыночного реформирования советской экономики (1979–1991 гг.), в том числе в подготовке закона о кооперации, практически открывшего дорогу негосударственной

форме собственности. Он был одним из основных авторов этого закона, его идейным вдохновителем. Под руководством С.А. Ситаряна была разработана и первая программа развития в стране малых предприятий.

На последнем этапе существования СССР академик С.А. Ситарян был назначен заместителем председателя правительства. Он начал заниматься новой для него внешнеэкономической проблематикой, руководил работой Государственной внешнеэкономической комиссии, которая многое сделала для того, чтобы наделить отраслевые министерства и предприятия правами на самостоятельное осуществление внешнеторговых и валютных операций, подготовить условия для введения конвертируемости рубля. Одновременно он являлся Постоянным представителем СССР в СЭВ.

Занимая высокие государственные посты, С.А. Ситарян всегда на первое место ставил интересы дела, интересы страны. Он был чужд карьерным побуждениям. Известно, например, что в годы перестройки он не принял предложения Генерального секретаря ЦК КПСС занять должность его помощника по экономическим вопросам. Вот как Степан Арамаисович описал свою беседу с М.С. Горбачевым в книге «Уроки будущего», изданной уже после его кончины: «Я категорически отказался. Я сказал, что я по характеру не помощник, я не могу смотреть преданно в ваши глаза, читать ваши мысли и делать то, что вам удобно и приятно. У меня свой взгляд, своя позиция, поэтому я готов участвовать, содействовать, помогать, но быть помощником и взять на себя всю ответственность вашей экономической деятельности не могу»¹. Наверное, вряд ли кто-либо другой на его месте смог бы поступить так же. На С.А. Ситаряна оказывали давление, грозили исключением из партии, но Степан Арамаисович остался непреклонен. И еще один аналогичный пример: руководители Армении настойчиво предлагали ему возгла-

1. Ситарян С.А. Уроки будущего. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2010. С. 75

вить правительство республики после распада СССР. Но он отказался, так как считал Россию своей родиной, страной, где он должен работать, хотя никогда не порывал с Арменией, в которой родился.

В постсоветский период Степан Арамаисович вернулся в науку, отдав ей последние двадцать лет своей жизни. В этот период он сосредоточился на проблемах реализации незадействованного потенциала отечественной экономики, ее оптимального встраивания в систему мирового хозяйства, налаживания эффективных внешнеэкономических связей с зарубежными странами. Его панорамное видение актуальных проблем ВЭС и путей их решения получили отражение в его собственных трудах и работах возглавляемого им коллектива сотрудников. Свои подходы к внешнеэкономическим вопросам он многократно озвучивал, выступая с докладами в МИДе, заседаниях правительства, в Государственной думе. Под его научным руководством были подготовлены более семи десятков монографий и учебников.

Осуществляя научное руководство одним из центров Института экономики РАН, Степан Арамаисович много сил отдавал деятельному участию в работе Вольного экономического общества России, Международного союза экономистов, становлению Международной академии менеджмента, президентом которой он был избран.

Сотрудники Центра внешнеэкономических исследований уже в ходе первых встреч с С.А. Ситаряном убедились в том, что их руководитель – не только профессионал высочайшего класса, глубокий знаток экономики нашей страны, но очень интеллигентный, доброжелательный и деликатный человек, постоянно готовый к общению. Он умел слушать собеседника, не стремясь подавлять его своей эрудицией и крайне тактично обосновывая свою точку зрения. Его суждения отличали взвешенный подход к оценке внешнеэкономической политики, неприятие разработок, диктуемых конъюнктурными соображениями, желанием избежать критических замечаний со стороны представителей органов

государственного управления. Эти впечатления всякий раз подтверждались при регулярных обсуждениях выполненных сотрудниками исследований, в ходе научных конференций, различных дискуссий по вопросам рыночных преобразований в стране. По сей день академик С.А. Ситарян остается для сотрудников центра непререкаемым научным авторитетом и образцом настоящего Человека с большой буквы. Его глубочайшие знания, уникальная интуиция и поразительная способность к комплексному анализу любых экономических явлений всегда помогали коллективу работать так, чтобы результаты его исследований с интересом воспринимались экспертным сообществом. Слаженной работе коллектива способствовала установленная в нем Ситаряном атмосфера доброжелательности и взаимного уважения.

Степан Арамаисович создал собственную научную школу, важнейшими установками которой стали непредвзятый анализ состояния ВЭС страны, выявление болевых точек в их развитии и выработка возможных вариантов действий, направленных на улучшение качественных параметров обмена с внешним миром товарами, услугами и капиталом в интересах решения стоящих перед страной социально-экономических задач. Он неустанно повторял, что ВЭС должны изучаться не сами по себе, а в тесной связи с современными тенденциями в мировой экономике и международном обмене, с изменениями, происходящими в национальном хозяйстве. Особое внимание, подчеркивал он, следует уделять взаимозависимости и взаимовлиянию отечественной экономики и внешнеэкономического обмена, ибо успешное развитие ни того, ни другого невозможно в автономном режиме. Эти установки Степана Арамаисовича остаются для коллектива непреложными заповедями.

Научные труды академика С.А. Ситаряна по вопросам развития и повышения эффективности ВЭС стали учебниками для многих сотрудников государственных органов, экспертов, преподавателей и студентов, сохраняют свою актуальность и настоящее время. Степан Арамаисович был убежден,

что внешнеэкономические связи должны быть действенным инструментом решения важнейших социально экономических задач страны. По его мнению, их вклад в развитие экономики проявляется в следующем:

- обеспечении экономического роста в размерах больших, чем это возможно на чисто отечественной базе;
- содействии технической модернизации отечественной экономики и ее переходу на инновационную траекторию развития;
- продвижении к современным стандартам качества жизни для населения;
- подведении прочной хозяйственной базы под международные позиции и интересы России.

Позиции нашей страны в мировом хозяйстве, подчеркивал Ситарян, находятся в прямой зависимости от того, какая экономическая стратегия реализуется государством. Они не усилятся, если будет сохраняться курс на дальнейшее использование главным образом преимуществ, вытекающих из обладания богатыми топливно-сырьевыми ресурсами, и станут более весомыми и прочными, если будет совершен решительный поворот к формированию инновационной экономики, ориентированной на использование научно-технического потенциала и коренную модернизацию материально-технической базы, особенно в обрабатывающей промышленности.

Важнейшая узловая проблема в развитии ВЭС, полагал он, диверсификация экспортной базы, позволяющая осуществить индустриализацию структуры поставок на внешний рынок, в том числе и за счет ускоренного наращивания продаж наукоемких услуг. Для этого необходима технологическая модернизация предприятий, которая будет возможна лишь при наличии соответствующих условий. К ним относятся: увеличение внутренних затрат на исследования и разработки до 2,5–3% ВВП; реализация мер, направленных на возрождение отраслевой науки, обеспечивающей связь науки с производством и коммерциализацию научно-технического задела страны; налаживание системы государственной под-

держки промышленного экспорта, сопоставимой с подобными системами в странах-конкурентах; формирование в зарубежных странах сети маркетинга, технического обслуживания и международного производства отечественной продукции; всемерное поощрение международной технологической кооперации.

В технологическом обновлении производства, по мнению Ситаряна, более важную роль, чем теперь, должен играть импорт. Он отмечал, что по ввозу инвестиционного оборудования и прогрессивных технологий Россия заметно уступает не только развитым, но и многим развивающимся странам. Поэтому в перспективе следовало бы нарастить их импорт в 2–2,5 раза, для чего было бы целесообразно максимально либерализовать его, свести к минимуму действующие ограничения, в том числе посредством упрощения таможенных процедур. При этом импортное регулирование и промышленную политику в целом нужно в большей мере ориентировать на рационализацию поставок из-за рубежа, поддержку импортозамещения в отраслях, производящих основные виды продовольствия, ряд изделий легкой промышленности, автомобили, медикаменты, которые приходится ввозить в страну в больших количествах. Однако важно не забывать, что импорт в разумных пределах необходим как фактор конкурентного давления на отечественных производителей, побуждающий их к повышению эффективности их деятельности.

Постоянное внимание академик С.А. Ситарян обращал на особенности участия России в трансграничном перемещении капитала. По его твердому убеждению, в этом секторе мирового обмена Россия не вписалась в закономерности и тенденции, типичные для большинства стран с развивающимся рынком. Будучи страной с переходной экономикой, она вывозит капитала намного больше, чем ввозит. Но при этом большинство отраслей отечественной экономики испытывают нехватку средств для финансирования инвестиций. Он полагал, что иностранные инвести-

ции должны быть подчинены промышленной политике, привлекаться лишь в те сферы, где национальный инвестор оказывается неспособным справиться с имеющимся объемом задач. Магистральный же путь к росту экономики страны лежит через возврат инвестиционного кредитования с западных денежных рынков обратно в Россию и создание в ней благоприятного делового климата, прежде всего для отечественного инвестора.

Существенное значение для динамики и объемов всего комплекса внешнеэкономических связей, указывал С.А. Ситарян, имеет стабильность курса рубля к иностранным валютам. Он не разделял точку зрения, согласно которой занижение курса оказывает благотворное влияние на отечественную экономику. Он подчеркивал, что удешевление рубля усугубляет недооценку капитализации российских активов, в том числе при их приватизации, удорожает импорт машин, оборудования и комплектующих, а также привлечение кредитных ресурсов с внешних рынков, поощряет использование иностранной валюты как масштаба цен во внутреннем экономическом обороте. Кроме того, занижение курса обесценивает другие меры импортного регулирования и ведет не к избирательному, а к всеохватывающему протекционизму.

Важнейшим событием для внешнеэкономических связей России С.А. Ситарян считал присоединение к ВТО. Оно обеспечивало адаптацию отечественного правового поля к нормам международного торгового права, дозированное открытие внутреннего рынка для иностранной конкуренции. Членство в ВТО создало для России возможности более полного взаимодействия с мировым хозяйством и участия в международной торговле по правилам, которые коллективно устанавливаются подавляющим большинством государств. Вопреки алармистским мнениям и оценкам, достаточно широко распространившимся после окончания переговоров о присоединении, Степан Арамаисович, опираясь на проведенные в институтах РАН исследования, доказывал, что вхождение в многостороннюю торговую систему не приведет

к угрожающим последствиям для национальной экономики, хотя и породит определенные проблемы для отдельных отраслей производства. Жизнь показала, что он был прав.

Нельзя не сказать и еще об одном. С.А. Ситарян обладал уникальным даром – способностью предвидеть будущее. Еще до начала промышленной революции 4.0 и процессов распространения цифровизации он обращал внимание на неизбежную интеллектуализацию международного обмена, подчеркивал, что научные разработки и основанные на них прогрессивные технологии, компьютерные, информационные, деловые, образовательные и другие услуги, чем дальше, тем больше будут выступать драйверами мировой торговли и инвестиционного сотрудничества. В этой связи, считал он, перед Россией стоят сложнейшие задачи преодоления накопившейся технологической отсталости, коренной модернизации национального хозяйства на инновационной основе. Он был уверен, что при всех потерях, понесенных в постсоветский период, интеллектуальный потенциал страны остается одним из самых значимых в мире и являет собой надежный фундамент для оптимального встраивания отечественной экономики в глобальное научно-технологическое пространство и систему мирохозяйственных связей. Практика показывает, что этот его вывод, как и большинство других, о которых сказано выше, оказался абсолютно верным.

Академик Е.М. Примаков, с которым С.А. Ситаряна со студенческих лет связывали искренние и прочные дружеские отношения, считал его выдающимся экономистом. И это неоспоримо. Творческое наследие настоящего ученого, академика-практика, Человека с большой буквы Степана Арамаисовича Ситаряна не потеряло актуальности и по сей день. Сам он дал ему очень точное название – Уроки будущего. Оно остается для коллектива сотрудников, которым он руководил, многих других специалистов в области внешнеэкономических связей России яркой путеводной звездой при проведении научных исследований.

2020 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы С.А. Ситаряна

1. Чистый доход и бюджет. М.: Финансы, 1964.
2. Хозяйственная реформа и бюджет. М.: Финансы, 1968.
3. Прибыль: актуальные аспекты. М.: Знание, 1976.
4. Проблемы развития социалистических финансов. М.: Финансы, 1977.
5. Управление и прибыль. М.: Знание, 1979.
6. Распределительные отношения и эффективность производства. М.: Финансы, 1980.
7. Внешнеэкономические проблемы перехода России на инновационный путь развития. М.: Наука, 2004.
8. Стратегические ориентиры внешнеэкономических связей России в условиях глобализации. Сценарий до 2025 года. М.: Наука, 2005.
9. Интеграция Российской Федерации в мировое пространство. М.: Наука, 2006.
10. Долгосрочные сценарии внешнеэкономической стратегии России. М.: УРСС, 2008.
11. Уроки будущего // Экономическая газета. 2010.

**СОНИН
МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ
(1910—1984)**

Михаил Яковлевич Сонин родился 10 октября 1910 г. в Смоленске в рабочей семье. В 1930 г. он поступил в Московский плановый институт при Госплане СССР, по окончании которого в составе группы молодых специалистов был направлен в 1934 году на работу в Госплан СССР. Здесь он проработал 15 лет (включая военные годы) в отделах размещения производительных сил;

районного планирования; труда; в управлении учета и распределения рабочей силы, накопив большой опыт и обширные знания по вопросам планирования баланса труда и размещения трудовых ресурсов. М.Я. Сонин принимал участие в составлении 2-го и 3-го пятилетнего плана развития народного хозяйства, народнохозяйственных планов в годы Великой Отечественной войны и послевоенного пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. За участие в работе по военно-хозяйственному планированию он был награжден правительством орденом «Знак почета» и двумя медалями.

Все годы работы в Госплане СССР М.Я. Сонин вел параллельно педагогическую, научно-исследовательскую и литера-

турную работу по вопросам воспроизводства рабочей силы и размещения трудовых ресурсов, публиковался в экономических журналах («Плановое хозяйство», «План», «Вопросы экономики» «Профессиональные союзы» и др.), в газетах («Труд» и др.). В 1948 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Основные вопросы баланса рабочей силы в народном хозяйстве СССР», получившую высокую положительную оценку в отзыве академика С.Г. Струмилина, опубликованную позже Госпланиздатом (в 1949 г.) отдельным изданием. С этого момента основным родом деятельности М.Я. Сонины становится научно-исследовательская работа, подготовка научных кадров, участие в многочисленных научных конференциях и симпозиумах по вопросам воспроизводства населения и трудовых ресурсов в стране и за рубежом.

С 1950 г. и до конца своих дней (8 сентября 1984 г.) М.Я. Сонин трудился в Институте экономики АН СССР (сначала в секторе размещения производительных сил, с 1955 г. – в секторе общих проблем политической экономики, а с 1965 г. – в секторе темпов и пропорций воспроизводства). Опыт работы по проблемам труда, накопленный в Госплане СССР, и работа в крупных теоретических подразделениях Института экономики АН СССР позволили Михаилу Яковлевичу по-новому осмыслить широкий круг проблем труда, населения, воспроизводства рабочей силы, использования трудовых ресурсов. В 1960 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Воспроизводство рабочей силы и баланс труда».

Монографии М.Я. Сонины «Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда» и «Актуальные проблемы использования рабочей силы» заложили своеобразный фундамент крупного научного направления последующих исследований и подготовки его последователями многих кандидатских и докторских диссертаций по различным аспектам проблем воспроизводства рабочей силы, баланса труда и трудовых ресурсов. С работ М.Я. Сонины конца 1959 и 1960 г. начался прорыв экономической мысли в разработке теории социалистиче-

ского воспроизводства рабочей силы. Суть его состояла в обосновании правомерности включения рабочей силы в предмет политической экономии социализма в качестве полноправной категории. Предваряющим этапом этого прорыва и последующей детализации данной проблемы явилось обоснование правомерности рассмотрения воспроизводства рабочей силы как объективного процесса, связанного с общественным воспроизводством. Такой подход просматривается в публикациях ученого 1960–1970-х гг. Он базировался на вычленении в процессе социалистического воспроизводства рабочей силы взаимосвязанных фаз – производства (формирования способности к труду), распределения (и перераспределения) рабочей силы и ее потребления (использования). Данный подход был положен в дальнейшем последователями М.Я. Сониной в основу детализации и структурирования производственных отношений, выражаемых категорией «рабочая сила». Наполнение содержанием названных форм производственных отношений велось советскими учеными все 1970–1980-е гг. С середины 1970-х годов проблема воспроизводства рабочей силы была включена в курс политической экономии социализма.

Прорыв в теории открыл простор для углубленной проработки разных аспектов проблемы воспроизводства рабочей силы в органической увязке с нуждами практики, позволил внести важные уточнения в политику государства по вопросам подготовки кадров для народного хозяйства, совершенствования методов регулирования и организации процессов подготовки специалистов, распределения и перераспределения работников, обеспечения их рационального использования.

За годы работы в Институте экономики М.Я. Сонин подготовил большое количество молодых ученых – кандидатов экономических наук. В 1965 г. за плодотворную работу в области педагогической деятельности и подготовку научных кадров М.Я. Сонин был утвержден в ученом звании профессора по специальности «Экономика труда». В 1966 г. его назначают руководителем тематической группы Института экономики АН СССР по вопросам демографии и использова-

ния трудовых ресурсов. В данном качестве в порядке оказания помощи институтам экономики союзных республик СССР и высшим учебным заведениям он регулярно выезжал в научные командировки с лекциями и докладами (в Институт экономики Казахской ССР, Институт экономики Украинской ССР, в республики Прибалтики и Средней Азии, в различные города РСФСР).

О широте научных интересов М.Я. Сонины наглядно свидетельствует перечень тематики его научных публикаций, выступлений на теоретических и научно-практических конференциях, научных докладов для директивных органов в 1960–1980-е гг. В коллективных монографиях Института экономики в эти годы им были опубликованы главы: «Трудовые ресурсы и их влияние на темпы экономического развития», «Прогнозирование трудовых ресурсов», «Об оптимизации воспроизводства трудовых ресурсов», «Экономико-демографический аспект воспроизводства трудовых ресурсов», «Трудовые ресурсы как фактор накопления в условиях НТП», «Соотношение между производственной и непроизводственной сферами», «Интенсификация воспроизводства рабочей силы как фактор повышения эффективности общественного производства», «Баланс труда в системе балансов народного хозяйства» и др.

На страницах периодической печати и выступлениях на конференциях профессор Сонин поднимает вопросы постарения населения, использования труда пожилых людей, проблемы брака, семьи, демографической политики (на конференции в Одессе); актуальные проблемы развития демографии (в докладе на Ученом совете ИЭ АН СССР), занятости женщин (на конференции в ЧССР), экономических и социальных последствий алкоголизма (в докладе для Президиума АН СССР), развития науки о трудовых ресурсах (на конференции в Вильнюсе), укрепления трудовой дисциплины, управления трудовыми ресурсами и качеством труда (во Львове); методологические вопросы прогнозирования трудовых ресурсов и занятости (в ЧССР) и др.

М.Я. Сонин внес существенный вклад не только в разработку вопросов теории воспроизводства рабочей силы и методологии изучения процессов воспроизводства населения и трудовых ресурсов. Его научные доклады содействовали также повышению качества работы соответствующих управленческих структур. Были подготовлены доклады по актуальным проблемам г. Москвы – «Проблемы демографии и трудовых ресурсов г. Москвы» и «О причинах дефицита рабочей силы в г. Москве» (по заданию МГК КПСС); для ГКНТ при Совете министров СССР – предложения о сбалансированности трудовых ресурсов и обеспечению кадрами предприятий и организаций в 10-й пятилетке и в последующие годы (раздел в коллективном докладе Института экономики АН СССР); по проблемам образования молодежи и развития высшей школы (для Президиума АН СССР); перспективный план работы с молодежью (для Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности) и др. Михаил Яковлевич активно участвовал в подготовке переписей населения 1959, 1970 и 1979 гг.

Как высоко квалифицированный специалист с широкой эрудицией в вопросах труда и демографии, получивший заслуженное признание в среде ученых и практиков, профессор М.Я. Сонин многие годы выполнял большую научно-организационную работу. Был председателем экономической секции Научного совета Госкомитета по профтехобразованию при Совете министров СССР, членом научно-методологического Совета ЦСУ СССР, членом секции научно-методологического Совета ЦСУ РСФСР, членом научного Совета Госкомитета по использованию трудовых ресурсов при Совмине РСФСР, членом Научного совета по проблемам народонаселения при отделении экономики АН СССР, заместителем председателя демографической секции Московского дома ученых и некоторых других.

2005 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы М.Я. Сониной

1. Подготовка и использование рабочей силы. Куйбышев: Госпланиздат, 1942.
2. Основные вопросы баланса рабочей силы. М.: Госпланиздат, 1949.
3. Подготовка и повышение квалификации рабочей силы на производстве (планирование и организация). М.: Госпланиздат, 1951.
4. Подготовка квалифицированных рабочих на производстве. М.: Госпланиздат, 1954.
5. Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М.: Госполитиздат, 1959.
6. Актуальные проблемы использования рабочей силы. М.: Мысль, 1965.
7. Расширенное воспроизводство рабочей силы в СССР. М., 1978.
8. Пожилой человек в семье и обществе. М.: Финансы и статистика, 1984.
9. Социалистическая дисциплина труда. Изд. 2-е. М.: Профиздат, 1985.

Литература о М.Я. Сонине

1. Сонин Михаил Яковлевич. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. М.: 1979. С. 589.
2. Экономические исследования Института: итоги и перспективы. М.: ИЭ РАН, 2000. С. 234–235.

Е.М. Бухвальд

д.э.н.

В.А. Погребинская

д.э.н.

**СОРОКИН
ГЕННАДИЙ МИХАЙЛОВИЧ
(1910—1990)**

Новые социально-политические и экономические реалии, в которых оказалась Россия в начале 1990-х гг. XX в., стали непростым временем для отечественной экономической науки. В одночасье ушло все то, что годами, и даже десятилетиями, казалось незыблемой базой ее мировоззренческих и методологических позиций, равно как и ее практических реко-

мендаций. На каком-то повороте жизнь резко опередила самые смелые, и даже просто невероятные, прогнозы. Правда, драматизм этих перемен не следует преувеличивать. В экономической науке, если, конечно, рассматривать ее с профессиональной, а не чисто идеологической точки зрения, доминируют те вопросы, научное рассмотрение которых, строго говоря, мало соотносится с социальной природой общественного строя, а тяготеет к объективным закономерностям развития производства в эпоху научно-технического прогресса, глобализации, перехода к «экономике знаний» и пр.

Тем не менее, надо признать, что в экономической науке советского периода были определенные направления, которые в новых условиях (особенно на начальном этапе российских реформ) оказались просто ненужными и даже как

бы отброшенными самой жизнью. Это — вопросы планомерности в экономике, планирования народного хозяйства, социалистической экономической интеграции и пр. Позднее накопление опыта реформ, их более зрелое осмысление, отказ от их экстремально-либеральных трактовок показали, что с идеями планомерности и планирования не все так просто. Это также верно, как и то, что возврат в целостном виде к теории и методологии народнохозяйственного планирования, планомерной социалистической экономической интеграции объективно сегодня и в видимой нами исторической перспективе невозможен.

Тем сложнее писать об ученых, научная деятельность которых в первую очередь была связана именно с этими направлениями экономических исследований. К этой группе представителей советской экономической науки можно отнести и Геннадия Михайловича Сорокина (1910—1990). Значит ли сказанное, что сегодня эти имена подлежат забвению? Отнюдь нет! Всякого ученого как исследователя, как личность надо оценивать только в связи с теми условиями, в которых он жил и работал, в связи с теми задачами, которые ему приходилось решать (и в науке, и вне ее) на различных этапах своего жизненного пути. Вот с этих позиций нам и хотелось рассказать о научной деятельности Геннадия Михайловича Сорокина — ученого, гражданина и патриота своей страны. Он относится к плеяде русских ученых и практиков, которые заслужили уважение и благодарную память.

Г.М. Сорокин родился 23 февраля 1910 г. в маленьком городе Чистополь на реке Кама. Его отец погиб в конце Первой мировой войны. Мать осталась одна с шестью детьми: двумя дочками и четырьмя сыновьями. Во время голода 1920-х годов детские дома помогали многодетным семьям и принимали к себе детей на временное содержание. В один из таких детских домов и попал Геннадий. Он получает образование, достаточное для того, чтобы продолжить обучение в вузе.

В 1928 г. Г.М. Сорокин поступает в Казанский университет на экономический факультет, который заканчивает досрочно.

Дело в том, что после окончания 3 курса университета всех студентов-отличников в экстренном порядке направили на практическую работу — в тот период в стране ощущалась острая нехватка квалифицированных кадров экономистов и финансистов. Позднее, практически без отрыва от работы, они экстерном сдавали государственные экзамены.

В 1933 г. Геннадий Сорокин вместе с молодой женой Мариам Atlas переезжает в Москву, где начинается его научная и преподавательская деятельность. В 1936 г. он окончил аспирантуру Московского планово-экономического института со степенью кандидата экономических наук.

В 1940 г. Г.М. Сорокин переходит на работу в Госплан СССР. А через год началась Великая Отечественная война, и главным практическим делом Геннадия Михайловича стала работа (а точнее — самоотверженное служение долгу) в самый напряженный период эвакуации промышленных предприятий в восточные районы РСФСР, а также в южные республики страны — Казахстан, Узбекистан, Таджикистан.

В июне 1941 г. был создан Совет обороны под руководством И.В. Сталина. По приказу Совета обороны ответственность за эвакуацию и мобилизацию промышленности возложили на Госплан во главе с его председателем Н.А. Вознесенским. Конкретная ответственность за ход эвакуации и мобилизации промышленности ложилась на начальника сводного отдела и первого заместителя Председателя Госплана Г.М. Сорокина. Геннадий Михайлович готовил сводки по результатам мобилизации и плановым заданиям для эвакуированных предприятий, и эти данные докладывались им лично Сталину. За июль—ноябрь 1941 г. на восток страны было перебазировано более полутора тысяч промышленных предприятий и семь с половиной миллионов человек — рабочих, инженеров, техников и других специалистов. Большинство предприятий, согласно приказу Совета обороны, должны были начать работать в трехдневный срок.

Эвакуация промышленных предприятий в восточные районы, в организации которой участвовал Геннадий

Михайлович Сорокин, имела решающее значение для формирования обороны нашей страны. Созданная в результате эвакуации промышленная база стала основным поставщиком важнейших видов продукции. Уже в 1942 г. промышленные предприятия восточных районов производили около 90% кокса, железной руды и чугуна, почти столько же — стали, проката, угля, около 60% электроэнергии.

Острейшей проблемой мобилизации промышленности в годы войны была нехватка рабочих рук, тысячи квалифицированных специалистов ушли на фронт. Вовлечение в оборонную промышленность женщин, пенсионеров, подростков и их тяжелейший труд стали основой значительных успехов уже к концу 1942 г. К этому времени оборонная промышленность достигла такого выпуска вооружения, который обеспечивал превосходство наших войск над гитлеровцами. Уже в 1942—1945 гг. СССР значительно превосходил Германию по производству боевых самолетов, танков, орудий и минометов. Совершенно очевидно, что эти фантастические результаты были достигнуты только героическим трудом «солдат» промышленности и ее «генералов» — организаторов военной экономики страны. Среди них достойное место принадлежит Геннадию Михайловичу Сорокину.

Сам Геннадий Михайлович тоже был готов и к роли солдата. Он доказал это в грозном 1941-м г., когда фашисты вплотную подошли к Москве. Перед уходом в ополчение Сорокин оставил жене, Мариам Семеновне Атлас, прощальное письмо. В этом письме Геннадий Михайлович просил жену воспитать их годовалую дочку Елену хорошим человеком.

Свое начальство он не проинформировал об уходе в ополчение — все произошло стремительно. Из-за сильной близорукости Сорокин оказался в резерве войск ополчения и вступить в бой не успел. Узнав, что его заместитель ушел в ополчение, грозный руководитель Госплана Н.А. Вознесенский был крайне возмущен и приказал немедленно вернуть его в Госплан со словами: «А как я буду без него работать?» Потом он назовет этот поступок Сорокина мальчишеским

и хорошенько отругает своего подчиненного с высоты своего положения.

Поступок Геннадия Михайловича был абсолютно естественным для его семьи. Два его младших брата – Александр и Борис ушли на фронт 17-летними добровольцами и оба погибли. Александр погиб в 1941 г. в боях за Москву. Другой брат – Евгений был профессиональным военным и к началу войны уже командовал торпедным катером. Евгений погиб вместе со своим катером во время боев на Черном море. Младшие братья с помощью Геннадия Михайловича вполне могли бы устроиться в оборонной промышленности, на транспорте и т.д. Но они не стали этого делать, да и он не пошел бы на это. Все братья бесконечно любили свою Родину и считали своим главным долгом – солдатский.

В послевоенный период Г.М. Сорокин продолжает оставаться на руководящих постах в Госплане СССР, ведет активную научную деятельность, в том числе в качестве ученого секретаря Госплана. В этот период Г.М. Сорокин совместно с Н.А. Вознесенским разрабатывает теорию суженного воспроизводства – совершенно оригинальную для периода, когда господствовала социалистическая идеология. Суть этой теории заключалась в методологии сбалансированности отдельных составляющих народного хозяйства в условиях мобилизационной экономики военного типа и гипертрофированного развития оборонной промышленности. Важность этой теории для современности проявляется в том, что она позволяет в определенной мере контролировать процесс временного сужения производства (в рамках гражданского сектора экономики) или, выражаясь в современных терминах, реализовать модель «контролируемого кризиса». К сожалению, развернутого изложения этой теории Г.М. Сорокин не опубликовал. Эти материалы остались лишь в его личном архиве, который, к сожалению, не был сохранен после его смерти из-за болезни жены и дочери.

Сотрудничество двух выдающихся ученых-экономистов, теоретиков и практиков плановой экономики Н.А. Возне-

сенского и Г.М. Сорокина трагически оборвалось в 1949 г. После войны авторитет Н.А. Вознесенского как Председателя Госплана СССР, члена Политбюро, как талантливого руководителя военной и послевоенной экономики и как видного ученого-экономиста вырос необычайно. И.В. Сталину это не очень нравилось. Не нравилось быстрое продвижение и огромный авторитет Н.А. Вознесенского и тем представителям партийной верхушки, которые уже метили себя в качестве преемников «великого вождя». В 1949 г. в рамках инспирированного Ленинградского дела Николай Александрович Вознесенский был арестован как «враг народа» и трагически погиб.

Не обошла стороной эта волна репрессий и Г.М. Сорокина. Его, как его первого заместителя Н.А. Вознесенского, стали часто вызывать на допросы, причем ночные. И никто не знал, вернется ли он домой или нет с очередного допроса. Никаких показаний против Н.А. Вознесенского Г.М. Сорокин не дал. А на партийном собрании, когда работники Госплана по страшному трафарету того времени были вынуждены публично осудить Николая Александровича как «врага народа», Г.М. Сорокин был единственным, кто этого не сделал. Более того, он решился выступить в защиту Н.А. Вознесенского и напомнил о его огромных заслугах как руководителя военной экономики СССР.

В тот вечер, вернувшись домой, Геннадий Михайлович сказал жене: «Спассти меня может только чудо». Чудо произошло в самом невеселом варианте — после очередного ночного допроса у Геннадия Михайловича случился инфаркт. В то время слово «инфаркт» не было распространенным. Тогда это называлось «разрыв сердца» и считалось практически смертельным приговором. Но Г.М. Сорокина лечили прекрасные врачи, да и его возраст (40 лет) позволял надеяться на лучшее. Геннадий Михайлович после четырех месяцев в больнице и двух месяцев в санатории вернулся на работу и проработал потом еще 40 лет.

В последующий период в течение ряда лет (в 1952–1953 гг. и в 1955–1957 гг.) Г.М. Сорокин остается на посту

заместителя Председателя Госплана СССР. В качестве одного из ведущих работников Госплана СССР Г.М. Сорокин принимал активное участие в подготовке и реализации планов послевоенного восстановления народного хозяйства страны. В дальнейшем, вплоть до 1984 г., пятилетние планы развития советской экономики также составлялись при его непосредственном участии как ученого-эксперта. Например, весьма заметный вклад внес Геннадий Михайлович в разработку и претворение в жизнь хозяйственной реформы А.Н. Косыгина во второй половине 1960-х годов, которая предусматривала переход от территориального управления (через совнархозы) к территориально-отраслевому. В этот период впервые в советской экономике отрасли группы «Б» развивались быстрее отраслей группы «А», что дало ощутимый социальный результат, воплотившийся в заметном росте жизненного уровня и потребления населения страны. Не случайно 8-я пятилетка (1966–1970 гг.) стала периодом наибольших достижений плановой экономики СССР в послевоенный период.

В 1957 г. Г.М. Сорокин полностью переключается на научную деятельность и до 1962 г. работает в Институте экономики Академии наук СССР. В 1961 г. он получает ученую степень доктора экономических наук. В начале 1960-х гг., учитывая новые экономические и политические реалии развития плановой экономики СССР, выход социалистической системы хозяйствования за национальные рамки одной страны, Г.М. Сорокин выступает с важной инициативой создания специализированного института в системе Академии наук СССР. Эта инициатива была поддержана, и в 1962 г. Г.М. Сорокин принимает предложение возглавить созданный по его инициативе Институт мировой социалистической системы АН СССР.

В последующие годы Г.М. Сорокин активно работает над проблемами формирования мировой социалистической системы хозяйства, закономерностями социалистической экономической интеграции (хотя сам этот термин появился

несколько позднее), над спецификой реализации принципов планомерности и методов планового управления с учетом специфики этой системы международных экономических отношений. В 1962 г. Геннадий Михайлович удостоился звания члена-корреспондента АН СССР.

К сожалению, в 1968–1969 гг. сложились условия, при которых Г.М. Сорокин был вынужден покинуть пост руководителя Института мировой социалистической системы АН СССР. По существу, он оказался крайним, когда партийному руководству надо было найти ответственных, и даже виновных, за допущение столь глубоко кризисного развития событий в Чехословакии в 1968 году, приведшего в итоге к такому политически проблематичному решению, как ввод войск СССР и ряда других стран Варшавского договора в Чехословакию в августе того же года. Насколько можно судить по имеющимся воспоминаниям, ученому было (конечно, неформально) предъявлено обвинение в том, что наука не предвидела возможности такого негативного развития событий. Так это было или не так — теперь проверить невозможно. Судя по всему, у Г.М. Сорокина в этом вопросе были и сторонники, и противники. Однако длительная полоса, как теперь говорят, разборки привела к тому, что уход Г.М. Сорокина из Института мировой социалистической системы стал неизбежен.

После ухода из этого института Геннадий Михайлович возвращается в ведущий экономический центр страны — Институт экономики АН СССР. Его знания и опыт работы получили здесь достойную оценку. В Институте экономики АН СССР, начиная с 1972 г. и до последних лет своей жизни профессор Г.М. Сорокин возглавлял одно из главных научных подразделений — Отдел социалистического воспроизводства. Под его руководством сформировалась целая исследовательская школа по проблемам воспроизводства и экономического роста. Многие из его молодых коллег и учеников и ныне продолжают работать в Институте экономики теперь уже Российской академии наук, в других научных учреждениях и вузах страны.

Геннадий Михайлович ушел из жизни тогда, когда страна уже стояла на пороге радикальных перемен в обществе и государстве. Он с большим интересом воспринял идеи так называемой перестройки и в своих работах пытался дать развитие ее позитивных начал в области экономических реформ. Он всегда очень огорчался, когда становился очевидным проектерский, декларативный, и даже разрушительный, характер некоторых составляющих этой кампании. К сожалению, дать глубокий научный анализ теории и практики так называемой перестройки Г.М. Сорокин уже не успел.

За многие годы плодотворной научной деятельности Г.М. Сорокин внес большой вклад в развитие экономической теории, прежде всего в разработку проблем воспроизводства, в решение теоретических и практических задач повышения эффективности общественного производства. Большой опыт работы в планово-хозяйственных органах, сочетание научных изысканий с анализом и решением задач народно-хозяйственной практики неизменно придавали исследованиям Г.М. Сорокина высокий уровень актуальности и практической значимости, которая по многим позициям никак не обесценивается нынешним отказом от самой модели плановой экономики.

Сегодня основной интерес и научную перспективу имеют исследования Г.М. Сорокина в области теории воспроизводства. Хотя возглавлявшийся им отдел Института экономики и назывался (сообразно условиям того времени) отделом социалистического воспроизводства, теоретические исследования Геннадия Михайловича и его лучших учеников всегда носили глубокий теоретико-методологический характер, внося существенный вклад в развитие экономической теории в целом.

Действительно, если подходить объективно, без идеологических штампов и шор (а они на деле могут заслонять и искажать подлинную экономическую теорию), трудно представить себе нечто более деполитизированное и деидеологизированное, нежели ключевые положения теории обще-

ственного воспроизводства. Никакая социальная система не отрицает проблем динамики и соотношения производства и потребления; накопления и потребления, выбора оптимальных темпов роста и пр. Никакая социальная система (и это хорошо подтверждает опыт почти трех десятилетий российских реформ) не отрицает известных рамок государственного регулирования тех или иных сторон общественного воспроизводства.

Конечно, Г.М. Сорокин принципиально различал практику социалистического планирования и элементы государственного регулирования капиталистического (рыночного) хозяйства и никак не допускал их смешения. Однако многие из его положений теории воспроизводства, как представляется, могли бы быть конструктивно использованы и тогда, когда обозначился некий тупик социалистических или, точнее, квазисоциалистических форм хозяйствования и управления, и страна была вынуждена долго и мучительно находить себя на пути формирования основ рыночной экономики.

Даже в движении вспять и в падении вниз, что реально и случилось с российской экономикой, можно было бы реализовать определенные конструктивные цели. Взять ту же теорию «суженного воспроизводства». По сути именно эта идея или, как мы обозначили ее, идея «управляемого кризиса» могла бы быть положена в основу макроэкономической гипотезы реформационных процессов в российской экономике. Другими словами, если тенденции спада, и даже кризиса, в экономике были неизбежны, изначально следовало бы заставить их продуктивно «работать на цели обновления и структурной перестройки экономики, чего, к сожалению, так и не получилось. Почти двадцать лет российских реформ, перемежавшиеся и кризисами, и подъемами, в итоге так и не привели к решению задач структурной перестройки. Эта слабость российской экономики, ее незащищенность перед лицом негативного воздействия извне еще раз подтвердились в ходе финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг,

когда обвальные процессы оказались неконтролируемыми и пока никак не движущими нашу экономику к некоему качественно новому состоянию.

Г.М. Сорокин много внимания уделял проблеме темпов экономического развития. Он трезво оценивал причины того, что экономика «развитого социализма» практически уже после восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) неизменно шла по линии затухания темпов своего развития. Ученый и практик, он понимал, что любая экономическая ситуация неизбежно предполагает некий оптимальный темп развития, но при этом всякое ускорение должно иметь объективные предпосылки и, кроме того, не должно входить в противоречие с приоритетами и практическими механизмами тех или иных экономических реформ.

Надо отметить и другие направления воспроизводственных исследований, которые велись при участии и под руководством Г.М. Сорокина и результаты которых, несомненно, имеют непреходящую научную ценность и практическую значимость. Так, в послевоенные годы Геннадий Михайлович работал над проблемой определения объективных границ роста заработной платы, что чрезвычайно актуально и в настоящее время. Он, в частности, предлагал введение нормативов соотношения между заработной платой и прибылью, что было бы важным и в современных условиях, например для предотвращения как искажения реальных объемов прибыли предприятий, так для недопущения увода в тень заработной платы сотрудников.

Много внимания уделял Геннадий Михайлович исследованию такой ключевой воспроизводственной категории, как «национальное богатство». Можно прямо сказать, что благодаря его усилиям работы в этом направлении заняли достойное место в нашей экономической науке. Следует, правда, признать, что сам Геннадий Михайлович тяготел к так называемой ограничительной трактовке национального (общественного) богатства, т.е. к его пониманию именно как воспроизводимого в традиционном плане богатства. Это было

типично для его сдержанно-консервативного отношения ко всякого рода научным новациям. Наверное, такая позиция и должна быть характерна для крупного ученого, принимающего те или иные новации только в том случае, если они всесторонне обоснованы и, главное, реально востребованы практикой хозяйствования и планового управления. Тем не менее, имея свой собственный взгляд на проблему общественного богатства, Геннадий Михайлович активно поддерживал исследования и по так называемой расширительной трактовке богатства, в частности, богатства с учетом оценок природных ресурсов, так называемого человеческого капитала и пр.

Результаты этих теоретических изысканий и сегодня могут быть реально востребованы и, следовательно, должны получить дальнейшее теоретическое развитие. Последнее, впрочем, очевидно затрагивает не только проблематику национального богатства, но и весь блок исследований по ключевым вопросам теории воспроизводства.

Высоко оценивая вклад Г.М. Сорокина в теорию воспроизводства, нельзя полагать, что его работы в области теории планового управления интересны теперь только для научного архива. Обозначим лишь один актуальный аспект этой проблемы.

Еще до кризиса 2008–2009 гг., и тем более, уже в ходе него, руководство страны (во всяком случае, на уровне Минэкономразвития страны) проявило интерес к идее так называемого стратегического планирования. Было подготовлено несколько концепций закона о стратегическом планировании, хотя пока далеко не лучшего свойства. Однако сама заинтересованность в идее стратегического планирования, понимание необходимости использования его отдельных элементов уже сами по себе показательны. Сегодня даже на высших уровнях государственного руководства вновь звучат идеи так называемого стратегического планирования, в которых немало от той системы долгосрочного планирования, которую развивал Г.М. Сорокин (долговременный горизонт управления экономикой, четкое целеполагание, сочетание

прогнозирования и планирования, приоритет решения социальных проблем и пр.).

Действительно, что такое стратегическое планирование? Нечто ранее совсем неизвестное экономической науке и практике планирования? Надо полагать, нет. Много в этом направлении было сделано и ранее. Позитивная роль Г.М. Сорокина здесь, прежде всего, состоит в том, что с учетом практических нужд развития системы планового управления он сумел реанимировать интерес и ученых, и специалистов-практиков к методам долгосрочного планирования, активно развивавшимся нашими учеными в 1920 – начале 1930-х годов. Даже с учетом того, что Г.М. Сорокин сам не разделял многие положения теоретиков долгосрочного планирования, выдвинутые в эти годы, его усилия по возвращению этого теоретического наследия в научный и практический оборот уже само по себе является несомненной заслугой этого видного ученого.

Имя Геннадия Михайловича Сорокина и сейчас ассоциируется в нашем понимании не только с обликом крупного ученого-теоретика, не только руководителя, снискавшего заслуженное уважение коллектива, но и просто очень умного и обаятельного человека. Он уважал людей, с которыми работал, ценил специалистов, помогал им и был далек как от начальственной снисходительности, так и панибратства. В науке он ценил не эмоциональные всплески интеллектуализма; он предпочитал настойчивую, тщательную работу с фактами, цифрами, с научными аргументами «за» и «против». В научных дискуссиях и спорах Г.М. Сорокин всегда оперировал только научными аргументами и фактами, не имея привычки навешивать какие-либо идеологические ярлыки.

Да, Г.М. Сорокин был непоколебимым сторонником планового управления и последовательно искал практические возможности его совершенствования, преодоления его недостатков, которые он как ученый вполне очевидно осознавал. Возможности или резервы этой системы управления он считал огромными. Хотя далеко не все, эффективно реализуемое в условиях военной экономики мобилизационного типа,

может быть столь же эффективно осуществлено рычагами планово-директивного управления в мирное время, особенно когда для хозяйствующих субъектов и органов управления абсолютно доминируют требования инициативы, инновационного мышления, гибкости управления, экономических стимулов и пр.

Но мы помним и чтим имя Г.М. Сорокина, прежде всего как талантливого, трудолюбивого ученого, активно работавшего буквально до последних дней своей жизни. Ему принадлежит более 200 научных работ. За долгий период работы в Академии наук Геннадий Михайлович проявил себя не только как талантливый, целеустремленный исследователь и организатор науки, но и как опытный, доброжелательный воспитатель научных кадров. Под его руководством подготовлена целая плеяда ученых — кандидатов и докторов наук. Заслуги Г.М. Сорокина как ученого и организатора науки были отмечены орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалью «За оборону Москвы» и др.

«23 февраля 1990 г. в день 80-летия Геннадия Михайловича, — вспоминала Мариам Семеновна Атлас, — в непривычной обстановке (в больнице Академии наук) ему вручили последнюю в его жизни правительственную награду. В тот день он почувствовал себя гораздо лучше: заговорил о выписке из больницы, о том, что надо завершить работу над книгой о военной экономике. А через два дня его трудолюбивое и очень доброе сердце, перенесшее множество инфарктов, испытаний и потерь, остановилось навсегда... Но 23 февраля он успел сказать мне, что самой дорогой для него наградой была медаль “За оборону Москвы”. Геннадий Михайлович Сорокин получил ее за то, что во время фашистских бомбардировок тушил зажигательные бомбы на крыше своего любимого Госплана...».

2010 г.

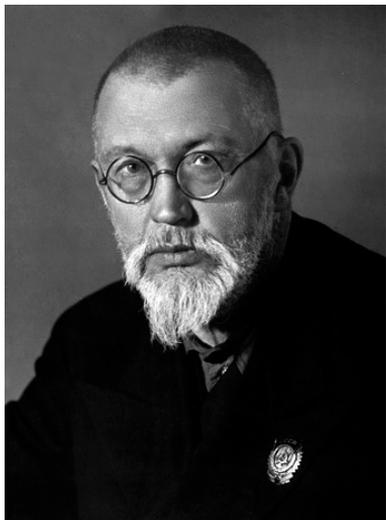
ИСТОЧНИКИ

Основные работы Г.М. Сорокина

1. Социалистическое планирование народного хозяйства СССР. М., 1946.
2. Система государственного народнохозяйственного планирования в СССР. М., 1949.
3. Планирование народного хозяйства СССР. Вопросы теории и организации. М.: Соцэкгиз, 1961.
4. Мировая социалистическая система хозяйства. Т. 1–4. М., 1966–1967. (Соавтор и ред.)
5. Проблемы воспроизводства и планирования социалистической экономики. М., 1976.
6. Закономерности расширенного социалистического воспроизводства. М.: Наука, 1977. (Соавтор и ред.)
7. Очерки политической экономии социализма. М.: Наука, 1984.

Литература о Г.М. Сорокине

1. Сорокин Геннадий Михайлович // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 591.
-

**СТРУМИЛИН
СТАНИСЛАВ ГУСТАВОВИЧ
(1877–1974)**

Станислав Густавович Струмили́н (псевдоним; настоящая фамилия — Струмилло-Петрашкевич) — экономист-теоретик, историк, социолог, статистик, действительный член Академии наук СССР (1931), Герой социалистического труда (1967), член КПСС с 1903 г.

Родился 29 (17) января 1877 г. в обедневшей дворянской семье, учился в реальном училище в г. Скопин,

в 1896 г. стал студентом Петербургского электротехнического института. Был активным участником «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», подвергался ссылкам, участвовал в качестве делегата на VI (Объединительном) и V съездах РСДРП. 1948–1952 гг. — заведующий Сектором истории народного хозяйства Института экономики АН СССР.

Большое внимание в ранних работах С.Г. Струмили́н уделял революционным аграрным преобразованиям: «Слово к крестьянской бедноте» (1906), «Община и земельный вопрос» (1907), «Задачи и план организации текущей статистики льна» (1913), где впервые был применен балансовый метод. В 1914 г. ему удалось закончить экономическое отделение Петербургского политехнического института. За работу

И.С. Шухов
д.э.н.

Г.И. Белова
к.э.н.

«Договор найма в древнерусском праве» ему было присвоено звание кандидата экономических наук.

Работы С.Г. Струмилина после 1918 г. по вопросам экономики и статистики труда стали основополагающими для последующих исследователей и при применении статистических методов в анализе. Ученый разработал методологию бюджетных исследований, первым построил бюджетный индекс производительности труда, известный как «индекс Струмилина».

С.Г. Струмилин рассматривал статистику не как технико-экономическую дисциплину, а как социально-экономическую науку. Во всех своих работах по планированию, экономике труда, экономической истории все выводы построены на твердой базе статистических подходов. С.Г. Струмилин считал наиболее важным в экономике опереться на статистическую базу, а в статистике — раскрыть политэкономическое содержание. «Рассматривая статистику как социально-экономическую, общественную науку, я не мыслю плодотворной ее трактовки в качестве абстрактной методологии, — писал ученый, — подкрепляя экономику статистиков в своих работах, а статистику — экономическим анализом изучаемых явлений, мне всегда удается установить водораздел между этими областями науки»¹.

С.Г. Струмилин разрабатывал проблемы оптимизации народнохозяйственных планов с целью достижения оптимума народнохозяйственного благосостояния. В качестве критерия оптимальности планов он рассматривает «основное требование неуклонного роста производительности труда и потребления масс при наименьших затратах труда и наилучшем их распределении пропорционально наличным массам потребностей общества в целях равномерного и возможно полного их удовлетворения, не исключая и настоятельной потребности в свободном времени для всестороннего развития и полного расцвета не только коллективных, но

1. Струмилин С.Г. Статистико-экономические очерки. М., 1958. С. 3.

и всех индивидуальных творческих наших возможностей на пути к коммунизму»².

При этом Струмилин считал наиболее трудной задачей нахождение оптимальных пропорций в распределении трудовых ресурсов в соответствии с различными потребностями масс, так как потребности непосредственно несоизмеримы, а структура их на каждом уровне благосостояния существенно меняется.

Вместе с тем С.Г. Струмилин считал реальным изучение закономерностей изменения структуры потребностей вместе с ростом уровня жизни, т.к. для планирования подъема жизненного «уровня трудящихся требуется повысить и производство предметов потребления, но в совершенно разных пропорциях». Он считал, что пропорции уже существуют в любой момент в группах населения с разным уровнем благосостояния, поэтому можно построить структурную модель динамики состава рыночного спроса и потребления во времени.

Потребности, удовлетворяемые путем развития материального производства, не сводились только к потреблению. Кроме насыщения материальных потребностей Струмилин ставил задачу «...обеспечить всем членам общества возможность всестороннего развития физических и духовных способностей».

Струмилин разрабатывал не только проблемы размеров и структуры потребления групп населения с различным уровнем дохода, но и вопросы рационализации потребления, ввел понятие «разумные потребности». Он считал, что без изучения пропорций, диктуемых соотношением потребностей населения, неосуществимо разумное планирование всех остальных производственно-трудовых пропорций, включая те, которые вытекают из задач расширенного накопления.

Таким образом, целевую функцию народного хозяйства С.Г. Струмилин не сводил к узкоэкономическому содержанию. Всестороннее развитие личности он ставил в центр оптимизации общественного производства.

2. Вопросы экономики, 1968. № 4. С. 115.

Струмилин С.Г. был одним из зачинателей отечественной экономико-математической школы. В 1918 г. в газете «Экономическая жизнь» он выдвинул идею о правомерности двух типов оценок: трудовых оценок и оценок хозяйственных благ по их общественной полезности. Он считал, что с точки зрения общественной полезности все хозяйственные блага принципиально сравнимы и соизмеримы. С.Г. Струмилин впервые попытался построить функцию общественной полезности, используя для этой цели психологический закон Вебера-Фехнера.

Сочинения С.Г. Струмилины опубликованы в пяти томах. Первый том посвящен главным образом вопросам статистики, в первую очередь статистике труда. Работы составляют энциклопедию этой отрасли науки.

В теории планового ценообразования С.Г. Струмилин выступал за полный учет живого и овеществленного труда в цене продукта, одновременно считая необходимым соизмерение потребительных ценностей с учетом общественных потребностей в данном продукте. Он считал необходимым государственное регулирование цен, плановое определение себестоимости и рентабельности предприятий, определение общественно-необходимого рабочего времени с учетом потребительной ценности в общественном масштабе. По его мнению, именно общественная потребительная ценность служит базой сопоставления всех видов затрат, определения общественно-необходимого рабочего времени.

С.Г. Струмилин интересовался вопросами устойчивости рубля на основе определения затрат и государственного регулирования процесса ценообразования.

Всего им написано свыше 700 научных трудов по экономике, статистике, управлению народным хозяйством, планированию, ценообразованию, эффективности капитальных вложений, демографии, прогнозированию, социологии, философии, праву.

2005 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы С.Г. Струмилина

1. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы. М.—Л.: Госуд. изд-во, 1928.
2. К методологии учета научного труда. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1932.
3. Черная металлургия в России и СССР. Технический прогресс за 300 лет. М.—Л.: Академия наук СССР, 1935.
4. Очерки экономической истории России. М: Соцэкгиз, 1960.
5. Избранные произведения. В 5-ти т. М: Изд-во Акад. наук СССР. 1963—1965.
6. Избранные произведения. Воспоминания и публицистика. М.: Наука, 1968.
7. На плановом фронте. М: Наука, 1968.
8. Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982.

Литература о С. Г. Струмиллине

1. Актуальные проблемы экономической науки в трудах С.Г. Струмилина. (К 100-летию со дня рождения) / Отв. ред. акад. Н.П. Федоренко. М.: Наука, 1977.
2. Вопросы экономики, планирования и статистики. К восьмидесятилетию академика Станислава Густавовича Струмилина. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
3. *Екатериновская М.А.* Струмили́н (Струмилло-Петрашкевич) Станислав Густавович // История экономической мысли России в лицах. Словарь-справочник. М.: КНОРУС, 2007.
4. Проблемы экономической науки и практики. Сб. статей, посвященных 95-летию акад. С.Г. Струмилина / Отв. ред. Н.П. Федоренко. М.: Наука, 1972.
5. Совершенствование планирования и управления народным хозяйством. (К 90-летию акад. С.Г. Струмилина) / Отв. ред. акад. Н.П. Федоренко. М.: Наука. 1967.
6. Струмили́н Станислав Густавович. Материалы к библиографии ученых СССР. М.: Наука, 1968.
7. *Щухов Н.С.* Академик Струмили́н С.Г. // Академики-экономисты России. М.: Институт экономики РАН, 1999.

**УРАНИС
БОРИС ЦЕЗАРЕВИЧ
(1906—1981)**

Урланис Борис Цезаревич — выдающийся ученый-демограф и статистик, широко известный в нашей стране и за рубежом. Получил заслуженное признание в 1940—1980 гг. среди специалистов-демографов и экономистов благодаря постановке и глубокой, творческой разработке широкого круга проблем народонаселения.

Внес существенный вклад в развитие теории демографии как самостоятельной отрасли обществоведения, в разработку ее исторического и экономического аспектов, в изучение глобальных проблем взаимосвязи демографических и социально-экономических процессов, в исследование факторов рождаемости, смертности и продолжительности жизни, в развитие теории демографической политики. Он выдвинул, обосновал и последовательно отстаивал идею региональной, локальной дифференцированной (гибкой) демографической политики.

Б.Ц. Урланис родился 28 августа 1906 г. в г. Киев в семье служащего страхового общества. В январе 1907 г. семья переехала в Москву. В 1922 г. он окончил трудовую школу второй ступени. Учебу в последних классах школы он совмещал с работой. В 1923 г. поступил на статистическое отделение

факультета общественных наук МГУ. Параллельно с занятиями в университете он работал в качестве литературного сотрудника Главполитпросвета. Активно участвовал в составлении Малой русской энциклопедии, был одним из двух авторов «Политического словаря», готовившегося к печати Госиздатом в 1924/1925 гг.

По окончании Университета в 1926 г., получив диплом о высшем образовании по специальности «статистика, демография», Б.Ц. Урланис сначала работал в научно-исследовательских институтах, а с 1930 г. перешел на преподавательскую работу – читал курс лекций по статистике в МГУ (1930–1949) – сначала на географическом факультете, а позднее на экономическом факультете, во ВГИКе на экономическом факультете (1949–1955 гг.), заведовал кафедрой статистики и математики Всесоюзного заочного финансово-экономического института (1956–1959).

Наряду с преподаванием, начиная с 1930-х гг. и всю последующую жизнь, Б.Ц. Урланис увлеченно занимался научно-исследовательской работой, много писал и публиковался. Первая крупная работа ученого – «История американских цензов» (объемом 25 п.л.) была издана в 1938 г., а затем в 1939 г. защищена им как кандидатская диссертация. В ней были подробно проанализированы программные и организационные вопросы 15 переписей населения, промышленности, сельского хозяйства, торговли, транспорта и др. отраслей, проведенных в США в период с 1790 по 1930 г. Год спустя, в 1940 г., Б.Ц. Урланис пишет новую крупную работу «Рост населения в Европе», которую защищает как докторскую диссертацию. Монография на эту тему объемом 28,5 п.л. вышла в свет в 1941 г., а в 1944 г. в возрасте 38 лет ему присваивают звание профессора.

С декабря 1959 г. Б.Ц. Урланис перешел на научную работу в Институт экономики АН СССР, где проработал до конца дней в должности старшего научного сотрудника в секторе трудовых ресурсов. Этот период жизни исключительно плодотворен. Б.Ц. Урланис продолжает много писать.

За годы работы в ИЭ АН СССР им издано 12 индивидуальных монографий, 5 брошюр, ряд статей опубликован в коллективных монографиях. Б.Ц. Урланис активно участвует в подготовке инициативных записок и научных докладов института для директивных органов страны (в частности, в работах ИЭ АН СССР по разработке проблем, связанных с составлением генерального плана развития народного хозяйства СССР на 1960–1980 гг.). Пишет ряд персональных докладов для президиума и Отделения экономики АН СССР в части оценки демографической ситуации, прогноза населения и демографической политики. Принимает активное участие в подготовке переписей населения 1959, 1970 и 1979 г. Успешно руководит подготовкой многих аспирантов. Ведет работу по научному редактированию. Под титульной редакцией Б.Ц. Урланиса в издательствах «Наука», «Статистика», «Мысль», «Политиздат» было издано 9 монографий отдельных ученых и коллективов авторов.

Б.Ц. Урланис впервые в отечественной науке выступил против отождествления демографии с демографической статистикой, рассматривал последнюю как часть демографии. Он раскрыл связи демографии с политической экономией, медициной, антропологией, социологией. О широком кругозоре и эрудиции ученого свидетельствует тот факт, что демографические процессы и обоснование путей их оптимизации рассматривались им в увязке с действием экономического, социологического, военно-политического, экологического, географо-экономического, генетического и социально-психологического факторов, с особым акцентом на экономическом аспекте анализа. Впервые среди советских демографов Б.Ц. Урланис привлек внимание широкой научной общественности к связи экономики с демографической наукой, к необходимости изучения связи возрастно-половой структуры населения с процессом производства и потребления через занятость населения в процессе труда.

Б.Ц. Урланис – автор многочисленных фундаментальных трудов и статей. Его творческое наследие велико и много-

гранно. По различным вопросам демографии ученым было опубликовано 18 книг в издательствах «Экономика», «Наука», «Статистика», «Знание» и более 160 статей на страницах периодической печати. Общий объем его печатных работ составляет около 450 п.л., 44 работы общим объемом 180 п.л. были переведены на иностранные языки и опубликованы за рубежом. Мировую известность принесли Б.Ц. Урланису его монографии: «Рост населения в Европе», (28,5 п.л.), получившая известность во многих странах Европы еще в довоенные годы, и «Война и народонаселение Европы» (объемом 35,5 п.л.), переведенная затем на английский, французский испанский, немецкий языки, изданная также в Финляндии и Чехословакии.

Работа «Рост населения в Европе», опубликованная в 1941 г., внесла неоценимый вклад в развитие отечественной исторической демографии и до сих пор рассматривается демографами как «энциклопедия по демографической истории Европы». Эта монография явилась серьезным вкладом в теорию народонаселения и образцом методологии исследования историко-демографических процессов. Б.Ц. Урланисом были тщательно собраны, проанализированы (на достоверность) и научно обобщены разрозненные данные мировой статистики, позволившие обоснованно охарактеризовать динамику численности, рождаемости, смертности, брачности и миграции населения в странах Европы и европейской части СССР за период с XI в. до 40-х гг. XX в. Данная работа стала книгой, с которой для многих начинающих ученых началось серьезное увлечение демографией

В послевоенные годы ученый работал над монографией «Война и народонаселение Европы», которой отдал более 15 лет. Она вышла в свет в 1960 г. В этой работе на основе тщательного анализа огромного количества данных Б.Ц. Урланисом проведен кропотливый методологически обоснованный расчет людских потерь в европейских войнах на протяжении трех с половиной столетий. Этот труд в долгое время был единственным в своем роде в мировой литературе. На эту работу было опубликовано много благодарственных откликов

в отечественной и зарубежной печати. Она оценивалась как «замечательный вклад ученого в борьбу за мир». Широкую известность получили также монографии «Рождаемость и продолжительность жизни населения в СССР» (1963 г.), «Динамика и структура населения СССР и США» (1964 г.), «История одного поколения» (1974 г.), «Проблемы динамики населения СССР» (1974 г.). Велики заслуги Б.Ц. Урланиса и в развитии отечественной статистической науки. Знаковой для популярности ученого является дважды изданный издательством «Статистика» учебник «Общая теория статистики» (1962 и 1975 г.), использовавшийся в процессе преподавания экономическими вузами страны.

Широкую известность Б.Ц. Урланису принесла и его публицистическая деятельность, продиктованная стремлением к популяризации демографических знаний среди населения с целью формирования демографической культуры в обществе. С конца 1960-х гг. активная пропаганда результатов демографических исследований становится неотъемлемым направлением его научной работы. В 1974 г. под его редакцией вышла книга «Народонаселение стран мира», которая многие годы была основным справочником по населению и приобрела широкое распространение. Обладая способностью излагать эмоционально и доказательно любые, даже самые сложные вопросы теории простым доходчивым языком, Б.Ц. Урланис проявил себя как яркий публицист. Он часто выступал со статьями в «Литературной газете», «Известиях», «Неделе» и др. Ряд его статей (в частности, «Берегите мужчин», «Сколько надо иметь детей», «Безотцовщина», «Бабушка в семье», «Дни нашей жизни, сколько их?», «Несчастья может и не быть» и др.) получили общественный резонанс, способствовали развитию внимания к проблемам демографии в обществе.

Б.Ц. Урланис многократно участвовал в качестве докладчика на Международных конференциях, конгрессах, симпозиумах (социологических, геронтологических и географических). Он свободно владел тремя иностранными языками —

немецким, английским, французским – и успешно отстаивал на всех международных форумах принципы советской демографической науки. Ряд научных докладов ученого был направлен в адрес ООН и международных конгрессов (по проблемам населения земного шара, развивающихся стран, изменения продолжительности жизни в различных социально-экономических формациях). Часто он выступал с научными докладами на всесоюзных конференциях и по текущим проблемам демографии перед разными аудиториями в различных регионах страны.

Занимаясь активно научной работой в Институте экономики АН СССР, Б.Ц. Урланис не порывал с педагогической деятельностью. В период 1963–1974 гг. он продолжал преподавать курс демографии на факультете статистики Московского экономико-статистического института. В общей сложности педагогической работе им было отдано около 40 лет жизни.

Научно-педагогическую деятельность профессор Урланис Б.Ц. сочетал с активной общественной работой. С 1939 г. он состоял членом бюро статистической секции московского Дома ученых, с 1958 г. – стал заместителем председателя этой секции и с 1962 г. членом Совета Дома ученых АН СССР. В 1964 г. он основал демографическую секцию Дома ученых и до конца дней был ее бессменным председателем. Благодаря его научному авторитету и личному обаянию, умелой организаторской деятельности эта секция получила широкое признание и среди ученых смежных дисциплин. В 1966 г. Б.Ц. Урланис был избран членом Международного союза по изучению проблем народонаселения. Наряду с этим он являлся заместителем председателя президиума Советской социологической ассоциации и заместителем председателя Научного совета по проблемам народонаселения АН СССР, представителем Института экономики АН СССР в Доме дружбы с зарубежными странами, членом научно-методического совета ЦСУ СССР и Экспертного совета ЦСУ РСФСР, членом редакционного совета издательства «Статистика».

Б.Ц. Урланис оставил заметный след в отечественной экономической науке и в мировой демографической науке прежде всего. Многие идеи, высказанные им полстолетия назад, сохраняют актуальность и в настоящее время. Он смог так много успеть за период своей научной жизни благодаря тому, что умел ценить время, строго вел учет его расходования, придавал большое значение организации научного труда. Вся его разносторонняя и целенаправленная научная деятельность была пронизана стремлением донести возможно полнее результаты своих исследований до практиков управления, во имя использования выводов демографической науки на благо людей.

2005 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы Б.Ц. Урланиса

1. Рост населения в Европе. М.: Госполитиздат, 1941.
2. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII—XX вв. М.: Соцэкгиз, 1960.
3. Общая теория статистики. М.: Госстатиздат, 1962.
4. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.: Госстатиздат, 1963.
5. История одного поколения. М.: Мысль, 1968.
6. Общая статистика населения. М.: Статистика, 1973.
7. Народонаселение. М.: Статистика, 1976.
8. Эволюция продолжительности жизни. М.: Статистика, 1976.
9. Людские потери в войнах // Вопросы истории. 1965. № 5.
10. Берегите мужчин! // Литературная газета. 1968. № 30.
11. Сколько надо иметь детей // Литературная газета. 1968. № 18.
12. Безотцовщина // Литературная газета. 1969. № 22.
13. Бабушка в семье // Литературная газета. 1971. № 10.

Литература об Б.Ц. Урланисе

1. Урланис Б.Ц. Экономическая энциклопедия. Политическая экономика. Т. 4. М., 1980. С. 238.

2. Сонин М.Я. Предисловие // Урланис Б.Ц. Народонаселение. Исследования, публицистика. М.: Статистика, 1976.
3. Рыбаковский Л.Л., Борисов В.Л. Предисловие // Урланис Б.Ц. Избранное. М.: Мысль, 1985.
4. Борис Цезаревич Урланис. Библиографические материалы. Сост. Т.А. Бараненкова. М.: ИЭ РАН, 2006.
5. Демография и экономика: можно ли сберечь народ России? Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Б.Ц. Урланиса. М.: ИЭ РАН, 2007.

Н.А. Новицкий
д.э.н.

А.Т. Хачатурова
к.э.н.

ХАЧАТУРОВ
ТИГРАН СЕРГЕЕВИЧ
(1906—1989)

Тигран Сергеевич Хачатуров, крупнейший российский ученый-экономист, академик, родился в 6 октября 1906 г. в Москве. В 1928 г. окончил статистическое отделение факультета общественных наук МГУ. Еще будучи студентом, в 1926 г. он публикует свои первые научные исследова-

ния. В 1930 г. начал педагогическую деятельность на хозяйственно-правовом отделении факультета советского права МГУ, где читал курс экономики транспорта, а затем в Электромеханическом институте инженеров железнодорожного транспорта.

С 1929 по 1939 г. работает над большой проблемой – анализом состояния и развития зарубежного и отечественного транспорта. Итогом этой работы стала публикация монографии «Размещение транспорта в капиталистических странах и в СССР» (1939 г.). За это исследование Т.С. Хачатурову была присуждена, минуя кандидатскую, ученая степень доктора экономических наук и в 1940 г. присвоено звание профессора. В 1941 г., уже после начала Великой Отечественной войны, выходит в свет вторая крупная работа Т.С. Хачатурова «Пути развития транспорта СССР», в которой анализируется история развития отечественного транспорта до революции,

его становление за годы советской власти и делается первая попытка научного прогнозирования. В 1943 г. Т.С. Хачатуров был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Во время Великой Отечественной войны он исследует возможности скорейшего восстановления железных дорог в освобожденных районах страны, координации работы различных видов транспорта, выполняет правительственные задания по организации перевозок оборонных и народнохозяйственных грузов.

В 1945–1949 гг. Т.С. Хачатуров был директором Всесоюзного НИИ железнодорожного транспорта, в 1955–1959 гг. — директором Института комплексных транспортных проблем АН СССР и продолжал заниматься исследованиями, связанными с экономикой транспорта (эффективность путей технического развития железнодорожного транспорта, методы экономических расчетов при планировании транспорта, закономерности капиталистического транспорта). Итогом исследований в этой области стали монографии «Основы экономики железнодорожного транспорта» (1946 г.) и «Экономика транспорта» (1959 г.)

С 1959 года Т.С. Хачатуров работает в Институте экономики Академии наук СССР. Главное направление его исследований смещается к проблеме эффективности капитальных вложений и новой техники. Проблема эффективности капитальных вложений развивалась Т.С. Хачатуровым еще в связи с вопросами развития транспорта. Так, в монографии «Основы экономики железнодорожного транспорта» проблеме эффективности капитальных вложений посвящена глава, в которой разрабатывается метод сравнения вариантов капитальных вложений по срокам окупаемости и приведенным затратам и предлагается различать абсолютную и относительную эффективность капитальных вложений. Автором был рассмотрен также вопрос об учете разновременности капитальных вложений с применением сложного процентирования.

С 1957 г. по 1989 г. Т.С. Хачатуров возглавлял Научный совет по экономической эффективности основных фондов,

капитальных вложений и новой техники в народное хозяйство СССР при Отделении экономики АН СССР. В это время под его руководством и при непосредственном участии была разработана «Типовая методика определения эффективности капитальных вложений и новой техники» как основополагающее руководство для экономистов, руководителей предприятий и отраслей. Эта работа сыграла существенную роль в повышении научного уровня принимаемых хозяйственных решений и легла в основу многих отраслевых и ведомственных инструкций. В последующие три десятилетия было утверждено и опубликовано четыре издания этой методики.

В 1964 г. вышел в свет фундаментальный труд Т.С. Хачатурова «Экономическая эффективность капитальных вложений», в котором он обобщил свои предыдущие исследования проблемы. Основная мысль этой работы — необходимость научно-экономического обоснования капитальных вложений как в плане развития народного хозяйства, так и в проектах развития народного хозяйства. Особенностью подхода Т.С. Хачатурова к методологическим и экономическим проблемам эффективности явилось сочетание макро- и микроэкономического анализов, изучение и общей, и сравнительной эффективности, исследование как крупных плановых проблем, так и относительно более частных проблем отраслевого проектирования.

В исследованиях, посвященных проблеме экономической эффективности капитальных вложений, Т.С. Хачатуровым были разработаны методы измерения абсолютной и сравнительной эффективности и количественная связь между ними, проанализированы факторы повышения эффективности капитальных вложений, вопросы соизмерения разновременных затрат, даны предложения по анализу и решению вопросов направления экономической эффективности, показаны пути ее повышения на основе достижения научно обоснованных пропорций в народном хозяйстве, комплексного планирования капитальных вложений, ускорения и удешевления строительства.

Т.С. Хачатуровым был рассмотрен комплекс вопросов экономической эффективности капитальных вложений

в связи с теоретическими и практическими проблемами расширенного воспроизводства, в частности с динамикой национального дохода и соотношением в его составе фондов накопления и потребления. Под его руководством были разработаны показатели и критерии оценки эффективности общественного производства и капиталовложений, которые были приняты в плановой практике.

В 1966 г. Т.С. Хачатуров был избран академиком АН СССР. С 1967 г. по 1971 г. — академик-секретарь отделения экономики АН СССР. С 1966 г. по 1988 г. был главным редактором журнала «Вопросы экономики». Долгое время Т.С. Хачатуров был членом Государственной экспертной комиссии Госплана СССР, проводил технико-экономическую экспертизу проектов развития отраслей, районов и отдельных, наиболее важнейших объектов строительства.

С 1971 г. Т.С. Хачатуров возглавил лабораторию экономического прогнозирования на экономическом факультете МГУ. В это время он начинает заниматься вопросами экономики природопользования. Его роль в становлении этой экономической науки в нашей стране огромна. Чрезвычайно важным представляется стремление Т.С. Хачатурова к развитию экологического образования. В 1978 г. он создал первую в стране кафедру экономики природопользования на экономическом факультете МГУ, заведующим которой он оставался до конца своих дней. Написанная им книга «Экономика природопользования» (1982 г., 1987 г.) стала базовой как для научных исследований, так и для образовательных целей. Многие выпускники кафедры — дипломники, кандидаты и доктора наук — продолжают заниматься практической и научной деятельностью в эколого-экономической сфере, благодарно помня своего учителя.

В работах Т.С. Хачатурова, наряду с эффективностью, другим ключевым понятием была интенсификация. Он предупреждал об исчерпаемости экстенсивных факторов развития, необходимости интенсификации народного хозяйства. Доминантой его работ 1970-х и 1980-х годов стало положение

ние о необходимости радикальных изменений в экономике, ее интенсификации, переходу к ресурсосберегающему типу развития, адекватному учету социального фактора.

Много внимания уделялось Т.С. Хачатуровым неэффективности структуры экономики, что приводило к гигантским потерям и нерациональному использованию ресурсов. В его исследованиях подчеркивалась необходимость форсированного развития инфраструктуры, снижения природоемкости экономики, развития ресурсосберегающих и малоотходных технологий. В реализации своих идей он подчеркивал важную роль экономических стимулов, как сейчас принято говорить, рыночных механизмов и регуляторов. Особенно это важно для создания благоприятного инвестиционного климата в целях развития приоритетных направлений.

Т.С. Хачатуров был организатором Научно-экономического общества (НЭО). Общество, объединившее в своих рядах 420 тыс. человек. Оно было создано в кратчайшие сроки – всего за 9 месяцев. В 1982 г. состоялся первый съезд НЭО, который избрал Т.С. Хачатурова президентом. В НЭО функционировало 11 научных секций по различным направлениям экономики. Т.С. Хачатуров возглавлял секцию экономики природопользования.

Т.С. Хачатуров пользовался известностью за рубежом. Его труды переведены более чем на 11 языков мира. Он являлся членом, а затем советником Исполнительного комитета Международной экономической ассоциации, был председателем Президиума Ассоциации советских экономических научных учреждений. В 1970 г. Т.С. Хачатуров был избран почетным членом Венгерской академии наук, в 1977 г. – почетным доктором польской Экономической академии им. О. Ланге.

Т.С. Хачатуров был награжден орденом Красной Звезды, орденом Октябрьской Революции, орденами Трудового Красного Знамени, а также медалями.

2009 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы Т.С. Хачатурова

1. Экономическая эффективность капитальных вложений в СССР. М.: Знание, 1958.
2. Транспортная система СССР. М.: Изд. ВПШ при ЦК КПСС, 1960.
3. Экономическая эффективность капитальных вложений. М.: Экономика, 1964.
4. Социалистическое расширенное воспроизводство. М.: Высшая школа, 1971.
5. Советская экономика на современном этапе. М.: Мысль, 1975.
6. Эффективность капитальных вложений. М.: Экономика, 1979.
7. Экономика природопользования. М.: Экономика, 1982.
8. Избранные труды. В 2-х тт. М.: ВЭО России, 1996.

Литература о Т.С. Хачатурове

1. Сенчагов В.К. Академик Хачатуров Т.С. // Академики — экономисты России. М.: Институт экономики РАН, 1999. С. 232–247.
2. Тигран Сергеевич Хачатуров. 1906–1989. Материалы к биобиблиографии ученых. Изд-е 3-е. М.: НАУКА, 2006.

**ХЕЙНМАН
СОЛОМОН АРОНОВИЧ
(1906—1994)**

Соломон Аронович Хейман родился в Киеве 30.12.1906 г. С 1923 по 1925 г. работал в Киеве в Губпрофсовете по проблемам статистики труда. С 1928 по 1938 г. работал в ЦСУ и Госплане СССР по вопросам экономики труда и промышленности. В 1931 г. окончил Московский Плановый институт, а в 1940 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1931 по 1938 г. занимал ответственные должности в ЦУНХУ

СССР, а в 1939 г. перешел на научную работу в Институт экономики АН СССР, где по 1941 г. работал старшим научным сотрудником. Уже к 1940 г. имел ряд печатных работ по проблемам экономики и статистики труда. Однако в 1941 г. был необоснованно репрессирован и только в 1954 г. был полностью реабилитирован.

С именем С.А. Хеймана связаны самые глубокие экономические исследования в области преобразования структуры народного хозяйства, совершенствования производства в важнейших отраслях отечественной промышленности, и прежде всего в машиностроении, специализации и кооперирования предприятий, ускорения НТП и многих других проблем, где он выступал как новатор.

С.А. Хейнман раскрыл экономическое содержание категории структуры народного хозяйства и ее основных аспектов, показал, как структура влияет на эффективность производства в целом в народном хозяйстве и в основных ее отраслях: в промышленности, в агропромышленном комплексе, в сфере услуг и пр. Широко пользуясь положительным зарубежным опытом, он показал взаимное влияние НТП на изменение структуры и воздействие более рациональной структуры на ускорение НТП.

Для характеристики эффективности структуры общественного производства, также как и эффективности конкретного производства на предприятиях, С.А. Хейнман широко использовал показатели ресурсоемкости, такие как материалоемкость, энергоемкость продукции, производительность труда и др.

Важным показателем структуры народного хозяйства и его важнейших отраслей он считал выход конечной продукции. Дело в том, что в советской промышленности было много предприятий-гигантов с многофункциональным назначением и с обширной сетью вспомогательных и подсобных производств. Все это уменьшало выход конечной продукции с единицы основных производственных фондов, снижало эффективность всего производства. В своих трудах и многочисленных докладах руководству страны и в научных дискуссиях С.А. Хейнман доказывал необходимость коренной перестройки структуры экономики и главных ее отраслей. В его трудах освещены четыре группы структурных проблем: общеметодологические и народнохозяйственные, проблемы функциональных элементов производства, проблемы крупных народнохозяйственных комплексов и структурные проблемы зарубежной экономики.

Еще одна важная проблема, с которой С.А. Хейнман выступал как новатор, это проблема малых предприятий и малого бизнеса. Несмотря на то, что в советской экономической литературе понятие «бизнес» имело отрицательное значение, С.А. Хейнман прекрасно понимал, что малые

предприятия могли бы разгрузить крупные от производства неэффективной или не свойственной их профилю продукции. Сравнения специализации отечественных предприятий с аналогичными по профилю зарубежными заводами показывало, что отечественные предприятия выпускали во много раз больше видов продукции, уступая зарубежным фирмам по качеству изделий и по затратам на их изготовление. Все это можно было переложить на малые предприятия, где общезаводские расходы гораздо ниже и они более мобильны по отношению к рынку. Причем все эти доказательства основывались на конкретных расчетах и примерах, т.к. С.А. Хейнман хорошо знал реальную экономику.

Теоретические исследования и практические рекомендации по реорганизации структуры народного хозяйства и повышению эффективности экономики С.А. Хейнмана были еще более глубокими, если бы он не потерял несколько лет своего активного творчества, находясь в заключении по фальсифицированному обвинению сталинских времен. Но эти мрачные годы не повлияли на его характер – человека, преодолевающего трудности, ищущего истину, трудолюбивого ученого, смелого и остроумного. В течение многих лет с конца 1960-х до 1990-х гг. прошлого века он возглавлял один из самых сильных творческих коллективов в Институте экономики АН СССР.

С.А. Хейнман является автором свыше 150 научных трудов и статей, в т.ч. 10 индивидуальных монографий. Ряд научных докладов С.А. Хейнмана рассматривались в директивных органах и Президиуме АН СССР и получили положительную оценку.

С.А. Хейнман награжден орденами Трудового Красного Знамени (1971 г.). Знаком почета (1976 г.), Октябрьской революции (1980 г.), медалью «За доблестный труд».

2005 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы С.А. Хейнмана

1. К вопросу о производительности труда в СССР. М., 1933.
2. Экономические проблемы организации промышленного производства. М.: Госполитиздат, 1961.
3. Проблемы классификации промышленного производства. М.: Экономика, 1968.
4. Проблемы развития российской экономики. Т. I. Тенденции и факторы развития материально-технической базы. М.: ИЭ РАН, 1997.

Литература о С.А. Хейнмане

5. Хейнман Соломон Аронович. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 342.

ЦАГОЛОВ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
(1904–1985)

Николай Александрович Цаголов – выдающийся советский теоретик-экономист, работал в Институте экономики АН СССР в течение двадцати лет (1939–1959 гг.), а с 1957 г. до конца жизни, в течение 27 лет, был заведующим кафедрой политической экономии экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Цаголов считается признанным классиком советской политической эконо-

номии, разработавшим оригинальную методологию системного изучения экономических явлений и теорию социализма, создателем нового направления в этой области. Он внес серьезный вклад в историю русской экономической мысли. Его докторская диссертация (1949 г.) была посвящена анализу экономических взглядов Н.Г. Чернышевского. Цаголов был также одним из авторов и редактором (вместе с А.И. Пашковым) двух книг второго тома подготовленной Институтом экономики АН СССР «Истории русской экономической мысли».

Написанный под его руководством оригинальный и фундаментальный учебник в двух томах «Курс политической

экономии» считается его главным вкладом в экономическую теорию. В течение четверти века «Курс...» был настольной книгой, по крайней мере ряда поколений учащейся молодежи и экономистов в СССР. Понятие «школа Цаголова» сделалось синонимом научной мысли самой высокой пробы.

Цаголов вышел из среды революционной интеллигенции начала XX в. Он родился 17 июля 1904 г. в селе Христиановское Северной Осетии. Это крупное, с населением в 10 тыс. человек, село (ныне г. Дигора) впоследствии стало одним из известных не только в Осетии, но далеко за ее пределами центров революционного движения и мысли. Отсюда вышли многие видные государственные, партийные деятели и представители творческой интеллигенции местного и общегосударственного масштаба. Одним из них и был Н. А. Цаголов.

Его отец, Александр Харитонович, был священником и вначале никак не был связан с революционным движением. В роли священника родного села его застала революция 1905 года. Впоследствии под влиянием обстоятельств он снял рясу, окончил юридический факультет Московского университета и занялся адвокатской практикой сначала во Владикавказе, а затем в Москве.

Во Владикавказе, где в начале прошлого века жили и другие известные представители цаголовского рода — адвокат Амурхан Харитонович, писатель и публицист Георгий Михайлович. Дом Цаголовых был центром интеллектуальной жизни города. Под гостеприимной кровлей известного во всем городе цаголовского дома собирались писатели, публицисты, адвокаты, художники, врачи, студенты и другие интеллектуалы, бурно обсуждавшие проблемы развития края и страны. В те предреволюционные и первые послереволюционные годы ребенком, подростком, студентом Н.А. Цаголов встречался здесь с множеством людей, игравших затем выдающуюся роль в годы революции, Гражданской войны и советского развития.

После окончания гимназии в 1920 г. Цаголов поступил во Владикавказский политехнический институт, а в 1922 г.

поехал в Москву и поступил на экономический факультет Плехановского института. По окончании института вернулся в родной город и некоторое время преподавал политическую экономию в педагогическом институте (ныне университет), а затем снова отправился в Москву и поступил в аспирантуру РАНИОНа (Российская ассоциация научных институтов по общественным наукам).

В истории советской экономической мысли этот период отмечен как ее звездный час. Осуществленные социально-экономические преобразования и относительная свобода, которой тогда пользовались ученые общественных наук, вызвали среди них небывалый творческий подъем. Это относилось и к экономической теории. На основе Марксовых схем воспроизводства, как известно, тогда был впервые составлен межотраслевой баланс, впоследствии за рубежом возродившийся под названием модели Леонтьева «input-output». В 1928 году Г.А. Фельдман выдвинул свою теорию экономического роста, а еще до того Е.А. Преображенский — теорию социалистического накопления. Тогда же с большим успехом выступали подававшие большие надежды талантливейшие философы и экономисты из знаменитой «школы Бухарина».

В те же годы дебютировал и 24-летний аспирант РАНИОН Н.А. Цаголов. В главном теоретическом органе того времени, журнале «Под знаменем марксизма», в 1929 и 1930 г. он выступил с публикацией по методологии политической экономии. Тем самым он выдвигался в ряд подающих надежды молодых экономистов того времени. Но его идеям суждено было пролежать без внимания и движения тридцать лет и только в период хрущевской оттепели лечь в основу написанного под руководством Н.А. Цаголова учебника МГУ.

В истории Советского Союза 1930-е годы отмечены следовавшими одна за другой волнами массовых репрессий и идеологических проработок. Под видом борьбы за чистоту марксизма-ленинизма в советской общественной мысли утверждались казенные стереотипы, не оставлявшие свободы для творческой инициативы и свободомыслия.

Выступивший с довольно абстрактной методологической идеей, тогда Цаголов не привлек особого внимания научной общественности. Широким вниманием пользовались более маститые новаторы экономической мысли. Но, выходя за узкие пределы казенных стереотипов, они вступали в конфликт с набравшей силу репрессивной машиной однопартийной диктатуры. Звезды советской экономической мысли начали подвергаться порке и один за другим исчезали с научной и общественной арены. Счастливым исключением стал В. Леонтьев, который спасся благодаря тому, что смог уехать за рубеж и в условиях американской свободы продолжить свои исследования. У репрессированного Г.А. Фельдмана тоже нашелся последователь в лице переехавшего в США одессита Евсея Домара, от которого на Западе стало известно о нем, а оттуда и нам. Таким образом, признание получили лишь попавшие на Запад научные идеи и открытия, остальных идей и их открывателей у себя на родине в лучшем случае ждало забвение, а в худшем — гибель.

В такой обстановке Н.А. Цаголов оказался перед выбором, который не раз приходилось делать многим ученым в несвободных обществах. Как он должен был поступить? Бежать за границу он не мог и не хотел. Тюрьмы и ссылки тоже хотел избежать. В то же время надо жить, работать и отстаивать свое понимание вещей. Но как? Приходилось идти на компромисс с обществом и ценой определенных уступок получить свободу в ограниченной сфере деятельности.

В то время защита диссертации не была обязательной, ученого ценили по опубликованным работам, а они у Цаголова были достаточно весомыми. Благодаря этому в 1930 г. он получил престижную для 25-летнего юноши должность заведующего кафедрой политической экономии в Воронежском плановом институте. Здесь же молодой ученый вскоре получил звание профессора.

Через два года он снова в Москве в должности научного сотрудника Института экономических исследований Госплана. Здесь он близко сошелся с А.И. Ноткиным, талант которого он

высоко ценил и с которым у него завязались тесные личные и творческие отношения. В те годы они совместно написали ряд интересных работ по вопросам планирования и экономического прогресса в СССР, одни из которых были опубликованы в журнале «Плановое хозяйство», а другие не могли увидеть света ввиду наложенного на них грифа секретности.

В те трагические годы массовые репрессии сопровождались крутыми реорганизациями, и в 1938 г. институт, в котором работал Н.А. Цаголов, был ликвидирован. Но он был приглашен на работу в экспертную группу Госплана, члены которой получили статус советников его нового председателя Н.А. Вознесенского. Пробыв в этой должности немногим более года, Цаголов перешел на работу в Институт экономики АН СССР и сосредоточился на научной и педагогической работе. В течение довоенных двух лет (1939–1941 гг.) Цаголов занимался актуальной тогда проблемой решения основной экономической задачи СССР – догнать США по уровню промышленного производства в расчете на душу населения. По этой проблеме он опубликовал ряд работ. Но вскоре работа была прервана начавшейся войной. В период Великой Отечественной войны Цаголов работал в Совете по изучению производительных сил, продолжая заниматься тематикой мобилизации ресурсов на нужды войны.

В послевоенные годы Цаголов, убежденный марксист и выходец из славной революционной семьи, предпочитал оставаться в стороне от бурных политических процессов и острых политико-экономических проблем. Чтобы оставаться в тени, пока было можно, не вступал и в Коммунистическую партию. В послевоенные годы он полностью переключился на проблематику истории экономической мысли, причем не западной, которой он занимался раньше, а русской.

С позиций классической и исторической школ в политической экономии Цаголов подверг глубокому анализу творческое наследие российских экономистов XIX в. в тесной связи с особенностями российского развития. На этой основе он показал сходство и различие российской ситуации по срав-

нению с положением в других странах. «Английские условия разложения феодализма и развития капитализма, — отмечал он, — не ставили перед Смитом вопроса о судьбе крестьянского хозяйства, ибо в результате того преобразования аграрного строя, которое происходило в Англии на протяжении ряда веков, фигура крестьянина была оттеснена фигурой фермера, а продолжавшиеся в XVIII в. огораживания завершили процесс ликвидации крестьянского хозяйства и становления типичного фермерско-капиталистического земледелия»¹. По этой причине Смит не рассматривает проблему перехода от помещичьего к капиталистическому хозяйству.

Западная политическая экономия не имела решения той проблемы, которая приобрела первостепенное значение в российской ситуации середины и второй половины XIX в. — судьбы самостоятельного крестьянского хозяйства. Она была в центре внимания Н.Г. Чернышевского. Цаголов проанализировал, как она решалась различными представителями российской экономической мысли в тот период. Под угрозой распространения крестьянских бунтов класс помещиков пошел на освобождение крестьян от крепостной зависимости и проведение реформы 1861 г. Но это, конечно, совсем не то, что сделала, например, революция 1789 г., принеся свободу французским крестьянам и открывшая перед ними путь свободного устройства или предпринимательства. Так называемое освобождение крестьян в России в 1861 г. было весьма условным и далеко не полным. Оно означало не создание свободного и самостоятельного земледельца, а прикрепление крестьян к земле кабальными условиями аренды, которые были разработаны и выполнялись к выгоде прежних собственников земли.

Такая аренда, как показал Цаголов, не могла привести к созданию свободного класса фермеров. В России крестьянская аренда стала формой сохранения полукрепостнических

1. Цаголов Н.А. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М.: Политиздат, 1956. С. 143.

отношений. По той же причине в России не приживались экономические отношения, выражаемые трехчленной формулой классов и распределения доходов. Борьба шла вокруг судьбы *свободного крестьянского хозяйства*. Встанет оно на путь капиталистического или иного развития? Хотя в России были и дворянские, и буржуазные либералы, но в отличие от западного либерализма они предлагали освобождение крестьян не по западной, а по российской модели, т.е. при первоочередном соблюдении интересов помещичьего класса.

В отличие от многих своих предшественников в советской литературе, которые сводили аграрно-крестьянскую проблему к выбору между «за» или «против» сохранения общины, Цаголов рассматривал роль общины под иным углом зрения: «Действительным центральным вопросом, вокруг которого разворачивалась классовая борьба в период падения крепостного права, был вопрос не о форме крестьянского землевладения, а об отношениях по земле между двумя основными классами — помещиками и крестьянами»².

Совершенно иным по сравнению с либеральным, как показал Цаголов, был подход к решению аграрно-крестьянского вопроса со стороны российской революционной демократии во главе с Н.Г. Чернышевским. Последняя считала, что капитализм не приносит крестьянству избавления от «язв пролетариата», а потому единственно приемлемым для крестьянства является прямой переход от феодализма к социализму, минуя капитализм. В этой связи вставал вопрос о роли русской *общины* в преобразовании крестьянства. Обречена она на разложение в ходе развития капитализма или может быть использована как основа перехода к социализму? По этому вопросу в описываемый Цаголовым период происходили бурные дискуссии. Как известно, в 1881 г. В.И. Засулич обращалась к Марксу с этим вопросом в своем известном письме, и в своем ответе тот

2. Цаголов Н.А. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М.: Политиздат, 1956. С. 142.

допустил такую вероятность при условии соединения русской революции с европейской.

Рассматривать же общину независимо от европейской революции в качестве самодостаточного зародыша социализма, а тем более формы социалистического преобразования крестьянства, как это делали революционные демократы, было утопией. Несмотря на это, утверждает Цаголов, именно они внесли самый большой вклад в разработку проблемы. «Но если социализм в крестьянской революции был утопией, — пишет он, — то демократические, антифеодальные задачи были схвачены в концепции Чернышевского с предельным реализмом. Именно революционная демократия, исповедовавшая социализм, оказалась способной последовательно развить теорию и программу антифеодальной революции, обеспечивающей наиболее чистые условия буржуазного развития»³. Иначе говоря, русские революционные демократы выступали в качестве двойников западных идеологов третьего сословия, выступавших за свободу, равенство и братство (теперь это называлось социализмом), открывая тем самым дорогу капиталистическому развитию.

Хотя эти и другие, уходящие в историю проблемы представляли чисто академический, а не злободневный политический интерес, но жить в обществе и быть свободным от него никому не удастся. Со временем щупальца жесткого идеологического контроля добрались и до историков мысли. Тучи не раз сгустились и над головой Н.А. Цагорова. Несмотря на свое, казалось бы, незаметное положение рядового сотрудника сектора истории экономической мысли, Цаголов не раз оказывался перед угрозой ареста. Но, к счастью, сия чаша его миновала.

До хрущевской оттепели Цаголов оставался в роли рядового сотрудника сектора истории экономической мысли в Институте экономики АН СССР. Лишь в 1957 г. в возрасте

3. Цаголов Н.А. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М.: Политиздат, 1956. С.148.

53 лет он был выдвинут на должность заведующего ведущей в СССР кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Здесь в полной мере развернулся его талант выдающегося мыслителя и организатора творческого коллектива, способного разрабатывать крупные научные проблемы. Цаголов всегда сочетал научную работу с педагогической и как лектор неизменно пользовался большой популярностью среди учащейся молодежи. Для его таланта новатора теоретической мысли и организатора учебного процесса Московский университет явился полем блестящего его применения. Благо обстановка, созданная XX съездом КПСС и критикой Сталина, открывали для этого хотя и ограниченные, но все-таки новые возможности, которых раньше не было.

Советская политическая экономия до Цаголова представляла собой довольно убогую учебную дисциплину, в особенности в той части, где трактовались проблемы социализма. Политическая экономия капитализма сводилась к тому, что было сказано в «Капитале» К. Маркса, и ее можно было изучать по этой работе, а также по множеству разъясняющих этот труд публикаций. Произведения же современных западных авторов в лучшем случае упоминались для критики и не были предметом позитивного изучения. Разумеется, при всем значении и богатстве идей и решений, данных в «Капитале», знание этого произведения было важным, но недостаточным для понимания современного капитализма. И все-таки по капитализму мы имели «Капитал» К. Маркса.

Что касается социалистического общества, в котором мы жили, то его экономика, знание которой нам было нужнее всего, оставалась за семью печатями. Никаких фундаментальных трудов по экономике социализма в условиях жесткого идеологического контроля и цензуры написать было невозможно, а то, что появлялось, затем подвергалось разносной критике со стороны завистников и услужливых писак.

Ненормальность этой ситуации очевидно со временем стала доходить до сознания И.В. Сталина, тем более что

он сам был ее создателем. Но Сталин не любил выпускать контроль из собственных рук. Поэтому он поручил видным экономистам того времени подготовить вариант учебника политической экономии, включающий раздел по социалистической экономике. Когда это было сделано, то в 1952 г. Сталин предложил обсудить его на специально созванном Всесоюзном совещании экономистов. Цаголов был в числе участников этого совещания, но и здесь также предпочел ничем особым не отличаться. Совещание продолжалось около месяца, и по его итогам Сталин подготовил и издал собственную работу под названием «Экономические проблемы социализма в СССР» (М.: Политиздат, 1952), где расставил все точки над «и». Данные в этой работе трактовки легли в основу окончательного варианта учебника, вышедшего в печати уже после смерти Сталина в 1954 г.

Учебник был первым опытом систематизированного изложения экономической теории социализма и в этом смысле представлял собой значительный шаг в развитии научных идей. Интерес к экономической теории, которая в нем излагалась в то время, был огромным. Его миллионные тиражи немедленно раскупались. Каждый экземпляр становился предметом внимательного изучения людьми в самых разных слоях общества. Учебник утолял искусственно созданный идеологическим контролем идейный голод. Этим ограниченным предназначением были предопределены его пороки, бедность научного содержания. Написанный в рамках сложившихся догм и стереотипов, он был нацелен на пропагандистские нужды сталинского времени и был далек от вставшей перед нами необходимости объективного понимания сложной и противоречивой советской действительности.

Цаголов отдавал должное тому, что удалось создателям первого учебника политической экономии. В нем, писал он, «по сути дела, осуществлен первый опыт создания системы политической экономии социализма, намечены ее границы, дана характеристика важнейших категорий». Тем не менее, он оставлял чувство большой неудовлетворенности. Догматизм

и декларативность, отсутствие в ней логики и аргументации, чем дальше, тем больше становились все более очевидными.

«Основные недостатки существующей системы политической экономии, — писал Цаголов, — обусловлены недостаточной связью теории с практикой социалистического и коммунистического строительства, сохранением элементов эмпирически-описательного подхода вместо поисков и вскрытия внутренних связей явлений. В значительной мере эти недостатки представляют наследие культа личности в политической экономии»⁴.

Преодолеть эти недостатки можно было путем разработки и применения продуктивной методологии научного анализа. Эмпирически-описательному методу, когда экономические явления излагаются хаотично и декларативно, без связи между собой, предстояло противопоставить методологию системного анализа, который вскроет и покажет внутренние связи этих явлений между собой. Для этого, говорил Цаголов, нужна такая методология, которая бы освободила политическую экономию от сталинских догм и других идеологических трафаретов, в соответствии с которыми был построен прежний курс.

При этом последовательность изложения экономических проблем в курсе — это не столько методическая, сколько принципиально важная методологическая задача, поскольку она может помочь установить логические связи между экономическими явлениями. Курс надо строить, говорил он, не в соответствии с тем, как «принято» и стало традицией, а в виде научной системы. «Только в системе, — доказывал он, — по-настоящему познаются сущность, место, роль и тенденции развития каждого производственного отношения и создается научная основа сознательного воздействия на него». Научный характер политической экономии, утверждал Цаголов, достигается путем *системного* изложения курса. «Даже в том случае, — писал он, — если все элементы системы

4. Курс политической экономии. Т. 1. М.: Экономиздат, 1963. С. XVIII.

уже имеются в науке, создание системы само по себе представляет значительный шаг вперед; не может быть подлинной науки без системы»⁵.

Образцом системного изложения отражающих экономическую реальность категорий Н.А. Цаголов считал «Капитал» К. Маркса и дал собственную трактовку Марксовой методологии. Во множестве устных и печатных выступлений он еще в 1930 г. дал неизвестную до этого интерпретацию методологии «Капитала», на которую тогда мало кто обратил внимание. Из «Науки логики» Гегеля, разъяснял Цаголов уже позднее, Маркс взял *метод восхождения от абстрактного к конкретному* и применил его в «Капитале» к анализу капитализма. Суть его состоит в предварительном расчленении целого на части (разложения на элементы) с тем, чтобы затем, синтезируя свойства экономических явлений, логически последовательно двигаться от одной ступени анализа к другой.

Понятия денег, рабочей силы и капитала, цены производства, прибыли, кредита и т.д. содержат черты товарного (рыночного) отношения, являются модификациями последнего, но к нему не сводятся. Каждая последующая категория оказывается богаче предыдущей. Более того, новая категория объясняет новое явление в такой форме, в которой происходит разрешение противоречий явления, породившего последнее. Вся система научных понятий, объяснял Цаголов, выстраивается в многоступенчатую лестницу восхождения от простого к сложному, от исходного к производному.

Только субординация между экономическими явлениями, утверждал Цаголов, способна вскрыть внутренние связи, которые существуют в каждой экономической системе. «Вскрытие внутренних связей и явлений, — писал он, — и есть способ раскрытия сущности, открытие законов экономической жизни. Решение этой задачи требует выяснения соподчинения явлений, определения исходных и производных

5. Вопросы методологии и системы политической экономии. М.: Изд-во МГУ. 1982. С. 164, 165.

отношений, глубинных и поверхностных категорий»⁶. В соответствии с таким походом в Марксовом анализе капитализма он разграничивал три группы экономических отношений и категорий.

Исходное отношение — товар и заключенная в нем стоимость, представляющие собой логическую и историческую предпосылку последующего анализа.

Основное отношение — капитал и заключенные в нем отношения труда и капитала, выражаемые законом прибавочной стоимости как основным мотивом хозяйственной деятельности.

Производные отношения, представляющие собой многообразные конкретные формы проявления основного отношения. То обстоятельство, что известная группа отношений является формой проявления основного, уточнял он свое понимание, не делает их менее значимыми, как не исключает их обратного воздействия на то, что признается в качестве основного. В частности, большая группа отношений, названных производными, сама размещается по этажам теоретического анализа по тем же правилам логической зависимости, т.е. движения от более абстрактных проблем к более конкретным.

Введение иерархии, субординации понятий позволяет содержательно, в рамках единой и взаимосвязанной системы объяснять, как невидимая сущность явления связана с теми его проявлениями, которые находятся на видимой стороне экономической жизни.

Предлагая таким же образом создавать политическую экономию социализма, Цаголов выступал новатором в этой науке. До него вопрос подобным образом не ставился ни у нас, ни за рубежом. В учебниках «экономикс» из методологии берется лишь принцип разграничения позитивного и нормативного. Проблема верификации и фальсификации рабочих гипотез, рассматриваемая в работах западных авторов, конечно же, важна, но, как нам кажется, не в качестве аль-

6. Курс политической экономии. Т. 1. М.: Экономиздат, 1963. С. XVIII.

тернативы системно-логическому методу познания. Цаголов же использовал эту методологию для воспроизведения всей совокупности экономических отношений в виде единой *логически взаимосвязанной системы законов и категорий*.

В современной западной литературе можно заметить некоторое подобие цаголовской методологии. Например, понятие «стилизированных фактов» Н. Калдора, как нечто наиболее устойчивое в конкретном имеет явное сходство с тем, как Цаголов определяет абстрактное. Но у Цагорова речь идет не только о выделении отдельной абстрактной категории, а о создании *системы* категорий, развиваемых по принципу движения от абстрактного к конкретному.

Конечно, методология Цагорова тоже не была лишена, по крайней мере, двух существенных недостатков. Во-первых, страдала слишком общим подходом и не была доведена до нужной степени конкретности. Связь методологических принципов с экономико-математическими моделями сделала бы ее более действенным инструментом экономического анализа. Во-вторых, она разрабатывалась в условиях нашей изоляции от остального мира и не испытала благотворного воздействия позитивных достижений западной экономической мысли.

Несмотря на это она позволила значительно продвинуться в трактовке многих проблем. Прежде всего, это относилось к проблеме собственности. Согласно одной из сталинских догм все экономические явления у нас рассматривались как неизменно положительные, потому что их природа, мол, определялась общественной собственностью, а негативность явлений капитализма предопределена порочностью частной собственности. По этой причине изложение проблем социалистической экономики в учебниках обычно начиналось с освещения социалистической собственности как основы всего остального.

Краеугольным камнем создания системы законов и категорий социализма и установления логических связей между ними стало выделение *исходной категории*, содержащей

в себе логический код социализма. Таким Цаголов считал планомерность экономики. Она и была положена им в основу созданного под его руководства курса политической экономики социализма.

Это положение, как и разработанная на его основе логическая система рассмотрения экономических проблем социализма, вызвала оживленную дискуссию в советской литературе 1960-х и 1970-х гг., в ходе которой Цаголов и его школа уточняли свои представления и формулировки. Но неизменной оставалась убежденность в том, что именно из планомерности, а не из другого исходного материала соткан социализм, подобно тому, как из товарности (рыночных отношений), а не из чего-либо другого, соткан капитализм. Это значит, что все остальные экономические проблемы (категории) по определенной логической системе выводятся из планомерности и находятся под ее постоянным воздействием.

Даже товарные (рыночные) отношения, которые имели относительную самостоятельность, рассматривались Цаговым в системе планомерного хозяйства. Их независимое от плана существование Цаголов считал несовместимым с социализмом. Эта трактовка также породила немало споров относительно того, насколько и каким образом их использовать не для обогащения одних за счет других, а в целях повышения эффективности экономики и благосостояния всего населения.

Цаголов не дожил до времени осуществления нынешних рыночных реформ и не увидел, к какой имущественной и социальной дифференциации, противоречиям и конфликтам они привели. Но об его отношении к таким реформам гадать не приходится. Цаголов не был эгалитаристом, и известные различия в положении людей и получаемых доходов он признавал в качестве необходимости. Но как сторонник марксистского социализма, он был противником как бюрократических привилегий, так и создаваемого частной собственностью имущественного неравенства. Он не считал советский социализм совершенным, видел его язвы и сам

страдал от бесправия рядового человека. Тем не менее введенную впервые в СССР практику планового хозяйства с полной занятостью всего трудоспособного населения при всех его недостатках считал величайшим достижением мирового прогресса.

Этим определялся его подход к острой в современной России проблеме эффективности инвестиций. Концентрацию основной части инвестиций в руках государства и их использование в его стратегических целях и обеспечения макроэкономического равновесия Цаголов считал благом, не имеющим альтернативы. Связь между объемом инвестиций (капитальных вложений, в советской терминологии) и уровнем занятости (отсутствием безработицы, в советской терминологии) в концепции Цагорова с некоторыми оговорками может быть объяснена в кейнсианских понятиях эффективного спроса, если принять государство в качестве основного субъекта, осуществляющего инвестиции.

Современная Россия далеко ушла от того, чтобы ставить задачу обеспечить полную занятость населения. Осуществленные на основе неоклассических постулатов реформы привели к полной деградации российской экономики, и проблемы занятости и эффективности инвестиций отошли на задний план. Вместо гибкости заработной платы у нас произошло ее снижение, и к нам вернулась забытая в советский период безработица, масштабы которой принимают все более угрожающий характер.

2009 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы Н.А. Цаголова

1. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М.: Политиздат, 1956.
2. История русской экономической мысли. Т. 1. Эпоха феодализма. Ч. 2. 1800–1861 гг. / Под ред. А.И. Пашкова. М.: Соцэкгиз, 1958. (В соавторстве.)
3. Закон стоимости и его роль при социализме. Сб. ст. / Под ред. Н.А. Цаголова. М.: Госполитиздат, 1959.
4. Курс политической экономии. В 2-х томах. М.: Экономиздат, 1963.
5. Актуальные вопросы методологии политической экономии / Под ред. Н.А. Цаголова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964.
6. Метод «Капитала» и вопросы политической экономии социализма / Под ред. Н.А. Цаголова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968.
7. Вопросы методологии и системы политической экономии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
8. Вопросы теории производственных отношений социализма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

Литература о Н.А. Цаголове

1. Дзарасов С.С., Меньшиков С.М., Попов Г.Х. Судьба политической экономии. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.
2. О творческом наследии Н.А. Цаголова. К 100-летию со дня рождения / Под ред. К.А. Хубиева. М.: Экономфак МГУ, ТЕИС, 2004.
3. Судьба политической экономии. Материалы круглого стола. М.: ИЭ РАН, 2005.

**ШЕПИЛОВ
ДМИТРИЙ ТРОФИМОВИЧ
(1905–1993)**

Дмитрий Трофимович Шепилов — экономист, государственный и партийный деятель. Участвовал в написании текста «Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС». Автор ряда глав и организатор научной работы по подготовке учебника политической экономии, вышедшего в 1954 г. Исследовал отношения собственности в аграрной сфере.

Родился 5 ноября 1905 г. в Ашхабаде в семье железнодорожного слесаря. В 1922 г. поступил на судебное отделение факультета советского права 1-го Московского университета (МГУ). После его окончания, в 1926 г., работал прокурором в Якутске и в Смоленске — в народной инспекции, вступил в ВКП (б). В 1931 г. поступил и в 1933 г. закончил Аграрный институт красной профессуры (ИКП). До 1935 г. работал начальником политотдела крупного животноводческого совхоза в Западной Сибири. После преобразования политотделов был назначен заместителем заведующего сектором науки сельхозотдела ЦК ВКП (б).

В 1937 г. был снят с работы в ЦК и перешел на работу в Институт экономики АН СССР на должность ученого

секретаря. Преподавал политическую экономию в вузах Москвы и в Высшей партийной школе, был научным редактором Большой советской энциклопедии. Доктор экономических наук, профессор.

В июле 1941 г. ушел добровольцем на фронт. В 1941–1942 гг. возглавлял политотделы Московского ополчения, в 1942–1943 гг. – 24 армии, в 1944–1946 гг. – 4-й Гвардейской армии. С 1946 г. – заместитель начальника управления пропаганды и агитации Главного политуправления Вооруженных сил. Войну закончил генерал-майором. В 1946–1947 гг. – редактор газеты «Правда». С 1947 г. – 1-й заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), заведующий отделом.

В 1949 г., после «дела Вознесенского», отстранен от работы и более полугодом оставался безработным. С 1950 г. – инспектор ЦК, в 1950–1958 гг. – депутат Верховного Совета СССР. В 1952–1956 гг. – главный редактор газеты «Правда» и член ЦК КПСС. В 1953 г. избран членом-корреспондентом АН СССР. С июля до декабря 1956 г. и с февраля до июня 1957 г. – секретарь ЦК КПСС. С июня 1956 г. до февраля 1957 г. – министр иностранных дел, кандидат в члены Президиума ЦК КПСС.

На июньском 1957 г. Пленуме ЦК КПСС, ни к кому не примыкая, выступил против волюнтаризма и безграмотности Н.С. Хрущева, за что был сослан в политическую ссылку в Киргизию. В 1957–1960 гг. – директор, а затем заместитель директора Института экономики АН Киргизской ССР. В 1960 г. лишен звания члена-корреспондента АН СССР. В 1960–1982 гг. – сотрудник научно-издательского отдела исторических документов Главного архивного управления при Совете министров СССР. В феврале 1962 г. исключен из членов КПСС, в 1976 – восстановлен. В 1982 г. вышел на пенсию. В 1991 г. восстановлен в звании члена-корреспондента АН СССР (РАН). Скончался 18 августа 1995 г.

В 1950 г. был привлечен И.В. Сталиным для создания авторского коллектива и организации работы по подго-

товке учебника политической экономии. Сам Д.Т. Шепилов работу над учебником политической экономии считал важнейшей вехой в своей судьбе, называл это событием, которое изменило всю его последующую жизнь. В своей книге «Непримкнувший», опубликованной после смерти автора, Д.Т. Шепилов рассказал о том, как была организована и шла работа над учебником политической экономии.

Эта работа велась и в 1930-е годы. К началу 1950-х годов изучение политической экономии в учебных заведениях страны находилось в крайне сложном положении. Вышедший в 1937 г. «Краткий курс» истории партии по существу вытеснил преподавание политической экономии во многих вузах. Аспирантура по политической экономии сохранилась только в Институте красной профессуры. Учебники по политической экономии не издавались. Массовый учебник И. Липидуса и К. Островитянова, написанный еще до войны и выдержавший 7 изданий, не рассматривал проблемы политической экономии социализма. В учебных заведениях читались небольшие курсы «Экономической политики» или «Теории советского хозяйства», носившие преимущественно описательный характер. Единственным пособием по политической экономии, издававшимся после войны, были стенограммы лекций, читавшиеся в Москве в Высшей партийной школе. Они издавались ограниченным тиражом и были недоступны для преподавателей на местах.

В 1940 г. Л.А. Леонтьевым был подготовлен вариант макета учебника политической экономии. По указанию Сталина была создана комиссия Политбюро ЦК для оценки данного макета. 29 января 1941 г. у Сталина состоялась беседа об учебнике политической экономии. Л.А. Леонтьеву были высказаны замечания. Однако война прервала работу над учебником.

К началу 1950-го года Л.А. Леонтьев подготовил очередной вариант учебника. Однако Сталина и он не удовлетворил. Была создана комиссия под руководством Г.М. Маленкова, которой поручалось доработка учебника. Она представила

два варианта, не очень существенно отличающиеся друг от друга. Эти варианты разослали на отзыв ряду экономистов. Определенные доработки были в учебник внесены, но Сталин был неудовлетворен результатами работы и задумал работу над новым учебником. Группе ученых-экономистов было поручено написать учебник. В группу вошли К.В. Островитянов, П.Ф. Юдин, Д.Т. Шепилов, Л.А. Леонтьев, И.Д. Лаптев, А.И. Пашков, которые в течение года писали учебник, согласовывая со Сталиным не только его план и программу работы, но и спорные моменты и отдельные главы.

Работа началась в мае 1950 г. Отдельные тексты И.В. Сталин, по свидетельству Д.Т. Шепилова, написал сам (о предмете политической экономии, о рабовладельческом способе производства и другие). Введение и три главы из сорока двух отредактировал. Через год работа была завершена, создан новый макет учебника, и его текст представлен в Политбюро ЦК.

В ноябре 1951 г. началась Всесоюзная экономическая дискуссия в связи с разосланным проектом учебника политической экономии. Подавляющее большинство участников дискуссии одобрило подготовленный макет учебника, но каждый вносил поправки, давал советы, делал замечания. На основе анализа материалов дискуссии, проведенного авторским коллективом, Сталину были посланы: 1) предложения по улучшению проекта учебника; 2) предложения по устранению ошибок и неточностей; 3) справка о спорных вопросах. По итогам дискуссии Сталин обратился к участникам экономической дискуссии с «Замечаниями по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 г.», затем составившими его работу «Экономические проблемы социализма в СССР».

15 февраля 1952 г. в Кремле состоялось широкое совещание, в котором приняли участие члены Политбюро ЦК, авторы учебника и наиболее видные экономисты страны. На совещании присутствовал Сталин. По итогам дискуссии работа была продлена еще на год с тем, чтобы учесть ее результаты и,

конечно же, замечания Сталина. Учебник «Политическая экономика» в окончательном варианте был опубликован в 1954 г. К нему было много претензий. Принципиальная критика ряда позиций учебника высказывалась и в ходе дискуссии.

При всей неоднозначности его оценок в литературе признается следующее. Во-первых, это был первый целостный учебник по политической экономии, без которого трудно представить себе экономическое образование в огромной стране. Во-вторых, экономическая дискуссия, развернувшаяся в связи с подготовкой учебника показала разброс и многообразие позиций по различным проблемам, как проводившейся хозяйственной политики, так и по теоретическим проблемам политической экономии. Она продемонстрировала также не только влияние И.В. Сталина на экономическую мысль, но и вполне самостоятельные подходы участников дискуссии ко многим проблемам. Можно утверждать, что именно эта дискуссия положила начало различным направлениям, сформировавшимся в экономической науке в последующем. Прежде всего, можно говорить о начале формирования в ней именно тогда рыночного направления. В-третьих, дискуссия еще раз продемонстрировала особенности методологии советского обществоведения, когда подчинение научной мысли действующей идеологии является ее неизменным атрибутом, а диктат личности, так же как и диктат партии (отнодь не научной организации), продолжают оставаться главными двигателями официальной науки.

2005 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы Д.Т. Шепилова

1. Алкоголизм и преступность. М.: Изд-е НКВД СССР, 1930.
2. Общественное и личное в колхозах. М.: Госполитиздат, 1939.
3. Социалистическая собственность колхозного строя. Сталинград, 1939.
4. Социалистическая колхозная собственность. М.: Политиздат, 1940.
5. Непримкнувший. М.: Вагриус, 2001.

Литература о Д.Т. Шепилове

1. *Абалкин Л.И.* Он не мог по-другому // *Абалкин Л.И.* Спасти Россию. М.: ИЭ РАН, 1999. С. 224–233.
2. *Залесский К.А.* Шепилов Д.Т. // *Залесский К.А.* Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000.
3. *Косырев Д.* Советский Кеннеди. Загадка по имени Дмитрий Шепилов. М.: Бослен, 2017.
4. *Кузнецова Т.Е.* «И примкнувший к ним..» – непримкнувший (к 00-летию со дня рождения Дмитрия Трофимовича Шепилова). М.: ИЭ РАН, 2005.
5. *Толчанова Т., Биро Г.* Дмитрий Шепилов – Гражданин, Человек, Ученый, Дипломат, Воин // *Обозреватель.* 1998. № 9.
6. *Чуев Ф. Каганович.* Шепилов. М.: Олма-Пресс, 2001.
7. *Зеньковича Н.А.* Шепилов Дмитрий Трофимович. Самые закрытые люди. Энциклопедия биографий. М.: Олма-Пресс Звездный мир, 2004. Изд. 2-е, испр. и доп.

**ШМЕЛЕВ
ГЕЛИЙ ИВАНОВИЧ
(1927–2004)**

Гелий Иванович Шмелев родился 11 июня 1927 г. в селе Руднево Пронского района Рязанской области. В 1951 г. закончил Ростовский государственный университет. В течение ряда лет преподавал политэкономия в вузах Ростова-на-Дону, города зерноград Ростовской области, Липецка, Москвы. С 1972 г. работал старшим научным

сотрудником в Институте экономики АН СССР, зав. сектором аграрных проблем в Институте мировой социалистической системы АН СССР (переименованный в годы перестройки в Институт международных экономических и политических проблем РАН). С 1998 г. по 2004 г. был главным научным сотрудником Института экономики РАН. Доктор экономических наук (с 1972 г.), профессор (с 1987 г.), член-корреспондент РАН (с 1990 г.) и РАСХН (с 1988 г.). Монография «Сельскохозяйственная кооперация: теория, мировой опыт, проблемы возрождения в России» (М., Наука, 1997), соавтором которой был Г.И. Шмелев, награждена премией РАН имени А.В. Чаянова (1999 г.). За выдающиеся достижения в развитии аграрной теории и практики Г.И. Шмелев был награжден медалью имени Н.И. Вавилова Российской академии естественных наук (2002 г.). Умер 13 января 2004 г.

Г.И. Шмелев, выдающийся экономист-аграрник второй половины XX века, опубликовал свыше 450 научных работ по вопросам политэкономии, аграрной теории и истории, экономики сельского хозяйства, в том числе 9 монографий и 23 брошюры, а также печатал публицистические очерки в журналах «Октябрь» и некоторых других. Ряд его работ переведен на иностранные языки. Он многие годы своей научной деятельности посвятил исследованиям земельных отношений, личных подсобных хозяйств, кооперации, истории и социологии аграрного сектора, церковных и монастырских хозяйств.

Г.И. Шмелев был широко известен как в среде российских ученых-аграрников, так и за рубежом. В круг его научных интересов входили не только экономические, но исторические, юридические и философские проблемы нашей страны и других стран Запада и Востока. Он внес весомый вклад в подготовку научных кадров России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Г.И. Шмелев известен как ученый, который в середине 60-х годов XX века открыл научную дискуссию по проблемам абсолютной ренты. Она началась после публикации его статьи «Современный капитализм и абсолютная рента» в журнале «Мировая экономика и международные отношения» (1966, № 1), где Шмелев научно доказал, что уже во второй половине XX века не существовало условий для образования абсолютной ренты, так как органическое строение капитала в сельском хозяйстве развитых капиталистических стран было нередко выше, чем в ведущих отраслях промышленности, и в этих случаях, следовательно, был выше уровень технической вооруженности сельскохозяйственного труда. Земельная собственность, по его мнению, не является барьером на пути проникновения капитала в сельское хозяйство. Кроме того, он подчеркивал, что в аграрной сфере в целом нет излишка над средней прибылью, именуемой Марксом абсолютной рентой. «Наконец, почти полностью исчез из социально-экономической структуры развитых капиталистических стран крупный земельный собственник феодального

и полуфеодалного типа, – бесполезный, и более того, вредный «нарост на общественном теле», облагающий общество данью, которой, по мысли Маркса, и являлась абсолютная рента». К теории об абсолютной и дифференциальной ренты Шмелев возвращается и в других своих работах, особенно в период перестройки в сельском хозяйстве в конце 1980-х и в начале 1990-х годов.

В аграрную теорию и практику Г.И. Шмелев вошел и как исследователь личных подсобных хозяйств, индивидуальных и семейных аграрных хозяйств. Защита его докторской диссертации в Институте экономики АН СССР (1970 г.) на тему «Экономика личных подсобных хозяйств» получила широкую известность из-за острых дискуссий между прогрессивными учеными советского периода и догматичными последователями марксистско-ленинской теории по вопросам развития аграрного сектора. Преодолевая неприятие властей, благодаря исключительной достоверности анализируемых данных и обоснованности выводов, Шмелеву удалось убеждать общественность в правоте своих предложений по развитию ЛПХ, а в дальнейшем – и по реформе аграрных отношений 1980–1990-х гг.

Г.И. Шмелев в своих научных исследованиях при рассмотрении проблем малого аграрного производства не ограничивался анализом положения в личных подсобных хозяйствах, изучая также особенности хозяйствования в садовых товариществах и в др. мелких формах. Он считал, что малое аграрное производство играет большую роль в смягчении сельской безработицы, способствует лучшему решению многих социальных проблем и проблем продовольственного обеспечения общества. Занимаясь проблемами семейных крестьянских и фермерских хозяйств, он естественно переходил к вопросам их кооперирования и внес заметный вклад в теорию кооперации и интеграции.

В последний период деятельности у Шмелева появляются некоторые мотивы религиозной проблематики, связанные с изучением истории религиозных общин и харак-

тера деятельности монастырских хозяйств. Он отмечает особенности их хозяйственной организации, основанные на стимулах религиозного верования и общих идеях единомышленников – работников монастырей и др. конфессиональных хозяйств.

Читая работы Г.И. Шмелева, чувствуется боль автора, его ответственность за положение российского крестьянства. Он пытался найти правильные, отвечающие задачам развития гражданского общества в стране, подходы к решению проблем села.

2009 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы Г.И. Шмелева

1. Распределение и использование труда в колхозах. М.: Мысль, 1964.
2. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М.: Мысль, 1971.
3. Современный капитализм и абсолютная рента // Мировая экономика и международные отношения. 1966. № 1.
4. К вопросу об абсолютной ренте // Известия АН СССР. Серия: экономическая. 1974.
5. Сотрудничество стран-членов СЭВ в сельском хозяйстве. М.: Экономика, 1976. (В соавторстве с В.Н. Стародубровской, С.К. Орловской и др.)
6. Социально-экономические проблемы развития сельского хозяйства европейских социалистических стран. М.: Наука, 1977. (В соавторстве с В.Н. Стародубровской и др.)
7. Личное подсобное хозяйство тружеников села. М.: Профиздат, 1978.
8. Личное подсобное хозяйство: возможности и перспективы. М.: Политиздат, 1983.
9. Аграрные отношения в странах социализма. М.: Наука, 1984. (В соавторстве с В.Н. Стародубровской, Б.Е. Фрумкинским и др.)
10. Личное подсобное хозяйство при социализме. М.: Прогресс, 1986. (На англ. яз.)
11. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М.: Наука, 2000.

12. Производство сельскохозяйственных продуктов населением России. М.: Academia, 2002.
13. Церковь, общество, государство и экономика // Россия и современный мир. 2003. № 2.

Литература о Г.И. Шмелеве

1. Теоретическое наследие аграрников-экономистов 50–80-х годов и современная реформа в сельском хозяйстве. Люди, идеи, факты. М.: Academia, 2000. С 167.
2. Основные проблемы аграрной теории и практики. М.: ИЭ РАН, 2004.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 8 (812) 273 50 53	«ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ» (с 10:00 до 22:00) www.podpisnie.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 8 (911) 977 40 47	«ВСЕ СВОБОДНЫ» (с 12:00 до 22:00) www.vse-svobodny.com
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Санкт-Петербург, Невский пр., 66 8 (812) 640 44 06	«КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ» (с 10:00 до 22:00) www.lavkapisateley.spb.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00	«СЛОВО» (с 11:00 до 20:00) www.slovo.net.ru
ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР Санкт-Петербург, Невский пр., 177 8 (812) 643 77 43	САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ «НЕВСКИЙ, 177» (с 10:00 до 20:00) www.vk.com/dpcspb
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17	«МОСКВА» (с 09:00 до 24:00) www.moscowbooks.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, Малый Гнездииковский пер., 12/27 8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21	«ФАЛАНСТЕР» (с 11:00 до 20:00) www.falanster.su
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, Пятницкий пер., 8 8 (495) 951 19 02	«ЦИОЛКОВСКИЙ» (с 11:00 до 22:00) www.primuzee.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, ул. Мясницкая, 20 8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60	«БУКВЫШКА» (пн.–пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00) www.bookshop.hse.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1	«БИБЛИО-ГЛОБУС» (пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00) www.biblio-globus.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, ул. Чайнова, 15 8 (495) 250-65-46	«У КЕНТАВРА» (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00) www.rsuh.ru/kentavr
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Минск, ул. Казинца, 123, оф. 4 +375 17 338 95 23	«ЭПОСЕРВИС» www.tregross.com
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Киев, Вербовая ул., 8 +375 17 338 95 23	«КНИЖНЫЙ БУМ» (вт.–вс. с 11:00 до 17:30) www.academbook.com.ua
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Ptasia 4, 00-138 Warszawa +38 067 273-50-10	при «Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego w Warszawie» www.jezykrosyjski.com.pl
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Kr. Varona iela 45/47, Rīga +371 67315727	«Intelektuāla grāmata» (пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00) www.merion.lv

ЭЛЕКТРОННЫЕ КНИГИ:

ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru ЛИТРЕС www.litres.ru

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЫ:

www.ozon.ru www.my-shop.ru www.esterum.com www.academbook.com.ua
www.bookvoed.ru www.nkbooksellers.com www.chitai-gorod.ru www.moscowbooks.ru

Научное издание
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В ЛИЦАХ
Сборник

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Дизайн серии *В. Е. Валериус*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция: тел. (812) 577-48-72, e-mail: aletheia92@mail.ru,
191015, г. Санкт-Петербург, ул. 9-ая Советская, д. 4, офис 304

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Диолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Киеве:
«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:
«Трегросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Варшаве:
«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl
в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kr.Barona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 70x100¹/₁₆. Усл. печ. л. 35. Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Заказ №